

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА им. В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 1 (67). № 2

Журнал «Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки» является историческим правопреемником журнала «Ученые записки Таврического университета», который издается с 1918 г.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
Симферополь, 2015

**Печатается по решению Ученого совета Крымского федерального
университета им. В. И. Вернадского, протокол № 9 от 3 августа 2015 г.**

**Редакционный совет журнала
«Ученые записки Крымского федерального университета
имени В. И. Вернадского. Юридические науки»:**

Ротань Владимир Гаврилович, д.ю.н., проф. (главный редактор)
Змерзлый Борис Владимирович, д.ю.н, д.и.н., проф. (выпускающий редактор)
Рассказов Леонид Павлович, д.ю.н, д.и.н., проф.
Камышанский Владимир Павлович, д.ю.н., проф.
Ротань Владимир Гаврилович, д.ю.н., проф.
Гармаев Юрий Петрович, д.ю.н., проф.
Чеботарева Галина Валентиновна, д.ю.н., проф.
Коноплев Вячеслав Вячеславович, д.ю.н., проф.
Таран Павел Евгеньевич, к.ю.н., к.ф.н., доц.
Донская Людмила Дмитриевна, к.ю.н., доц.
Михайлов Михаил Анатольевич, к.ю.н., доц.
Бугаев Валерий Александрович, к.ю.н., доц.
Шармоянц Артур Норайрович, к.ю.н., доц.
Елькин Сергей Владимирович, к.ю.н., доц.

Подписано в печать 26.11.2015. Формат 70х100 1/16
30 усл. п.л. Тираж 500. Заказ № НП/3
Отпечатано в издательском отделе КФУ имени В. И. Вернадского
295007, Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4

**ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ
УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ.
КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО**

УДК 342.711

**К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ ИНСТИТУТЕ ГРАЖДАНСТВА В
ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКЕ ГЕРМАНИИ**

Адельсеитова А. Б.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье исследуется институт гражданства в Федеративной Республике Германии. Автор анализирует Основной закон, законодательство о гражданстве, вопросы двойного гражданства в ФРГ. Рассматриваются особенности возникновения гражданства, порядка принятия в гражданство, особенности натурализации, условий приема в гражданство ФРГ. Формулируются выводы относительно реализации своих прав гражданами, имеющими двойное гражданство. Подробно исследуется ряд исключений, при которых гражданство Германии сохраняется и при приобретении другого гражданства. Поднимаются вопросы предоставления гражданства иностранным гражданам. Анализируя законодательство ФРГ о гражданстве, в котором регламентируется принцип единого гражданства, автор ставит под сомнение необходимость декларации принципа единого гражданства, так как реализация данного принципа не является безупречной, ввиду существования ряда исключений, закрепленных законодательно. ФРГ является участником ряда международных соглашений по вопросам регулирования гражданства. Подчеркивается, что на реализацию норм германского законодательства в области института гражданства влияют также и нормы международного права, принятые в рамках ООН, ЕС.

Ключевые слова: правовой институт, гражданство, ФРГ, законодательство, двойное гражданство

На современном этапе развития общества в условиях интернационализации мирового хозяйства существует проблема миграции населения, которая приводит к притоку иммигрантов. Быстрыми темпами растет население стран с высоким уровнем жизни. В частности, это касается и Федеративной Республики Германии, в которой динамично и эффективно развивается экономика. ФРГ является второй в мире страной по популярности иммиграции после США [1]. Передвижения иммигрантов – индивидуальные и групповые, браки, заключаемые между гражданами различных государств, постоянно порождают проблемы приобретения и изменения гражданства.

Современное законодательство ФРГ о гражданстве и иммиграции, судебная практика находятся в процессе постоянного совершенствования. Некоторая часть практических вопросов, связанных с определением гражданства, разрешается с помощью норм международного права (в соответствии с договорами, заключаемыми между государствами). В условиях современной геополитики необходимо своевременное регулирование вопросов, которое возможно только при условии создания эффективных правовых механизмов, в том числе и по вопросам предоставления статуса гражданина.

В последние годы в ряде европейских стран, в том числе и ФРГ, произошло усиление иммиграционного законодательства и вызвало ухудшение статуса иммигрантов. Вместе с тем у многих людей возникает правовое состояние двойного

гражданства либо безгражданства, которое создает трудности в решении некоторых вопросов.

Целью данной статьи является рассмотрение современного состояния законодательной базы ФРГ, выявление и анализ проблем института гражданства в законодательстве.

Приобретение гражданства создает права и обязанности для лица не только на территории данного государства, но и за рубежом. Практически в каждом государстве проживает немало людей, которые не являются гражданами данного государства, но пользуются определенными гражданскими правами. Однако в полном объеме гражданскими правами, и, следовательно, правовой защитой своих прав обладают лица, имеющие законно оформленное гражданство.

В немецком языке понятие гражданство обозначается терминами «Staatsangehörigkeit» (буквально – «государственная принадлежность») и «Bürgerschaft» (буквально – «гражданство») [2]. Немецкое законодательство о гражданстве состоит из Основного закона (Конституции) Германии, федерального законодательства («О гражданстве ФРГ», «Об иностранцах», «О переселенцах» и т.д.). Аналогичным образом компетентными органами утверждаются подзаконные нормативные акты (положения, инструкции).

Основной закон ФРГ состоит из краткой преамбулы, 14 разделов и 146 статей, причем три раздела были включены в базовый текст уже в период его действия. Особенностью этого акта является отличие от других конституций зарубежных государств. Первый раздел посвящен основным правам и свободам человека. Они представляют собой систему ценностей и требований к государственному строительству страны, пережившей фашизм. Большое внимание уделяется личным (гражданским) правам. Специально фиксируется право на человеческое достоинство. Закрепление в первом разделе фундаментальных прав и свобод человека является не случайным явлением, т.к. создатели подчеркивают особую значимость основных прав, исходя из идеи официального признания неотчуждаемости основных прав человека. Следует обратить внимание на содержательное разграничение в конституционно-правовом регулировании статуса личности Германии: Основной закон различает «права немцев» и «права человека». Понятие «немец» означает наличие у лица гражданства ФРГ [2, с. 168]. В соответствии со ст. 116 п.1 и п. 2 Основного закона немцем является каждый, кто обладает германским гражданством, или в качестве беженца или изгнанного лица немецкой национальности. Также немцем признается лицо немецкой национальности либо его супруг(а) или потомок, которое нашло убежище на территории Германии в границах, существовавших на 31 декабря 1937 г. Бывшие граждане Германии, лишённые гражданства в период между 30 января 1933 г. и 8 мая 1945 г. по политическим, расовым и религиозным мотивам, и их потомки подлежат восстановлению в гражданстве по их ходатайству. Они считаются не утратившими гражданства, если после 8 мая 1945 г. поселились в Германии и не выразили иной воли [3, с. 112].

В ряде случаев правообладателями называются только немцы. Так, например, все немцы имеют право на мирные собрания без специальной регистрации или разрешения властей (ст. 8), на создание союзов и обществ, которые не противоречат законодательству и конституционному порядку (ст. 9), право свободного передвижения и проживания в пределах страны (ст. 11), право на свободный выбор профессии, места работы или учебы (ст. 12). Избирательными правами Основной закон ФРГ наделяет только немцев. Статья 16 устанавливает, что ни один немец не может быть выдан иностранному государству.

В немецком законодательстве существуют законы, согласно которым иностранцы могут получить немецкое гражданство. Это AUSLAN DERRECHT (AuslG)

– Закон о правах иностранцев и STAATS AN GEHÖRIGKEITSGESETZ (StAG) – Закон о гражданстве [4]. Указанные акты за последний период подверглись значительным изменениям с целью предоставления немецкого гражданства большему числу людей в более короткие сроки. 21 мая 1999 федеральный совет (Bundesrat), представительный орган земель, одобрил Закон о реформе правовых норм, регулирующих вопросы гражданства. Его основные части вступили в силу с 1 января 2000 г. Новый и важный момент нововведений – появление в законе принципа приобретения гражданства по рождению. Это дает возможность детям иностранных граждан, которые родились в Германии, получить шанс расти немцами среди немцев. В новом законе закреплена еще одна важная возможность для интеграции иностранцев: это сокращение срока, который необходимо прожить в Германии для приема в гражданство до 8 лет. Закон содержит минимальные требования к интеграции: тот, кто желает постоянно жить в Германии, должен соблюдать законы страны, знать немецкий язык, иметь возможность обеспечивать себя и свою семью. При этом социальная помощь или помощь по безработице источником существования не считаются; отказаться от прошлого гражданства (не касается контингентных беженцев); не привлекаться к судебной ответственности.

Традиционно немецкое законодательство о гражданстве основывалось на принципе права «крови», в отличие от законодательства стран, допускающих массовую иммиграцию. Согласно закону, принятому еще в 1913 г., соискатель гражданства должен был доказать свое бесспорное немецкое происхождение. Однако, сегодня, когда в Германии проживает более 7 миллионов иностранцев, проблема реформы законов о гражданстве закономерно возникла в повестке дня и с учетом последних миграционных процессов беженцев.

В период 1998–1999 гг. эта проблема являлась актуальной в политической жизни Германии, вызвала острые дискуссии. Предложенный сначала законопроект, предусматривающий введение в ФРГ двойного гражданства, вызвал бурные протесты со стороны партий консервативной и националистической ориентации. Баварские консерваторы инициировали распространение писем протеста, которые собрали более 5 миллионов подписей. Поэтому принятые в июле 1999 г. и вошедшие в действие с 1 января 2000 поправки к закону о гражданстве стали результатом сложного политического компромисса и вряд ли являются окончательными. Неизбежность унификации законодательства в объединенной Европе с усилением акцента на правах человека, объективная потребность самого немецкого общества в притоке и интеграции иностранцев – все это, очевидно, приведет к дальнейшему реформированию законов о гражданстве [5, с.136].

В ФРГ в отличие от обязанностей «гражданина» основные обязанности «человека» не связаны с гражданством. Совершенно ясно, что родительский долг воспитания и школьного обучения независим от гражданства. Но и другие основные обязанности, особенно послушание властям, дисциплина и уплата налогов, относятся не только к «немцам» (по смыслу Конституции), даже если содержание этих обязанностей различается по критериям персонального и территориального суверенитета для граждан страны и иностранцев.

Рассматривая институт гражданства в ФРГ, особое внимание следует уделить вопросам законодательного регулирования двойного гражданства.

В общем случае двойное гражданство согласно законодательству ФРГ не допускается. Согласно норме § 25 Закона о гражданстве (§ 25 Abs. 1 Satz 1 Staatsangehörigkeitsgesetz (StAG)) гражданин Германии утрачивает свое гражданство в следующих случаях: если он добровольно по своему заявлению или заявлению его законного представителя приобретает гражданство другого государства. При этом

место жительства (пребывания) такого гражданина в ФРГ или за ее пределами значения не имеет.

Однако из общих правил следует выделить ряд исключений, при которых гражданство Германии сохраняется и при приобретении другого гражданства, а именно:

1. Если гражданин ФРГ приобретает гражданство государства-члена Европейского Союза или Швейцарии (п. (2) § 12 StAG)
2. Если гражданин ФРГ приобретает гражданство государства, с которым ФРГ заключила соответствующий двусторонний договор, предполагающий взаимное приобретение двойного гражданства (п. (3) § 12 StAG)
3. Если гражданину ФРГ предоставлено гражданство другого государства автоматически, без его на то согласия и заявления.
4. Если несовершеннолетнему гражданину ФРГ автоматически (без ходатайства родителей) предоставлено гражданство государства, соответствующее гражданству одного из родителей.
5. Если гражданин ФРГ перед приобретением гражданства другого государства получит специальное письменное разрешение соответствующего ведомства ФРГ п. (2) § 25 StAG). Разрешение, указанное в п.5, выдается только по заявлению гражданина.

Отдельно следует выделить случаи двойного гражданства, возникшие в результате предоставления гражданства ФРГ иностранным гражданам, которые не вышли из предыдущего гражданства. Основания для предоставления гражданства Германии подобным образом, предусмотрены в п. 1-6 § 12 StAG. В частности, гражданство предоставляется при наличии следующих условий:

- если законодательство иностранного государства не предусматривает возможности выхода из него;
- если государство затягивает принятие решения по выходу из гражданства, и процедура выхода сильно растянулась во времени или невероятно дорого стоит;
- престарелым гражданам, которым по состоянию здоровья трудно пройти процедуру выхода из гражданства;
- лицам, для которых выход из своего прежнего гражданства означает особую несправедливость;
- лицам, для которых выход из своего прежнего гражданства повлечет за собой серьезные материальные убытки.

Получив паспорта нескольких стран, лицо получает не только права и свободы, но и соответствующие обязанности. Поэтому стоит выделить положительные и отрицательные аспекты двойного гражданства. Следует различать понятия: двойное гражданство и второе гражданство. С юридической точки зрения это два разных определения. При наличии у лица гражданства двух государств он может выбрать, в каких вооруженных силах ему служить, т.е. какого государства. При желании иметь двойное гражданство необходимо рассмотреть нормы законодательства двух государств, на гражданство которых претендует лицо, существует ли возможность сосуществования при двойном гражданстве. Наличие двух паспортов не всегда наделяет человека всеми возможными правами. Также следует отметить, что бипатризм – это еще не гарантия отсутствия проблем при пребывании в любой третьей стране. Имеется ряд международных нормативных актов по вопросам двойного гражданства: Конвенция о статусе натурализованных лиц, восстанавливающих свое постоянное место жительства в государстве происхождения, принятая в Рио-де-Жанейро в 1906. Она устанавливает правило, согласно которому возвращение натурализованного лица в государство предыдущего гражданства влечет утрату натурализации и реинтеграцию в предыдущем государстве; Конвенция о гражданстве женщин, принятая в 1933 году на VII Межамериканской конференции в Монтеви-

део; Конвенция по некоторым вопросам относительно коллизий законов о гражданстве, принятая на Гаагской конференции по кодификации международного права в 1930 году. Согласно Протоколу по воинской повинности в некоторых случаях двойного гражданства, подписанному на Гаагской конференции в 1930 г., лицо, имеющее гражданство двух или более государств и проживающее в одном из этих государств, фактически связано с ним больше, чем с другими государствами (речь идет об эффективном гражданстве). Бипатрид освобождается от воинской повинности во другой стране, гражданство которого он имеет. Также вопросы гражданства регулируются многосторонней Конвенцией по некоторым вопросам относительно коллизий законов о гражданстве (1936 г., Гаага). Законодательство каждого государства самостоятельно регулирует вопросы приобретения и утраты гражданства, поэтому невозможно избежать столкновений (коллизий) законов о гражданстве между различными государствами. Наиболее реальным способом ликвидации коллизий и споров является заключение международных договоров, то есть выработка соответствующих норм международного права. В случае действительности международного договора на него распространяется принцип *pacta sunt servanda*. Нарушение кем-либо из участников положений договора должно расцениваться как нарушение норм международного права. Поэтому требование заинтересованного государства о выполнении договорных норм о гражданстве не может считаться вмешательством во внутренние дела государства-нарушителя. Но поскольку договор связывает только государства-участников, такое требование может быть предъявлено только одной стороной договора другой. В результате возникает проблема устранения противоречий между иными государствами-субъектами международного права, поскольку по вопросам гражданства заключено недостаточно универсальных международных договоров. К немногочисленному перечню подобных соглашений относится и Европейская конвенция о сокращении случаев множественного гражданства и о воинской повинности в случае множественности гражданства, подписанная в 1963 году наряду с другими государствами и ФРГ, а также Конвенция о статусе апатридов 18 сентября 1954 г. Согласно последней упомянутой Конвенции, которая вступила в силу в 1969 году, совершеннолетний гражданин денационализируется в первичном государстве после натурализации в другой стране – стороне договора. 6 ноября 1997 г. в Страсбурге была подписана Европейская конвенция о гражданстве, являющаяся примером того, что в последнее время прослеживается тенденция к либерализации двойного (множественного) гражданства в международном праве. Согласно этой Конвенции государство-участник позволяет гражданам автоматически приобретать другое гражданство при бракосочетании, а детям – при рождении.

Таким образом, институт гражданства в ФРГ имеет свои особенности, которые сложились исторически. Теория права выделяет и изучает в этой сфере лишь некоторые наиболее общие черты взаимодействия гражданина и государства. Прежде всего, это обязанность государства перед гражданином всегда социально и юридически защищать гражданина, где бы он ни находился. Законодательство ФРГ о гражданстве четко регламентирует принцип единого гражданства, однако реализация данного принципа не является безупречной. Имеется ряд исключений, которые ставят под сомнение необходимость декларации принципа единого гражданства. Из проведенного анализа законодательства ФРГ, следует, что основания возникновения гражданства ФРГ имеют ряд особенностей, которые заключаются в порядке принятия в гражданство, особенностях натурализации, условиях приема в гражданство. На реализацию норм германского законодательства в области института гражданства влияют также и нормы международного права, принятые в рамках ООН, Европейского Союза.

Список литературы

1. Германия в топ миграции на земле после США в рейтинге ОЭСР [Электронный ресурс] URL:<http://www.bloomberg.com/news/articles/2014-05-20/immigration-boom-propels-germany-past-u-k-in-new-oecd-ranking> (дата обращения 12.11.2015)
2. Государственное право Германии: Сокращенный перевод немецкого семитомного издания / Отв. ред. Топорнин Б.Н. – М.: Инфра-М, 1994, Том 2. – 320 с.
3. Ковешников Е.М. Основы конституционного права зарубежных стран. / Е.М. Ковешников. – М.: Инфра-М, 2001. – 192 с.
4. Закон Германии «О гражданстве» [Электронный ресурс] URL: [http://Staatsangehörigkeitsgesetz \(StAG\)](http://Staatsangehörigkeitsgesetz (StAG)) (дата обращения 12.11.2015)
5. Ахтенберг Н., Бадур П. Государственное право Германии. – М.: Инфра-М, 1994, Том 1. – 312 с.
6. Европейский союз: основополагающие акты в редакции Лиссабонского договора с комментариями. — М.: ИНФРА-М, 2008.
7. Избранные конституции зарубежных стран : учеб. пособие /отв. ред. Б. А. Страшун. — М.: Юрайт, 2011.
8. Конституции зарубежных государств. Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский союз, Соединенные Штаты Америки, Япония / сост. сб., пер., авт. введ. и вступ. ст. В. В. Маклаков. — 8-е изд., перераб. и доп. — М.: Инфотропик, 2012.
9. Международное публичное право / Под ред. К. А. Бекяшева. – М.: Проспект, 1998. – 608 с.
10. Сборник международно-правовых документов и национальных законодательных актов по вопросам беженцев. / Сост. Ю. Л. Сарашевский, А.В.Селиванов. – Минск: Тесей, 2000. – 464 с.

Adelseitova A. On the question about legal institution of citizenship in the Federal Republic of Germany // Scientific messages of Crimean federal university the name of V. I. Vernadsky. Juridical sciences. – 2015. – Т. 1 (67). № 2. – Р. 3–8.

This article raises the question of nationality institute in the Federal Republic of Germany, analyzes The Basic Law, the legislation on citizenship and researches issues of dual citizenship in Germany. Analyzing legislation of Germany on citizenship, where is regulated the principle of a single nationality, author questioned the need of declaration of a single nationality, because implementation of this principle is not flawless due to the existence a number of exceptions enshrined in law. The article discusses the features of nationality arise in Germany, considers the process of naturalization, conditions of the granting in citizenship and makes an appointment that the norms of international law adopted within the framework of the United Nations, the European Union can also affect the implementation of German's law norms.

Keywords: legal institution, citizenship, Federal Republic of Germany, legislation, dual citizenship.

Spisok literaturyi:

1. Germaniya v top migratsii na zemle posle SShA v reytinge OESR [Elektronnyiy resurs] URL:<http://www.bloomberg.com/news/articles/2014-05-20/immigration-boom-propels-germany-past-u-k-in-new-oecd-ranking> (data obrascheniya 12.11.2015)
2. Gosudarstvennoe pravo Germanii: Sokraschennyiy perevod nemetskogo semitomnogo izdaniya / Otv. red. Topornin B.N. – M.: Infra-M, 1994, Tom 2. – 320 s.
3. Koveshnikov E.M. Osnovy konstitutsionnogo prava zarubezhnyih stran. / E.M. Koveshnikov. – M.: Infra-M, 2001. – 192 s.
4. Zakon Germanii «O grazhdanstve» [Elektronnyiy resurs] URL: <http://Staatsangeh>
5. Ahtenberg N., Badura P. Gosudarstvennoe pravo Germanii. – M.: Infra-M, 1994, Tom 1. – 312 s.
6. Evropeyskiy soyuz: osnovopolagayushchie aktyi v redaksii Lissabonskogo dogovora s kommentariyami. — M.: INFRA-M, 2008.
7. Izbrannyye konstitutsii zarubezhnyih stran : ucheb. posobie /otv. red. B. A. Strashun. — M.: Yurayt, 2011.
8. Konstitutsii zarubezhnyih gosudarstv. Velikobritaniya, Frantsiya, Germaniya, Italiya, Evropeyskiy soyuz, Soedinennyye Shtaty Ameriki, Yaponiya / sost. sb., per., avt. vved. i vstup. st. V. V. Maklakov. — 8-e izd., pererab. i dop. — M.: Infotropik, 2012.
9. Mezhdunarodnoe publichnoe pravo / Pod red. K. A. Bekyasheva. – M.: Prospekt, 1998. – 608 s.
10. Sbornik mezhdunarodno-pravovyih dokumentov i natsionalnyih zakonodatelnyih aktov po voprosam bezhentshev. / Sost. Yu. L. Sarashevskiy, A.V.Selivanov. – Minsk: Tesey, 2000. – 464 s.

УДК 339.543

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ФЕОДОСИЙСКОЙ ТАМОЖНИ В СОСТАВЕ ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX В.В.

Бирюкова Н. Н.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Используя исторический метод, в статье проведен анализ развития Феодосийской таможни в конце XVIII – начале XX веков. Рассмотрены исторические документы и проведен анализ нормативно-правовых актов того времени. Определены основные функции таможенной службы: фискальная, полицейская, статистическая и другие. Фискальная функция была направлена на пополнение бюджета государства. Полицейская функция являлась второстепенной, однако влияла на борьбу с контрабандой, болезнями и др. Статистическая функция выполняла роль по сбору данных об импорте и экспорте товаров. Прослеживается динамика по увеличению функций таможенных служащих в соответствии с увеличением объема их полномочий. Ключевым моментом в развитии деятельности феодосийской таможни стало появление порта. Объем товаров, поступающих в порт, характеризовал деятельность таможни и, соответственно, ее роль.

Ключевые слова: таможня, Таврическая губерния, режим порто-франко, фискальная функция, полицейская функция, контрабанда, Феодосия, Кефа, торговля, Причерноморье, полуостров, порт, пошлина.

Таможенное дело известно своими давними традициями, которые, с одной стороны, необходимо сохранить как исторический опыт, а с другой – детально исследовать как уникальное наследие таможенного дела. Создание сети таможенных учреждений в Таврической губернии в конце XVIII – начале XX в.в. было вызвано необходимостью правительственного регулирования таких вопросов, как сбор пошлины (для пополнения доходной части государственного бюджета), контроль за движением населения через границу и др. Регламентировали эти отношения такие нормативные документы, как Таможенные уставы и таможенные тарифы, которые способствовали деятельности таможенных органов и определяли размеры взимаемых пошлин.

В обозначенный период времени восстанавливается и развивается один из древнейших городов Крыма – Феодосия, который ранее именовался как Кефа. Этому, прежде всего, способствуют удобный порт и торговля, пополнявшие бюджет при помощи фискальной функции. Так, например, 7 февраля 1783 г., генералом Игельстромом был направлен рапорт генерал-губернатору Потемкину. Этот документ содержал сведения о перечне товаров и приложенных к ним документов, свидетельствующих о размерах пограничных и внутренних пошлин, взимаемых с Кефинской таможни.

Основные направления деятельности Феодосийской таможни можно раскрыть при помощи возложенных на них функций.

К числу основных из них относилась, как уже указывалось выше, фискальная. Ее цель состояла в пополнении государственной казны и, таким образом, финансировании различных направлений государственной политики. Наряду с ней существовали и другие функции, заслуживающие внимания, такие, как экономическая, полицейская, статистическая и другие, которые использовались для сбалансирования социально-экономических и политических интересов [4, с. 139]. Экономическая

функция регулировала ввоз и вывоз товаров с целью стимулирования развития экономики Российской империи. Полицейская функция ограничивала контроль над пересечением государственной границы с точки зрения государственной и гражданской безопасности. Статистическая выполняла сбор данных относительно импорта и экспорта товаров, транзита.

В сохранившихся до наших дней ведомостях содержится информация о размерах взимаемых пошлин с каждой таможни. По этим документам можно определить значение каждой из них как составляющей казну государства. Так, например, ведомость от 7 января 1784 г. содержит сведения о сборе таможенных пошлин. Эта ведомость была направлена генерал-губернатору Потемкину от генерала Игельстрема «О сборе Козловской, Кефинской, Перекопской и Балаклавской таможенных пошлин», в которой приводились следующие данные: в Козловской таможне ведомства директора коллежского асессора Врета состояло 13 555 руб. 18 коп., к тому числу в приход вступило 1966 руб. 32 коп. В Кефинской таможне находилось 14 472 руб. 88 коп. с четвертью, в Перекопской – 3336 руб. 53 коп., а в Балаклавской – 640 руб.

Однако реалии последней трети XVIII века привели к упадку Феодосии, утратившей значение одной из ведущих торговых гаваней Северного Причерноморья. В конце XVIII – начале XIX в.в. предпринимались попытки возродить город как важнейший центр торговли в регионе. Немаловажную роль на ход истории оказала и попытка восстановления при Павле I: учреждение в 1798 г. порто-франко на Крымском полуострове и проекты порто-франко в Феодосии в начале XIX века.

Уже после присоединения Крыма к Российской империи власти обратили внимание на Феодосию. Так, Екатерина II издала указ о применении специального статуса для некоторых городов. Одним из таких городов была и Феодосия. Руководствуясь историографическим осмотром научной литературы, выделение Феодосии из ряда других городов говорит о ее благоприятном месторасположении и, соответственно, больших оборотах товаров, проходимых через нее. Таким образом, манифест от 22 февраля 1784 г. предписывал открыть таможню для всех народов, в том числе и с российскими подданными. Иностранцам было разрешено свободно селиться в городе и принимать российское подданство. Указом, изданным 13 августа 1785 г., в Феодосии возобновляется городское строительство. Тогда же крымские пристани на пять лет были освобождены от уплаты пошлины, таможенная стража переводилась в Перекоп.

По указу от 2 апреля 1787 г. Феодосия стала уездным центром Таврической области. Но мероприятия 80-х годов XVIII века проводились в жизнь при неблагоприятных условиях, что негативно отразилось на деятельности Феодосийской таможни. В 1784 г. началась четырехлетняя русско-турецкая война. Это событие привело к полному упадку города. По упразднении Таврической области Феодосия не вошла в список городов Новороссийской губернии, статус города был возрожден лишь 13 февраля 1798 г.

Манифестом от 13 февраля 1798 г. устанавливался режим порто-франко в Крыму сроком на 30 лет. Данный статус предусматривал беспрепятственное поселение в Феодосии иностранцев и бесплатную передачу переселенцам земли [5, с. 15]. Феодосия и Евпатория объявлены свободными портами, а Балаклавская, Судакская и прочие малые гавани закрывались, на территории полуострова вводилась беспошлинная торговля, в связи с чем ликвидировались все бывшие до этого времени в Крыму портовые таможни и заставы; в Перекопе и у Генической переправы устраивались таможни для сбора пошлины с товаров, провозимые через северные границы полуострова.

Следует констатировать тот факт, что уже вскоре после установления порто-франко отмечается очевидность его неэффективности. В конце XVIII века города

Крыма, за исключением Севастополя и отчасти Симферополя, не имели возможностей для быстрого экономического развития. Заграничная торговля, в основном, осуществлялась через материковые гавани – Таганрог, Херсон, Одессу. Эти порты располагались в устьях или вблизи больших судоходных рек – Дона, Днепра, к ним тяготели развитые в хозяйственном отношении регионы.

Объявленное на тридцать лет порто-франко в Крыму существовало менее двух лет и было упразднено 12 декабря 1799 г. Решение о ликвидации порто-франко объяснялось невозможностью точного таможенного досмотра на всей огромной территории полуострова, учреждением свободного порта в Евпатории, общим упадком средиземноморской торговли вследствие войн с Францией, отсутствием свободных дорог, связывающих Крым с внутренними губерниями и прочими факторами.

Однако уже в 1802 г. «Комитетом для устройства Новороссийской губернии», созданным по предложению К. И. Габлица, был разработан проект порто-франко в Феодосии сроком на пятьдесят лет. Город предполагалось наделить теми же привилегиями, которые в 1798 г. даровалось всему полуострову. Но проект так и остался лишь в разработке, его исполнению помешали ряд войн: с Османской империей и Францией. Возможно, на судьбе данного проекта сказалось и имевшее место в определенных кругах негативное отношение к самой идее создания коммерческого порта в Крыму.

В дальнейшем Феодосия стала уездным центром в учрежденной Таврической губернии, а 23 февраля 1804 г. сюда был назначен особый градоначальник. Феодосия вошла в число главных торговых гаваней юга России.

1816–1818 годы стали в истории торговой деятельности Новороссийского края периодом наивысшего подъема. Главным предметом экспорта в Европу был хлеб. Значительно возрос поток транзитных грузов. Общий торговый оборот основных портов Новороссии – Одессы, Таганрога, а также и Феодосии – достигал нескольких десятков миллионов руб. в год. К этому времени относится еще один проект порто-франко в Феодосии. Херсонский военный губернатор граф А. Ф. Ланжерон в письме императору Александру I «О привилегиях портовых городов Одессы и Феодосии» от 28 января 1816 г. предложил открыть в Одессе и Феодосии беспошлинный ввоз и вывоз товаров.

Наряду с экономическими выгодами А. Ф. Ланжерон видел в порто-франко эффективную меру по предупреждению чумы. Для Новороссийского края, пережившего эпидемию чумы 1812 года, эта проблема была актуальна.

Одним из главных направлений проникновения чумы в порты Новороссии, по мнению графа, была контрабанда. Когда корабль покидал карантин, чтобы войти в порт, нельзя было точно утверждать, что после тщательного досмотра не останется спрятанным небольшой пакет, которого будет достаточно для проникновения чумы. При порто-франко гораздо проще осуществлялся карантинный досмотр и своевременно выявлялись сомнительные грузы, так как исчезает заинтересованность в провозе контрабанды, а после прохождения карантина появится возможность ознакомиться с местами оптовой торговли, пройдя таможенный досмотр недалеко от города.

Порто-франко 1798–1799 гг. и проекты порто-франко 1802 и 1816 годов были одними из возможных вариантов развития Феодосии. Но в силу различных обстоятельств утвердить свободную торговлю здесь не удалось.

Вместе с тем, первая четверть XIX века стала временем бурного развития города. Этому способствовали учреждение Феодосийского градоначальства, дарование городу различных льгот и привилегий, благоприятная внешнеэкономическая конъюнктура. Однако город не сумел использовать в свое благо полученные преимущества, поскольку отсутствовали удобные дороги между Феодосийской гаванью и

внутренними областями страны. Феодосия не выдержала конкуренции с другими коммерческими гаванями. Постепенно город лишился большей части льгот и привилегий. Должность Феодосийского градоначальника упразднили 6 августа 1829 года.

Во второй половине XIX века Феодосийская таможня являлась одной из перспективных таможен России и играла важную роль во внешнеэкономической деятельности государства. Эта роль, к сожалению, осталась практически не раскрытой. Между тем сохранившиеся в архиве материалы портовых таможен позволяют восполнить этот пробел при помощи торговых отношений с другими государствами.

В марте 1856 года Феодосийская таможня получила депешу от военного губернатора города Симферополя, в которой говорилось о том, что «...Высочайше повелено: разрешить ныне же вывоз за границу на прежнем основании хлеб всякого рода, овечьих шкур, мяса всякого, сукна, скота рогатого, лошадей. Торговые сношения с Францией, Англией, Сардинией и Турцией восстановлены также на прежнем основании...» [1, л. 53]. Турция оставалась важнейшим торговым партнером Крыма.

Помимо фискальной функции, которая оставалась приоритетной по сравнению с другими, правительство не забывало об охране государства, которую отчасти также выполняли таможенные органы.

Следует сделать вывод о том, что на данном фоне появляются полицейские функции, которые хотя и не были столь ярко выражены, но, несомненно, занимали одну из лидирующих позиций вместе с фискальной.

Полицейское направление деятельности было составной частью обеспечения безопасности на границах страны. Это направление регулировалось значительно меньше, чем фискальное, но играло в жизни государства не малую роль. Полицейские функции носили скрытый характер, выполняя одну из главных задач – предупреждение проникновения контрабандной продукции. О данных функциях таможенных органов было мало упомянуто в законодательных актах. Так, например, с 1861 по 1864 гг. таможенный контроль был ужесточен, так как появились своего рода прототипы современных «челноков». В объявлении от Департамента внешней торговли говорилось, что с некоторого времени приезжающие из-за границы стали привозить с собой, кроме обычных дорожных вещей, целые партии товаров, очевидно, для продажи. В связи с этим обстоятельством было рекомендовано при отсутствии у таких людей права заграничного торгового, взимать с этих товаров пошлину, в 1,5 раза превышающую обычную [5, с. 11]. Таким образом, представляет интерес циркуляр № 531 от 15 апреля 1861 г. начальника Феодосийского таможенного округа, гласивший: «Государь Император Высочайше повелеть соизволил: чтобы командиры военных судов при привозе из-за границы на их судах вещей, хотя бы принадлежащих Членам императорской фамилии... предъявляли таковые вещи к таможенному досмотру» [3, л. 71].

Таможенные органы занимались не только контролем над переправой иностранных товаров через границу, но и следили за передвижением иностранных лиц. При пересечении таможенной линии иностранными лицами, а также в случае проблем с их документами, немедленно докладывалось местному руководству. Контроль над выездом за границу тоже осуществляли местные власти. Особое внимание уделяли торговцам, которые вызывали подозрения у таможенных служащих по возможному провозу контрабандной продукции. Например, поиски пропавшего с торгового судна в Феодосийском порту абазинца вели не только полиция, но и местный карантин с таможней [6, с. 403].

Если даже лицо не вызывало никаких подозрений у таможенных служащих, его могли не пустить на территорию Российской империи, так как правительство запрещало въезд на территорию государства некоторых субъектов. В каждой та-

можно имелся перечень с фамилиями, которые не должны пересечь границу, так как считались политически неблагонадежными гражданами для этой страны. А те, которые составляли меньшую опасность, проходили таможенный режим, но об их пребывании становилось известно властям.

Одна из важных задач, которая стояла перед таможенниками, – борьба с контрабандной продукцией, особенно печатной. В 1896 году Департамент полиции обратился с требованием, чтобы при обнаружении контрабандной печатной продукции название переписывалось на языке оригинала, так как контрабандисты в процессе судебных тяжб ссылались на неправильность названия, указанного в протоколе. В связи с этим Департамент таможенных сборов 31 октября 1896 года направил всем пограничным таможням циркуляр с целью устранения такого рода недостатков таможенного контроля [6, с. 383].

В своей деятельности таможни, в частности, Феодосийская, использовали определенный перечень документов, который предназначался для внутренней работы и предоставлялся руководству только для проверки. Так, например, в 1776–1783 гг. губернскими таможенными учреждениями заполнялись следующие регистрационные документы: книга регистрации поступления денег, книга регистрации поступления таможенных сборов с экспортных товаров, книга регистрации затрат казны, книга регистрации пакузного инспектора, книга регистрации прибытия и отправления торговых судов и другие. В соответствии с одной из таких книг за 1804 г. Феодосийская таможня направила в различные учреждения 1020 единиц документов [2, л. 1].

События первой мировой войны (1914–1917 гг.) негативно отразились на таможенном деле России, в частности, и в Таврической губернии. Кризис экономики, недовольство населения парализовали деятельность государственного аппарата, в том числе и таможенного ведомства. Таможенный контроль на территории Российской империи практически отсутствовал, так как европейские западная, северная и южная границы были на 75% охвачены военными действиями.

Революции 1917 года послужили началом процесса распада Таврической губернии. Первым шагом на этом пути стало принятие Центральной Радой Украинской Народной Республики третьего универсала, определившего территории Народной Украинской Республики, которой принадлежат земли, заселенные в большинстве украинцами: Киевщина, Волынь, Черниговщина, Харьковщина, Полтавщина, Екатеринославщина, Херсонщина, Таврия.

Таким образом, в 1920 году таможенная система России оказалась уничтоженной, прекратила свое существование и Феодосийская таможня, занимавшая ведущее место в образованной таможенной системе юга Украины.

Исходя из вышеизложенного следует отметить роль Феодосийской таможни, находившейся на территории Таврической губернии, как наиболее значимой во внешнеэкономической деятельности Российской империи.

Важным фактором, повлиявшим как на создание, так и на деятельность этой таможни был порт, и поэтому таможни назывались портовыми. В истории создания таможни прослеживается следующая взаимосвязь: таможенные учреждения создаются и приобретают важное значение с появлением в городе Феодосии порта. Соответственно, большой оборот товаров, поступающих в порт, характеризовал деятельность таможни в размере взимаемых пошлин с проходивших таможенный контроль товаров.

Необходимо также отметить, что во время становления и развития таможенной системы наблюдается расширение функций таможенных служащих в соответствии с увеличением объема их полномочий. Так, если изначально значительное место в деятельности таможни занимала фискальная функция, то с течением времени ее до-

полнили полицейская, статистическая и ряд других. Все они были направлены на защиту интересов Российской империи в международной торговле. Тем самым проявлялась значимость таможенных органов в организации внешнеэкономических отношений.

Список литературы:

1. Государственный Архив Автономной Республики Крым, ф. 221 «Ялтинский уездный суд, г. Ялта Таврической губернии», оп. 1, д. 354, л. 53.
2. Государственный Архив Автономной Республики Крым, ф. 221 «Ялтинский уездный суд, г. Ялта Таврической губернии», оп. 1, д. 68, л. 1.
3. Государственный Архив Автономной Республики Крым, ф. 369 «Евпаторийская портовая таможня Одесского таможенного округа, г. Евпатория Таврической губернии», оп. 1, д. 434, л. 71.
4. Записки науково-дослідної лабораторії історії Південної України XVIII–XX століття. – Вип. 6. – Запоріжжя: РА «Тандем-У», 2001. – 328 с.
5. Известия Крымского Республиканского краеведческого музея // Ежеквартальный научно-исследовательский журнал. – № 9. – 1995. – 63 с.
6. Історія митної справи в Україні / К. М. Колесников, О. В. Морозов, Г. М. Виноградов та ін.; За ред. П. В. Пашка, В. В. Ченцова. – К.: Знання, 2006. – 606 с.

Biryukova N.N. Activities of Feodosian customs as a part of Taurida province in the end of XVIII beginning XX centuries // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2015. – Т 1 (67). № 2. – Р. 9–14.

Using historical method, in the article given the analysis of development Feodosia customs in the end of XVIII beginning XX centuries.

Considered the historical documents and analyzes legislation those times. Identified the main functions of customs: fiscal nature, police, static and e.t.c. The fiscal nature was directed to filling the budget of the government. The police function were secondary, but influence to fight with contraband, illnesses and other. The static function served as data collection of import and export goods.

Traced the dynamics of increase the function of customs officers according to increase the volume of their authority.

The main point in the development of activities feodosian customs were the appearance of the port.

The volume of goods entering the port characterized the activity of customs, and thus its role.

Key words: Customs, Taurida province, porto-franco regime, fiscal function, police function, contraband, Feodosia, trade, Black sea, peninsular, harbor, tax.

Spisok literaturvi:

1. Gosudarstvennyy Arkhiv Avtonomnoy Respubliki Krym, f. 221 «Yaltinskiy uyezdnnyy sud, g. Yalta Tavricheskoy gubernii », op. 1, d. 354, l. 53.
2. Gosudarstvennyy Arkhiv Avtonomnoy Respubliki Krym, f. 221 «Yaltinskiy uyezdnnyy sud, g. Yalta Tavricheskoy gubernii », op. 1, d. 68, l. 1.
3. Gosudarstvennyy Arkhiv Avtonomnoy Respubliki Krym, f. 369 «Yevpatoriyskaya portovaya tamozhnya Odesskogo tamozhennogo okruga, g. Yevpatoriya Tavricheskoy gubernii», op. 1, d. 434, l. 71.
4. Zapiski naukovo-doslIdnoYi laboratorIYi IstorIYi PIVdennoYi UkraYini XVIII –XX stolIttya. – Vip. 6. – ZaporIzhzhya: RA «Tandem-U», 2001. – 328 c.
5. Izvestiya Kryimskogo Respublikanskogo kraevedcheskogo muzeya // Ezhekvartalnyi nauchno-issledovatelskiy zhurnal. – № 9. – 1995. – 63 s.
6. IstorIya mitnoYi spravi v UkraYini / K. M. Kolesnikov, O. V. Morozov, G. M. Vinogradov ta In.; Za red. P. V. Pashka, V. V. Chentsova. – K.: Znannya, 2006. – 606 c.

УДК 340.15:347.79

**ВВЕДЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННЫХ ТРЕБОВАНИЙ К
СЛУЖАЩИМ СОВЕТСКОГО ТОРГОВОГО ФЛОТА В КОНЦЕ 1920-х –
НАЧАЛЕ 1930-х ГГ.**

Гурина Л. В.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье рассмотрены проблемы введения квалификационных требований к служащим советского торгового флота самых различных категорий в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Эти нормы были введены в процессе подготовки и издания Кодекса Торгового Мореплавания в 1929 г., однако не вошли в него. Тем не менее, в самом Кодексе нашли отображение лишь отдельные квалификационные характеристики в отношении капитанов торговых судов и их механиков. Отсутствие законодательного закрепления на кодификационном уровне именно квалификационных требований свидетельствует об их постоянном совершенствовании и изменении, в том числе в условиях развития, как технической стороны работы водного транспорта, так и социально-экономических и политических условий. С другой стороны, в регулировании проблемы статуса служащих торгового флота, благодаря принятию четких квалификационных требований, был намечен качественный прорыв, подготовивший условия для дальнейшего совершенствования всей правовой базы в этой отрасли.

Ключевые слова: статус служащих торгового флота, нормы, правовое положение, квалификационные требования.

Статус служащих торгового флота в современный период определяется международным, но и внутренним правом каждого государства. В России первым таким комплексным документом стал устав купеческого судоходства. Именно в этом документе были заложены комплексно основные нормы статуса судового экипажа, действовавшие в основном до 1917 г. В советский период статус служащих торгового флота в основном определялся кодексами торгового мореплавания. Первый из них был принят в 1929 г. и вообрал в себя ряд более ранних положений, однако был далеко не полным, оставив основное регулирование, в том числе и касающееся квалификационных требований, подзаконным нормативным актам. К сожалению, подробному изучению эта проблема, как в дореволюционный период, так и после него, не подвергалась. Среди немногочисленных работ в этом направлении можно упомянуть труды Скворцова А. Ю., Сидорченко В. Ф., Виноградова П. П., Кейлина А. Д., Змерзлого Б. В. [1–6]. Тем не менее многие вопросы развития правового статуса судового экипажа остаются малоисследованными.

Как уже было указано, четких требований к иным служащим торгового флота, кроме судоводителей и судовых механиков, в КТМ не было установлено законодательно. Тем не менее, требования эти были введены и опубликованы в Приложении к Бюллетеню ЦК Водников №2 под наименованием «Квалификационная характеристика работников морского транспорта». В данном документе, кроме требований к знаниям, умениям и опыту работы, также указывался тарифный оклад согласно штатному расписанию. Однако, учитывая, что это не имеет прямого отношения к нашему исследованию, мы лишь приведем их градацию. Сами же требования, изложенные в алфавитном порядке, были следующими.

Багермейстер. Характеристика та же, что и 1 помощника, но обязательное прохождение службы 1 помощника багермейстера; требовалось знание устава внутренней службы на судах торгфлота; должен отвечать требованиям, согласно уставу и специальным положениям и инструкциям для данной должности. В соответствующих случаях должен был иметь установленный диплом. Градация по оплате была следующей: на земснарядах до 250 кб. м.; от 250 до 360 кб. м.; свыше 360 кб. м.

Кроме того, кандидат должен был знать все вооружение судна, все потребности палубной службы и все обязанности лиц палубной команды, как общие, так и возлагаемые на каждого в отдельности; знать и уметь исполнять такелажные работы, руководить всеми работами палубной команды по поддержанию чистоты и исправности палубы и инвентаря; уметь обращаться со всеми грузовыми средствами, как то: лебедками, кранами, стрелами и т.д.; знать способы и приемы крепления судового инвентаря и грузов, подъем тяжестей и их острапливание, уметь производить постановку парусов и тентов, завозить верпы; знать приемы по отдаче и поднятию якоря и буксира при всяких условиях плавания; уметь производить плотничьи работы текущего характера и составлять краски; иметь опыт по руководству работой зимующей палубной команды, знать правила околки судна и производство выморозок; знать устав внутренней службы на судах торгового флота.

Градация в этом случае была такой: на судах коммерческого флота I, II и III гр., т.е. грузовых до 1.350 т. и товаро-пассажирских до 850 т.; на судах коммерческого флота IV, V и VI гр., т.е. грузовых свыше 1.350 т. и товаро-пассажирских свыше 850 т.; на буксирных парусных (моторных и паровых) судах; на ледоколах, земснарядах до 4.000 и.с.; паровых шаландах свыше 1.000 и.с.; на ледоколах свыше 4.000 и.с.; на портовых судах до 350 и.с. и паровых шаланд до 1.000 и.с.; на самоходных судах.

Буфетчик на портовых судах. Должен был знать сорта, также хорошо определять качество всевозможных продуктов питания; знать пункты закупки продуктов и уметь вести учет расхода продуктов; уметь составлять меню, давать задания поварам по изготовлению обедов, ужинов, завтраков и закусок и наблюдать за аккуратным и опрятным выполнением заданий. Заведовал всей столовой, сервировкой и бельем.

Буфетчик без завпрода на судах коммерческого флота. Характеристика та же.

Буфетчик при завпрое на судах коммерческого флота. Был ближайшим помощником ресторатора по закупке провизии и ее хранению; должен обладать познаниями и опытом, дающим возможность осуществлять наблюдение за изготовляемой пищей и выполнять всякого рода служебные поручения ресторатора; знаком с сервировкой и порядком по обслуживанию стола пассажиров.

Водолаз. Для работ под водой необходимо было окончание водолазной школы; требовалось полное знание водолазных препаратов и практический опыт по управлению ими; знание слесарного и плотничного ремесла для выполнения самых простых работ. Градация для них устанавливалась такая: ученик водолаза до спуска в воду; водолаз со стажем до 3 лет; водолаз со стажем свыше 3 лет; старшина водолазный.

Дневальные. Рабочие, наблюдающие за порядком и чистотой помещений, предназначенных для пользования судовой команды, заботились о своевременной подаче пищи; должны были знать обязанности матроса или кочегара 2 класса.

Заведующий продовольствием. Характеристика та же, что и буфетчика, но с большим объемом работ. Обслуживая товарно-пассажирские суда, завпрод должен был иметь опыт по обслуживанию буфетов для пассажиров, применяясь к их требованиям и запросам. Градация: на товаро-пассажирских судах II, III и IV гр., т.е. до 2.700 т.; на товаро-пассажирских судах V и VI гр., т.е. свыше 2.700 т.

Капитан. Характеристика та же, что и старшего помощника. Требовалось обязательное плавание старшим помощником. Для капитанов ледоколов, соответственно, – плавание старшим помощником на ледокольных судах; знать устав внутренней службы и полностью отвечать требованиям согласно устава. Градация для капитанов устанавливалась: парусно-моторных судов до 50 т.; парусно-моторных судов от 100 т.; портовых судов до 200 и.с.; портовых судов от 20 до 450 и.с.; портовых судов св. 450 и.с.; грузовых судов до 450 т.; товаро-пассажирских судов до 450 т.; буксирных судов до 200 и.с.; буксиров свыше 450 и.с.; грузовых судов от 200 до 850 т.; товаро-пассажирских от 850 до 1350 т.; грузовых судов от 1350 до 2400 т.; товаро-пассажирских от 1350–до 2700 т.; грузовых свыше 4000 т.; грузовых судов от 2400 до 4000 т.; товаро-пассажирских судов свыше 2700 т.; ледоколов до 1500 и.с.; ледоколов от 1500 до 4000 и.с.; ледоколов от 4000 до 6000 и.с.; паровых шаланд до 450 и.с.; паровых шаланд свыше 450 и.с.

Кастрюльщик-камбузник. Должен был уметь выполнять всю подготовительную работу по приготовлению пищи, как то: чистку овощей, мытье и рубку мяса, кипячение воды и тому подобное; знать уход за топкой камбуза и уметь поддерживать нужный огонь; знать уход за дымовыми трубами камбуза, уметь содержать в надлежащем состоянии ледник, уметь поддерживать порядок и чистоту кухни, кухонной утвари и посуды для судовой команды.

Кладовщик. Должен был знать слесарное и кузнечное дело, уметь заправлять инструменты и производить их ремонт; знать названия употребляемых материалов и инвентарного имущества для машины и оборудования судов; уметь определить качество материалов при приемке; знать правила хранения всех предметов и материалов, находящихся в кладовой, и уметь вести установленную отчетность. Градация для кладовщиков была простой: на судах торгового флота; на ледоколах и земснарядах.

Кок (повар для команды). От него требовалось знать кулинарное искусство варки и приготовления пищи в объеме, потребном командам судов; уметь определять качество провизии, производить прием провизии, уметь хранить и рационально использовать ее. Градация для кока устанавливалась: на судах коммерческого флота; на ледоколах, земснарядах и судах их обслуживающих; на портовых судах.

Кочегары 1 класса. Они должны были знать системы обслуживания котлов, знать действие паровых манометров, инжекторов, всевозможных паровых и водяных запорных винтелей, предохранительных клапанов котла, водопроводных и водомерных кранов и стекла; уметь производить заправку котла, держать нагонку пара до определенного давления по манометру, уметь производить промывку котла, заглушку, чистку дымогарных труб и дымников; знать правила ухода за котлами, форсунками, арматурой, знать условия обращения с топливом и поддерживать огонь в топках с соблюдением технических условий правильного сжигания топлива, поддерживать назначенное давление пара и уровень воды в котлах; уметь работать на кранах и лебедках и под наблюдением старших производить их ремонт; знание слесарного и котельного ремесла.

Градация для 1 класса кочегаров: на судах коммерческого флота; на земснарядах, ледоколах и судах, обслуживающих земснаряды; на портовых судах; кочегары доков и кранов; кочегары катеров и буксиров до 150 сил.

Кочегары 2 класса. В основании характеристика та же, что и кочегаров 1 кл., но с меньшим опытом и стажем; должны были производить подачу угля из угольных ям к топкам, уметь управлять лебедками. Градация для них: на судах коммерческого флота; на земснарядах, ледоколах и судах, обслуживающих земснаряды; на портовых судах.

Старшие кочегары. Характеристика та же, что и для кочегара 1 кл., но с большим опытом, т.к. по роду обязанностей они были ответственны за работу кочегаров 1 и 2 кл. Градация: на судах торгового флота; на земснарядах, ледоколах и судах, обслуживающих земснаряды; на портовых судах.

Крановые (лебедчики) на судах коммерческого флота и лебедки земснарядов и ледоколов. Претенденты на эту должность должны были быть вполне знакомы с механизмами кранов и лебедок (паровых электрических), применяемых на данном судне, уметь осуществлять уход за ними и производить текущий ремонт; уметь управлять лебедкой, как по указанию руководителя, так – в отдельных случаях – и самостоятельно. Градация для них: на судах коммерческого флота; на земснарядах, ледоколах и судах, обслуживающих земснаряды.

Лоцман. К занятию этой должности могли допускаться лица, имеющие продолжительный теоретический и практический стаж плавания и имеющие установленный для данной должности диплом; требовалось знание лоции и полное знакомство с фарватером, всеми опасными местами обслуживаемого района; знать условия и правила плавания; знать значение условных предостерегательных знаков, как береговых, так и портовых, уметь по ним определять глубины, знать правила сигнализаций, как дневной, так и ночной; знакомство с морскими качествами судов. Требовался продолжительный практический стаж работы в низших должностях и установленная теоретическая подготовка; знание одного из иностранных языков.

Лоцман-старшина. К этим должностям допускались лица, имеющие диплом не ниже капитана малого плавания и достаточный практический стаж и опыт по должности лоцмана; знание одного из иностранных языков, знание правил плавания и сигнализации; знать в совершенстве и практически выполнять обязанности по управлению судном при всяких условиях плавания.

Матросы судовые 2 кл. Это рабочие, умеющие управлять рулем и грести веслами шлюпок; имеющие знакомство с такелажем судна; умеющие производить такелажные работы под наблюдением боцмана, отдачу и прием буксиров, тросов и их укладку; производить ледокольные работы и производить простые малярные работы; ставить паруса и тенты, по указанию выполнять работы по вводу судна в док и выходу из него; должны были иметь общее знакомство с компасом и могущие стоять на руле под наблюдением рулевого. Градация для них устанавливалась такая: на судах коммерческого флота; на портовых судах.

Матросы судовые 1 кл. Та же характеристика, кроме того, должны были иметь опыт по оснастным работам, знакомство с компасом, умение работать на паровом брашпите и управлять рулем; самостоятельно производить такелажные работы; уметь бросать лот и обращаться с лотом, знать разбивку лотлиня. При соответствующем инструменте должны были знать сигнализацию семафорными флажками и набор флажковых сигналов международного свода сигналов; знать обязанности трюмного матроса, уметь управлять шлюпкой под парусами и спускать шлюпку. Градация: на судах коммерческого флота; на портовых судах; на ледоколах; на непаровых судах.

Матросы земснарядов 2 кл. Та же характеристика. Кроме того, должны были иметь опыт по заводке якорей; уметь выполнять работы, связанные с постановкой снаряда на работы и сборке его по окончании работ.

Матросы земснарядов 1 кл. Характеристика та же, но рабочие с большим опытом и стажем.

Матросы земснарядов старшие. Та же характеристика. Кроме того, должны были уметь руководить работами по заводке якорей, иметь знания правил и приемов по постановке снаряда на работу и сборке его после работ, приемов съёмки желобов, сбору понтонов, уборка стрел, уметь обращаться с рамой, производить про-

меры при работе снаряда, а также быть знакомым с несложными плотницкими работами по ремонту снарядов инвентаря.

Матросы промерных и изыскательных партий. Это рабочие, знакомые с обязанностями судового матроса; кроме того, должны были уметь выполнять работы, связанные с производством изыскательных работ, как то: обращение с цепью или лентой, грести и управлять лодкой, удерживая ее в нужном направлении, уметь обращаться с нивелировочной рейкой, владеть топором для затески вешек и колышков.

Матросы плавдоков и кранов. Характеристика та же, что и судовых матросов, но требовалось знание особенностей работы на этих судах, главным образом при вводе в док и выводу судов из дока.

Матросы ледоколов 2 кл. В основном характеристика та же, что и матроса 2 кл. других судов, но требовалась приспособленность к условиям работы на ледоколе, а также знание и умение обращаться со специальным оборудованием верхней палубы ледоколов.

Матросы ледоколов 1 кл. В основании характеристика та же, что и судовых матросов 1 кл., но требовался стаж в прохождении обязанностей матроса 2 кл. на ледоколах и больший, чем у последнего, опыт.

Матросы спасательных станций. Характеристика та же, что и матроса 2 кл., кроме того, должны были уметь хорошо обращаться со спасательными принадлежностями станции и хорошо управлять шлюпкой под веслами и парусами.

Матросы старшие во всех случаях, за исключением особо оговоренных. Характеристика в основании та же, что и матросов 1 кл., но должны были обладать большим опытом и стажем; знать рулевое устройство всех систем; знать основные обязанности боцмана, т.к. в отсутствие последнего были его заместителем.

Матросы непарового флота. Характеристика та же, что матросов парового флота 2 кл. Градация для них: на непаровых судах флота; на непаровых судах при землечерпальном караване.

Машинист 1 класса. Для занятия этой должности следовало знать конструкцию обслуживаемых машин, в том числе с динамо-машинами, с механизмами грузовых приспособления и с рефрижераторными установками и их механизмами; во время хода машины следить за движущимися частями механизмов, насосов, помп, гребных колес, обеспечивая нормальную работу последним, и наблюдать за вспомогательными механизмами. Где не было электротехника – обслуживать и динамо-машину; знать слесарное, токарное и кузнечное ремесло и уметь выполнять работы по сборке, разборке и ремонту как машин, так и всех механизмов; знать монтаж частей машины и кочегарное дело; уметь выполнять ремонт арматуры и водопроводные работы; знакомы с устройством и расположением и вести наблюдение за исправным состоянием парового отопления, умывальников, баков, кранов, замков и прочих металлических вещей.

Градация для них: на кранах и доках; на судах торгового флота; на ледоколах, земснарядах и судах, обслуживающих земснаряды; на портовых судах.

Машинист 2 класса. В основе характеристика та же, что и машиниста 1 кл., но с меньшим объемом работ и ответственности в части управления машинами и механизмами. Градация для них: на земснарядах и обслуживающих судах земснаряды; на ледоколах; на судах коммерческого флота и буксиров; на портовых судах; на кранах и доках.

Машинисты старшие. В основании характеристика та же, что и для машиниста 1 кл. Кроме того, должен обладать знаниями по самостоятельному управлению главной и вспомогательными машинами и механизмами, а также осуществлять наблюдение за рефрижераторными установками.

Градация для них: на паровых судах коммерческого флота и буксирах; на земснарядах и судах, их обслуживающих; на ледоколах; на портовых судах.

Мотористы 2 кл. судов коммерческого флота при дизельных установках. В основном характеристика та же, что и машиниста 2 кл., но предъявляемые требования должны соответствовать особенностям дизельных установок, как в части знания их устройства, так и в части ухода за ними и производства ремонта.

Мотористы 1 кл. судов коммерческого флота при дизельных установках. В основном характеристика та же, что и машиниста 1 кл., но предъявляемые требования должны соответствовать особенностям дизельных установок, как в части знания их устройства, так и в части ухода за ними и производства ремонта.

Старший моторист коммерческого флота дизельных установок, моторист портовых моторных катеров и парусно-моторных судов (машинист). Должен был быть знаком с конструкцией моторов и двигателей внутреннего сгорания, управлять ими в ходу и производить разборку и сборку; знать слесарное и токарное дело; уметь производить ремонт моторов и вспомогательных механизмов, знать уход за динамо-машиной и уметь проводить вновь и исправлять электрическую сеть.

Старшие механики товаро-пассажирских и буксирных теплоходов, земснарядов, ледоколов и др. судов. Во всех установленных для того случаях для занятия этой должности требовался диплом или свидетельство. Механик, являясь на судне ответственным лицом по машинному и котловому хозяйству, должен был знать конструкцию всех машин, котлов, приспособлений и оборудования обслуживаемого судна; знать уход за ними и в надлежащих случаях уметь самому осуществлять таковой. Познания механика должны были быть в объеме, дающем возможность следить за работой, инструктировать и давать практические указания подчиненной ему нижней команде. Он также должен был быть хорошо знаком в пределах инструкций и положений с правилами и условиями приемки котлов, машин, механизмов, с их установкой и проводкой; уметь определять дефекты машин, котлов и всякого другого механического и электрического оборудования. При постановке судна на ремонт уметь определять степень и сроки ремонта по котлам, машинам и механизмам и составлять дефектные ведомости; уметь осуществлять руководство производством ремонта и в подлежащих нужных случаях самому выполнять таковой; иметь опыт и знания по устранению и исправлению повреждений как корпусов судна, так и механизмов при авариях; знать и уметь вести журнал и выполнять работу по ведению установленной отчетности; хорошо читать чертежи и выполнять чертежные работы, а также уметь производить снятие диаграмм и определять по ним работу машины.

Градация для них: плавучих элеваторов; грузовых судов до 450 р.т.; портовых судов до 200 и.с.; грузовых судов от 450 до 850 р.т.; товаропассажирских до 450 р.т.; грузовых судов от 850 до 1.350 р.т.; товаропассажирских от 450 до 850; портовых судов от 200 до 450 и.с.; грузовых судов от 1.350 до 2.400; товаропассажирских судов 850-1.350; ледоколов до 1.500 и.с.; портовых судов свыше 450 и.с.; грузовых судов от 2.700-4.000 р.т.; ледоколов от 1.500-4.000 и.с.; товаропассажирских судов от 1.350-2.700 и.с.; грузовых судов свыше 4000 р.т.; ледоколов от 4.000-6.000 и.с.; мех. (машинист) плавучих кранов до 100 т.; мех. (машинист) плавучих кранов от 50 до 100 т.; мех. (машинист) плавучих кранов свыше 100 т.; ледоколов свыше 6.000 и.с.; мт. мех. п/ш свыше 450 и.с.; ст. мех. п/ш до 450 и.с.; буксирных судов до 200 и.с.; буксирных судов от 200 до 450 и.с.; буксирных судов свыше 450 и.с.; товаропассажирских судов свыше 2700 т.; на земснарядах до 250 кб. м.; на земснарядах от 250 до 360 кб. м.; на земснарядах свыше 360 кб. м.

1-й помощник старшего механика. В основе характеристика та же, что и старшего механика. К нему могли не предъявляться требования, как с старшему меха-

нику в отношении знаний по приемке и самостоятельной установке котлов, машин и других механизмов.

В текущей же работе 1-й пом. механика был прямым заместителем старшего механика. В надлежащих случаях – иметь установленный диплом или свидетельство. Градация для них: буксиров от 200 до 400 и.с.; буксиров свыше 450 и.с.; грузовых судов до 450 р.т.; портовых судов до 200 и.с.; грузовых судов от 450–850 р.т.; товаро-пассажирских судов от 850–2.400; грузовых судов от 850–2.400; грузовых судов от 2.400–4.000; грузовых судов от 4.000 и выше; товаро-пассажирских судов от 450–1.350; товаро-пассажирских судов от 2.700 и выше; товаро-пассажирских судов от 4.000 и выше; ледоколов до 1.500 и.с.; ледоколов от 1.500–4.4000 и.с.; ледоколов от 4.000–6.000 и.с.; ледоколов свыше 6.000 и.с.; парусно-моторных судов свыше 100 т.; парусно-моторных судов от 50 до 100 т.; паровых шаланд до 450 и.с. – 10; паровых шаланд свыше 450 и.с. – 11; портовых судов от 200–450 и.с. – 9; портовых судов свыше 450 и.с. – 10; земснарядов свыше 360 кв.м. – 11; земснарядов до 360 кв.м. – 10.

2-й помощник механика. Должен был обладать познаниями, обеспечивающими возможность самостоятельного несения вахты, в связи с чем требовалось вполне достаточное знакомство с обслуживаемыми машинами, котлами и механизмами, умение управлять ими и производить ремонт и обнаруживать дефекты и производить съему диаграмм. Требовалось знание слесарного и токарного дела и умение читать чертежи.

Градация для них: грузовых судов до 450 т.; грузовых судов от 450–850; грузовых судов от 850–2.400; грузовых судов от 2.400–4.000; грузовых судов от 4.000 и выше; товаро-пассажирских судов до 450 т.; товаро-пассажирских судов от 450–1.350; товаро-пассажирских судов от 1.350–2.700; товаро-пассажирских судов свыше 2.700; буксирных судов до 200 и.с.; буксирных судов свыше 450 и.с.; буксирных судов от 200 до 450 и.с.; ледоколов от 1.500 и.с.; ледоколов от 1.500–4.000; ледоколов от 4.000–6.000; ледокол свыше 6.000; портовых судов до 200 и.с.; портовых судов от 200–450 и.с.; портовых судов свыше 450 и.с.; паровых шаланд до 450 и.с.; паровых шаланд свыше 450 и.с.; земснарядов свыше 360 кв.м.; земснарядов до 360 кв.м.

3-й помощник механика. Должен был знать назначение и действие всех машин, котлов и др. механизмов и уметь производить их ремонт; знание слесарного, токарного и кузнечного ремесла; знать обязанности службы всей машинной команды; обладать достаточными знаниями и опытом для самостоятельного управления машиной во время вахты, вообще же нес такую под наблюдением ст. механика или 1-го помощника механика. Требовалась практическая подготовка в должности машиниста 1 класса. Градация для них: товаро-пассажирских до 450 т.; товаро-пассажирских от 450–1.350 т.; товаро-пассажирских свыше 2.700 т.; ледоколов до 1.500 и.с.; ледоколов от 450–1.350 т.; ледоколов свыше 4.000 и.с.; портовых судов свыше 450 и.с.; паровых шаланд свыше 450 и.с.; земснарядов свыше 360 кв.м.; буксирных судов свыше 450 и.с.; грузовых судов до 850 т.; грузовых судов от 2.400 до 4.000 т.; грузовых судов свыше 4.000 т.;

4-й помощник механика. В основании характеристика та же, что и для 3-го пом. механика, но лица с меньшим практическим стажем. Градация для них: коммерческих судов IV гр., т.е. грузовых свыше 4.000 т.; товаро-пассажирских свыше 2700 т.; грузовых судов от 2.400 до 4.000 т.; товаро-пассажирских судов от 1.350 до 3.700 т.

Наметчики изыскательных партий. Кроме обязанностей матроса промерных и изыскательных партий, наметчик должен был хорошо уметь производить со шлюпки промеры рейкой, лотом или другими приспособлениями по сигналу, а также производить промеры со шлюпки по тросу.

Повара пассажирских судов. Требовалось знание кулинарного дела в объеме, обеспечивающем приготовление обедов, ужинов, завтраков, холодных закусок и сладких блюд, уметь выпекать хлеб. Должен был иметь опыт по составлению меню; уметь определять качество продуктов и знать способы их хранения.

Старший повар. Та же характеристика, что и у повара, но требовался больший практический стаж и опыт, необходимый для руководства работой и инструктирования подчиненных ему работников по кухне.

Подшкипер (помощник боцмана). Та же характеристика, что и матроса 1 кл. Должен был быть хорошо знаком с названием всех материалов, инвентаря и предметов судового оборудования, знать их назначение и способы хранения; уметь составлять краски.

Плотник судовой. Та же характеристика, что и матроса 1 кл. Должны были знать плотничное ремесло в объеме, необходимом для самостоятельного производства работ по ремонту корпуса и судна и его частей, изготовлению судового инвентаря; знать способы и правила производства работ по заделыванию пробоин. Градация: на судах торгового флота; на ледоколах; на земснарядах и судах их обслуживающих.

Послужба каютная. Рабочие (работницы) физического труда, умеющие производить уборку от пыли сора классных помещений, уборных, ванн, могущие корректно обращаться с пассажирами и способные переносить условия морского плавания.

Служители кают и уборщики. Характеристика та же.

1-й помощник капитана. Характеристика та же, что 2 пом., но с большим стажем плавания; умение самостоятельно управлять судном; знать устав внутренней службы на судах торгфлота и отвечать всем требованиям согласно устава. Градация для них: буксирных судов до 200 и.с.; буксирных судов от 200 до 450 и.с.; буксирных судов свыше 450 и.с.; грузовых судов до 450 т.; портовых судов до 200 и.с.; грузовых судов от 450 до 850 и.с.; товаро-пассажирских от 450 до 1.350 т.; ледоколов до 1.500 и.с.; грузовых судов от 2.400 до 4.000 т.; товаро-пассажирских от 1.350 до 2.700 т.; ледоколов от 1.500 до 4.000 и.с.; ледоколов от 4.000 до 6000 и.с.; ледоколов свыше 6.000 и.с.; портовых судов свыше 450 и.с.; парусных и парусно-моторных судов от 50 до 100 т.; парусных и парусно-моторных судов свыше 4.000 т.; портовых шаланд до 450 и.с.; портовых шаланд свыше 450 и.с.; грузовых судов свыше 4.000 т.; товаро-пассажирских судов свыше 2.700 т.

2-й помощник капитана. Характеристика та же, что и 3 пом., но с большим плавательным стажем и практикой; умение вести установленную отчетность, производить грузовые операции и правильно распределять грузы по трюмам; знать устав внутренней службы на судах торгового флота и отвечать всем требованиям согласно устава. Градация для них: буксирных судов до 200 и.с.; грузовых судов до 450 р.т.; парусных и парусно-моторных судов свыше 100 т.; портовых судов до 200 и.с.; буксирных судов от 200 до 450 и.с.; буксирных судов свыше 450 и.с.; грузовых судов от 450 до 850 р.т.; портовых судов от 200 до 450 и.с.; грузовых судов от 850 до 2.400 т.; товаро-пассажирских до 450 и.с.; портовых судов свыше 450 и.с.; грузовых судов от 2.400 до 4.000; товаро-пассажирских от 1.450 до 1.350 т.; товаро-пассажирских свыше 2.700 т.; грузовых судов свыше 4.000 р.т.; товаро-пассажирских от 1.350 до 2.700 т.; ледоколов до 1.500 и.с.; ледоколов от 1.500 до 4.000 и.с.; ледоколов от 4.000 до 6.000 и.с.; ледоколов свыше 6.000 и.с.; паровых шаланд до 450 и.с.; паровых шаланд свыше 450 и.с. – 450 и.с.

3-й помощник капитана. Для занятия должностей требовался диплом или свидетельство об окончании техникума и документы о прохождении практического плавания, согласно существующего на сей счет закона. Должен был знать устав

внутренней службы на судах торгового флота и отвечать всем требованиям, согласно устава. Градация: буксирных судов свыше 450 и.с.; грузовых судов до 850 т.; товаро-пассажирских судов до 450 т.; ледоколов до 1500 и.с.; грузовых судов от 850 до 2.400 т.; товаро-пассажирских судов от 450 до 1.350 т.; грузовых судов от 2400 до 4000 т.; товаро-пассажирских судов свыше 2.700 т.; грузовых судов свыше 4.000 т.; товаро-пассажирских судов от 1.350 до 2.700 т.; ледоколов от 1.500 до 4.000 и.с.; ледоколов свыше 4.000 и.с.; портовых судов свыше 450 и.с.; паровых шаланд свыше 450 и.с.

4-й помощник капитана. В основном характеристика та же, что и 3-го помощника, но требовался меньший практический стаж. Градация: грузовых судов от 2.400 до 4000 т.; товаро-пассажирских судов от 1.350 до 2.700 т.; грузовых судов свыше 4.000 т.; товаро-пассажирских судов свыше 2.700 п.т.; ледоколов от 4.000 и.с. и выше.

1 помощник багермейстера. Характеристика та же, что и 2-го помощника, но с большим стажем и практикой, умение самостоятельно управлять снарядом, знать устав внутренней службы на судах торгфлота и отвечать требованиям согласно устава и специальных инструкций и положений для данной должности. В соответствующих случаях должен был иметь диплом об окончании морского техникума. Градация: на земснарядах до 360 кб.м.; на земснарядах свыше 360 кб.м.

2-й помощник багермейстера. Характеристика та же, что 3-го пом., но с большим практическим стажем и в соответствующих случаях должен иметь диплом об окончании морского техникума. Градация: на земснарядах до 360 кб.м.; на земснарядах свыше 360 кб.м.

3-й помощник багермейстера. Для занятия должности требовалось знание производства землечерпальных работ, умение управлять снарядом во время работы; знание устройства основных механизмов и оборудования земснарядов; знать правила плавания и устава внутренней службы на судах торгового флота и отвечать требованиям, согласно устава. В части остальных познаний должен был отвечать требованиям, установленным для данной должности специальными положениями. Должность применялась на земснарядах свыше 360 кб.м.

Радист. Для занятия должности радиста необходимо было свидетельство об окончании курса радиотехники; знание конструкций приборов, умение управлять ими, производить необходимый ремонт, принимать на слух русские и иностранные телеграммы и вести отчетность по установленной форме.

Старший радист и радист на промысловых судах. Та же характеристика, что и у радиста, но с большим стажем и практикой.

Старший рулевой. Та же характеристика, что и матроса 1 кл., но с большим опытом и стажем. Кроме того, должны были знать рулевое устройство всех систем и осуществлять проводку судов в проливах и при подходах к портам.

Смазчик. Рабочие, имеющие практический опыт и знание основных частей машин и устройство механизмов (главных и вспомогательных), умеющие под руководством производить сборку, разборку и ремонт механизмов, арматуры, водопровода и парового отопления; знание кочегарного и слесарного дела; уметь производить смазку трущихся частей и заправку масленок обыкновенных и автоматических, менять набивку сальников и вести наблюдение за исправной работой машины и механизмов.

Градация: на судах коммерческого флота; на портовых судах; на земснарядах и судах, их обслуживающих, шаландах, ледоколах; на судах коммерческого флота с дизельными установками.

Старшины спасательных станций. Требовался продолжительный стаж в должности матроса спасательных станций. Должны были хорошо управлять лодкой,

как под парусами, так и без них при всякой погоде; знать правила и приемы спасения людей, судов и имущества; при плавании ориентироваться по компасу и естественным приметам; знать правила плавания и сигнализации и отвечать требованиям специальных для данной должности инструкций.

Старшины плавучих кранов (кранмейстеры). Являлись старшими на судне. Должны были знать правила плавания и сигнализации, быть вполне знакомым как с конструкцией обслуживаемого судна, так и с его оборудованием; уметь использовать все приспособления кранов и иметь достаточный опыт по производству всевозможных подъемных работ; уметь определять дефекты и неисправности судна и всего его оборудования, составлять дефектные ведомости и в нужных случаях руководить ремонтом; быть знакомым с установленной для данной должности отчетностью и уметь ее выполнять. Градация: плавучих кранов до 50 т.; то же до 100 т.

Старшины плавучих элеваторов. В основном характеристика та же, что и для старшины плавучих кранов, но предъявляемые требования должны были соответствовать особенностям данного судна.

Старшины непарового флота. Были старшими на судне, а потому должны были знать обязанности боцмана и уметь управлять судном во время хода; знать правила и способы крепления буксира и быть знакомыми с правилами плавания и сигнализации; знать правила погрузки и уметь распределять груз на судне. Требовалось прохождение службы в должности матроса 1 класса. Градация: на мусорных баржах; на пактронах; на баржах грузоподъемностью до 500 т.; то же выше 500 т.; на непаровых шаландах земснарядов.

Старшины катеров. Были старшими на судах. Требовалось уметь управлять судном при всяких условиях и при всякой погоде; знать правила плавания и сигнализации, а также устав внутренней службы на судах морского флота и отвечать требованиям устава, касающимся данной местности. Градация: моторных катеров; катеров до 60 и.с.

Старшины промерных партий. Требования: знать обязанности службы рабочих промерных партий при всякого вида работах; уметь производить по указанию технического персонала подготовительные работы при изысканиях, как то: осмотр состояния промерной цепи, заготавливать с соответствующими надписями колышки и др. знаки и т.п.; знать приемы и руководить работами по установке в указанных местах реперов и свай; знать назначение и название применяемых на изыскательных работах инструментов и принадлежностей; уметь выполнять в процессе работ поручения технического персонала изыскательских партий.

Суперкарго. Должен быть знаком с приемом и сдачей грузов, ведением грузовой отчетности и грузовых книг; знать правила погрузки судов и распределения грузов по трюмам; требовалось знание устава внутренней службы на судах торгфлота.

Электрик на паровых судах с электрифицированными механизмами. Должен был быть достаточно знаком с динамо-машиной и электромоторами, электрифицированными грузовыми средствами; уметь производить монтаж электромоторов и динамо-машин, производить их ремонт и управлять электромоторами и производить ремонт электрической сети.

Хлебопек. От него требовалось умение в условиях морской обстановки готовить хлеб, как ржаной, так и пшеничный, не исключая выпечки сдобного и сладкого хлеба; уметь изготавливать сухари из разных сортов хлеба [7, л. 14–19; 8, с. 1–11].

Приведенные данные позволяют увидеть четкие требования к каждому из перечисленных членов экипажей судов. Кроме того, давая градацию их, мы таким обра-

зом видим насыщение экипажей судов тем или иным персоналом. Безусловно, что эти требования не были окончательными и дополнялись еще в течение 1930-х гг.

Так, к примеру, согласно приказу заместителя НКВТ от 26 октября 1935 г. №17/ЦЗ. «Об упорядочении обслуживания электрического оборудования судов», во-первых, начальникам всех пароходств морского флота немедленно провести в жизнь следующие мероприятия: а) ответственность за состояние электрооборудования судов пароходства возложить на старшего инженера по электротехнике в механико-судовой службе пароходства. Старший инженер по электротехнике пароходства мог быть назначен только из числа инженеров-электриков, имеющих не менее годичного плавательного стажа в качестве судового электрика или не менее 2-х лет практической работы с судовыми электроустановками. В помощь старшему инженеру по электротехнике следовало установить в пароходстве штат инспекторов в зависимости от объема флота пароходства; б) все назначения электромехаников и электриков на суда производить только с непременно письменного согласования старшего инженера по электротехнике пароходства, который проверял дипломы и т.д., производил технические проверки назначаемых работников и давал окончательное заключение о технической пригодности и возможности приема их;

в) на судах устанавливались должности электромехаников 1-го и 2-го разряда, являющихся старшими лицами судового экипажа с присвоением им соответствующих прав. В части оклада и выплаты тонно-милльных электромехаников 1-го разряда приравнивали ко 2-м механикам (1-м пом. механика), электромехаников 2 разряда к 3-м механикам.

Судовых электриков в части оклады и выплаты тонно-милльных приравнивали к старшим судовым мотористам, или машинистам.

г) на судах установили следующие штаты персонала обслуживающего электрооборудование: 1. На наливных и пассажирских судах с суммарной мощностью электроустановок свыше 500 кВт. – 1 электромеханик 1-го разряда и 2 электрика. На тех же судах исключительно внутреннего плавания – 1 электромеханик 1-го разряда и 3 электрика.

2. На наливных и пассажирских судах с суммарной мощностью электроустановок от 250 до 500 кВт и на сухогрузных судах с суммарной мощностью 250 кВт – 1 судовой электромеханик 1 разряда и один электрик. На тех же судах с суммарной мощностью от 100 до 250 кВт. – 1 судовой электромеханик 2 разряда и 1 электрик.

3. На неэлектрифицированных наливных судах внешнего плавания – 1 электромеханик 2-го разряда.

4. На неэлектрифицированных пассажирских судах с числом пассажиров свыше 150 чел. и на неэлектрифицированных сухогрузных судах грузоподъемностью свыше 8000 т. – 1 электрик.

5. На всех остальных судах ответственность за состояние электрооборудования возлагается на 3-го механика.

д) должности электромонтеров 1-го и 2-го разряда следовало замещать лицами, имеющими соответственно диплом электромехаников 1-го или 2-го разряда. Допустить замещение тех же должностей лицами, имеющими свидетельства электромеханика практика. Должности судовых электриков – замещать лицами, проработавшими по ремонту судового электрооборудования в мастерских пароходства не менее 1 года или окончившим школу ФЗУ при мастерских пароходства;

е) ввести в действие прилагаемые: а) правила по обслуживанию электрооборудования танкеров, б) инструкции электрикам по обслуживанию электрооборудования танкеров; в) инструкции электрикам по обслуживанию электрооборудования пассажирских и сухогрузных судов.

Во-вторых, начальникам портов следовало принять немедленно к руководству следующий порядок выдачи дипломов и свидетельств электромеханикам:

а) диплом судового электромеханика II-го разряда выдавать лицу, имеющему свидетельство о сдаче испытаний в специальной квалификационной комиссии за курс электромеханического отделения морского техникума и проплававшему со свидетельством на судах не менее 1 года в качестве электрика;

б) диплом судового электромеханика I разряда выдавать лицу, имеющему диплом электромеханика не менее 2-х лет в качестве электромеханика 2 разряда. При этом, лица, имеющие диплом инженера-электрика, получали диплом судового электромеханика 2-го разряда после плавания в качестве электрика в течение года и диплом электромеханика 1-го разряда после плавания с дипломом 2-го разряда в течение полугода;

в) свидетельство судового электромеханика-практика выдается лицам, выдержавшим испытание в объеме программы курсов (раздел III п. «б») в специальной квалификационной комиссии;

г) указанные дипломы и свидетельства выдавать управлениям портов на основании документов о соответствующем образовании и стаже.

В-третьих, начальникам всех морских пароходств и начальнику отдела подготовки кадров т. Строганову следовало провести в жизнь следующие мероприятия: а) помимо существующего электромеханического отделения Ленинградского Мортехникума, организовать с 1936 г. такое отделение при Бакинском Мортехникуме; б) организовать при соответствующих мортехникумах 6-ти месячные курсы по повышению квалификации судовых электромехаников практиков с отрывом от производства по специальной программе, утвержденной Центральным управлением морского флота. Начало работ курсов – декабрь 1935 г. для первой группы направленных и июль 1936 г. для второй группы.

На курсы следовало принимать или допускать к испытаниям по программе курсов исключительно лиц, имеющих общий плавательный стаж в качестве электриков не менее пяти лет.

Кроме того, следовало, всех плавающих старших электриков, не подошедших по состоянию образования под получение диплома электромеханика, допускать к продолжению плавания без свидетельства электромеханика-практика до 1 января 1937 г., после чего не имеющих свидетельства перевести в судовые электрики [9, л. 49–50]. В помощь новой категории служащих торгового флота были изданы «Правила обслуживания электрооборудования танкеров морского торгового флота СССР» [9, л. 51–52], «Инструкция по обслуживанию электрооборудования танкеров морского торгового флота СССР (для электромехаников, электриков и 3-х механиков)» и другие нормативные акты [9, л. 52–55].

Список литературы:

1. Скворцов А. Ю.. Правовой статус капитана в международном плавании: Автореф. дис.... канд. юрид. наук. СПб., 1999.
2. Сидорченко В. Ф. Капитан морского судна. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. – 307 с.
3. Виноградов П. П., Кейлин А.Д., Под ред.: Солодилов А.П.: Морское право. Издательство Водный транспорт. – М., 1939. – 248 с.
4. Александр Кейлин. Советское морское право. – Из-во: Водтрансиздат, 1954. – 543 с.
5. Внешнеторговый транспорт. Под общей ред. А. Д. Кейлина. – М.-Л.: Международная книга, 1938. – 347 с.
6. Змерзлый Б.В. Правовое регулирование торгового судоходства в Черноморско-Азовском регионе в конце XVIII – начале XX в. / Б.В. Змерзлый. – Симферополь: ЧП «Предприятие Феникс», 2014. – 512 с.
7. Государственный Архив Республики Крым. Ф. Р-1599, оп. Л., д. 63. Заявления, удостоверения и переписка с ЦУМОРОм о замене дипломов на звание судостроителей и судовых механиков старого

образца, выданных Отделом торгового мореплавания быв. Министерства торговли и промышленности на дипломы установленной формы НКПС. 23.01.1929-5.11.1929 г. – 42 л.

8. Квалификационная характеристика работников морского транспорта. Приложение к Бюллетеню ЦК Водников №2. – Издание ЦК водников. Ответственный редактор А.П. Яковлев, 4-я тип. «Мосполиграф», Москва, Ярмацкий, 6. – 11 с.

9. Государственный Архив Республики Крым. Ф. Р-1599, оп. 1, д. 171. Приказы, циркуляры НКВТ, Управления Черноморского пароходства и докладные записки СНК Крым АССР НКВТ, Крымскому обкому ВКП(б), Южному центральному морскому управлению о реконструкции Ялтинского порта и приписных к нему пунктов, о перенесении Ялты из группы портов 3 разряда в группу 2 разряда. 31.07.1935–31.12.1935 г.

Gurina L. Introduction of qualifying requirements to the office workers of soviet mercantile fleet at the end of 1920th - beginning 1930th // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2015. – Т. 1 (67). № 2. – P. 15–27.

In the article the problems of introduction of qualifying requirements are considered to the office workers of soviet mercantile fleet of the most different categories at the end of 1920th – beginning 1930th. These norms were entered in the process of preparation and edition of Code of Trade Seagoing in 1929, however entered him. Nevertheless in Code found a reflection only separate qualifying descriptions in regard to the captains of trade courts and their mechanics. Absence of the legislative fixing at Code level exactly of qualifying requirements testifies to their permanent perfection and change, including in the conditions of development of both technical side of work of water-carriage and socio-economic and political terms. On the other hand, in adjusting of problem of status of office workers of mercantile fleet, due to the acceptance of clear qualifying requirements, a quality breach was set preparing terms for further perfection of all legal base in this industry.

Keywords: status of office workers of mercantile fleet, norm, legal position, qualifying requirements.

Spisok literatury:

1. Skvortsov A. Yu.. Pravovoy status kapitana v mezhdunarodnom plavanii: Avtoref. dis.... kand. yurid. nauk. SPb., 1999.
2. Sidorchenko V.F. Kapitan morskogo sudna. – SPb.: Yurid. tsentr Press, 2001. – 307 s.
3. Vinogradov P.P., Keylin A.D., Pod red.: Solodilov A.P.: Morskoe pravo. Izdatelstvo Vodnyiy transport. – M., 1939. – 248 s.
4. Aleksandr Keylin. Sovetskoe morskoe pravo. – Iz-vo: Vodtransizdat, 1954. – 543 s.
5. Vneshnetorgovyy transport. Pod obschey red. A. D. Keylina. – M.-L., Mezhdunarodnaya kniga, 1938. – 347 s.
6. Zmerzlyiy B.V. Pravovoe regulirovanie torgovogo sudohodstva v Chernomorsko-Azovskom regione v kontse XVIII – nachale HH v. / B.V. Zmerzlyiy. – Simferopol: ChP «Predpriyatie Feniks», 2014. – 512 s.
7. Gosudarstvennyiy Arhiv Respubliki Kryim. F. R-1599, op. L., d. 63. Zayavleniya, udostovereniya i perepiska s TsUMORom o zamene diplomov na zvanie sudostroiteley i sudovyih mehanikov starogo obraztsa, vyidannyih Otdelom torgovogo moreplavaniya byiv. Ministerstva torgovli i promyshlennosti na diplomyi ustanovlennoy formy NKPS. 23.01.1929-5.11.1929 g. 42 l.
8. Kvalifikatsionnaya harakteristika rabotnikov morskogo transporta. Prilozhenie k Byulleteny TsK Vodnikov №2. – Izdanie TsK vodnikov. Otvetstvennyiy redaktor A.P. Yakovlev, 4-ya tip. «Mospoligraf», Moskva, Yarmyanskiy, 6. – 11 s.
9. Gosudarstvennyiy Arhiv Respubliki Kryim. F. R-1599, op. 1, d. 171. Prikazyi, tsirkulyari NKVT, Upravleniya Chernomorskogo parohodstva i dokladnyie zapiski SNK Kryim ASSR NKVT, Kryimskomu obkomu VKP(b), Yuzhnomu tsentralnomu morskomu upravleniyu o rekonstruktsii Yaltinskogo porta i pripisnyih k nemu punktov, o perenesenii Yaltyi iz gruppyi portov 3 razryada v gruppy 2 razryada. 31.07.1935-31.12.1935 g.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского
Юридические науки. – 2015. – Т. 1 (67). № 2. – С. 28–32.

УДК 377.999(09) (477.75)

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СОЗДАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АДМИНИСТРАЦИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КРЫМУ

Змерзлый Б. В.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье указывается, что правовые основы создания и деятельности органов государственной администрации Российской империи в Крыму были заложены такими нормативно правовыми актами как Кучук-Кайнаджирский договор, манифест Екатерины II о присоединении Крыма, указ о создании Таврической области и открытия в ней присутственных мест, указом о учреждении губерний и другими нормативно-правовыми актами. Подчеркиваются особенности применяемых методов при создании в Черноморско-Азовском регионе вообще и в Крыму в частности таких военно-гражданских административных единиц как градоначальства, постепенного становления особого статуса Севастополя как базы Черноморского флота, режимов наибольшего благоприятствования торговли, в виде порто-франко, для отдельных городов (Одесса) и даже попытка их распространения на целые регионы, к примеру, Крым и т.д. Обращено внимание на то, что многие такие шаги носили отпечаток иностранных заимствований, в первую очередь административно-хозяйственного характера. Это позволяло государству вести политику более гибко, приспособливаясь к тем или иным местным условиям, стоящим перед ним задачам.

Ключевые слова: правовые основы, нормативно-правовые акты, Крым, Российская империя, указы.

Проблемы создания и деятельности органов государственной администрации Российской империи в Крыму в конце XVIII – начале XIX вв. безусловно интересны, в первую очередь, применявшимися в многовекторными подходами со стороны государства в отношении такого сложного в социально-экономическом, политическом, национальном и военном смысле региона как Крым. Неудивительно что к рассмотрению отдельных вопросов по данной проблематике было обращено внимание различных ученых. Среди них нужно назвать таких исследователей как: Григорьев В. А., Ниметуллаева С. С., Воронина Е. О., Сибилева А. Ю., Завадовский А. Г., Прохоров Д. А., Ревин К. И., Хутько Т. В. и многие другие.

Несмотря на такое внимание к проблеме считаем необходимым подчеркнуть, что правовую основу создания российских органов власти в Крыму, очевидно, заложил еще Кучук-Кайнаджирский договор (1774 г.), по которому, кроме прочего, Россия получила в свое пользование Керчь и Еникале [9, с. 957–967]. Этот шаг, во-первых, номинально утверждая независимость Крымского ханства, уничтожил его какую-либо зависимость от Турции, предопределив дальнейшую возможность его попадания в зависимость от России; во-вторых, позволил создать в данных стратегических точках военную администрацию, на основе которой в дальнейшем можно было управлять указанными территориями.

Как известно, 8 апреля 1783 г. был издан манифест Екатерины II о присоединении Крыма, однако в нем, кроме собственно объявления о присоединении новых территорий, ни о каком их административно-территориальном устройстве, как о

будущем создании соответствующих органов власти речь не шла [10, с. 897–898]. С другой стороны, сам факт присоединения и обещание содержать новых подданных в тех же свободах и правах, как и остальных, уже сам по себе подразумевал установление не особых каких-либо специфических, как это иногда бывало при присоединении отдельных территорий, а общегосударственных органов власти.

Тем не менее, как видно, задача эта оказалась весьма непростой, так как на ее решение, т.е. выработку общей концепции и подготовку к внедрению прошел почти год. Лишь указом от 2 февраля 1784 г. была создана Таврическая область, изначально с административным центром в Карасубазаре, с разделением ее на 7 уездов [11, с. 21]. Следует обратить внимание на следующие вопросы, затронутые в указе. Так, во-первых, указ предусматривал, что присутственные места должны открываться исходя из принципов необходимости и соответствия количества необходимого для их работы населения. Во-вторых, еще одним важным моментом было требование привлечения в нижних и областных присутственных местах «тамошних старшин достойнейших». В-третьих, особо следует подчеркнуть дозволение открывать в прочих городах, не ставших уездными, «Ратуши на таком основании, как по учреждениям Нашим о посадах предписано».

Значит это, по нашему мнению, следующее. Потребность административно-территориального обустройства не вызывала никакого сомнения, т.к. ликвидация прежних органов власти и наличие лишь военной администрации требовали скорейшей организации именно власти гражданской, с помощью лишь которой регион мог попытаться наладить мирную жизнь. Потребность к тому была огромнейшая: многие города были разрушены и опустели, эмиграция крымских татар лишь ухудшала положение. При существовавшем крепостничестве и нечего было думать заселить Крым, и не только его, людьми свободными из внутренних губерний, что дало бы возможность существенно изменить национальный состав населения, а следовательно, и его ментальность в отношении новой власти. Понимание этого было, так как многочисленные реверансы в сторону основного местного населения – крымских татар – были сделаны значительные. Инкорпорация же татарской элиты в российское дворянство, привлечение ее в органы власти и местное самоуправление, в ряды российской армии были и долгое время оставались в ряду важнейших задач в регионе.

Создание ратуш, в свою очередь, базировалось на использовании так хорошо известных крымскому населению принципах местного, национально-религиозного самоуправления. Это могло дать толчок к скорейшей реорганизации на местах всей экономической и социально-общественной жизни, тем более, учитывая, что в большинстве городов Крыма население, в смысле национального состава, было весьма пестрым.

Можно обратить внимание и на другую особенность вышерассмотренных указов: они, как и некоторые последующие, практически не содержали никакой конкретики в отношении организации сельского населения, его прав, обязанностей и свобод. Также, отчасти, были оставлены отдельные органы власти, доставшиеся в наследство от Крымского ханства, а именно – каймаканские суды и, фактически, вся система мусульманского правосудия. Эти две основные проблемы, и при том весьма значимые и острые, российская власть как бы оставила на разрешение со временем, обращаясь к ним лишь в крайних случаях, можно даже сказать, пунктирно.

Все же остальное, т.е. то, что касается организации необходимых государственных органов власти – проходило более действенно и быстро, хотя и в этих вопросах можно отметить определенную неспешность. Вызвана она была, очевидно, весьма непростой социально-экономической, политической, религиозной, национальной и даже криминогенной ситуацией, сохранявшейся весьма длительное время в регионе.

Свою роль сыграл и человеческий фактор, образованных и подготовленных к реальной работе в органах власти людей катастрофически не хватало. Решение этой проблемы затянулось на десятилетия, и она была отчасти сглажена лишь к 1820–1830-м гг., т.е. когда в регионе уже жило и работало первое поколение родившихся здесь переселенцев, здесь же эти люди получали основное образование и т.д. До этого времени в большинстве случаев, а отчасти и практически до конца XIX в., в специфических органах власти большинство постов занимали вчерашние военные, выходцы из Украины, отдельные чиновники, переехавшие из центральных российских губерний, наиболее активные представители местного купечества.

Как и можно было бы предположить, большинство из них не обладали достаточным опытом работы в государственных органах, в том числе и не имели необходимых познаний, не говоря уже о специальном образовании.

Тем не менее в течение 1787 г. основные государственные учреждения, в том числе и судебные, в Таврической области были открыты и начали свою работу [8, с. 357–366]. Безусловно, что один из краеугольных камней в этом процессе был заложен еще с принятием 7 ноября 1775 г. «Учреждения губерний», заложившего основы административно-территориального устройства страны вплоть до конца ее существования [12, с. 233–313].

Однако то, что было «хорошо» для центральных губерний, пришлось приспособлять, и весьма основательно, для Черноморско-Азовского региона. В частности, это касается создания в регионе вообще и в Крыму в частности таких военно-гражданских административных единиц как градоначальства, постепенного становления особого статуса Севастополя как базы Черноморского флота, режимов наибольшего благоприятствования торговли, в виде порто-франко, для отдельных городов (Одесса) и даже попытка их распространения на целые регионы, к примеру, Крым и т.д.

Все это являлось следствием применения нестандартных подходов в развитии региона и требовало разработки и апробации многочисленных, ранее неизвестных и не применявшихся в империи административных, религиозных и даже судебных органов, каковыми были Римо-католический суд в Карасубазаре, Таврическое Магометанское Духовное правление в Симферополе, Караимское духовное правление в Евпатории и Коммерческий суд в Евпатории, а затем в Керчи и т.д.

Таким образом, можно сделать вывод, что правовые основы создания и деятельности органов государственной администрации Российской империи в Крыму были заложены такими нормативно правовыми актами как Кучук-Кайнаджирский договор, манифест Екатерины II о присоединении Крыма, указ о создании Таврической области и открытия в ней присутственных мест, указом о учреждении губерний и многими другими нормативно-правовыми актами. Также следует обратить внимание на то, что многие из них носили отпечаток иностранных заимствований, в первую очередь административно-хозяйственного характера. Это позволяло госу-

дарству вести политику более гибко, приспособляясь к тем или иным местным условиям, стоящим перед ним задачам.

Список литературы:

1. Григорьев В. А. Реформа местного управления при Екатерине II. – Спб.: «Русская Скоропечатня», 1910. – 387 с.
2. Ниметуллаева С. С. Условия деятельности сиротских судов таврической губернии и их национальный состав // Міжнародна науково-практична конференція «Теоретичні засади та практика реалізації правової політики». – Запоріжжя, 2013. – С. 21–24.
3. Воронина Е. О. Создание и развитие государственной карантинной службы в Российской империи в начале XIX в. // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. – 2010. – 31. – Том 25 (64). – С. 216–224.
4. Сибилева А. Ю. Проектирование и строительство зданий тюрем в Таврической губернии в начале XIX в. // «Первые Таврические юридические научные чтения. – Симферополь, 2014. – С. 49–54.
5. Завадовский А. Г. Сто лет жизни Тавриды. – Симферополь: Таврическая губернская типография, 1885. – 324 с.
6. Прохоров Д. А. Государственные учреждения Таврической области в конце XVIII века // Культура народов Причерноморья. – 1998. – № 4. – С. 123–138.
7. Ревин К. И. Возникновение и деятельность Карасубазарского римско-католического суда // Кримський юридичний вісник. – 2010. – №1(8). – Частина 2. – С. 277–286.
8. Хутько Т. В. Створення судових органів у Таврійській області у 80-ті – 90-ті роки XVIII століття / Хутько Т.В. // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. – 2012. – Т. 25(64). – №2. – С. 357–366.
9. Полное собрание законов Российской империи. С 1649 года. Т. XIX. 1770–1774. – СПб., 1830. – 1081 с.
10. Полное собрание законов Российской империи. С 1649 года. Т. XXI. С 1781 по 1783. – СПб., 1830. – 1083 с.
11. Полное собрание законов Российской империи. С 1649 года. Т. XXII. С 1784 по 1788. – СПб., 1830. – 1168 с.
12. Полное собрание законов Российской империи. С 1649 года. Т. XX. 1775–1780. – СПб., 1830. – 1034 с.

Zmerzly B. Legal frameworks of creation and activity of organs of state administration of the Russian empire are in Crimea // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2015. – Т. 1 (67). № 2. – P. 28–32.

In the article specified, that legal frameworks of creation and activity of organs of state administration of the Russian empire in Crimea were supported by such normatively legal acts as Кучук-Кайнаджирский agreement, the manifest of Catherine II on joining of Crimea, decree about creation of the Таврической area and opening in her offices, by a decree about establishment of provinces and other normatively-legal acts. The features of the applied methods are underlined at creation in the region Black and Azov seas in general, and in Crimea in particular, such военно-гражданских administrative units as the градоначальства, gradual becoming of the special status of Sevastopol, as a base of the black Sea fleet, most favored nation bases of trade, as порто-франко, for separate cities (Odesa) and even attempt of their distribution on whole regions, for example, Crimea etc. Paid attention to that many such steps carried the imprint of the foreign borrowing, first of all administrative character. It allowed to the state to conduct politics more flexibly, adapting to one or another local terms standing before him to the tasks.

Keywords: legal frameworks, normatively-legal acts, Crimea, Russian empire, decrees.

Spisok literatury:

1. Grigorev V. A. Reforma mestnogo upravleniya pri Ekaterine II. – Spb.: «Russkaya Skoropechat-nya», 1910. – 387 s.

2. Nimetullaeva S. S. Usloviya deyatel'nosti sirot'skikh sudov tavrisheskoy gubernii i ih natsionalnyy sostav // *Mizhnarodnaya nauchno-praktichna konferentsiya «Teoretichni zasady ta praktika reallizatsiyi pravovoyi politiki»*. – Zaporizhzhya, 2013. – S. 21–24.
3. Voronina E. O. Sozdanie i razvitiye gosudarstvennoy karantinnoy sluzhby v Rossiyskoy imperii v nachale XIX v. // *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsionalnogo universiteta im. V. I. Vernadskogo*. – 2010. – 31. – Tom 25 (64). – S. 216–224.
4. Sibileva A. Yu. Proektirovaniye i stroitel'stvo zdaniy tyurem v Tavricheskoy gubernii v nachale XIX v. // *«Pervyye Tavricheskiye yuridicheskiye nauchnyye chteniya. Simferopol, 2014»*. – S. 49–54.
5. Zavadovskiy A. G. Sto let zhizni Tavridyi. – Simferopol: Tavricheskaya gubernskaya tipografiya, 1885. – 324 s.
6. Prohorov D. A. Gosudarstvennyye uchrezhdeniya Tavricheskoy oblasti v kontse XVIII veka // *Kul'tura narodov Prichernomorya*. – 1998. – N 4. – S. 123–138.
7. Revin K. I. Vozniknoveniye i deyatel'nost Karasubazarskogo rimsko-katolicheskogo suda // *Krimskiy yuridicheskyy vlsnik*. – 2010. – N1(8). – Chastina 2. – S. 277–286.
8. Hutko T. V. Stvoreniya sudovih organiv u Tavriyskoy oblasti u 80-ti – 90-ti roki XVIII stolit'ya / Hutko T.V. // *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsionalnogo universiteta im. V. I. Vernadskogo*. – 2012. T. 25(64). – №2. – S. 357–366.
9. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. S 1649 goda. T. XII. 1770–1774. – SPb., 1830. – 1081 s.
10. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. S 1649 goda. T. XII. S 1781 po 1783. – SPb., 1830. – 1083 s.
11. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. S 1649 goda. T. XIII. S 1784 po 1788. – SPb., 1830. – 1168 s.
12. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. S 1649 goda. T. XIV. 1775–1780. – SPb., 1830. – 1034 s.

УДК 351.713(47+57) «19/20»

ОРГАНИЗАЦИЯ СОДЕРЖАНИЯ В АРЕСТАНТСКИХ РОТАХ И ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ ОТДЕЛЕНИЯХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Островский А. А.

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

В работе раскрываются и изучаются основные нормативно-правовые акты (указы, постановления и циркуляры МВД и Главного тюремного управления), на основании которых содержались арестантские роты гражданского ведомства, а затем и исправительные отделения в Российской империи. Указывается, что в этом процессе выявились многочисленные проблемы законодательного, финансового и организационного характера. При этом был использован опыт для решения таких же вопросов в работе обычных тюрем страны. Рассмотрены особенности организации содержания заключенных, их вещевого обеспечения; содержания помещений и территории исправительных отделений, изыскания средств для их освещения, ремонта, текущей эксплуатации. Выявлены основные нормативные акты в исследуемой области.

Ключевые слова: арестантские роты, гражданское ведомство, правовые основы, указ, Российская империя.

В большинстве стран современного мира существует острая проблема финансирования пенитенциарных заведений. В большинстве случаев этот процесс вызывает сложности организационного, правового и экономического характера. Разрешение этих проблем, как показывает богатая историческая практика, возможно лишь с концентрацией усилий не только соответствующих органов исполнения наказаний, но и при содействии всех необходимых государственных, а в некоторых случаях даже общественных организаций. Использование этого опыта, накопленного в том числе в пенитенциарной системе Российской империи, является необходимым шагом к разработке комплексных, системных подходов для решения подобных задач.

Анализ последних исследований и публикаций. Изучение различных аспектов проблемы привлечения заключенных к производительному труду в Российской империи в большинстве своем комплексно еще не происходило. При этом большинство ученых затрагивавших в той или иной степени вопросы деятельности пенитенциарных систем, так или иначе, затрагивали отдельные аспекты данной проблемы. Исходя из этого, укажем, что историографию проблемы составляют труды таких исследователей как Бочаров А. А., Соболевский В. А., Шилов А. И., Курочкин Е. П., Гернет М. Н., Сибилева А. Ю. и многие другие [1–7].

Содержание в арестантских ротах гражданского ведомства, а далее – в исправительных отделениях должно было подчиняться основным принципам, заложенным в основу их формирования: жесткая дисциплина (по примеру военных подразделений), поддерживаемая военными офицерами и унтер-офицерами, а также тяжелый повседневный труд. Целью последнего было оказание помощи городам в разрешении их насущных потребностей, наказание арестованных, а с профилактической целью – уменьшение правонарушений и количества так называемых бродяг. Исхо-

дя из этого, по указу от 10 июля 1830 г. (3786) заключенные этих подразделений подчинялись строжайшей военной дисциплине, носили специальную форму. Положение также предусматривало содержать арестантов «в наилучшей чистоте, и смотреть, чтобы они были всегда опрятны и выбриты» (п. 6-7).

Первоочередной задачей при создании арестантских рот, естественно, было обеспечение их соответствующими помещениями. Так, тем же указом предписывалось для размещения арестантских рот строить специальные остроги или казармы. К какой бы работе ни назначались арестанты, им запрещалось выходить из острога или казармы без соблюдения следующих правил: а) перед выводом арестантов из острога били сбор; б) арестанты выходили и строились по своим отделениям в 2 шеренги; в) после того производилась перекличка, по окончании которой арестантов в порядке вели на работу; г) возле каждого отделения с левой стороны должен был идти унтер-офицер; д) все движения производились обычными командными словами; по окончании работ вторично били сбор, и арестанты, построившись тем же порядком, возвращались в место расположения [8, с. 705].

Кроме того, указ запрещал выдавать на руки деньги арестантам, также устанавливался запрет на получение любых средств со стороны. Жалования арестантам не полагалось. Одежду для арестантов командир роты получал по распоряжению местного гражданского начальства и отчитывался перед ним за ее использование. Положение также устанавливало запрет на использование арестантов на другие работы, кроме казенных и городских, а особенно на исполнение частных, или партикулярных работ и поручений. Любой беспорядок в роте или отступление от подобной инструкции, для соблюдения единообразного во всех городах порядка, возлагались на ответственность ротного командира и местного гражданского начальства, которому эта рота поручалась (п. 12-19) [8, с. 706].

Достаточно были обеспечены работами, а значит, и получали стабильный доход арестантские роты только в больших городах. В них же более или менее удавалось обеспечить эти подразделения соответствующими помещениями. В Крыму ситуация была совершенно иной – регион слишком медленно развивался и его города с трудом решали возложенные на них задачи. Как известно, долгое время в них не удавалось обеспечить соответствующими зданиями даже местные тюрьмы, а потому создание новых мест заключения вызвало дополнительные проблемы.

Так, при создании арестантской роты в Симферополе ее содержание было отнесено на счет средств специального сбора с крымских татар. Но так как в положении о данных ротах не было точно изъяснено, откуда именно должны быть производимы определенные по штату расходы, то местное начальство распорядилось об приведении этих издержек «в известность и о обращении оных на вышеупомянутые же суммы со внесением на будущее время в сметы». МВД предложил это утвердить, и 24 октября 1833 г. вышел указ «О содержании Арестантских рот Гражданского ведомства в Новороссийском крае» (6513) [9, с. 600]. Однако, как показало время, большинства проблем он не решил.

29 ноября 1839 г. был принят указ «О планах для постройки зданий для арестантских рот» (12935). В нем, в частности, указывалось, что «...проекты на предполагаемую постройку, для помещения арестантских рот гражданского ведомства в городах: Архангельске и Перми деревянных, а в Харькове, Курске и Калуге каменных, и притом уведомил, что проекты сии ... повелено принять нормальными на

предмет постройки зданий для арестантских рот и в прочих городах империи...» [10, с. 903]. Документ предусматривал строительство двух зданий. Первое – это офицерский флигель в 2 этажа, а второе – главный корпус для арестантской роты в 3 этажа. В офицерском флигеле квартиры для 3-х обер-офицеров. В зданиях предусмотрены были караульни, столовые, цейхгауз, сапожная, прачечная и т.д. Квартиры для офицеров представляли собой небольшие комнаты.

Хозяйственные и финансовые особенности существования исправительных арестантских рот гражданского ведомства были отображены в положении о них от 15 августа 1845 г. (19285). В гл. 3, в частности, указывалось, что данные подразделения содержатся из земского сбора тех губерний, в которых они созданы, или тех, из которых высылаются в них арестанты. Для облегчения условий земского сбора на содержание роты также шли средства: 1) часть поденной платы, зарабатываемой арестантами; 2) деньги, вносимые на содержание людей, отдаваемых в роты обществами и помещиками для исправления.

При этом поденную плату следовало устанавливать ежегодно строительной комиссией или комитетом с утверждения начальника губернии, исходя из средней местной цены обыкновенного рабочего дня (по справочным, торговым и хозяйственным существующим в то время ценам) и с понижением ее против этой цены от 30 до 40%. 2/3 собираемой из этого источника суммы отдавались на пополнение земского сбора; 1/3 оставалась в роте, для улучшения и обеспечения содержания арестантов, исправляющихся в поведении, и на пособия выбывающим из рот.

Кроме того, из поденной платы, выручаемой арестантами, приговоренными к вознаграждению причиненного похищением, обманом или подлогом убытка, 2/3 обращалось на пополнение взыскания, 1/3 поступала в пополнение земского сбора на содержание рот; из тех средств, что выручались арестантами, впадшими от развратной жизни в неоплатные недоимки, 2/3 отчислялось в счет недоимки, а 1/3 причислялось к земскому сбору.

Деньги на содержание людей, отдаваемых в роты по приговорам обществ и распоряжениям помещиков, вносились обществами и помещиками в количестве, установленном для смиренных домов. К доходам роты причислялись и подаяния, собираемые в кружках, выставленных у дверей занимаемого ротой здания, и в одной из местных церквей. Их следовало использовать на устройство больницы и для пособия выбывающим из роты арестантам. Там, где по местному удобству было возможно завести огороды для арестантских рот, собираемые с них продукты, но лишь необходимая часть, шли на продовольствие роты, а остальные следовало продавать, вырученные за них деньги причислять к экономической сумме [11, с. 1018].

Для производства работ арестантские роты снабжались необходимыми инструментами по особо утверждаемым табелям. Освещение, отопление и содержание зданий для арестантских рот следовало производить по хозяйственному распоряжению местного начальства. Надзор за хозяйственным устройством арестантских рот возлагался на строительные комиссии или комитеты при содействии, по особым о том правилам, предводителя дворянства уезда, в котором находилась рота.

Ротный командир по всем хозяйственным надобностям роты должен был делать представления и давать о полученном жаловании, одежде, провианте, денежных суммах, материалах и инструментах ежемесячные отчеты строительным комиссиям или комитетам. Своим действиям по хозяйственной части строительным комиссиям

или комитетам следовало вести журналы, сообщаемые на общем основании для просмотра губернскому прокурору [11, с. 1019].

Арестантов первого разряда следовало содержать отдельно от арестантов второго разряда. При этом каждый из разрядов разделялся на отделения, по количеству унтер-офицеров. Положением также регулировались вопросы выборов в отряд исправляющихся и сохранения порядка в роте [11, с. 1023].

Указом от 13 июля 1851 г. «Правила нового устройства земских повинностей» (25398) многие положения были уточнены и конкретизированы [12, с. 483]. Им к предметам государственных денежных земских повинностей, в отношении к арестантским ротам гражданского ведомства и к исправительным при гарнизонных и линейных батальонах учрежденным отделениям, были отнесены: а) устройство, ремонт, отопление и освещение помещений арестантских рот гражданского ведомства; б) содержание арестантов при этих ротах и стражи при них, а именно: продовольствие, обмундирование и жалование этой стражи, по особому о том положению [12, с. 487].

В отделении 2 «Предметы повинностей местных» п. 2 «В отношении к помещениям местного гражданского управления», на земский сбор возлагались расходы по: «а) Возведение зданий для помещения губернских и уездных присутственных мест, губернских и уездных тюрем, когда потребный на сии предметы расход превышает количество отпускаемой на оные из государственного казначейства особой строительной суммы;...б) Наем зданий для одиночного помещения арестантов, впредь до нового устройства тюрем в сем роде... д) Отопление и освещение тюрем в тех городах, которые, за содержанием своей полиции и прочими их внутренними расходами, не могут на сии предметы уделять надлежащей суммы из собственных доходов...» [12, с. 489].

Впрочем, финансовое и экономическое положение государства не позволяло в полной мере обеспечивать все насущные потребности арестантских рот гражданского ведомства, а отсутствие за их деятельностью контроля со стороны общественности, хотя бы в виде попечительных о тюрьмах комитетов, при полном бесправии заключенных таких заведений создавало в целом весьма удручающую картину.

Начало Крымской (Восточной) войны значительно ухудшило финансовое положение государства в целом и отдельных городов в частности, средств на содержание исправительных арестантских рот катастрофически не хватало. Безусловно, что сложная военная ситуация повлияла на формирование всех арестантских рот. Государство было вынуждено принимать меры по сокращению таких расходов за счет пересмотра отдельных положений. Они, в первую очередь, были направлены на уменьшение количества заключенных в арестантских ротах гражданского ведомства.

К таким указам можно отнести указ от 18 июня 1854 г. «О высылке в Восточную и Западную Сибирь, для употребления в работы, арестантов арестантских рот гражданского ведомства, коим назначены продолжительные сроки содержания» (28348). Это было сделано для уменьшения количества лиц в арестантских ротах и касалось тех заключенных, кому было назначено наказание в 4 и более лет [13, с. 635–636]. Таким образом экономились налоги городов и земские сборы, которые перенаправили армии, и освобождались офицеры и унтер-офицеры.

То же самое отражает и указ от 18 июня 1859 г. «Штат Одесской арестантской роты гражданского ведомства» (34639). Им, в частности, предписывалось «...для сокращения издержек на содержание двух, №№32 и 33, Одесских арестантских рот гражданского ведомства, отпускаемых из сумм городского дохода... и по малому числу находившихся в них арестантов, – одну из рот, №33, упразднить, а другую, №32, преобразовать по вновь утвержденному штату, с передачей арестантов и 4 унтер-офицеров упраздненной №33 роты в таковую же №32 для пополнения некомплекта; а одного штаб-офицера, двух обер-офицеров и 18 унтер-офицеров, остающихся излишними, перевести во Внутреннюю Стражу [14, с. 557–588]. Продолжили это направление и указы от 19 октября 1863 г. «О временных мерах к очищению арестантских рот гражданского ведомства от накопившихся в них арестантов» (40138) [15, с. 118–120]; 1863 г. т. 38. 39452 а. «Подтверждение постановлений касательно принятия своевременных мер к установлению напрасного, сверх назначенного срока, содержания арестантов в арестантских ротах гражданского ведомства»; 17 апреля 1863 г. №39504 «О некоторых изменениях в существующей ныне системе наказаний уголовных и исправительных» [15, с. 352–353].

31 марта 1870 г. был принят указ «О переименовании арестантских рот гражданского ведомства в исправительные отделения и о введении в них гражданского управления и вольнонаемного надзора» (№48206) [16, с. 340–342]. Смена руководства предопределяла и смену местного управления ротами с выяснением истинного состояния данного подразделения, хотя бы для того, чтобы не отвечать за ошибки и преступления своих предшественников. Произведенные на местах ревизии иногда показывали удручающие картины состояния арестантских рот.

Так, новый командир арестантской роты в Симферополе Иванов докладывал полицмейстеру 3 июня 1870 г., что это подразделение он застал в ужасном состоянии, в нем не было ни постелей, ни хозяйства, к тому же за ротой числился долг. Частыми были проступки арестантов. С реорганизацией дел, на сэкономленные деньги Иванов устроил постельное белье, деревянные лопаты, плетень вокруг огорода, фонтан, водоподъемный насос для полива огорода. В то же время наметились и потери, так, с назначением в местную тюрьму директора Завадовского тот отказался от услуг арестантской роты по очистке отхожих мест, что снизило доход роты [17, л. 31–33].

Следует также указать, что еще 30 марта 1868 г. губернатор осмотрел арестантскую роту и нашел в ней порядок, пасхи оказалось достаточно, везде чисто, арестанты на вид здоровы, постели есть для всех, в казармах ничего лишнего, за что и похвалил Иванова и даже объявил тому благодарность [18, л. 11].

В то же время, проблемы в содержании данного подразделения были и в дальнейшем. Многие из них были для арестантских рот стандартными, потому и регулировались на общегосударственном уровне различными циркулярами. Так, 1 июля 1868 г. МВД издало циркуляр, согласно которому «... в дополнение ст. 371 уст. О зем. Пов. (Св. Зак. изд. 1857 г.) и приближения к примечанию 1 при сей ст. (по прод. 1863 г.), постановить следующее: «В исправительные арестантские роты гражданского ведомства осветительные материалы в летнее время выдаются в половину от зимнего времени. На баню же и прачечную отпускаются, смотря по местным обстоятельствам, натурою или деньгами, дров от 5 до 10 сажень в год, по числу содержащихся арестантов примерно, и кроме того, на мыло для бани и стирки белья

по 28 ½ к. в год на каждого человека. Потребные на все сии предметы расходы относятся на государственный земский сбор» [19, л. 4].

В Правительственном вестнике от 13 июня 1879 г. были опубликованы указ №131 «Циркуляр Министерства Внутренних Дел Губернаторам» от 12 июня 1879 г., №4875 «О порядке торгов по поставкам предметов содержания исправительных арестантских рот и отделений гражданского ведомства..., а равно делаемы вызовы к сим торгам и составляемы условия на них и затем заключаемы обязательства». В нем, в частности, разъяснялось, что таковые торги должны производиться в совместном присутствии казенных палат и губернских правлений, «...составление же кондиций, вызовы к торгам и утверждение их или испрошение на это разрешения в подлежащих случаях, как и заключение обязательств с лицами, за которыми остается поставка, – лежит на обязанности губернских правлений» [20, л. 13–13 об.].

8 июня 1882 г. был издан циркуляр ГТУ от «О порядке поставления материалов одежды и обуви и продовольственных припасов для содержащихся в исправительных арестантских отделениях». Он заменил собой ст. 1.024 Уст. «О содержащихся под стражей» (Св. Зак. Т. 7, по прод. 1876 г.) и установил следующее правило: «материалы одежды и обуви и продовольственные припасы для содержащихся в исправительных арестантских отделениях заготавливаются по распоряжениям подлежащего гражданского начальства, с соблюдением общеустановленного законом порядка для казенных заготовлений и поставок по гражданскому ведомству» [21, л. 8].

Следует указать, что при снабжении роты всем необходимым каждый раз возникали однотипные трудности, связанные со сложностью проведения закупок. Так, согласно ведомости «О потребностях по сроку 1886 г. для арестантов Керченского исправительного арестантского отделения разных вещей и материалов для постройки одежды и обуви и провианта для продовольствия, а также предметов отопления и освещения», для 80 арестантов требовалось по отоплению: кизяка овечьего, с примесью наполовину товарчье, для приготовления пищи в арестантском котле и печения хлеба – 21 сажень и 1 аршин. Антрацита на обогрев бани с прачечной – 324 пуда. На нагревание в зимние месяцы с ноября по апрель жилых покоев на 9 голландских печей – 607, 5 пудов. Дров на растопку кизяка и антрацита – 4 сажень.

По освещению: на 8 покоев полагается в ночь: а) свечей в зимние ночи с ноября по апрель по 2/8 фунта в каждую ночь на покой – 7 пудов 14 аршин. б) на летнюю ночь с апреля по ноябрь полагая в ночь на покой по 1/8 пуда – 5 пудов 14 фунтов. в) на караульную при отделении – 2 пуда 23 1/5 фунта в год. Для освещения одного входа в караульную при отделении и внутри казарменного двора и на 4 фонаря снаружи двора – 15 пудов 12 фунтов в год. Кроме сего к фонарям фитиля 15 аршин. Стекол ламповых больших 18 штук [22, л. 2–3].

Как и полагалось в таких случаях, было дано объявление. В газете «Листок Керчь-Еникальского градоначальства» за воскресенье 22 сентября 1885 г. №37, в разделе «Казенные и частные объявления», находим: «От Керчь-Еникальского Городского Полицейского Управления сим объявляется, что в оном 24 октября 1885 г. будут производиться торги с переторжкою через три дня на поставку с 1 января 1886 г. по 1 января 1887 г. для Керченского исправительного арестантского отделения топлива, освещения, провианта, одежды и обуви. Почему приглашаются желающие явиться в присутствие онаго с узаконенными залогами, где могут рассматри-

вать и кондиции от 9 часов утра до 2 часов пополудни за исключением воскресных и праздничных дней» [22, с. 4].

Однако на торги по поставке отделению провианта, отопления и освещения на 1886 г. в Керчи 24 октября, как и на переторги 28 октября 1885 г., никто не явился [22, л. 5]. 4 ноября Бобруйский мещанин Арон Коценельсен выявил желание произвести поставку, однако по своим ценам [22, л. 6]. Для разрешения проблемы пришлось связаться с ГТУ.

24 ноября 1885 г. ГТУ предложило Керченскому градоначальнику, в связи с высокими ценами Коценельсона, рассмотреть возможность заготовки всего необходимого хозяйственным способом или провести переторги [22, л. 7]. В результате решили произвести заготовку хозяйственным способом через попечителей арестантского отделения, с чем 4 января 1886 г. согласилось и ГТУ, но с тем, чтобы цены не превышали «справочных цен современных заготовлений» [22, л. 10]. Можно также указать, что подобная проблема повторилась и в 1887 г. [23, л. 44].

Учитывая постоянные острые проблемы с содержанием арестантских подразделений, неудивительно, что 26 сентября 1883 г. ГТУ Таврическому губернатору написало, что в связи с ужасным состоянием зданий симферопольского исправительного отделения и высокой платой за его аренду его в текущем году предложено закрыть. В связи с этим ГТУ просило распорядиться губернатора заготовить на всех арестантов, которым сроки истекают не ранее 1 января 1884 г., необходимые документы и оправить их (арестантов вместе с бумагами) в Екатеринослав для окончания положенных сроков заключения в местном исправительном отделении, о чем уже Екатеринославского губернатора уведомили. Что же касается тех арестантов, у которых сроки заканчиваются до 1 января 1884 г., то во избежание лишних расходов на их перемещение ГТУ, с отправкой первых арестантов этих перевести в тюрьму Симферополя. Вещи, остающиеся после отделения, обследовать и описать и т.д. Что касается чинов отделения и надзора, то начальнику отделения испрошено заштатное содержание, надзирателей уволить, с выдачей им пособия, но не выше полумесечного оклада жалования с представлением им ходатайствовать о назначении в Херсонское исправительное отделение [21, л. 3–3 об.].

Во исполнение этого предписания 12 октября 1883 г. губернское правление от попечительства потребовало составить полную опись имущества исправительного отделения, с указанием, какие вещи еще годны к употреблению [21, л. 2].

Тем не менее симферопольское исправительное отделение, по различным причинам, не было закрыто в 1884 г., а потому и в дальнейшем местному руководству приходилось решать текущие нужды согласно действовавшего законодательства. Так, к примеру, начальник керченского отделения сообщил градоначальнику 26 января 1885 г., что на основании циркуляра министра внутренних дел от 25 сентября 1871 г. №218 бритье и стрижка арестантов должны производиться вольнонаемными. Эту работу согласился взять на себя «вольный цирюльник», отставной солдат Макар Лавров, с оплатой ему 120 руб. в год, его инструментами и всем необходимым [24, л. 2].

Если же брать прочих цирюльников, то, по справке городской управы, выходило дороже, так как за каждый раз – по 5 коп. за 1 человека, бритье 1 человека в месяц 4 раза – 20 коп., а в год – 48 раз, 2 руб. 40 коп. (на 80 человек состава отделения вы-

шло бы 192 руб. в год). Стрижка по той же плате – в месяц 5 коп., а в год 12 раз – 60 коп., на весь состав роты – 48 руб., всего 240 руб. [24, л. 3].

Одной из проблем Керченского исправительного отделения в рассматриваемый период было состояние его помещения. Для исправления ситуации архитектор градоначальства обратился к градоначальнику с просьбой о ремонте в арестантском отделении в 1888 г., т.е. о выделении средств, так как многие предметы разрушались, а выделенные для этой цели ГТУ средства были недостаточны [25, л. 1]. Следует указать, что на тот момент исправительное арестантское отделение – это одноэтажное здание крытое черепицей, при нем каменный одноэтажный флигель (карцеры и надзирательская), крытый черепицей; каменная одноэтажная баня и цейхгаузы в одном строении крыты черепицей; каменные одноэтажные сараи, крытые черепицей. В нем помещалось 80 арестантов. Последний ремонт был в 1886 г. на сумму в 1250 руб. Также в 1886 г. настлано новых тротуаров из дикарных плит 20,3 кв. саж., поставлено 6 погонных аршин ступеней плиты; сломаны и вновь сложены кухонный и банный очаги; исправлено 6 голландских печей и устье хлебопекарной печи; перестлано 6 кв. саж. дощатых полов; подмазаны черепичные крыши; вставлено 97 оконных стекол; побелены стены и потолки – всего на сумму в 500 руб.

В свою очередь в 1887 г. было настлано новых тротуаров из дикарных плит 13,5 кв. саж. Поменяно около 100 кв. саж. черепичной крыши, оштукатурены 3 потолка 31,5 кв.с., установлено 90 новых стекол и подмазаны старые; исправлены 6 голландских печей, кухонный и банный очаги и хлебопекарная печь; исправлено 10 кв. саж. дощатых полов, пересыпаны 6 двустворных дверей; окрашены масляной краской ворота, двери и калитка; побелены стены и потолки – всего на сумму в 750 руб. Планируемые же ремонтные работы на 1888 г. должны были обойтись в 2655 руб. 97 коп. [25, л. 2-3].

29 февраля 1888 г. ГТУ сообщило градоначальнику, что в этом году на ремонт зданий тюрем выделяется на градоначальство 800 руб., этот кредит будет действовать только летом. Если были какие-либо остатки от других средств, то их также разрешалось использовать для ремонта [25, л. 4].

28 марта архитектор предложил градоначальнику, что на эти 800 руб. можно в арестантском отделении: 1. Сделать плиточный тротуар с наружной стороны главного корпуса. 2. В камере №2 переменить сгнившие на новые половые балки и настелить по ним новый досчатый пол. 3. Сделать новые ворота с калиткой и покрасить их масляной краской. 4. Исправить все печи и очаги. 5. Оштукатурить 18 кв. саж. потолков и местами исправить штукатурку. 6. Произвести побелку как снаружи, так и внутри всего здания. 7. Сделать все необходимые стекольные работы [25, л. 7].

Подводя итог настоящего исследования, можно отметить, что содержание арестантских рот гражданского ведомства, а затем и исправительных отделений, регулировалось указами 10 июля 1830 г., 24 октября 1833 г., 29 ноября 1839 г., 15 августа 1845 г., 13 июля 1851 г., 31 марта 1870 г., вышерассмотренными циркулярами, а также циркулярами от 29 ноября 1879 г. «О своевременном доставлении в департамент полиции исполнительный не позже 1 января предложений о ремонтных работах в казенных зданиях» [20, л. 16]; «О порядке распределения сметных назначений по тюремной части и возбуждения ходатайств о дополнительных на этот предмет

ассигнований» от 29 апреля 1880 г. [26, л. 20]; «О ремонтных работах в местах заключения» от 10 октября 1880 г. [26, л. 72].

Список литературы:

1. Бочаров А.А. Из истории дисциплинарных воинских частей Военно-морского флота Российской империи. 1906-1916 гг. [Текст] / А. А. Бочаров // Военно-исторический журнал. – 2009, №2. – 011. – С. 42–45.
2. Соболевский В.А. Правосудие и правопорядок в войсках. – СПб., 1882.
3. Шилов А.И. Уголовное наказание в виде содержания в дисциплинарной воинской части (Правовые и криминологические проблемы): дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 1998.
4. Курочкин Е.П. О преобразованиях в военно-арестантских учреждениях // Военный сборник. 1867. – № 8.
5. Гернет М. Н. История царской тюрьмы / Гернет М. Н. Т. 2. М., 1825–1870. – М.: Госюриздат. 1951 г. – 548 с.
6. Гернет М. Н. История царской тюрьмы / Гернет М. Н. Т. 3. 1870–1900. – М.: Госюриздат. 1952 г. – 521 с.
7. Сибилева А.Ю. Правовые основы создания и деятельности губернского попечительного о тюрьмах комитета в Таврической губернии // V Международная научно-практическая конференция «Современные проблемы правовой системы Украины», г. Киев, 28 ноября 2013. – С. 104-107.
8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. V. Отделение первое. 1830. – СПб., 1831. – 594 с.
9. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. VIII. Отделение первое. 1833. – СПб., 1834. – 832 с.
10. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XIV. Отделение первое. 1839. – СПб., 1840. – 1185 с.
11. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XX. 1845 г. Отделение первое. – СПб., 1846. – 1045 с.
12. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXVI. Отделение первое. 1851. – СПб., 1852. – 752 с.
13. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXIX. Отделение первое. 1854. – СПб., 1855. – 704 с.
14. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXXIV. Отделение первое. 1859. – СПб., 1861. – 839 с.
15. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXXVIII. Отделение первое. 1863. – СПб., 1866. – 940 с.
16. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Отделение первое. Т. XLV. 1870. – СПб., 1874. – 896 с.
17. Государственный Архив Республики Крым, ф. 36, оп. 1, д. 368. Об устройстве мастерских в Симферопольской тюрьме. 1870 г. 55 л.
18. Там же, ф. 38, оп. 1, д. 18. Определения заседаний попечительства о расходе денежных сумм роты, о наказаниях за побег. 13.02.1868–13.12.1868 г.
19. Там же, ф. 162, оп. 2, д. 1629. Сведения об арестантах, осужденных в исправительные арестантские роты. 17.04.1886–23.12.1886 г. 73 л.
20. Там же, ф. 162, оп. 2, Т. 2. Д. 717. Циркуляры МВД Керченскому исправительному арестантскому отделению. 14.02. – 31.08.1879 г. 27 л.
21. Там же, ф. 38, оп. 1, д. 66. Дело об увольнении надзирателей роты, о распределении между арестантами денег, заработанных ими. 15.10.1883–15.11.1883 г.
22. Там же, ф. 162, оп. 2, д. 1419. Ведомости необходимых вещей для Керченского исправительного арестантского отделения: одежды, обуви, провианта, топлива на 1886 г. 8.07.1885–11.02.1886 г.
23. Там же, ф. 162, д. 1742. О доставке для Керченского исправительного арестантского отделения одежды и обуви, продовольствия, предметов отопления и освещения на срок 1888 г. 31.07.1887–29.03.1888 г. 35 л.

24. Там же, ф. 162, оп. 2, д. 1408. Об утверждении шнуровых книг Керченского исправительного арестантского отделения на 1885 г.; об утверждении в должности циркулярника отделения Макара Лаврова; о вооружении 2-х добавочных надзирателей револьверами и шашками. 11.01.1885–22.08.1886 г. 21 л.
25. Там же, ф. 162, оп. 2, д. 1743. Переписка градоначальника с городским полицейским управлением о ремонтных работах, необходимых в здании керченского исправительного арестантского отделения в 1888 г. 10.12.1887–28.08.1892 г. 13 л.
26. Там же, ф. 162, оп. 2, д. 809. Циркуляры МВД о распределении преступников по арестантским ротам и исправительным отделениям, движении партий и ссыльных арестантов. 7.01.1880–26.01.1881 г.

Ostrovskiy A.A. Organization of maintenance is in companies and correctional separations to Russian Empire // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2015. – Т. 1 (67). № 1. – С. 33–43.

В работе раскрываются и изучаются основные нормативно-правовые акты (указы, постановления и циркуляры МВД и Главного Тюремного Управления), на основании которых содержались арестантские рот гражданского ведомства, а затем и исправительные отделения в Российской империи. Указывается, что в этом процессе выявились многочисленные проблемы законодательного, финансового и организационного характера. При этом был использован опыт для решения таких же вопросов в работе обычных тюрем страны. Рассмотрены особенности организации содержания заключенных, их вещевого обеспечения; содержания помещений и территории исправительных отделений, изыскания средств для их освещения, ремонта, текущей эксплуатации. Выявлены основные нормативные акты в исследуемой области.

Keywords: prisoner companies, civil department, legal frameworks, decree, Russian empire.

Spisok literaturyi:

1. Bocharov A.A. Iz istorii distsiplinarnykh voinskiy chastei Voenno-morskogo flota Rossiyskoy imperii. 1906-1916 gg. [Tekst] / A. A. Bocharov // Voenno-istoricheskiy zhurnal. – 2009, №2. – 011. – С. 42–45.
2. Sobolevskiy V.A. Pravosudie i pravoporyadok v voyskah. – SPb., 1882.
3. Shilov A.I. Ugolovnoe nakazanie v vide soderzhaniya v distsiplinarnoy voinskoy chasti (Pravovyye i kriminologicheskie problemy): dis. ... kand. yurid. nauk. Ryazan, 1998.
4. Kurochkin E.P. O preobrazovaniyakh v voenno-arrestantskiykh uchrezhdeniyakh // Voennyiy sbornik. 1867. – № 8.
5. Gernet M. N. Istoriya tsarskoy tyurmy / Gernet M. N. T. 2. M., 1825–1870. – М.: Gosyurizdat. 1951 g. – 548 s.
6. Gernet M. N. Istoriya tsarskoy tyurmy / Gernet M. N. T. 3. 1870–1900. – М.: Gosyurizdat. 1952 g. – 521 s.
7. Sibileva A.Yu. Pravovyye osnovy sozdaniya i deyatel'nosti gubernskogo popечitel'nogo o tyurmah komiteta v Tavricheskoy gubernii // V Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferen-tsiya «Sovremennyye problemy pravovoy sistemy Ukrainy», g. Kiev, 28 noyabrya 2013. – S. 104-107.
8. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie vtoroe. T. V. Otdelenie pervoe. 1830. – SPb., 1831. – 594 s.
9. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie vtoroe. T. VIII. Otdelenie pervoe. 1833. – SPb., 1834. – 832 s.
10. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie vtoroe. T. XIV. Otdelenie pervoe. 1839. – Spb., 1840. – 1185 s.
11. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie vtoroe. T. XH. 1845 g. Otdelenie pervoe. – SPb., 1846. – 1045 s.
12. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie vtoroe. T. XXVI. Otdelenie pervoe. 1851. – SPb., 1852. – 752 s.
13. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie vtoroe. T. XXIX. Otdelenie pervoe. 1854. – Spb., 1855. – 704 s.
14. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie vtoroe. T. XXHIV. Otdelenie per-voe. 1859. – Spb., 1861. – 839 s.
15. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie vtoroe. T. XHHVIII. Otdelenie pervoe. 1863. – SPb., 1866. – 940 s.

16. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie vtoroe. Otdelenie pervoe. T. XLV. 1870. – SPb, 1874. – 896 s.
17. Gosudarstvennyy Arhiv Respubliki Krym, f. 36, op. 1, d. 368. Ob ustroystve masterskih v Simferopolskoy tyurme. 1870 g. 55 l.
18. Tam zhe, f. 38, op. 1, d. 18. Opredeleniya zasedaniy popechitelstva o rashode denezhnykh summ rotyi, o nakazaniyakh za pobeg. 13.02.1868–13.12.1868 g.
19. Tam zhe, f. 162, op. 2, d. 1629. Svedeniya ob arestantah, osuzhdennykh v ispravitelnyie arestantskie rotyi. 17.04.1886–23.12.1886 g. 73 l.
20. Tam zhe, f. 162, op. 2, T. 2. D. 717. Tsirkulyari MVD Kerchenskomu ispravitelnomu arestant-skomu otdeleniyu. 14.02. – 31.08.1879 g. 27 l.
21. Tam zhe, f. 38, op. 1, d. 66. Delo ob uvolnenii nadzirately rotyi, o raspredelenii mezhdru arestantami deneg, zarabotannykh imi. 15.10.1883–15.11.1883 g.
22. Tam zhe, f. 162, op. 2, d. 1419. Vedomosti neobhodimyykh veshchey dlya Kerchenskogo ispravitel'nogo arestantskogo otdeleniya: odezhdyy, obuvi, provianta, topliva na 1886 g. 8.07.1885–11.02.1886 g.
23. Tam zhe, f. 162, d. 1742. O dostavke dlya Kerchenskogo ispravitelnogo arestantskogo otdeleniya odezhdyy i obuvi, prodovol'stviya, predmetov otopleniya i osvescheniya na srok 1888 g. 31.07.1887–29.03.1888 g. 35 l.
24. Tam zhe, f. 162, op. 2, d. 1408. Ob utverzhdenii shnurovyykh knig Kerchenskogo ispravitelnogo arestantskogo otdeleniya na 1885 g.; ob utverzhdenii v dolzhnosti tsirkulyarnika otdeleniya Makara Lavrova; o vooruzhenii 2-h dobavochnykh nadzirately revolverami i shashkami. 11.01.1885–22.08.1886 g. 21 l.
25. Tam zhe, f. 162, op. 2, d. 1743. Perepiska gradonachalnika s gorodskim politseyskim upravleniem o remontnykh rabotah, neobhodimyykh v zdanii kerchenskogo ispravitelnogo arestantskogo otdeleniya v 1888 g. 10.12.1887–28.08.1892 g. 13 l.
26. Tam zhe, f. 162, op. 2, d. 809. Tsirkulyari MVD o raspredelenii prestupnikov po arestant-skim rotam i ispravitel'nyim otdeleniyam, dvizhenii partiy i ssyl'nykh arestantov. 7.01.1880–26.01.1881 g.

УДК 340.15:347.79

ОРГАНИЗАЦИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМИТЕТОВ ПО ПОРТОВЫМ ДЕЛАМ В ЧЕРНОМОРСКО-АЗОВСКОМ РЕГИОНЕ

Коваль А. В.

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

Статья посвящена изучению эволюции управления портами в Черноморско-Азовском регионе в середине 1920-х гг. На основе изученных нормативно правовых актов делается вывод, что первоначально большевиками была взята за основу имперская система управления портами с инкорпорацией в нее новых управленческих структур как в высшем звене, так и в низшем. Первоначально значительная роль отводилась различным съездам и профсоюзным организациям, однако в начале 1920-х гг. все более стала применяться система коллегиального принятия важнейших решений с установлением исполнительной власти на портовой территории начальника порта. Вершиной этого подхода было создание и деятельность в 1922-1927 гг. центрального комитета по портовым делам, южного областного комитета по портовым делам и портовых совещаний. Они действовали на основе соответствующих положений от 5 декабря 1922 г., 14 сентября 1925 г. и 22 сентября 1926 г. В состав этих органов входили представители центральных и региональных хозяйственных и профсоюзных органов.

Ключевые слова: порты, организация управления, Черноморско-Азовский регион, центральный и южный комитеты по портовым делам.

Правовое регулирование деятельности торговых портов является одной из важнейших задач любого государства обладающему выходом к морю. Обуславливается это огромной ролью морского транспорта в современной системе экономического развития и взаимодействия стран. Управление деятельностью торговых портов прошло непростые эволюционные этапы, связанные в первую очередь с задачами стоящими в то или иное время перед ними. Изучением проблем правового регулирования деятельности торговых портов в России занимались такие исследователи как Сидорченко В. Ф., Виноградов П. П., Кейлин А. Д., Егоров А. Ю., Смоленцев В. Д., Змерзлый Б. В., Горюнов Б. Ф., Шихнев Ф. М., Никеров П. С. и многие другие [1–11]. Тем не менее проблема эволюции правового регулирования деятельности торговых портов в советский период еще только требует своего изучения.

Сложности восстановительного периода, необходимость быстрого налаживания деятельности торговых портов, общие интересы различных ведомств и организаций заставили представителей советской власти обратиться к опыту недавнего прошлого по созданию единого коллегиального органа, который бы одновременно генерировал и реализовывал основные направления развития портов, учитывал интересы всех заинтересованных сторон, принимал и утверждал окончательные решения, контролировал деятельности портов на местах и т.д. Таковым органом в начале XX в. в России был комитет по портовым делам. Именно он определял все стороны жизни торговых портов империи (штат, финансирование, строительство и т.д.) [6, с. 350–380].

Однако воссоздание в прежнем виде такого комитета было невозможно, и первый опыт оказался малоудачным. Так, 5 декабря 1922 г. было принято «Положение

о центральном комитете, областных комитетах и совещаниях по портовым делам» [12]. Случилось это, очевидно, потому, что хотя система совещаний по портовым делам и была создана относительно быстро, но вот создание центрального и областных комитетов застопорилось, возможно из-за продолжавшегося бурного государственного строительства (образование различных государственных органов, уточнение их полномочий, компетенций, соподчиненности и т.д.). Да и сил и средств на восстановление портов у молодого советского государства еще просто не было, а потому лишь с накоплением необходимого административного и финансового ресурсов данная система управления и развития всем портовым делом смогла заработать на полную силу.

В дальнейшем была использована трехступенчатая система, заложенная в постановлении СТО СССР от 14 сентября 1925 г. «Положение о центральном комитете, областных комитетах и совещаниях по портовым делам» и развитая постановлением СТО СССР от 22 сентября 1926 г. [13].

Им, в частности, предусматривалось, что для объединения действий всех ведомств в отношении полного и планомерного использования морских торговых портов и разрешения всех вопросов, касающихся деятельности таковых, учреждаются: а) центральный комитет по портовым делам (далее – ЦКПД) при НКПС; б) областные комитеты по портовым делам при областных и окружных уполномоченных НКПС и в) совещания по портовым делам при начальниках торговых портов. На ЦКПД возлагалось:

а) рассмотрение общих планов улучшения, переустройства, оборудования и эксплуатации морских торговых портов СССР;

б) общая увязка заданий, предъявленных экономическими организациями и ведомствами к работе морских торговых портов, и установление периодических планов этой работы;

в) предварительное рассмотрение и дача заключений по производственным программам и сметам на содержание морских торговых портов, а равно по проектам мероприятий, для осуществления которых необходим отпуск сверхсметных кредитов или установление целевых сборов;

г) распределение по морским торговым портам отпущенных кредитов с приглашением в этих случаях на заседание представителей областных комитетов по портовым делам;

д) рассмотрение и утверждение проектов положений, правил, инструкций, касающихся деятельности областных комитетов и совещаний по портовым делам и управления морскими торговыми портами, разработка, рассмотрение и утверждение проектов правил, регулирующих взаимоотношения ведомств и учреждений, работающих в морских торговых портах, и общее согласование обязательных постановлений, издаваемых управлениями морских торговых портов СССР;

е) рассмотрение проектов сухопутных и водных границ морских торговых портов и представление этих проектов в установленном порядке на утверждение;

ж) определение общего порядка и условий отвода участков и помещений на территории морских торговых портов;

з) определение общих оснований пользования в морских торговых портах дамбами, набережными, пристанями, складочными помещениями и иными портовыми сооружениями и приспособлениями;

- и) рассмотрение и утверждение общих правил по карантинным и санитарным мероприятиям в морских торговых портах;
 - к) рассмотрение ставок всех видов портовых сборов и утверждение такс за услуги, оказываемые портовыми управлениями;
 - л) утверждение норм погрузки на люк разных грузов;
 - м) рассмотрение ходатайств о выдаче ссуд на мероприятия, связанные с деятельностью морских торговых портов;
 - н) рассмотрение арендных соглашений и договоров на суммы и сроки, превышающие компетенцию областных комитетов по портовым делам, в пределах прав, предоставленных согласно действующим законоположениям народным комиссарам;
 - о) разрешение жалоб на постановления областных комитетов и совещаний по портовым делам и отмена принятых ими неправильных постановлений;
 - п) разрешение дел, поступающих в порядке п. «е» ст. 3, раздела «В» ст. 4 и ст. ст. 21 и 22 данного положения;
 - р) рассмотрение всяких других вопросов, касающихся морских торговых портов, внесенных на рассмотрение центрального комитета по портовым делам председателем или членами его;
 - с) пополнение состава областных комитетов и совещаний по портовым делам постоянными членами с решающим голосом, сверх перечисленных в ст. ст. 7–10.
- На областной комитет по портовым делам возлагалась:
- а) общая увязка предъявляемых к работе портов, подведомственных областному комитету, требований и заданий со стороны областных организаций и ведомств;
 - б) обсуждение сведений о размерах главнейших грузовых потоков, а также об условиях передачи грузов железных дорог на морские пути сообщения и обратно и представление своих заключений по этим вопросам в центральный комитет по портовым делам;
 - в) утверждение договоров, заключаемых портоуправлениями области на сумму и сроки, устанавливаемые соответствующими законоположениями и изданными в развитие их распоряжениями центральных органов;
 - г) согласование обязательных постановлений по морским торговым портам области, издаваемых в порядке ст. 4 данного Положения, и отмена их;
 - д) разрешение жалоб на постановления совещаний по портовым делам области, за исключением жалоб по вопросам, предусмотренным в разделе «В» ст. 4 настоящего Положения;
 - е) рассмотрение и представление заключений в центральный комитет по портовым делам:
 - 1) по вопросам торговли и промышленности, связанным с деятельностью морских портов данной области;
 - 2) по проектам общих планов улучшения, переустройства и оборудования морских портов области;
 - 3) по проектам сухопутных и водных границ морских торговых портов области;
 - 4) по проектам предположений об установлении новых и изменении действующих портовых сборов и такс платы, взимаемой за услуги, оказываемые портоуправлениями;

5) по проектам годовых производственных программ, составленных портоуправлениями области;

ж) рассмотрение всех вопросов, вносимых в областной комитет портовыми совещаниями, председателем или членами областного комитета, органами областной или центральной власти (п. 3).

Пункт 4 положения был посвящен предметам ведения совещания по портовым делам. На них, в частности, возлагалось:

А. Рассмотрение и утверждение:

а) проектов обязательных постановлений, касающихся благоустройства и внутреннего порядка порта;

б) порядка и условий отвода участков и помещений на территории порта;

в) всякого рода арендных соглашений и договоров на суммы и сроки, превышающие права начальника порта, но в пределах, установленных на этот случай соответствующими законоположениями и изданными в развитие их распоряжениями центральных органов. В этих случаях портовым совещаниям позволялось утверждать арендные договоры и в пределах прав, предоставленных областным комитетам; причем принятые в этом случае постановления портовых совещаний вступали в силу, если по истечении двух недель со дня представления этих постановлений областному комитету со стороны последнего не поступало протеста;

г) оснований пользования в порту дамбами, набережными, пристанями, складочными помещениями и иными портовыми сооружениями и приспособлениями;

д) вопросов, связанных с установлением в порту карантинных и санитарных мероприятий;

е) максимальных ставок за пользование складочными помещениями, погрузочно-разгрузочными приспособлениями и сооружениями и пр., независимо от того, кому они принадлежат, в пределах утвержденных центральным комитетом по портовым делам норм.

Б. Рассмотрение и представление заключений в областной комитет по портовым делам:

а) по вопросам торговли, промышленности и техники, связанным с деятельностью порта;

б) по проектам сухопутных и водных границ порта;

в) по общим планам улучшения, переустройства и оборудования портов;

г) по всем вопросам, входящим в компетенцию областного комитета по портовым делам, если эти вопросы переданы им на заключение совещания по портовым делам.

В. Рассмотрение и представление заключений в ЦКПД:

а) по годовым производственным программам и сметам, составленным портоуправлениями;

б) по отчетам об исполнении программы работ в порту;

в) норм погрузки на люк разных грузов;

г) по всем вопросам, входящим в компетенцию ЦКПД и центрального управления морского транспорта НКПС, если эти вопросы переданы названными учреждениями на заключение совещания. При этом заключения, предусмотренные лит. «а» и «б» п. «В» данной статьи, одновременно с представлением в ЦКПД следовало направлять в копиях в соответствующий областной комитет по портовым делам.

Состав ЦКПД формировался следующим образом. Председатель ЦКПД назначался НКПС, а заместитель председателя комиссариатом внешней торговли (п. 5). Членами ЦКПД с правом решающего голоса являлись представители: 2 от НКПС, включая и председателя, один от комиссариата внешней торговли (заместитель председателя) и по 1 от советского торгового флота, НКФ СССР, Главного правления Госстраха, комиссариата по Военным и Морским Делах, НКВД, ВСНХ СССР, НКВТ СССР, центрального комитета союза водников, центрального комитета транспортных рабочих, и по 1 от каждой союзной республики (п. 6).

В свою очередь, состав областного комитета по портовым делам формировался следующим образом. Председателем областного комитета по портовым делам является областной или окружной уполномоченный НКПС; заместитель председателя назначается НКВТ (п. 7).

Членами областного комитета по портовым делам с правом решающего голоса являлись уполномоченный НКПС (он же председатель) и по одному представителю от НКВТ (заместитель председателя), комиссариата внутренней торговли, ВСНХ, НКФ, НКВД подлежащей союзной республики, советского торгового флота, комиссариата по военным и морским делам, союза водников и союза транспортных рабочих. При этом при решении вопросов, затрагивающих интересы железных дорог и внутренних водных путей области (округа), на заседания областного комитета следовало приглашать представителей последних с правом решающего голоса (п. 8).

Что касается состава совещания по портовым делам, то председателем совещания по портовым делам является начальник торгового порта или его заместитель (п. 9). Членами совещания по портовым делам с правом решающего голоса были представители: 3 от НКПС, включая и председателя, в том числе один от железных дорог, 2 от НКВТ, в том числе 1 от таможни порта, 3 от местного исполнительного комитета, в том числе от финансового отдела и коммунального отдела; по одному от комиссариата по военным и морским делам, советского торгового флота, союза водников, союза транспортных рабочих, от экспортирующих организаций и от биржевого комитета.

В портах, соприкасающихся с речными гаванями, представитель речного управления НКПС по вопросам, непосредственно относящимся к кругу его ведения, входил в состав совещания по портовым делам с правом решающего голоса. Представитель же от экспортирующих организаций избирался в состав совещания по портовым делам этим последним (п. 10).

Порядок ведения дел в центральном комитете, областных комитетах и совещаниях по портовым делам устанавливался следующий. По вопросам, затрагивающим круг ведения народных комиссариатов и других учреждений, не имеющих в числе членов центрального или областного комитета или совещания по портовым делам своих представителей, по распоряжению председателя подлежащего комитета или совещания по портовым делам на заседания последнего могли быть приглашаемы с правом решающего голоса представители этих народных комиссариатов и учреждений.

Председателем могли приглашаться также сведущие лица для участия в работах заседания с совещательным голосом (п. 11). При этом заседание признавалось законно состоявшимся, если имелось не менее половины членов, пользующихся со-

гласно ст. ст. 5–10 правом решающего голоса (п. 12). Дела в заседаниях решались простым большинством голосов (п. 13).

Постановления ЦКПД немедленно сообщались комиссару путей сообщения. При несогласии его с решением комитета дело с указанием мотивов несогласия возвращалось в комитет для нового рассмотрения. Если комитет оставался при прежнем решении, а также в случае опротестования постановления ЦКПД ведомствами и учреждениями, представленными в ЦКПД, дело переносилось в установленном ниже порядке в СТО (п. 14).

При несогласии кого-либо из членов с решением комитета в самом заседании заявлялся соответствующий протест, отмечаемый в протоколе, причем мотивы этого протеста следовало сообщать ЦКПД в письменной форме не позднее 7 суток со дня заседания.

Если указанные протесты подтверждались ведомством или учреждением, от которого данный член выступал в ЦКПД, то они направлялись через председателя последнего комиссару путей сообщения, которым дело или передавалось на новое рассмотрение ЦКПД, или не позднее 7 суток со дня внесения протеста возвращалось протестующему ведомству или учреждению для внесения в СТО, причем для опротестования дела в СТО устанавливался также семидневный срок.

Представители союзных республик были вправе внести протест на решение комитета в течение 7 суток со дня заседания (п. 15).

Несогласие комиссара путей сообщения с решением ЦКПД останавливало приведение в действие соответственного постановления комитета (п. 16).

При ЦКПД состояло управление делами, действующее на правах самостоятельного отдела НКПС; положение и штаты управления делами ЦКПД утверждались комиссаром путей сообщения (п. 17). Члены ЦКПД пользовались правом на получение годовых билетов по всей сети железных дорог, водных и морских путей СССР (п. 18). Расходы, связанные с содержанием ЦКПД и его управления делами, включаются в смету НКПС (п. 19).

Постановления областного комитета и совещания по портовым делам, за исключением случаев, указанных ниже (ст. ст. 21 и 22), обращались к исполнению немедленно по утверждении протокола председателем комитета или совещания (п. 20). При несогласии уполномоченного НКПС с решением областного комитета по портовым делам он имел право приостановить приведение его в исполнение и в семидневный срок перенести вопрос на рассмотрение ЦКПД (п. 21).

При несогласии начальника порта с решением совещания по портовым делам начальник порта имел право приостановить решение и в семидневный срок перенести вопрос по принадлежности на рассмотрение центрального или областного комитета по портовым делам (п. 22).

Делопроизводство областного комитета по портовым делам возлагалось на аппарат уполномоченного НКПС, являющегося председателем комитета, а делопроизводство совещания по портовым делам – на аппарат управления порта (п. 23).

Обращаясь к практической стороне деятельности ЦКПД и Южного комитета по портовым делам (далее – ЮКПД), на ответственности которого был Черноморско-Азовский регион, следует указать, что ЦКПД проводил свои заседания в среднем 1 раз в месяц. Основными группами вопросов, которые рассматривались на этих заседаниях, были такие:

1) установление, пересмотр и утверждение сборов за пользование погрузочно-разгрузочными приспособлениями в портах (заседание №18 от 22 февраля 1924 г.) [14, л. 1 об.];

2) утверждение важнейших решений областных комитетов по портовым делам, в том числе об отводе земли в портах и ее аренде, как например, об отводе места под холодильник на Новом Моле в Одессе (46 заседания от 18 февраля 1926 г.) [15, л. 10–11 об.];

3) правовое регулирование деятельности начальников портов, портовых совещаний, областных комитетов, и в том числе самого ЦКПД [15, л. 10–11 об.]. Так, к примеру, на 54 заседании 18 декабря 1925 г., при рассмотрении проекта положения об управлении морскими торговыми портами для его обработки образовали при ЦУМОРе комиссию из членов ЦКПД, от Наркомторга, НКФ, Наркомвоенмора и ЗСФСР (55, л. 5–6 об.); на 57 заседании ЦКПД 15 апреля 1926 г. активные дискуссии вызвал проект положения об управлении приморскими торговыми портами [15, л. 14–15];

4) о составе областных комитетов по портовым делам и портовых совещаний. Так, к примеру, на 54 заседании ЦКПД 18 декабря 1925 г. был отклонен протест управления Николаевского торгового порта о включение представителя госбанка в состав Николаевского совещания по портовым делам с правом решающего голоса [15, л. 5–6 об.]; на 57 заседании ЦКПД 15 апреля 1926 г. в состав областных комитетов и совещаний по портовым делам решили включить представителя Госстраха [15, л. 14–15]; на 62 заседании ЦКПД (23 октября 1926 г.) принято решение о введении в состав Южного Областного КПД представителя Совнаркома КрымАССР [15, л. 26–27];

5) рассмотрение такс различных сборов в портах (портовых сборов, санитарных мероприятий, водолазных работ, лоцманских), например на 63 заседании ЦКПД от 13 ноября 1926 г. [15, л. 28–29];

6) установление границ портов. Так, подобные вопросы рассматривались на 46 заседании 18 февраля 1925 г. (о пункте Геленджик) [15, л. 10–11 об.]; на 54 заседании от 18 декабря 1925 г. (о приписных пунктах Геническ, Скадовск и Хорлы) [15, л. 5–6 об.]; на 55 заседании (о пунктах Царедворевка и Ногайск) [15, л. 9–9 об.]; на 58 заседании от 7 мая 1926 г. (о Азовском торговом порте) [15, л. 20–21 об.]; на 62 заседании обсуждался не только вопрос об изменении границ порта Севастополя, но и особенности пересмотра «Положения о землях, предоставленных транспорту» [15, л. 26–27], а на 66 заседании ЦКПД 20 января 1927 г. рассматривался «Проект типовых обязательных постановлений в портах СССР» [16, л. 18–19 об.].

Очевидно, следует также указать, что на 73 (последнем) заседании ЦКПД 4 октября 1927 г. председательствовал Д. В. Полуян. Присутствовали: от НКПС И. А. Сергеев, Г. А. Спальвинг и Д. Г. Левин. Наркомторга – П. В. Серидинский, от ЗСФСР – С. С. Атаев, от НКФ А. И. Виноградов, от ВСНХ Зак, НКВД – В. В. Егорьев, от Наркомвоенмора – Келинин, от СТФ – М. П. Чернов, от Госстраха – А. Н. Волков, от АО «Транспорт» – К. Н. Потресов, от АО «Экспортхлеб» – Джемс-Леви, от «Северолес» – Арапов и Балендин, от «Масложирсиндикат» – Барский и от ЦКПУМОРа – М. А. Биркенгоф [16, л. 1].

Таким образом, можно отметить, что ЦКПД в своей работе занимался выработкой, рассмотрением и регулировкой всех возложенных на него заданий, сообразуясь

с мнением различных организаций ведомств, стремясь при этом защищать интересы портов и их основных партнеров.

Обращаясь к рассмотрению деятельности Южного комитета по портовым делам (ЮКПД), заседания которого проходили в г. Харькове, в первую очередь следует обратить внимание на весьма неоднозначный процесс регуляции его состава. Так, как уже указывалось, данный орган действовал на основе принятого в декабре 1922 г. положения «о центральном комитете, областных комитетах и совещаниях по портовым делам», которое действовало до принятия 14 сентября 1925 г. нового положения, развитого постановлением СТО СССР от 22 сентября 1926 г. Одновременно с этим следует указать, что состав ЮКПД регулярно изменялся и дополнялся, что не могло положительно сказаться на его деятельности.

Так, согласно приказу по южному округу путей сообщения от 8 ноября 1924 г. «Об изменениях в составе Южного (областного) комитета по портовым делам», во изменение приказов по южному округу путей сообщения от 21 февраля и 29 июня 1923 г. объявлялось, что согласно уведомлению наркоматов и ведомств, имеющих своих постоянных представителей в ЮКПД, на 1 ноября в состав ЮКПД входят следующие представители наркоматов и ведомств, имеющие на основании п. 8 раздела 6 положения от декабря 1922 г. право решающего голоса: представитель УЭС – уполнаркомпуть СССР при СНК УССР и КССР; пр. Уп. НКВТ – Стамо Н.П. зам. пред. комитета; Крым СНК – Петриковский; НКФ – Каттель М.Ф.; ВСНХ УССР – Земмелес; от Госпароходства – представитель правления Госчапа в Харькове инж. Зеленский К.И. и представитель Моркома. Ведение секретариата ЮКПД по-прежнему возлагалось на управделами комитета Рейсберга А.Ф. [14, л. 34].

Однако уже на 46 заседании ЦКПД (18 февраля 1925 г.) было решено включить в состав областных комитетов по портовым делам и в ЦКПД с правом совещательного голоса представителя от Экспортхлеба, представителей всесоюзного совета съездов биржевой торговли и всеукраинского совета съездов [15, л. 10–11 об.].

3 декабря 1925 г. (52 заседание) ЦКПД утвердил постановление Николаевского совещания по портовым делам о включении в его состав представителя Южно-Рудного треста с предоставлением ему права решающего голоса [15, л. 2–3]. На 57 заседании ЦКПД (15 апреля 1926 г.) в состав областных комитетов и совещаний по портовым делам решили включить представителя Госстраха [15, л. 14–15].

На 62 заседании ЦКПД (23 октября 1926 г.) было принято решение ввести в состав ЮКПД представителя Совнаркома Крыма с правом решающего голоса по всем вопросам, касающимся крымских портов. Собственно ЮКПД было дано распоряжение о предварительном согласовании с Совнаркомом Крыма наиболее крупных в экономическом отношении вопросов, рассматриваемых портовыми совещаниями крымских портов [15, л. 26–27].

Как видно из приведенных данных, состав ЮКПД постоянно изменялся, а потому приведем его один из первых составов, действовавший в начале 1924 г. Председатель ЮКПД – Уполнаркомпуть СССР при Совнаркоме УССР и КССР т. Александров И. А. С правом решающего голоса работали в комитете также начальник отдела портов ЦУМОРа инж. Тухолка Е.Я., представитель Осполком СТО Джеме-Леви Е.Я. Уполномоченный НКВТ Стамко Н.Л., от УСНХ Чернов А.А., от Моркома Дыманин Е.В., от Госчапа инж. Зеленский К.И., пом.нач. Одесского порта инж. Экерле

В.Ф., начальник Николаевского порта А.А. Гончаров, начальник Херсонского порта Маевский М.Н., начальник Керченского порта Кирсанов А.Г.

С правом совещательного голоса входили в комитет – представитель Уп. НКВТ инж. Эйнгорн А.Л., Укрэскпортхлеба инж. Новиков Н.С., Полком УЭС инж. Таллако, ОЭ ЮОПОа Ермоленко И.П., Орех ЮОПСа Калентьев С.А., ОФФ ЮСПСа Сычев Ф.И., пом. ОМОРа ЮОПС Мамонов В.М. Кроме того, при необходимости приглашались представители от заинтересованных сторон. Так, на заседание 20 апреля 1924 г. были приглашены представители: одесской конторы «Экспортхлеба» Пурижинский и николаевской конторы «Экспортхлеба» Стрелков [14, л. 3–7 об.].

Основные вопросы которыми занимался ЮКПД были достаточно близки к тем, которыми занимался ЦКПД, вот только были они более детализированы в отношении каждого конкретного порта. Среди них можно выделить: а) рассмотрение вопросов финансирования различных работ в портах и деятельно самих портов; б) установление границ портов; в) нормы погрузки различных судов; г) о механизации портов; д) утверждение договоров между портами и прочими организациями; е) рассмотрение и обсуждение проектов разрабатываемых ЦКПД документов.

Так, согласно протоколу №2 (7) от 20 апреля 1924 г. заседания ЮКПД, в этот день на повестке дня стояли такие вопросы как: 1) выявление необходимых работ в портах в связи с хлебозаготовительной кампанией 1924-1925 г. и распределение кредитов на эти работы; 2) распределение валютной сметы по механизации; 3) согласование программы землечерпания в портах Черного и Азовского морей; 4) рассмотрение проекта «Положения о центральном комитете, областных комитетах и совещаниях по портовым делам».

При рассмотрении первого вопроса был заслушан доклад инженера Тухолка от ЦУМОРа [14, л. 3–7 об.]. Учитывая объем работы комитета в этот день, совершенно не удивляет, что данное заседание началось в 12.35, а окончилось в 17.30 [14, л. 3]. Следует также упомянуть, что при рассмотрении всех этих вопросов были изучены такие приложения как «Детализация статей расхода по общей ведомости судоремонта» [14, л. 8]; «Дноуглубительные работы в морских портах с указанием их стоимости по хлебозаготовительной программе 1925 г.» [14, л. 9].

Согласно протоколу заседания №3/8 ЮКПД от 10 июня 1924 г., в этот день рассматривались такие вопросы: нормы погрузки различных судов на 1 люк в портах Украины и Крыма; о дополнительных сборах в портах на нужды Бюро спасения на водах; ходатайство Севастопольского совещания по портовым делам о пополнении его состава представителем «Экспортхлеб»; ходатайство Мариупольского портового совещания о передаче управления порта Мариуполя складов и навесов на раздельном молу и Коломенской верфи в Мариуполе, находящихся в ведении Госчапа; о механизации погрузочных работ в Мариупольском порту [14, л. 11–11 об.].

На заседании №4 (9) ЮКПД (15 июля 1924 г.) наиболее важными рассматриваемыми вопросами были вопросы механизации Мариупольского порта (по докладу инженера Зеленского от ОМОРа и представителя Уп. НКВТ инж. Эйнгорна) и сметы портов Украины и Крыма. По первому из них решили, что переноску 8 перегружателей с завода бывший «Провиданс» в Мариупольский порт в целях механизации погрузки антрацита на суда целесообразно поручить рассмотрению управления Мариупольского порта, которому следовало в 2-х недельный срок представить в ЮКПД свои соображения об экономической и технической выгоды использо-

вания этих перегружателей. В решении также подчеркивалось считать необходимым, чтобы эти перегружатели, в случае установки их в мариупольском порту, могли быть использованы также и для погрузки угля. Кроме того, рассматривалось предложение Уп. НКВТ о механизации погрузки хлеба в Мариуполе с помощью особых транспортеров, но его решили пока тщательно проработать.

Что же касается второго вопроса (о сметах портов Украины и Крыма), то было решено «Ввиду внесения портами в составленные ими сметы явно преувеличенных расходов по новым и капитальным работам считать необходимым обследовать на местах действительную надобность проектируемых портами работ путем посылки специальной комиссии от южного комитета по портовым делам...». Обследованию подлежали порты: Одессы, Николаева, Херсона, Феодосии и Мариуполя [14, л. 18 – 19 об.].

Лишь почти через месяц ЮКПД на своем заседании № 6(11) (12 августа 1924 г.) вернулся к окончательному утверждению сметы портов Украины и Крыма на 1924–1925 г., заслушав доклад Зеленского о результатах работы комиссии. В результате были согласованы данные по портам региона с различными поправками и оговорками [14, л. 22–24].

Как видно из представленного материала, Центральный и Южный областной комитеты по портовым делам играли важнейшую роль в деле развития портов, их управления, финансирования, создания нормативно-правовой базы деятельности этих важнейших в экономике страны хозяйственных объектов. Коллегиальность в устройстве Комитетов лишь способствовала принятию взвешенных, продуманных и согласованных решений. И тем не менее 24 октября 1927 г. вышло постановление ЦИК и СНК СССР от «Об упразднении центрального комитета, областных комитетов и совещаний по портовым делам». Их функции, за исключением указанных в ст. ст. 2 и 3, возлагались на НКПС, соответствующих его уполномоченных и начальников торговых портов в порядке, устанавливаемом НКПС (ст. 1).

Определение сухопутных границ морских торговых портов далее следовало производить в порядке, предусмотренном положением о землях, предоставленных транспорту. Порядок определения водных границ морских торговых портов устанавливался особым постановлением СТО (ст. 2).

Установление такс за услуги, оказываемые в морских торговых портах, и изъятие из действующих ставок портовых сборов далее следовало производить в порядке, предусмотренном положением о портовых сборах и плате за услуги, оказываемые в портах СССР (ст. 3).

Порядок и сроки ликвидации Комитетов и совещаний по портовым делам следовало определить НКПС по соглашению с Комиссариатом внешней и внутренней торговли СССР. При этом исключались п. п. «г» и «ж» ст. 8 и п. «г» ст. 15 положения о НКПС от 12 ноября 1923 г. В п. «а» ст. 9 положения о НКПС исключались слова: «центральном и областных комитетах и совещаниях по портовым делам».

Ст. 11 положения о землях, предоставленных транспорту, изложили в следующей редакции: «11. Границы морских торговых портов устанавливаются и существующие границы изменяются НКПС по соглашению с краевыми, областными, губернскими, окружными и соответствующими им исполнительными комитетами по принадлежности. Разногласия разрешаются экономическим советом подлежащей союзной республики, а в случае несогласия НКПС с решением экономического со-

вета республики – переносятся на окончательное разрешение СТО». При этом территория морских торговых портов в границах, ранее определенных в установленном порядке, считается закрепленной за НКПС.

Ст. 10 положения о портовых сборах и плате за услуги, оказываемые в портах СССР, получила следующую редакцию: «10. Ставки корабельного, грузового и лоцманского сборов утверждаются СНК СССР».

Утвержденные СНК СССР ставки сборов публикуются в газете «Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК» и в издании «Сборник тарифов железнодорожного и водного транспорта». Исключения из ставок портовых сборов в отдельных случаях и для грузов отдельных наименований устанавливались НКПС по соглашению с НКФ СССР и НКВВТ СССР».

Второй абзац ст. 14 положения о портовых сборах и плате за услуги, оказываемые в портах СССР, также получил новую редакцию: «Перечень услуг, за оказание которых допускается взимание платы, и таксы платы за услуги устанавливаются НКПС по соглашению с НКФ СССР и НКВВТ СССР и публикуются в издании «Сборник тарифов железнодорожного и водного транспорта».

Статью 7 постановления ЦИК и СНК СССР от 8 июня 1927 г. о сдаче в долгосрочную аренду земельных участков территории морских торговых портов для возведения на них строений, сооружений и механических приспособлений изложили в такой редакции:

«7. Взаимоотношения между арендаторами и НКПС во всем том, что не предусмотрено настоящим постановлением, регулируются арендными договорами, составленными применительно к типовому договору, устанавливаемому НКПС по соглашению с НКВВТ и ВСНХ СССР».

Положение о центральном комитете, областных комитетах и совещаниях по портовым делам от 14 сентября 1925 г. отменялось, а СТО поручалось внести соответствующие изменения в положение об управлении морскими торговыми портами, а равно определить порядок установления водных границ морских торговых портов.

Среди причин ликвидации ЦКПД, ЮКПД и Совещаний по портовым делам, очевидно, можно выделить следующие. Во-первых, к 1927 г. были созданы соответствующие органы, занимающиеся контролем и направлением деятельности портов, и выработана их правовая база, администрация портов получила достаточно широкую компетенцию. Так, к примеру, на 71 заседании ЦКПД 19 июля 1927 г. «3. В целях разгрузки центрального аппарата и установления большей самостоятельности и ответственности местных органов ЦКПД постановил: а) предоставить начальникам портов право самостоятельного (без последующего утверждения) заключения договоров на подряды и покупки на суммы до 100000 руб.; б) Договоры на суммы от 100000 руб. и до 150000 руб. должны быть представляемы начальником порта на рассмотрение и утверждение ЦУМОРа; в) те же договоры на суммы от 150000 р. и выше предоставляются начальником порта на рассмотрение ЦУМОРа и утверждение его; д) Поручить ЦУМОРу указанные положения внести в СТО, в целях соответствующего положения о ЦКПД, ОКПД и СПД» [16, л. 6–6 об.].

Во-вторых, такие коллегиальные органы как ЦКПД и ЮКПД, будучи фактически высшими и самостоятельными структурами в управлении портами, вступали в противоречие с аппаратом НКПС, подменяя его деятельность. Кроме того, комитеты вообще и их члены в частности неоднократно критически высказывались в от-

ношении различных проектов и решений прочих органов власти, иногда даже блокируя их. В период становления командно-административной машины советского государства это становилось недопустимым, а само существование таких органов – невозможным.

В пользу такого утверждения приведем следующие примеры. Так, согласно протоколу №4 (9) от 15 июля 1924 г. ЮКПД, кроме прочего, слушался вопрос об акционировании морских торговых портов. При его обсуждении было предложено специальной комиссии от ЮКПД в составе председателя ОМОР инженера Зеленского и членов – представителей УП.НКВТ, УСНХ и Укр. «Экспортхлеба» дать свое заключение по проекту ЦУМОРа об акционировании Одесского порта и высказаться о наиболее желательной форме управления украинскими и крымскими портами, дав вместе с тем отзыв о проекте «Правления», представленном Упомнаркомпути – т. Александровым – в центр.

В результате деятельности данной комиссии было принято решение «Довести до сведения ЦУМОРа о том, что по мнению Укр.Госплана и УЭСа проект ЦУМОРа об акционировании портов путем учреждения на местах консорциума по управлению и финансированию портов при настоящих условиях является преждевременным и неприемлемым» [14, л. 18–19 об.].

Не всегда Центральный и Южный комитеты по портовым делам могли найти общий язык и между собой. Так, согласно протоколу №7(12) заседания ЮКПД от 14 ноября 1924 г., слушался вопрос «О введении консорциумов в портах Украины и Крыма». Категорически против этой идеи выступил помощник начальника Одесского порта инженер Зкерле. В результате обсуждения данной проблемы решили «считать, что выдвигаемый ЦКПД проект внедрения в некоторых портах новой формы управления в виде консорциумов для портов Украины и Крыма в настоящее время неприемлем. Признать необходимым сохранение существующей формы управления констатируя потребность расширения прав Совещаний по портовым делам». Им же, т.е. совещаниям, поручили внести соответствующие предложения [14, л. 36–37].

В тоже время сами Совещания по портовым делам не всегда добросовестно выполняли возложенные на них обязанности, причем иногда по совершенно необъективным причинам. Так, к примеру, из обращения ЮКПД к начальнику Керченского торгового порта от 6 апреля 1925 г. находим: «Ввиду поступивших от некоторых портовых Совещаний (Мариупольского и Херсонского и др.) жалоб на систематическое непосещение некоторыми членами Совещаний (в особенности представителями НКФ) заседаний Совещаний...» [17, л. 7]. В таких случаях решение многих вопросов приходилось откладывать, что никак не способствовало нормальной работе портов.

Впрочем, не только члены совещаний по портовым делам были прогульщиками. Так, на 60-м заседании ЦКПД от 27 июля 1926 г. заместитель председателя Комитета Именитов вынужден был заявить о необходимости принятия мер к обеспечению кворума для заседаний ЦКПД в связи с тем, что многие представители от республик редко бывают на совещаниях. Это, в первую очередь, касалось представителей от УССР и ЗСФСР. Для решения проблемы предлагалось назначить им в Москве заместителей [15, л. 19–20].

Известны и случаи удаления из состава комитетов грамотных о опытных управленцев, имеющих свою точку зрения. Так произошло с начальником порта г. Керчи инженером Кирсановым, входившим в состав ЮКПД. Этого опытнейшего управленца, наладившего работу и восстановление порта в послевоенные годы, сняли с работы в марте 1925 г. якобы за то, что он несвоевременно предоставлял вышестоящему начальству разнообразные сведения (приказ по Южному округу путей сообщения от 31 января 1925 г. №122 82) [17, л. 9, 22].

С ликвидацией Комитетов по портовым делам их функции в основном взял на себя ЦУМОР.

Список литературы:

1. Под флагом Родины. Очерки Черноморского морского пароходства. – Одесса: «Маяк», 1967. – 456 с.
2. Сидорченко В.Ф. Капитан морского судна. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. – 307 с.
3. Виноградов П.П., Кейлин А.Д., Под ред.: Солодилов А.П.: Морское право. Издательство Водный транспорт. – М., 1939. – 248 с.
4. Александр Кейлин. Советское морское право. – Водтрансиздат. – 1954. – 358 с.
5. Егоров А.Ю., Смоленцев В.Д. Херсон – первый порт на Черном море: Исторические хроники 1778-2008 годов. – Херсон: Наддніпряночка, 2008. – 230 с.
6. Змерзлый Б.В. Правовое регулирование торгового судоходства в Черноморско-Азовском регионе в конце XVIII – начале XX в. – Симферополь: ЧП «Предприятие Феникс», 2014. – 512 с.
7. Горюнов Б. Ф., Шихиев Ф. М., Никеров П. С. Морские порты. – М.: Транспорт, 1970. – 448 с.
8. Горюнов Б. Ф. Специализированные пирсы: Учебное пособие. – М.: МИСИ, 1983, 92 с.
9. Горюнов Б.Ф. Специализированные причалы морских портов. – 1968, 312 с.
10. Специализированные причалы морских портов. Горюнов Б. Ф. – М.: Транспорт, 1968. – 312 с.
11. Шихиев Ф. М., Горюнов Б. Ф. Устройство морских портов. – М.: Транспорт, 1976. – 272 с.
12. Собр. Узак. РСФСР, 1923, № 44, ст. 476
13. СЗ СССР, 1926, № 67, ст. 517
14. Государственный Архив Республики Крым (далее – ГАРК). Ф. р-1584, оп. 2, д. 94. Переписка с южным комитетом по портовым делам. 17.03.1924-28.11.1924. 41 л.
15. Там же, ф. р-1584, оп. 2, д. 149. Переписка с центральным комитетом по портовым делам. 16.12.1925-1.12.1926. 22 л.
16. Там же, ф. р-1584, оп. 2, д. 225. Протоколы Центрального комитета по портовым делам. 1927 г.
17. Там же, ф. р-1584, оп. 2, д. 129. Переписка и циркуляры уполнаркомпу ЮОИС. 12.01.1925-20.11.1925. 55 л.

Koval A. Organization and activity of committees on port businesses in a region Black and Azov seas // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2015. – Т. 1 (67). № 2. – P. 44–57.

The article is sanctified to the study of management evolution by ports in region Black and Azov seas in the middle of 1920th. On the basis of studied normatively legal acts drawn conclusion, that originally by bolsheviks was taken for basis imperial control system by ports with an incorporation in her new administrative structures as in a higher link so in more subzero. Originally a considerable role was taken to different conventions and trade-union organizations, however at the beginning of 1920th the system of collective acceptance of major decisions More began to be used with establishment of executive power on port territory of port admiral.

The top of this approach was creation and activity in 1922-1927 central committee on port businesses, south regional committee on port businesses and port conferences. They operated on the basis of corresponding positions from December, 5 1922, on September, 14 1925 and on Septembers, 22 1926 the representatives of central and regional economic and trade-union organs entered In the complement of these organs.

Keywords: ports, organization of management, region Black and Azov seas, normative acts, central and south committees on port businesses.

Spisok literaturyi:

18. Pod flagom Rodini. Ocherki Chernomorskogo morskogo parochodstva. – Odessa: izdatelstvo "Maiak", 1967. — 456 s.
19. Sidorchenco V. F. Kapitan morskogo sudna. – SPB.: Yurid. zentr Press, 2001. – 307 c.
20. Vinogradov P.P., Keylin A.D., Pod red.: Solodilov A.P.: Morskoe pravo. Izdatelstvo Vodnyiy trasport. – M., 1939. – 248 s.
21. Aleksandr Keylin. Sovetskoe morskoe pravo. – Iz-vo: Vodtransizdat. – 1954 g.
22. Egorov A.Yu., Smolentsev V.D. Herson – pervyy port na Chernom more: Istoricheskie hroniki 1778-2008 godov. – Herson: Naddnipyranochka, 2008. – 230 c.
23. Zmerzlyiy B.V. Pravovoe regulirovanie torgovogo sudohodstva v Chernomorsko-Azovskom regione v kontse XVIII – nachale XX v. – Simferopol: ChP «Predpriyatie Feniks», 2014. – 512 s.
24. Goryunov B. F., Shihnev F. M., Nikerov P. S. Morskie portyi. — M.: Transport, 1970. – 448 c.
25. Goryunov B. F. Spetsializirovannyye pirsyi: Uchebnoe posobie. — M.: MISI, 1983. – 92 s.
26. Goryunov B.F. Spetsializirovannyye prichalyi morskikh portov. – 1968. – 312 s.
27. Spetsializirovannyye prichalyi morskikh portov. Goryunov B. F. – M., Izd-vo «Transport», 1968. – 312 s.
28. Shihiev F. M., Goryunov B. F. Ustroystvo morskikh portov. – M., «Transport», 1976. – 272 s.
29. Sobr. Uzak. RSFSR, 1923, № 44, st. 476
30. SZ SSSR, 1926, № 67, st. 517
31. Gosudarstvennyiy Arhiv Respubliki Kryim (dalee – GARK). Ф. р-1584, оп. 2, д. 94. Perepiska s yu-zhnyim komitetom po portovym delam. 17.03.1924-28.11.1924. 41 l.
32. Tam zhe, f. r-1584, оп. 2, д. 149. Perepiska s tsentralnyim komitetom po portovym delam. 16.12.1925-1.12.1926. 22 l.
33. Tam zhe, f. r-1584, оп. 2, д. 225. Protokolyi Tsentralnogo komiteta po portovym delam. 1927 g.
34. Tam zhe, f. r-1584, оп. 2, д. 129. Perepiska i tsirkulyari upolnarkomput YuOYS. 12.01.1925-20.11.1925. 55 l.

УДК 344.3/462 (470-571)

ВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ О САНИТАРНОЙ ОХРАНЕ ГРАНИЦ СССР ОТ 30 АПРЕЛЯ 1926 Г. И ЕГО РАЗВИТИЕ

Лесь Г. Г.

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

Работа посвящена изучению основных норм, заложенных в положение о санитарной охране границ СССР от 30 апреля 1926 г., а также принятых в его развитие и дополнение региональных документов, в первую очередь «Положение об общесоюзном бюро заграничной санитарной информации» от 1 июля 1927 г. С принятием этих документов СССР отменил основные пункты положения о санитарной охране морских границ СССР от 10 марта 1925 г. и присоединился к Парижской международной санитарной конвенции 17 января 1912 г. Благодаря этому были созданы единые правила и условия для обеспечения санитарной безопасности территории страны, определены соответствующие органы, порядок их работы, управления, финансирования, взаимоотношений как между собой, так и с прочими государственными организациями, а также с соответствующими международными органами. В Положении содержались четкие правила поведения людей и организаций в различных условиях, стандартизированные с международными, а потому понятные и знакомые членам экипажей иностранных судов.

Ключевые слова: санитарная охрана, границы СССР, Черноморский регион, правовые нормы.

Правовое регулирование вопросов санитарно-эпидемиологической охраны границ является весьма актуальным и в современный период глобальной экономики и массовой миграции населения. Многочисленные вспышки различных инфекционных заболеваний, случаи недобросовестного исполнения различными коммерческими организациями норм санитарии, к сожалению приводят к заболеваниям людей, иногда заканчивающихся трагически. При этом историография проблемы весьма немногочисленна. В основном в выявленных нами работах рассматриваются или затрагиваются отдельные аспекты создания и деятельности карантинных служб и соответствующего отраслевого законодательства. При этом необходимо указать, что историография проблемы представлена работами ученых с имперского и до современного периодов. Среди них, очевидно, следует отметить труды таких исследователей как Змерзлый Б. В., Эрисман, Галанин М. И., Черкасский Б. Л., Сергиев В. П., Ладный И. Д., Щепин О. П., Ермаков В. В., Пристанкова Н. И. [1– 8].

30 апреля 1926 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «Об утверждении временного положения о санитарной охране границ Союза ССР». Оно вводилось в действие со дня опубликования акта о присоединении СССР к Парижской международной санитарной конвенции 17 января 1912 г. С введением в действие указанного Положения отменялось Положение о санитарной охране морских границ СССР, утвержденное СНК СССР 10 марта 1925 г. При этом ЦИК союзных республик поручалось согласовать свое законодательство с постановлениями Временного положения о санитарной охране границ СССР в месячный срок со дня введения этого Положения в действие.

Временное положение о санитарной охране границ СССР состояло из следующих шести разделов: I «Общие положения»; II «меры при появлении заразных болезней», в нем глава I посвящена мерам извещения, донесения и публикации, а глава II – мерам против распространения заразных болезней в пределах СССР; раздел III называется «Меры на сухопутных и речных границах СССР и на воздушных станциях заграничных сообщений, принимаемые в отношении людей и транспортных средств»; раздел IV – «меры на морских границах СССР, принимаемые в отношении людей и транспортных средств», в нем глава I посвящена организации санитарной охраны морских границ, гл. II – санитарному контролю судов, прибывающих в порты СССР, гл. III – мерам, применяемым к судам, прибывшим в порты СССР, гл. IV – мерам, применяемым к судам, находящимся в портах СССР или отходящим из этих портов, и мерам, применяемым на территории порта, гл. V – мерам, применяемым к судам, плавающим в каботаже СССР, и гл. VI – санитарным патентам.

Раздел V называется «Меры на сухопутных, речных и морских границах СССР, а равно на воздушных станциях заграничных сообщений, принимаемые по отношению к товарам и багажу»; раздел VI – «Заключительные постановления».

Положение устанавливало, что санитарная охрана границ имеет целью предупреждение заноса в пределы СССР из-за границы заразных болезней, а также в случае появления таких болезней в СССР предупреждение возможного заноса их за границу или распространения морскими судами из одних портов СССР в другие порты страны. Заразными болезнями в смысле данного Положения объявлялись чума, холера, желтая лихорадка, а в случае их эпидемического развития сыпной тиф, возвратный тиф и оспа (ст. 1).

Положение применялось в отношении всех государств. В отношении же государств, не участвующих в Парижской Международной Санитарной Конвенции 17 января 1912 г. и не заключивших с СССР отдельных санитарных соглашений, правила Положения применялись на основании взаимности. При отсутствии взаимности в отношении этих государств мог быть установлен иной санитарный режим по соглашению между НКЗ соответственных союзных республик, Народным Комиссариатом по Иностранным Делах (далее – НКВД), НКПС и Народным Комиссариатом Внешней и Внутренней Торговли СССР (ст. 2).

Меры, предусмотренные Положением, применялись в подлежащих случаях также и к судам, плавающим под флагом СССР, и к другим транспортным средствам, а равно к грузам СССР и юридических лиц Союза, к гражданам СССР и принадлежащему им имуществу (ст. 3).

Сообщение санитарных сведений согласно разд. II Положения следовало производить в отношении тех стран или международных санитарных органов и тех болезней, которые предусмотрены Парижской международной санитарной конвенцией 17 января 1912 г., Римским Соглашением 9 декабря 1907 г. и отдельными санитарными соглашениями СССР.

В остальных случаях сообщение сведений о заразных болезнях (согласно разд. II) могло производиться на основах взаимности по соглашению между НКВД и НКЗ соответственных союзных республик (ст. 4).

Санитарная охрана границ и существующие для этой цели учреждения состояли в ведении Наркомздрава той союзной республики, на территории которой находи-

лись соответствующие санитарные учреждения. НКЗ союзных республик в своей деятельности по санитарной охране границ СССР следовало руководствоваться настоящим Положением и изданными в его развитие правилами (ст. 91 и 92), а также международными санитарными соглашениями, вошедшими в силу в СССР (ст. 5).

Раздел II, как указывалось, посвящался мерам при появлении заразных болезней и, соответственно, его глава I – вопросам извещения, донесения и публикации. В нем указывалось, что лица медицинского персонала обязаны извещать через местные санитарные учреждения Наркомздравы соответственных союзных республик о каждом дошедшем до их сведения случае заразной болезни (ст. 1) или случае смерти от такой болезни (ст. 6).

В извещениях об упомянутых заразных болезнях следовало указывать: а) место, где появилась болезнь, с указанием округа, уезда, кантона, города или соответствующей административной единицы; б) число и месяц появления болезни; в) форма болезни, а также сведения, установлен ли характер болезни бактериологически; г) число установленных случаев болезни и число умерших от нее; д) в случае чумы – сведения, имеются ли среди крыс и других грызунов чума или необычайная смертность; е) меры, принятые против распространения болезни (ст. 7).

О появлении первых случаев холеры, чумы, желтой лихорадки, а также эпидемического развития сыпного тифа, возвратного тифа и оспы Наркомздравы союзных республик обязывались сообщать с указанием сведений, предусмотренных ст. 7, Общесоюзному бюро заграничной санитарной информации (далее – ОБЗСИ), а также Наркомздравам других союзных республик по телеграфу (ст. 8).

О появлении случаев указанных в настоящей статье болезней вне округа, уезда, кантона, города или иной соответствующей административной единицы, где они впервые появились, следовало сообщать тем же порядком.

Сверх указанных сообщений о первых случаях появления заразных болезней, Наркомздравы союзных республик должны были сообщать ОБЗСИ не менее раза в неделю о дальнейшем ходе заболеваний и о принимаемых мерах борьбы с заразной болезнью, отмечая профилактические меры, принятые в целях санитарной инспекции, изоляции, дезинсекции и дезинфекции, и воспрепятствования занесению заразных болезней на отходящие суда, в том числе меры, принятые против проникновения зачумленных крыс.

НКЗ союзных республик следовало сообщать ОБЗСИ сведения о санитарном законодательстве соответственной республики (ст. 9). На само же ОБЗСИ возлагались определенные обязанности, уточненные в положении о нем (ст. 10).

Сообщение санитарных сведений, согласно ст. 10 Положения, производилось ОБЗСИ в порядке, установленном по соглашению с НКИД.

По соглашению НКИД с НКЗ соответственных союзных республик обмен с иностранными санитарными службами извещениями и сведениями о заразных болезнях мог производиться непосредственно санитарными органами союзных республик пограничных районов (ст. 11).

В числе устанавливаемых законами и административными распоряжениями соответствующих союзных республик мер борьбы против распространения заразных болезней, предусмотренных настоящим Положением, должны быть обязательно приняты следующие меры.

Больные заразными болезнями изолировались или в постоянном лечебном заведении, или на дому при условии выполнения всех необходимых мер для предупреждения распространения заразы (ст. 13).

Кроме больных, подвергались врачебному наблюдению и, в случае необходимости, изоляции и дезинсекции лица, приходящие в соприкосновение с больными (ст. 14). Помещение, где находился больной, и зараженные предметы следовало подвергать дезинфекции и дезинсекции (ст. 15).

В случае появления чумы следовало произвести исследования грызунов. При обнаружении чумных крыс или при установлении особо большого количества мертвых крыс принимались меры дератизации (крысоистребления) (ст. 16).

При эпидемическом развитии оспы организовывалась предохранительная прививка оспы всему населению пораженных эпидемией местностей (ст. 17).

Кроме указанных в выше мер, при появлении холеры и чумы следовало воспрепятствовать вывоз из пораженного этими болезнями округа, уезда, кантона, города или соответствующей административной единицы без предварительной дезинфекции следующих предметов: а) ношеного белья и бывших в употреблении постельных принадлежностей; б) старого платья; в) тряпья и г) ветоши (ст. 19).

Раздел III Положения предусматривал меры на сухопутных и речных границах СССР и на воздушных станциях заграничных сообщений, принимаемые в отношении людей и транспортных средств. Указывалось, что для принятия санитарных мер на сухопутных и речных границах, а также воздушных станциях заграничных сообщений СССР НКЗ союзных республик учреждались врачебно-наблюдательные пункты, снабженные необходимыми для выполнения их цели помещениями, общим и госпитальным оборудованием, дезинфекционными и дезинсекционными средствами, установками и медикаментами (ст. 19).

Эти пункты располагались с таким расчетом, чтобы не стеснять пассажирского и товарного движения через границу, а принятие санитарных мер следовало организовать так, чтобы избежать задержки пограничного движения. Санитарный осмотр следовало производить по возможности одновременно с таможенным, и только лица, проявляющие явные признаки болезни, подвергались более тщательному осмотру (ст. 20).

В случаях, предусмотренных международными санитарными конвенциями, врачебно-наблюдательные пункты устраивались по соглашению с правительствами соответственных иностранных государств.

В местностях, где устройство врачебно-наблюдательных пунктов представляло существенные затруднения, при угрожающем развитии заразных болезней движение через границы могло быть временно закрыто по соглашению НКЗ соответственной союзной республики с НКВД, НКПС и Народным комиссариатом внешней и внутренней торговли СССР (ст. 21).

По отношению к лицам, обнаруживающим признаки заразных болезней, предусмотренных ст. 1, и по отношению к лицам и транспортным средствам, следующим из зараженных местностей, применялись для предупреждения заноса заразных болезней такие меры: 1) врачебный осмотр и исследование; 2) выделение и изоляция больных и подозрительных лиц; 3) дезинсекция людей и дезинфекция железнодорожных вагонов и судовых помещений; 4) воспреещение при эпидемическом развитии оспы и холеры въезда лицам, не имеющим выданного врачом свидетельства о

предохранительной прививке или отказывающимся подвергнуться такой прививке; 5) в случае надобности, бактериологическое и диагностическое исследование лиц, подозрительных по чуме и холере.

При этом врачебно-санитарный, железнодорожный, летный и почтовый персонал и судовой экипаж могли быть подвергаемы санитарным мерам только в случае явного заболевания указанными в настоящем Положении заразными болезнями (ст. 1). Пассажиры же имели право требовать от санитарной власти свидетельство, удостоверяющее время их прибытия и меры, которым они были подвергнуты. Что же касается мер, применяемых к признаваемому зараженным багажу и товарам, то они изложены в разделе V (ст. 22).

Лица, признанные при врачебном осмотре больными, а также подозрительными по одной из указанных в настоящем Положении болезней, выделялись и направлялись властями страны назначения в надлежаще приспособленные и оборудованные для этой цели помещения, оставаясь там до выздоровления или окончательного выяснения диагноза. Задержка для обсервации здоровых лиц не допускалась.

Лица, следующие из зараженных местностей или приходившие в соприкосновение с заразными больными, могли быть подвергнуты врачебному наблюдению при прибытии к месту назначения: в течение 5 дней при холере и чуме, и в течение 14 дней при сыпном и 8 дней при возвратном тифе, и 6 дней при желтой лихорадке, считая с момента выезда из зараженных местностей или с момента обнаружения больного на границе. Таким лицам могло быть вменено в обязанность по прибытии к месту назначения явиться к соответственной санитарной власти (ст. 23).

В случае обнаружения в прибывшем из-за границы железнодорожном составе или речном судне больного заразной болезнью, предусмотренной Положением, вагон (речное судно) или отделение (помещение судна) могли быть подвергнуты необходимой дезинфекции с отцепкой, в случае надобности, вагона. Пассажиры, приходившие в соприкосновение с больными, подвергались врачебному осмотру и могли быть подвергнуты санитарной обработке, а их вагон или помещение – дезинфекции или дезинсекции. По применении этих мер указанные пассажиры подвергались установленному врачебному наблюдению.

При этом железнодорожные пассажиры, приходившие в соприкосновение с больными холерой или чумой, размещались в вагоне, включенном в подвижной состав взамен отцепленного, в случае же невозможности прицепки дополнительного вагона такие пассажиры размещаются в одном из вагонов подвижного состава, из которого здоровые пассажиры предварительно переводились в другие вагоны состава.

О случаях обнаружения в составе пассажиров поезда или судна, речного или воздушного, больных чумой или холерой пограничный врачебно-наблюдательный пункт должен был известить по телеграфу транспортный участковый санитарный надзор станций и пристаней, лежащих на пути дальнейшего следования состава или судна. Участковый санитарный персонал, получив уведомление, обязан был немедленно по прибытии на станцию или к пристани подвижного состава или судна ознакомиться с состоянием здоровья пассажиров, приходивших в соприкосновение с больными холерой или чумой, с целью выделения заболевших в пути и принятия, в случае необходимости, санитарных мер борьбы с эпидемией (ст. 24).

На НКПС и НКЗ союзных республик по принадлежности возлагалось:

а) обеспечить содержание подвижного состава поездов и судов, направляющихся к границе, в необходимой чистоте и производить в нужных случаях дезинфекцию, дезинсекцию и дератизацию;

б) установить строгий надзор в пограничных местностях за санитарным состоянием вокзалов и пристаней, железнодорожного полотна и бечевников; в их районах устанавливается надзор за снабжением доброкачественной водой, за чистотой уборных в поездах, на судах, на пристанях и на вокзалах, а также за надлежащим содержанием буфетов с воспрещением в холерное время продажи продуктов, могущих распространить заразу (ст. 25).

Железнодорожный, водный и летный персонал СССР снабжался инструкциями и наставлениями, издаваемыми НКЗ союзных республик по соглашению с НКПС или правлениями железных дорог, или управлениями внутреннего водного транспорта по принадлежности, знакомящими с мерами предосторожности против заразных болезней (ст. 26).

В пунктах прибытия и отправления воздушных судов применялись меры, аналогичные указанным выше в этой главе по отношению к железнодорожному и речному транспорту (ст. 27).

В отношении же лиц, переходящих границу партиями, местными санитарными органами могли быть установлены особые меры дезинфекции, дезинсекции и врачебного наблюдения, необходимые по обстоятельствам данного случая согласно инструкции, издаваемой НКЗ союзных республик по принадлежности (ст. 28).

Раздел IV посвящен мерам на морских границах СССР, принимаемых в отношении людей и транспортных средств, и в основном повторяет Положение о санитарной охране морских границ СССР от 10 марта 1925 г. Глава I этого раздела предусматривала организацию санитарной охраны морских границ. В ней указывалось, что для осуществления мер санитарной охраны морских границ СССР союзными республиками учреждаются морские врачебно-наблюдательные станции и пункты (ст. 29). Морские врачебно-наблюдательные станции создавались в количестве не менее 1 на побережьях каждого из морей, по которым проходит государственная граница СССР (ст. 30). При этом, как и ранее, Азовское и Черное моря рассматривались как одно море; то же соблюдалось и в отношении Белого моря и Северного Ледовитого океана.

Морские врачебно-наблюдательные пункты учреждались во всех наиболее посещаемых портах СССР. В портах, малопосещаемых, обязанности морского врачебно-наблюдательного пункта могли быть возложены НКЗ соответствующей союзной республики на местные органы медико-санитарного надзора порта в пределах, предусматриваемых соответственными распоряжениями Наркомздрава (ст. 31).

В часто посещаемых портах следовало установить, кроме других мер, необходимых для проведения в жизнь настоящего Положения:

а) постоянный медико-санитарный надзор за состоянием судовых экипажей и населения порта; б) средства для перевозки больных и места, приспособленные для изоляции больных и для обсервации лиц подозрительных; в) сооружения, установки и оборудования, необходимые для дезинфекции и прививок, и бактериологические лаборатории; г) снабжение доброкачественной питьевой водой для нужд порта и введение такой системы удаления нечистот, которая представляла бы наибольшую

гарантию в санитарном отношении; д) наблюдение за грызунами; е) организация санитарного просвещения (ст. 32).

Предусматривалось, что Морские врачебно-наблюдательные станции принимали и, в случае надобности, подвергали соответствующей санитарной обработке всякого рода суда, прибывающие к станции. В тоже время Морские врачебно-наблюдательные пункты принимали и, в случае надобности, подвергали соответствующей санитарной обработке прибывающие к пункту суда, за исключением: а) судов, на которых есть или во время перехода были больные чумой или холерой; б) судов, имеющих на борту более 10 человек, больных заразными болезнями, предусмотренными данным Положением. Суда последних двух категорий направлялись пунктом на морскую врачебно-наблюдательную станцию (ст. 33).

Морские врачебно-наблюдательные станции и пункты обязывались функционировать ежедневно в продолжение всего периода навигации (ст. 34). Обо всех случаях обнаруженных на прибывшем или стоящем в порту судне заразных заболеваний, предусмотренных Положением, а также о применяемых к судну мерах органы санитарной охраны морских границ СССР немедленно извещалось ОБЗСИ (ст. 8), соответствующий Наркомздрав и его местный руководящий орган. Кроме того, о всех случаях задержки иностранных судов для санитарной обработки их органы санитарной охраны морских границ следовало немедленно извещать начальника порта.

Во всех случаях обнаружения на судах или в портах заразных заболеваний, предусмотренных Положением, применялось правило о телеграфном взаимном осведомлении Наркомздравов союзных республик, установленное ст. 8 (ст. 35).

Санитарному контролю судов, прибывающих в порты СССР, посвящалась глава II данного раздела. В ней указывалось, что каждое судно, прибывшее из-за границы к порту СССР, должно было останавливаться в указанном ему органами местного портового управления месте и поднимать на фок-мачте желтый флаг, а если на нем имелся больной одной из указанных в ст. 1 заразных болезней, – черный флаг. Прибывшее из-за границы судно оставалось под желтым или черным флагом до того момента, когда ему предоставлялось органами санитарной охраны морских границ СССР право свободной практики с санитарной точки зрения.

До производства санитарного осмотра судна никто, кроме лоцмана, не мог войти на судно и сходить с него; до разрешения врача, производившего осмотр, на судно не могли входить и никакие местные органы власти; доступ частных лиц воспрещался впредь до спуска судном желтого или черного флага (ст. 36).

До признания за прибывшим из-за границы судном права свободной практики с санитарной точки зрения никакие органы власти (портовые, таможенные, ОГПУ и др.) не могли делать судну никаких распоряжений о высадке пассажиров, выгрузке товаров, скота и т.п. (ст. 37).

За всяким судном, прибывшим из-за границы и в силу повреждений или иных морских причин остановившемся в таком месте побережья СССР, где не было морских врачебно-наблюдательных станций, или пунктов, или заменяющих последние органов медико-санитарного надзора порта (ст. 31), местными органами власти и, в первую очередь, агентами Таможенного управления и ОГПУ учреждался строгий надзор в целях недопущения сношений экипажа и пассажиров с берегом. О приходе судна немедленно извещался ближайший орган санитарной охраны морских границ СССР для принятия соответствующих мер (ст. 38).

До прибытия представителя санитарной охраны морских границ и производства санитарного осмотра не допускалась высадка на берег с указанных в ст. 38 судов их экипажа и пассажиров, а равно снятие с них умерших, кроме случаев, когда судно находилось в опасности: в этих случаях о высадке или снятии немедленно уведомлялся ближайший местный орган здравоохранения для принятия необходимых санитарных мер (ст. 39).

Меры, применяемые к судам, прибывшим в порты СССР излагались в главе III Положения. В частности, предусматривалось, что при осуществлении органами санитарной охраны СССР возложенных на них задач к судам, прибывшим из-за границы в порты СССР, применялись в соответствии со статьями 41–51 Положения следующие меры: а) опрос капитана и врача судна (если последний имеется); б) санитарный осмотр судна и всех его помещений; в) врачебный осмотр экипажа и пассажиров; г) немедленное выделение и изоляция больных и подозрительных по болезни лиц; д) обсервация лиц, приходивших в соприкосновение с больными; е) установление врачебного наблюдения за прибывшими на судне лицами; ж) принятие мер дезинфекции и дезинсекции; з) дератизация и принятие мер против перехода крыс с судна на берег и обратно; и) воспреещение въезда при опасности заноса оспы или холеры лицам, не имеющим выданного врачом свидетельства о предохранительной прививке и отказывающимся подвергнуться такой прививке. При этом термины «обсервация» и «врачебное наблюдение» употреблялись в смысле, указанном в ст. 23 (ст. 40).

Все суда, прибывшие из-за границы, делились по их санитарному состоянию на зараженные, подозрительные и незараженные, а незараженные, кроме того, по их маршруту на суда, прибывающие из благополучных и неблагополучных мест.

Зараженным считалось судно, на котором были больные чумой, холерой, желтой лихорадкой, сыпным или возвратным тифом и оспой, или были случаи холеры, чумы и желтой лихорадки в течение последних 7 дней, или возвратного тифа в течение последних 8 дней, или же сыпного тифа и оспы в течение последних 14 дней перед прибытием к порту СССР.

Подозрительным считалось судно, на котором были случаи холеры, чумы, желтой лихорадки, сыпного или возвратного тифа и оспы при выходе судна из порта отправления или во время перехода, но не было ни одного нового случая заболевания названными болезнями – по холере, чуме и желтой лихорадке в течение последних 7 дней, по возвратному тифу – последних 8 дней и по сыпному тифу и оспе в течение последних 14 дней перед прибытием к порту СССР.

Незараженным признавалось судно, которое, прибывая хотя бы из зараженного порта, не имело случаев чумы, холеры, желтой лихорадки, сыпного и возвратного тифа и оспы ни при выходе из порта отправления, ни во время перехода, ни в момент прибытия к порту СССР.

При этом судно считалось прибывающим из неблагополучных мест, если пункты его отправления или хотя бы одной из остановок в пути были во время нахождения или к моменту прибытия в них судна официально признаны неблагополучными по одной из указанных в ст. 1 болезней (ст. 41).

Незараженные прибывшие из благополучных мест суда немедленно по опросе и санитарном осмотре допускались производившими опрос и осмотр органами сани-

тарной охраны морских границ к свободной практике с санитарной точки зрения (ст. 42).

Незараженные прибывшие из неблагополучных мест суда в случае признания их санитарного состояния удовлетворительным на опросе и осмотре (п. п. «а» и «б» ст. 40) допускались соответствующими органами санитарной охраны морских границ к свободной практике с санитарной точки зрения после врачебного осмотра экипажа и пассажиров. При неудовлетворительности санитарного состояния таких судов органами санитарной охраны применялись в необходимом по их усмотрению объеме меры, указанные в ст. 49 (ст. 43).

К подозрительным судам применялись нужные по роду подозреваемого заражения санитарные меры, указанные в пунктах «а», «б», «в», «е», «ж», «з», «и» ст. 40 Постановления (ст. 44). К зараженным судам применялись все нужные по роду установленного заражения санитарные меры, указанные в ст. 40 Положения (ст. 45).

В отношении судов, зараженных по чуме, холере и желтой лихорадке, соблюдались специально следующие правила:

а) больные и представляющие подозрительные симптомы лица после врачебного осмотра немедленно высаживаются на берег и изолируются;

б) лица, приходившие в соприкосновение с больными холерой или чумой, подвергаются обсервации или же врачебному наблюдению, продолжительность которых не могла превышать 5 дней с момента прибытия судна; лица, прибывшие на судах, зараженных желтой лихорадкой, могли быть подвергнуты обсервации на срок до 6 дней;

в) грязное белье, ношеное платье и предметы обихода экипажа и пассажиров, признанные санитарной охраной порта прибытия зараженными, подвергались дезинфекции;

г) все помещения судна, в которых помещались больные, а также помещения, которые местной санитарной охраной признавались зараженными, подвергались дезинфекции в течение срока не свыше 48 часов;

д) к судам, зараженным по холере, кроме указанных мер, могли быть применены: замена имеющейся питьевой воды доброкачественной, дезинфекция балластной и питьевой воды до выливания ее в порту, воспреещение выливания в пределах порта без предварительной дезинфекции людских нечистот и судовых сточных вод;

е) к судам, зараженным по чуме, применялось, сверх мер, указанных в п. п. от «а» до «д» данной статьи, дератизация, которая производится в течение срока не свыше 48 часов до или после разгрузки судна, причем требовалось избегать порчи груза, железных частей и машин. На судах с балластом дератизация судна производилась до его загрузки. Равным образом следовало принять меры к недопущению проникновения на судно крыс;

ж) судам, зараженным желтой лихорадкой, следовало останавливаться от берега на расстоянии не ближе 200 метров. При невозможности уничтожения комаров до начала разгрузки принимались возможные меры для предохранения заражения лиц, производящих разгрузку. Эти лица могли быть подвергнуты обсервации на срок до 6 дней (ст. 46).

Суда, подозрительные по холере, помимо врачебного осмотра, подвергались мерам, указанным в пунктах «в», «г», «д» ст. 46; по чуме – мерам, указанным в п. п. «в», «г», «е» той же статьи; по желтой лихорадке – мерам, указанным в п. «ж» той

же статьи. Сверх того, экипаж и пассажиры могли быть подвергнуты врачебному наблюдению, продолжительность которого не могла превышать при холере и чуме 5 дней, при желтой лихорадке – 6 дней, считая с момента прибытия судна (ст. 47).

В отношении судов, зараженных и подозрительных по сыпному и возвратному тифу и оспе, специально соблюдались следующие правила:

а) после врачебного осмотра больные или представляющие подозрительные по этим болезням симптомы лица немедленно высаживались на берег, изолировались и, в случае надобности, подвергались дезинсекции;

б) лица, приходившие в соприкосновение с больными сыпным и возвратным тифом, подвергались дезинсекции;

в) лица, приходившие в соприкосновение с больными сыпным и возвратным тифом и оспой, могли быть подвергнуты врачебному наблюдению, продолжительность которого не могла превышать при возвратном тифе 8 дней и при сыпном тифе и оспе 14 дней с момента прибытия судна; обсервации такие лица не подвергались;

г) грязное белье, ношеное платье и предметы обихода экипажа и пассажиров, признанные органами санитарной охраны порта прибытия зараженными, подвергались дезинсекции при тифе и дезинфекции при оспе;

д) все помещения судна, в которых помещались больные, а также помещения, которые органами санитарной охраны порта прибытия признаны зараженными, подвергались при тифах дезинсекции, а при оспе – дезинфекции в течение срока не свыше 48 часов (ст. 48).

В отношении судов незараженных, прибывших из неблагополучных мест, органы санитарной охраны морских границ имели право в предусмотренном ч. 2 ст. 43 случае после врачебного осмотра экипажа и пассажиров предписать: при холере – меры, указанные в п. п. «в», «д» ст. 46; при чуме – меры, указанные в п. п. «в», «е» той же статьи; при сыпном и возвратном тифе – меры необходимой дезинсекции грязного белья, ношеного платья и предметов обихода экипажа и пассажиров, а равно жилых помещений, признанных за изобилующие насекомыми.

При этом дезинфекция, предусмотренная п. «в» ст. 46, и дератизация, предусмотренная п. «е» той же статьи, применялись к указанным в настоящей статье судам лишь в случаях, когда органы санитарной охраны морских границ имели особые основания считать зараженными упомянутые в п. «в» ст. 46 вещи экипажа и пассажиров или считать зараженными судовых крыс. При этом производство дератизации не должно было, во всяком случае, продолжаться более 24 часов и препятствовать сообщению пассажиров и экипажа между судном и берегом (ст. 49).

В случае обнаружении на незараженном судне, прибывшем из неблагополучного по чуме порта, массовой смертности крыс следовало произвести исследование крыс на чуму. При положительном результате исследования производилась дератизация согласно п. «е» ст. 46 и, кроме того, могли быть применены: а) врачебный осмотр; б) дезинфекция помещений судна и предметов, являющихся по мнению органов санитарной охраны морских границ зараженными; в) врачебное наблюдение в отношении экипажа и пассажиров в течение 5 дней с прибытия судна (ст. 50).

При применении тех или иных предусмотренных этим законом мер, стеснительных для движения, особенно в отношении судов незараженных, органы санитарной охраны морских границ должны были, по возможности, ограничиваться лишь без-

условно необходимыми мерами. При этом они принимали во внимание предупредительные меры, примененные при отходе судна из неблагополучного порта, а также и во время перехода, наличие на судне официально признанного врача, равно как и приспособлений для дезинфекции, дезинсекции и дератизации, а также и другие обстоятельства, имеющие значение для суждения о степени опасности заноса заразных болезней, как то: наличие подлежащего санитарного патента, меры, принятые в порту отправления судна, периодическая дератизация, наличие в стране носителей желтой лихорадки и т.д.

Органы санитарной охраны морских границ могли потребовать от судового врача или за его отсутствием от капитана судна или его заместителя формального заявления о том, что на судне со времени его отхода из определенного неблагоприятного порта не было случаев заболевания холерой, чумой, желтой лихорадкой, сыпным и возвратным тифами и оспой, или что таких случаев не было в течение указанных в ст. 41 сроков перед прибытием судна в порт СССР (ст. 51).

При этом в ст. 52 указывалось, что всякое судно, не желающее подвергнуться мерам, предписанным органами санитарной охраны морских границ СССР, обязано уйти обратно в море. Ему могло быть разрешено выгрузить свои товары с соблюдением следующих условий: а) изоляция судна, экипажа и пассажиров; б) при чуме – доставления сведений, не имеется ли на судне чрезвычайной смертности среди крыс; в) при холере – замены питьевой воды, запасенной на судне, если эта вода признавалась подозрительной в смысле заражения, с соблюдением требований пункта «д» ст. 46 относительно выливания воды в порту.

Пассажирам могло быть разрешено высадиться на берег, если они подчинятся мерам, предписанным органами санитарной охраны морских границ на основании Положения и правил по его применению (ст. 91).

Органы санитарной охраны морских границ порта прибытия обязывались давать капитану, судовладельцу или его агенту по их требованию свидетельство, указывающее примененные к судну санитарные меры и основания, по которым они были применены. Лица, прибывшие на судно, имели право требовать от тех же органов порта прибытия свидетельство, удостоверяющее время их прибытия и меры, коим они были подвергнуты (ст. 53).

Суда, следующие из неблагополучных мест, подвергшиеся санитарным мерам в удовлетворительной степени в каком-либо порту иностранного государства, не подвергались вторично этим мерам при прибытии в порт СССР, но при условии, что на судне после применения к нему санитарных мер не было ни одного случая заболевания и что судно не заходило в неблагополучный порт. При этом не считалось заходившим в порт судно, которое, не приходя в соприкосновение с берегом, только высаживало пассажиров и выгружало багаж, а равно почту или только принимало на борт почту и пассажиров с багажом или без него, которые не имели общения ни с портом, ни с зараженным округом. При желтой лихорадке требовалось, кроме того, чтобы судно при остановке держалось возможно дальше от берега, во всяком случае

на расстоянии не менее 200 м., чтобы воспрепятствовать проникновению комаров, носителей заразы (ст. 54).

Суда, пришедшие из-за границы и получившие право свободной практики с санитарной точки зрения в одном из портов СССР и в неэпидемическое время, допускались в другой порт СССР на том же побережье после опроса капитана и врача судна представителем санитарной охраны морских границ (ст. ст. 29 и 31). Если же один или несколько портов побережья были объявлены Наркомздравом союзной республики, на территории которой находятся эти порты, неблагополучными по одной из заразных болезней, предусмотренных данным Положением, то все суда, следующие из неблагополучного порта или заходившие в него, подвергались мерам, установленным для судов, прибывших из-за границы (ст. 55).

Меры, применяемые к судам, находящимся в портах СССР или отходящим из этих портов, и меры, применяемые на территории порта, устанавливались следующие (гл. IV). Обо всех случаях заболевания заразными болезнями, предусмотренных Положением, или о случаях, подозрительных по таким болезням, имевшим место как на судах, стоящих в порту, так и на территории порта СССР, капитаном судна или начальником порта, по принадлежности, немедленно извещались органы санитарной охраны морских границ. Ответственность за неисполнение этого возлагалась соответственно на капитана судна или начальника порта.

Дежурный врач медико-санитарного надзора порта имел право посещения всех судов, стоящих в порту, и всех помещений территории порта для санитарного осмотра при подозрении наличия больного одной из заразных болезней, предусмотренных Положением (ст. 56).

Портовые власти обязывались принимать меры к недопущению посадки на суда лиц с признаками чумы, холеры, желтой лихорадки, сыпного и возвратного тифов и оспы (ст. 57). Лица, следующие из местностей, зараженных холерой, могли быть не допущены на судно без противохолерной прививки в случае, когда в силу общих распоряжений для выезда из данной местности требовалась прививка, или же по особому о том распоряжению НКЗ соответственной союзной республики (ст. 58).

При холере устанавливался надзор за доброкачественностью запасаемой судами питьевой воды (ст. 59). Во время эпидемий, переносимых паразитами тифов, в порту или в окрестностях порта лица, следующие из мест, пораженных тифами, не допускались к посадке на судно без предварительной санитарной обработки в течение последних 24 часов перед посадкой (мытье в бане, дезинсекция грязного белья, платья и бывших в употреблении постельных принадлежностей) (ст. 60). Во время же эпидемии чумы в порту или окрестностях порта, кроме обязательной дератизации, применялись меры к недопущению проникновения на судно крыс (ст. 61).

При отходе судна из порта СССР за границу к судам, плавающим под флагом СССР, по усмотрению органов санитарной охраны морских границ, и к иностранным судам, по просьбе их капитанов или консулов их страны, могли быть применены следующие меры: а) санитарный осмотр судна; б) в случае подозрения в наличии

на судне заразных больных среди экипажа и пассажиров – врачебный осмотр экипажа и пассажиров с удалением обнаруженных заразных или подозрительных больных в лечебно-санитарные учреждения и в) при обнаружении заразных заболеваний – дезинфекция, дезинсекция или дератизация соответствующих помещений судна и предметов, которые были признаны органами санитарной охраны морских границ зараженными. Принятие этих мер могло быть произведено как до погрузки, так и после погрузки. При этом применение выше указанных мер должно было быть рассчитано так, чтобы, не прерывая работы судна, не причинять задержки его отходу в намеченный срок (ст. 62).

Суда, плавающие под флагом СССР и совершающие заграничное плавание, обязаны были не реже двух раз в год подвергаться дератизации (ст. 63). Отходящему в заграничное плавание судну, помимо санитарного патента (ст. 75), органами санитарной охраны морских границ выдавалось свидетельство с указанием примененных к судну перед отходом санитарных мер, если они были применены (ст. 64). Суда, плавающие под флагом СССР, при посещении иностранных портов и во время пребывания в них обязывались соблюдать постановления Парижской международной санитарной конвенции 17 января 1912 г., а при посещении портов государств, с которыми СССР заключены отдельные санитарные конвенции, также постановления этих конвенций, и обязаны выполнять все санитарные мероприятия, предписанные им иностранными санитарными властями, если эти мероприятия соответствовали названным конвенциям.

Необходимые для этого инструкции издаются НКЗ соответственной союзной республики по соглашению с Нароминдел, НКПС и Народным Комиссариатом Внешней и Внутренней Торговли СССР. Суда, плавающие под флагом СССР, снабжались указанными инструкциями, а равно наставлениями, издаваемыми НКЗ соответственной союзной республики и НКПС, знакомящими с мерами предосторожности против заразных болезней (ст. 65).

Меры, применяемые к каботажным судам, принимались следующие (гл. V). К судам, совершающим рейсы в большом каботаже и заходившим на своем пути в иностранные порты, применялись соответственные статьи настоящего Положения, касающиеся судов заграничного плавания. К судам большого каботажного плавания, не заходившим во время своего рейса ни в один из иностранных портов (ст. 54, прим.), применяются меры, предусмотренные ниже для судов малого каботажного плавания (ст. 66).

Суда под флагом СССР, плавающие в большом каботаже, обязаны были не реже 2 раз в год подвергаться дератизации. Суда малого каботажного плавания, плавающие под флагом СССР, обязывались подвергаться дератизации не менее 1 раза в год (ст. 67). Всякое судно малого каботажного плавания перед отходом из порта, неблагополучного по чуме, холере, сыпному или возвратному тифу или оспе, подвергалось осмотру органами санитарной охраны морских границ или медико-санитарного надзора порта (ст. 68).

При обнаружении среди пассажиров или экипажа лиц, больных холерой, чумой, сыпным или возвратным тифом или оспой или подозрительных по одной из упомянутых болезней, их следовало высадить на берег для направления в соответствующую

щие лечебно-санитарные учреждения, а на судне принять меры, предусмотренные Положением в отношении зараженных судов, прибывающих из-за границы (ст. 69).

Суда малого каботажного, на которых обнаруживались больные чумой или холерой, должны были направляться на ближайшую морскую врачебно-наблюдательную станцию или пункт, где к ним следовало применять соответствующие санитарные меры как к судам зараженным, прибывшим из-за границы (ст. 70). О произведенном осмотре и принятых санитарных мерах капитану судна малого каботажного органами санитарной охраны морских границ или медико-санитарного надзора порта выдавалось свидетельство, которое в дальнейшем следовало предъявлять органам санитарной охраны в порту назначения и в местах остановки (ст. 71).

Во время стоянки в порту, неблагополучном по холере или чуме, сыпному или возвратному тифу или оспе, капитану судна малого каботажного вменялось в обязанность при отсутствии врача на судне не спускать экипаж на берег без особенной надобности. Сход на берег и возвращение команды на судно в случае отсутствия на судах врача допускалось только через морскую врачебно-наблюдательную станцию или пункт. О появлении среди экипажа какого бы то ни было заболевания капитан обязан был немедленно извещать органы санитарной охраны морских границ или медико-санитарного надзора порта стоянки. При этом на судах, где был судовой врач, последнему вменяется в обязанность извещать указанные в последней статье органы только о тех заболеваниях, которые возбуждают подозрения относительно чумы, холеры, сыпного или возвратного тифа или оспы (ст. 72).

Суда малого каботажного, следующие из портов, неблагополучных по чуме или холере, сыпному и возвратному тифам и оспе, и направляющиеся в порты, где не было органов санитарной охраны морских границ, должны были предварительно заходить в один из ближайших портов, где имелись морские врачебно-наблюдательные станции, или пункты, или заменяющий последние орган медико-санитарного надзора порта для производства санитарного осмотра (ст. 73).

Суда малого каботажного, следующие из мест, неблагополучных по одной из указанных выше болезней, и имеющие на борту судовых врачей, допускались к свободной практике в портах, где не было органов санитарной охраны морских границ, на основании официального письменного заявления судового врача о санитарном благополучии судна (ст. 74).

Что касается санитарных патентов (гл. VI), то для официального удостоверения о благополучном или неблагополучном состоянии здоровья людей как на судне, отправляющемся из какого-либо порта СССР в заграничное плавание, так и в порту и окрестностях порта, из которого отправляется судно, последнему после опроса капитана и судового врача и по принятии, в случае надобности, иных мер, предусмотренных настоящим Положением для судов, отходящих в заграничное плавание, выдавался по просьбе капитана морской врачебно-наблюдательной станцией или пунктом, или в соответствующих случаях органами медико-санитарного надзора порта отправления санитарный патент по установленной форме (ст. 75).

Если судно, получившее санитарный патент, не отошло из порта в течение 48 ч. с момента выдачи патента, то патент по просьбе капитана судна следовало пометить выдавшим патент органом с объяснением перемен, какие могли произойти за истекшее время. Без такой пометки патент считается недействительным (ст. 76).

Суда, отходящие из какого-либо порта СССР, обязаны были запастись санитарными патентами, если порт отправления был объявлен неблагополучным по заразным болезням, предусмотренным настоящим Положением (ст. 77). Суда, направляющиеся в порты СССР из-за границы, должны были запастись санитарным патентом. Суда, не представляющие санитарного патента, получали свободную практику после осмотра и принятия мер, необходимых по обстоятельствам дела. Если судно отошло из порта, где был консул СССР, или заходило во время своего рейса в такой порт для совершения торговых операций, то при отсутствии у судна национального санитарного патента судну мог быть выдан консулом СССР консульский патент, а при наличии национального санитарного патента последний представлялся консулу СССР на визу (ст. 78). При этом Санитарный режим военных и приравненных к ним судов определяется особым законом (ст. 79).

Меры на сухопутных, речных и морских границах СССР, а равно на воздушных станциях заграничных сообщений, принимаемые по отношению к товарам и багажу определялись следующие (разд. V). Меры против занесения заразных болезней, предусмотренных Положением, могли применяться к товарам и к пассажирскому багажу только поскольку багаж, товары или их упаковки могли представить угрозу заражения этими болезнями (ст. 80). По соображениям санитарной охраны ввоз или транзит товаров не мог быть воспрещен, кроме случая, указанного в ст. 83, но мог быть обусловлен их дезинфекцией согласно ст. ст. 82–84 данного закона и мог быть временно приостановлен в случае перерыва движения через границу, предусмотренном ст. 21 (ст. 81).

Ст. 82 устанавливала, что дезинфекцию и дезинсекцию товаров и багажа в необходимых случаях следовало производить по возможности так, чтобы они не влекли за собой повреждения и изменения качества обрабатываемых предметов. Однако ветошь, ношеное белье, бывшие в употреблении больных повязки, неделовые и не имеющие документального значения бумаги и другие предметы, не имеющие ценности, могли быть сжигаемы. При этом убытки от порчи или уничтожения предметов при дезинфекции возмещению не подлежали, кроме случаев доказанной грубой небрежности органов, производивших дезинфекцию; то же правило применялось к убыткам, причиненным при дератизации транспорта (ст. ст. 25 и 46).

Дезинфекция могла производиться в случаях чумы или холеры по отношению к предметам, следующим из местностей, признанных зараженными, если местные представители врачебно-наблюдательных пунктов или санитарной охраны морских границ или медико-санитарного надзора порта признавали эту меру по обстоятельствам данного случая необходимой, а дезинсекция в случаях чумы, тифа и желтой лихорадки – при обнаружении насекомых. Однако во всех случаях могли быть под-

вергнуты дезинфекции или даже воспрещены к ввозу следующие из зараженных местностей и отправленные не позже как за 5 дней до появления эпидемии:

а) ношеное белье, ветошь, ношеное платье и бывшие в употреблении постельные принадлежности;

б) тряпье, за исключением тряпья, перевозимого в тюках, обтянутых обручами. При этом не подлежали воспрещению к ввозу новые отбросы искусственной шерсти и обрезки новой бумаги, идущей прямо из прядильных, ткацких, швальных и белильных мастерских. Кроме того если предметы, указанные в настоящей статье, перевозились пассажирами в качестве багажа или по случаю перемены места жительства, то они допускались к ввозу после дезинфекции или дезинсекции, если эти меры признавались необходимыми упомянутые в настоящей статье органы (ст. 83).

Не мог быть запрещен транзит товаров, идущих в надлежащей упаковке. Такие товары дезинфекции не подвергались. Не могли быть подвергаемы санитарным мерам надлежащим образом упакованные товары при прохождении через зараженные места. При этом правила об упаковке устанавливались в зависимости от рода перевозимых предметов НКПС по соглашению в подлежащих случаях с НКЗ союзных республик (ст. 84).

Письма и корреспонденция, брошюры, книги, журналы, деловые бумаги (за исключением почтовых посылок) не подвергались никаким санитарным ограничениям, ни дезинфекции. Почтовые посылки, при случае желтой лихорадки, не подвергались ограничениям или дезинфекции (ст. 85).

Багаж больных заразными болезнями, предусмотренными Положением, или обнаруживающих подозрительные по этим болезням симптомы пассажиров или лиц, приходивших с такими пассажирами в соприкосновение, мог быть подвергнут дезинфекции или, в случае надобности, дезинсекции (ст. 86).

По отношению к лицам, прибывающим партиями, если это признали необходимым органы, упомянутые в ст. 83, допускалась массовая дезинфекция вещей, а при тифах – и специальная очистка тела и одежды согласно правилам, устанавливаемым в порядке ст. 92 (ст. 87). При применении к товарам и багажу мер дезинфекции или дезинсекции по требованию владельцев вещей или товаров упомянутыми в ст. 83 органами выдавалось названным владельцам свидетельство с указанием принятых мер (ст. 88).

Раздел VI содержал в себе заключительные постановления. Так, в нем указывалось, что взимание платы с пассажиров, лиц железнодорожного, летного и почтового персонала или судового экипажа за оказываемую на основании данного Положения в пограничных врачебно-наблюдательных пунктах или морских врачебно-наблюдательных станциях или пунктах медицинскую помощь, за содержание их во время изоляции в больницах по подозрению в одной из заразных болезней, предусмотренных Положением, и за расходы по применению других относящихся к людям санитарных мер, вытекающих из действия того Положения, не допускалось.

Расходы по транспортировке больных на берег производились за счет судна, с которого больные были сняты (ст. 89).

Размеры платы за медицинскую помощь и за санитарные услуги, помимо указанных в ст. 89, не могли превышать их действительной стоимости. Размеры платы за санитарные услуги на сухопутных и речных границах, а равно на воздушных станциях заграничных сообщений устанавливались по соглашению народных комиссариатов здравоохранения союзных республик с Наромндел, НКПС и Народным Комиссариатом Внешней и Внутренней Торговли СССР и опубликовывались во всеобщее сведение за месяц до вступления в силу. Размеры платы за санитарные услуги на морских границах устанавливались и опубликовывались в порядке, определенном в Положении о портовых сборах (ст. 90).

Правила применения данного Положения на морских границах и правила для судов СССР, совершающих массовые перевозки пассажиров, устанавливались СТО (ст. 91). По всем остальным вопросам применения данного Положения соответствующие правила устанавливались в порядке законодательства союзных республик и законно издаваемых в развитие этого законодательства административных распоряжений (ст. 92).

Изъятия из Положения согласно действующим международным договорам, а также изъятия в отношении лиц, багажа и грузов, пользующихся дипломатическим иммунитетом, устанавливались Нароминдел по соглашению с НКПС, Народным Комиссариатом внешней и внутренней торговли СССР и НКЗ соответственных союзных республик (ст. 93). Нарушения же постановлений настоящего Положения преследовались в уголовном порядке согласно соответственным статьям УК союзных республик (ст. 94) [9].

Таким образом, временное Положение о санитарной охране границ СССР от 30 апреля 1926 г. было тщательно продуманным, согласованным и комплексным документом, нацеленным на создание системы санитарно-эпидемиологической безопасности границ СССР, состоящей из сети врачебно-наблюдательных станций и пунктов, а также различных мер профилактического, врачебного и организационного характера.

В его развитие и дополнение было принято несколько нормативно-правовых актов. Первым из них является постановление от 1 июля 1927 г. «Положение об общесоюзном бюро заграничной санитарной информации». Данное бюро находилось при Наркомздраве РСФСР. На ОБЗСИ возлагалось:

а) сводка, разработка и опубликование сведений о санитарном состоянии СССР на основе материалов, полученных от народных комиссариатов здравоохранения союзных республик;

б) экстренное извещение народных комиссариатов здравоохранения союзных республик и республик Грузии, Армении и Азербейджана и подлежащих иностранным правительствам о появлении холеры, чумы, желтой лихорадки, эпидемического развития сыпного и возвратного тифов и оспы, и иных эпидемических болезней,

поскольку это будет предусмотрено международными соглашениями по этому предмету, а также о дальнейшем развитии или прекращении этих болезней;

в) сообщение международному бюро общественной гигиены сведений о ходе заразных заболеваний, о состоянии народного здравоохранения и о санитарном законодательстве в СССР на основе материалов, полученных от Наркомздравов союзных республик;

г) обмен периодическими сведениями о санитарном состоянии СССР с теми государствами, с которыми имеются соглашения по этому предмету;

д) совместная с Наркомздравами союзных республик предварительная разработка и подготовка материалов по международному урегулированию санитарных вопросов, а также дача директив по санитарным вопросам представителям СССР в международных санитарных организациях и рассмотрение отчетов этих представителей;

е) опубликование и сообщение народным комиссариатам здравоохранения союзных республик и республик Грузии, Армении и Азербейджана, а также санитарным органам пограничных районов СССР санитарных сведений, сообщаемых иностранными государствами, международным бюро общественной гигиены и консулами СССР;

ж) совместное с наркомздравами союзных республик и республик Грузии, Армении и Азербейджана извещение соответствующих иностранных правительств о признании зараженными тех или иных местностей вне пределов СССР, а также о мерах, принимаемых против провенансов из этих местностей, поскольку эти меры не предусмотрены временным положением о санитарной охране границ СССР, с производством в подлежащих случаях публикации во всеобщее сведение; признание указанных местностей свободными от заразы или изменение особых мер в том же порядке;

з) выполнение иных функций в области сношений с заграницей по вопросам санитарного характера;

и) утверждение форм извещений, предусмотренных международными санитарными соглашениями, по согласованию с Нароминдел;

к) издание инструкции директору общесоюзного бюро и руководство его работой;

л) рассмотрение проектов смет и штатов общесоюзного бюро, разрабатываемых директором общесоюзного бюро;

м) назначение ответственных сотрудников общесоюзного бюро по представлению директора последнего (ст. 2).

Для выполнения возложенных на ОБЗСИ задач, Наркомздравы союзных республик и республик Грузии, Армении и Азербейджана обязывались доставлять общесоюзному бюро необходимые для его работы материалы и сведения в установленные им сроки (ст. 3).

Порядок сношений ОБЗСИ с международными санитарными организациями и центральными врачебно-санитарно-административными органами иностранных государств и иными иностранными учреждениями устанавливались общесоюзным бюро по соглашению с Наркоминдел (ст. 4).

В состав ОБЗСИ входили по одному постоянному представителю от народных Наркомздравов союзных республик и республик Грузии, Армении и Азербейджана.

Общесоюзное бюро должно было собираться не реже 1 раза в 3 месяца под председательством одного из своих членов. Экстренные заседания собирались по мере надобности, по требованию одного из вышеозначенных народных комиссариатов здравоохранения (ст. 5).

Бюро предоставлялось право приглашать на свои заседания для участия в обсуждении тех или иных вопросов представителей заинтересованных ведомств СССР и союзных республик, а также компетентных лиц (ст. 6).

Текущей работой ОБЗСИ ведал директор, назначаемый общесоюзным бюро по соглашению с Наркомздравами участвующих в бюро республик.

Также ОБЗСИ предоставлялось иметь постоянных представителей за границей (ст. 8). ОБЗСИ имело печать с изображением своего наименования. Средства же на содержание общесоюзного бюро отпускались из общесоюзных средств (ст. 10) [10].

Как видим, был создан межреспубликанский орган, в обязанности которого входили вопросы санитарии как внутри страны, так и вне ее пределов. Тем не менее предложенный в ст. 10 Положения способ финансирования ОБЗСИ оказался неудобен, а потому 19 октября 1927 г. вышло постановление СНК «О порядке отпуска средств на содержание общесоюзного бюро заграничной санитарной информации». Им ст. 10 положения об ОБЗСИ изложили так: «10. Средства на содержание Общесоюзного Бюро отпускаются по сметам народных комиссариатов здравоохранения союзных республик в размерах, определяемых ежегодно СНК СССР». Но уже 6 августа 1929 г. вышло постановление СНК СССР от «Об изменении ст. 10 положения об общесоюзном бюро заграничной санитарной информации». В ней средства на содержание общесоюзного бюро отпускались по смете Наркомфина СССР [11].

Список литературы

1. Эрисман. Холера. Эпидемиология и профилактика / Эрисман. – М., 1893. – 150 с.
2. Галанин М.И. Мероприятия против холеры русского и иностранных правительств / М.И. Галанин. – СПб., 1892. – 178 с.
3. Черкасский Б.Л. Эпидемиологические аспекты международной миграции населения / Б.Л. Черкасский, В.П. Сергиев, И.Д. Ладный. – М.: Медицина, 1984. – 285 с.
4. Щепин О.П. Международный карантин / О.П. Щепин, В.В. Ермаков. – М.: Медицина, 1982. – 320 с.
5. Пристанкова Н.И. Систематизация врачебно-санитарного законодательства в первой половине XIX в. / Пристанкова Наталия Ивановна // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. Аспирантские тетради. – 2007. – №9 (20). – С. 95–99.
6. Пристанкова Н.И. Систематизация врачебно-санитарного законодательства в первой половине XIX века Н.И. Пристанкова / Н.И. Пристанкова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Аспирантские тетради. 2006. – № 9 (27). – С. 123–139.

7. Змерзлий Б.В. Створення карантинних установ в Криму в кінці XVIII – початку XIX ст.) / Б.В. Змерзлий // Часопис Київського університету права. – 2012. – №1. – С. 18–23.
8. Змерзлий Б.В. Частные карантинны в институте карантинной службы Российской империи в XIX в. / Б.В. Змерзлий // Часопис Київського університету права. – 2012. – №2. – С. 10–14.
9. Собр. Зак. Союза ССР, 1926, № 69, ст. 532.
10. Собр. Зак. Союза ССР, 1927, № 41, ст. 422.
11. СЗ СССР, 1929, № 52, ст. 481.

Les Georgi. Temporal statute about sanitary guard of borders of the USSR from april, 30 1926 and his development // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2015. – T. 1 (67). № 2. – P. 58–77.

Work devoted to the study of the basic norms, stopped up in position about the sanitary guard of borders of the USSR from April, 30 1926, and also accepted in his development and addition regional documents, first of all "Statute about the all-union bureau of foreign sanitary information" from July, 1 1927 With an acceptance these documents the USSR abolished basic points position about a sanitary guard marine borders the USSR from March, 10 1925 and joined Parisian International Sanitary Convention on January, 17 1912 due to it be created single rules and condition for providing sanitary safety territory country, certain corresponding organ, order their work, management, financing, mutual relations as inter se so with other state organization, and also with corresponding international body. In Statute there were clear rules of behavior of people and organizations under various conditions, standardized with international, and that is why clear and acquainted to the members of crews.

Keywords: sanitary guard, borders of the USSR, black Sea region, legal norms.

Spisok literatury:

1. Erisman. Holera. Epidemiologiya i profilaktika / Erisman. – M., 1893. – 150 s.
2. Galanin M.I. Meropriyatiya protiv holeryi russkogo i inostrannyih pravitelstv / M.I. Gali-nin. – SPb., 1892. – 178 s.
3. Cherkasskiy B.L. Epidemiologicheskie aspektyi mezhdu narodnoy migratsii naseleniya / B.L. Cher-kasskiy, V.P. Sergiev, I.D. Ladnyiy. – M.: Meditsina, 1984. – 285 s.
4. Schepin O.P. Mezhdunarodnyiy karantin / O.P. Schepin, V.V. Ermakov. – M.: Meditsina, 1982. – 320 s.
5. Pristanskova N.I. Sistematizatsiya vrachebno-sanitarnogo zakonodatelstva v pervoy polovine XIX v. / Pristanskogo Nataliya Ivanovna // Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A.I. Gertsena. Aspirantskie tetradi. – 2007. – №9 (20). – S. 95-99.
6. Pristanskova N.I. Sistematizatsiya vrachebno-sanitarnogo zakonodatelstva v pervoy polovine XIX veka N.I. Pristanskova / N.I. Pristanskova // Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedago-gicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena. Aspirantskie tetradi. 2006. – № 9 (27). – S. 123-139.
7. Zmerzliy B.V. Stvorenniya karantinnih ustanov v Krimu v kIntsl XVIII – pochatku XIX st.) / B.V. Zmerzliy // Chasopis KiYivskogo unIversitetu prava. – 2012. – №1. – S. 18-23.
8. Zmerzliy B.V. Chastnyie karantinyi v institute karantinnoy sluzhbyi Rossiyskoy imperii v HIH v. / B.V. Zmerzliy // Chasopis KiYivskogo unIversitetu prava. – 2012. – №2. – S. 10-14.
9. Sobr. Zak. Soyuz SSR, 1926, № 69, st. 532.
10. Sobr. Zak. Soyuz SSR, 1927, № 41, st. 422.
11. SZ SSSR, 1929, № 52, st. 481.

УДК 340.12

МОДЕЛИ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ В СОВРЕМЕННЫХ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВАХ: ВОПРОСЫ ТЕРМИНОЛОГИИ И КЛАССИФИКАЦИЯ

Мандрыка Н. Н.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Работа посвящена исследованию классификации моделей разделения властей в современных демократических государствах. Показано, что рассмотренные модели разделения властей в современных демократических государствах предопределяются формой правления в том или ином государстве. Рассмотрена сущность системы сдержек и противовесов в современных демократических государствах. Установлено, что, несмотря на существующее разнообразие научных воззрений относительно существования универсальной системы сдержек и противовесов, каждому современному государству, государственная власть которого выстраивается по принципу разделения властей, присуща своя система сдержек и противовесов в зависимости от формы правления, государственного устройства, историко-правовых традиций и существующих реалий.

Ключевые слова: модели разделения властей, система сдержек и противовесов

В современном демократическом правовом государстве государственная власть организована по принципу разделения властей. Система сдержек и противовесов в современных демократических государствах выступает механизмом реализации принципа разделения властей [1, с. 243–245], при котором осуществляется взаимный контроль и взаимодействие ветвей государственной власти, служит задаче сбалансированности ветвей государственной власти. Это, в свою очередь, является важнейшей предпосылкой для стабильного, устойчивого развития общества, предпосылкой для предотвращения узурпации власти [2, с. 263–264], т.е. сосредоточения власти в одних руках; является гарантией обеспечения прав и свобод человека и гражданина. Как отмечается в юридической литературе, «без разделения властей и соответствующей эффективной системы сдержек и противовесов не может быть правового государства и правовых законов» [1, с. 244].

В научных исследованиях, посвященных разделению властей в различных государствах, рассматриваются преимущественно взаимоотношения между президентом, парламентом и правительством, и на основе анализа и характера их взаимоотношений делается вывод о реализации той или иной модели разделения властей в исследуемом государстве. Другими словами, при изучении моделей разделения властей в современных государствах все разновидности моделей разделения властей принято сводить к нескольким типологическим моделям в зависимости от формы правления в государстве [3, с. 25; 4, с. 288].

Наибольшее распространение получили следующие классификации моделей разделения властей в современных государствах:

1) модели разделения властей в президентской республике; парламентских монархиях и республиках; в странах со смешанной формой правления; в развивающихся странах [3, с. 51, 65, 103, 133];

2) президентская модель разделения властей (на примере США), полупрезидентская (на примере Франции), парламентарная (на примере Великобритании) [5, с. 31–40; 6, с. 81–90; 7];

3) президентские, парламентарные, смешанные формы правления, и, соответственно, модели разделения властей в них [8, с. 15–16; 9, с. 94–142].

Подобная терминология наиболее распространена в современной юридической литературе, как научной, так и учебной. Здесь необходимо отметить, что в монографических исследованиях применяется и иная терминология применительно к моделям разделения властей, например: гибкая модель разделения властей применительно к республикам с парламентской формой правления, жесткая модель разделения властей применительно к республикам с президентской формой правления, а смешанная модель разделения властей применительно к республикам со смешанной формой правления [10, с. 206–208]. Однако, несмотря на применение иной терминологии, та или иная модель разделения властей и в этом случае привязывается к сложившейся в государстве форме правления.

При этом среди смешанных форм правления встречается самая разнообразная терминология: полупрезидентская форма правления [9, с. 171], президентско-парламентская форма правления, парламентско-президентская форма правления [11, с. 23]. Как правило, если речь идет о полупрезидентских, президентско-парламентских республиках, то имеют в виду такие формы правления, которые сочетают в себе черты парламентских и президентских республик с усиленными полномочиями президентов республик. В то же время, если применяют термин «парламентско-президентская форма правления», то подразумевают усиленные полномочия парламента.

Учитывая, что применительно к моделям разделения властей единой терминологии ни в научной, ни в учебной литературе не имеется, то считаем целесообразным применять наиболее распространенную терминологию по отношению к моделям разделения властей: модели разделения властей в республиках с президентской формой правления (далее – президентская модель разделения властей), модели разделения властей в республиках с парламентской формой правления (далее – парламентская модель разделения властей), модели разделения властей в республиках со смешанной формой правления (далее – смешанная модель разделения властей).

А так как разделение властей в современных демократических государствах выражается в разграничении компетенции, взаимном контроле, в системе сдержек и противовесов, то, соответственно, и системы сдержек и противовесов необходимо рассматривать в президентских республиках, в парламентских и в смешанных. При этом, безусловно, каждая из моделей разделения властей имеет свои присущие только ей характерные черты, которые могут незначительно отличаться в том или ином государстве, соответственно, и различаются и системы сдержек и противовесов в государствах, т.е. не существует единой, общей для всех типов республик и конституционных монархий системы сдержек и противовесов.

При этом в юридической литературе имеются различные точки зрения относительно существования универсальной системы сдержек и противовесов. Так, например, некоторые ученые полагают, что в современных государствах имеется своего рода универсальная система сдержек и противовесов, присущая всем видам республик, которая содержит общие правовые ограничения в отношениях между ветвями власти [12, с. 140–145].

Другие же ученые на основе анализа научных взглядов западных ученых, а также изучения реализации принципа реализации властей в современных государствах, придерживаются научных воззрений, что не существует универсальной или же общепринятой системы сдержек и противовесов, а, напротив, каждому государству

присущ свой «набор» системы сдержек и противовесов, в зависимости от компетенции каждой из ветвей власти (что предопределяет форму правления), политико-правовых условий (политического режима), историко-правовых традиций, фактически сложившихся реалий [4, с. 288; 13, с. 32].

Основополагающими началами системы сдержек и противовесов выступают следующие положения: 1) различный источник формирования каждой ветви государственной власти; 2) различные сроки полномочий высших органов государственной власти, входящих в соответствующие ветви власти, что позволяет сохранять устойчивость, стабильность и преемственность государственной власти; 3) каждая из ветвей власти обладает присущими только ей полномочиями, которые позволяют нейтрализовать узурпацию власти другими ветвями власти [14, с. 137], т.е. для взаимного сдерживания и баланса полномочий. Система сдержек и противовесов представляет собой совокупность установленных конституциями и законами государств правовых ограничений в отношении конкретной государственной власти: законодательной, исполнительной, судебной [12, с. 140].

Таким образом, каждому современному государству, типологически относящемуся к той или иной форме правления, присуща своя система сдержек и противовесов, элементы которой могут варьироваться в зависимости от политического режима, историко-правовых традиций и современных реалий.

Список литературы

1. Общая теория права и государства: Учебник / Под ред. В.В. Лазарева. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 2001. – 520 с.
2. Маунц Т. Государственное право Германии (ФРГ и ГДР). М., 1959, С.112–128 / Хрестоматия по конституционному праву. Том II: Конституционные основы устройства государства и общества. Конституционные основы правового положения личности / Сост. д.ю.н., проф. Н.А.Богданова, к.ю.н., м.н.с. Д.Г.Шустров. – СПб.: Издательский дом «Алеф Пресс», 2014.
3. Энтин Л.М. Разделение властей: опыт современных государств. – М.: Юридическая литература, 1995.
4. Теория государства и права. Ч.1. Теория государства: учебник/ под ред. М.Н.Марченко. – М.: Издательство «Зерцало-М», 2011. – 516 с.
5. Лузин В.В. Полупрезидентская модель разделения властей (на примере Франции) // Право и политика. – 2000. – №1. – С. 31–40.
6. Лузин В.В. Лузин В.В. Президентская модель разделения властей (на примере США) // Государство и право. – 1999. – №3. – С. 82–90.
7. Лузин В.В. Парламентарная модель разделения властей (на примере Великобритании) // Право и политика. – 2000. – №6.
8. Мухамеджанов Б. А. Форма правления Республики Казахстан: Конституционная модель и практика государственного управления: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. – М., 2008. – 51 с.
9. Зазнаев О.И. Полупрезидентская система: политико-правовой анализ. Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. – Казань, 2006. – 401 с.
10. Кравец И.А. Формирование российского конституционализма (проблемы теории и практики). – Москва-Новосибирск: ООО «Издательство ЮКЭА», 2002. – 360 с.
11. Чиркин В.Е.. О тенденциях развития конституций в современном мире // Современное конституционное право: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отдел правоведения; Отв. ред. Алферова Е.В. – М.: ИНИОН, 2010. – 210 с.
12. Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 2001. – 776 с.
13. Чепунов О.И. Системное взаимодействие органов государственной власти в Российской Федерации: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. – М., 2011. – 56 с.
14. Морозова Л.А. Теория государства и права: учебник. – М: Эксмо, 2008. – 480 с.

Mandryka N.N. Model of separation of powers in modern democracies: terminology and classification // Scientific messages of crimean federal university the name of V. I. Vernadsky. Juridical sciences. – 2015. – T. 1 (67). № 2–P. 78–81.

The work deals with the classification models of separation of powers in modern democracies.

It is shown that this model of separation of powers in modern democracies are predetermined by the form of government in a particular country. The essence of the system of checks and balances in modern democracies is examined. It was found that, in spite of the existing diversity of scientific views about the universal system of checks and balances every modern state, whose power is based on the principle of separation of powers is characterized by its own system of checks and balances, depending on the form of government, government, historical and legal traditions and existing realities.

Keywords: model of separation of powers, checks and balances.

Spisok literatury

1. Obschaya teoriya prava i gosudarstva: Uchebnik / Pod red. V.V. Lazareva. 3-e izd., pererab. i dop. – M.: Yurist', 2001. – 520 s.
2. Maunts T. Gosudarstvennoe pravo Germanii (FRG i GDR).M, 1959, S.112–128 / Hrestomatiya po konstitutsionnomu pravu. Tom II: Konstitutsionnye osnovyi ustroystva gosudarstva i obschestva. Konstitutsionnye osnovyi pravovogo polozheniya lichnosti / Sost. d.yu.n. ,prof. N.A.Bogdanova, k.yu.n., m.n.s. D.G.Shustrov. – SPb.: Izdatelskiy dom «Alef Press», 2014.
3. Entin L.M. Razdelenie vlastey: opyt sovremennykh gosudarstv. – M.: Yuridicheskaya literatura, 1995.
4. Teoriya gosudarstva i prava. Ch.1. Teoriya gosudarstva: uchebnik/ pod red. M.N.Marchenko. – M.: Izdatelstvo «Zertsalo-M», 2011. – 516 s.
5. Luzin V.V. Poluprezidentskaya model razdeleniya vlastey (na primere Frantsii) // Pravo i politika.– 2000. – #1. – S. 31–40.
6. Luzin V.V. Luzin V.V. Prezidentskaya model razdeleniya vlastey (na primere SShA) // Gosudarstvo i pravo. – 1999. – №3. – S. 82–90.
7. Luzin V.V. Parlamentarnaya model razdeleniya vlastey (na primere Velikobritanii) // Pravo i politika. – 2000. – №6.
8. Muhamedzhanov B. A. Forma pravleniya Respubliki Kazahstan: Konstitutsionnaya model i praktika gosudarstvennogo upravleniya: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni doktora yuridicheskikh nauk. – M., 2008. – 51 s.
9. Zaznaev O.I. Poluprezidentskaya sistema: politiko-pravovoy analiz. Dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni doktora yuridicheskikh nauk. – Kazan, 2006. – 401 s.
10. Kravets I.A. Formirovanie rossiyskogo konstitutsionalizma (problemy teorii i praktiki). – Moskva-Novosibirsk: OOO «Izdatelstvo YuKEA», 2002. – 360 s.
11. Chirkin V.E.. O tendentsiyah razvitiya konstitutsiy v sovremennom mire // Sovremennoe konstitutsionnoe pravo: Sb. nauch. tr. / RAN. INION. Tsentr sotsial. nauch.-inform. issled. Otdel pravovedeniya; Otv. red. Alferova E.V. – M.: INION, 2010. – 210 s.
12. Teoriya gosudarstva i prava: Kurs lektsiy / Pod red. N.I. Matuzova i A.V. Malko. – 2-e izd., pererab. i dop. – M.: Yurist', 2001. – 776 s.
13. Chepunov O.I. Sistemnoe vzaimodeystvie organov gosudarstvennoy vlasti v Rossiyskoy Federatsii: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni doktora yuridicheskikh nauk. – M.,2011. – 56 s.
- Morozova L.A. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik. – M: Eksmo, 2008. – 480 s.

УДК 342.41(470)

**СТАНОВЛЕНИЕ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ
КАК СУБЪЕКТА НОРМОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В НАЧАЛЕ 90-х гг.**

Шармоянц А. Н.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В работе исследуется опыт становления и функционирования Республики Крым как субъекта нормотворческой деятельности в начале 90-х гг., после развала Советского Союза. Анализируются полномочия нормотворческих органов Республики Крым по Конституциям Украины, АР Крым и другим нормативно правовым актам того периода. Становление Республики Крым как субъекта нормотворческой деятельности рассматривается исходя из происходивших изменений правового статуса республики через перераспределение полномочий между республикой и центральными органами власти. Анализируются изменения в полномочиях нормотворческих органов после принятия Конституции Украины, Конституции АР Крым и других ключевых Законов Украины.

Ключевые слова: субъект нормотворческой деятельности, нормотворческие органы, автономия, разделение полномочий, конституция, нормотворчество, правовой статус, нормотворческие полномочия, нормативно-правовые акты.

Целью работы является исследование опыта становления и функционирования Республики Крым как субъекта нормотворческой деятельности в начале 90-х гг., после развала Советского Союза, посредством анализа полномочий нормотворческих органов Республики Крым по Конституциям Украины, АР Крым и другим нормативно-правовым актам того периода.

При этом автор учитывает исследования ученых, которые прямо или косвенно касались поставленной темы: А. Л. Копиленко, Н. В. Багров и др. К сожалению, в работах, прямо или косвенно касающихся поставленной темы, подобный анализ в рассматриваемом аспекте до сих пор не проводился.

После распада Советского Союза и провозглашения суверенитета союзными республиками «парада суверенитетов» правовой статус Республики Крым, как единственного автономного образования в составе Украины, складывался достаточно сложно и противоречиво с переменным перетягиванием полномочий то в сторону автономии, то в сторону центральных органов власти Украины. Прежде всего, это было обусловлено возникшей после восстановления Автономной Республики Крым, неопределенностью ее правового статуса. Единственным документом, определявшим правовое положение автономии, был закон от 12 февраля «О восстановлении Крымской АССР в составе УССР» [1, с. 216], в котором, однако, ничего не говорилось ни о ее статусе в составе Украины, ни о месте ее нормативно-правовых актов в правовом поле государства. После обострения отношений центральных органов власти с властями автономии 29 апреля 1992 г. Верховный Совет Украины принял закон «О статусе Автономной Республики Крым», который, в отличие от ранее согласованного проекта закона «О разграничении полномочий между органами государственной власти Украины и Республики Крым», существенно ограничивал сферу правового регулирования нормотворческих органов автономии в экономике, культуре, образовании, государственном строительстве и др. вопросам. Закон

устанавливал верховенство Конституции Украины и законов Украины, а также предоставлял право Верховной Раде Украины приостанавливать действие нормативно-правовых актов Верховной Рады АР Крым до принятия окончательного решения Конституционным Судом. В противовес этому закону 6 мая 1992 г. Верховная Рада АР Крым приняла Конституцию Республики Крым.

По своему содержанию Конституция Республики Крым, несмотря на то, что Украина являлась унитарным государством, была похожа на аналогичные Конституции и Уставы субъектов федерации в России. Республика Крым провозглашалась правовым, демократическим государством в составе Украины. Отношения с Киевом в ней так же, как и в Российской Федерации, должны были строиться на основе договоров и соглашений, а высший нормотворческий орган автономии – Верховный Совет Крым – наделялся правом принимать законы. Конституцией устанавливалось, что республика в лице ее государственных органов и должностных лиц осуществляет на своей территории все полномочия за исключением тех, которые она добровольно делегирует Украине. Учитывая отсутствие в Конституции Украины на тот момент положения о разграничении сфер правового регулирования между центром и автономией, авторы Крымской Конституции самостоятельно установили сферу и границы правового регулирования нормотворческих органов автономии. В сферу правового регулирования нормотворческих органов республики входил широкий круг вопросов: принятие Конституции, конституционных и иных законов Республики, внесение в них изменений и дополнений; определение административного и территориального устройства, местное самоуправление; определение внешней экономической политики; бюджетная, финансово-кредитная, налоговая и инвестиционная политика; организация и порядок проведения выборов и референдумов; организация и деятельность Верховного Совета, определение правового статуса депутатов Верховного Совета; определение порядка организации и деятельность органов государственной исполнительной власти; определение порядка использования и защиты государственного флага, герба и гимна, правовой режим столицы Республики Крым; объявлять чрезвычайное положение в отдельных местностях Республики; решать вопросы гражданства Республики Крым, предоставления убежища; награждать государственными наградами и присваивать почетные звания Республики.

Таким образом, многие из положений принятой Конституции напрямую противоречили Конституции Украины и служили источником напряженности во взаимоотношениях. Выходом в сложившейся ситуации послужил принятый после проведения переговоров и устранения противоречий Конституции Крымской Республики положениям Конституции Украины 30 июня 1992 г. закон Украины «О разграничении полномочий между органами государственной власти Украины и Республики Крым» [2].

В соответствии с принятым законом к ведению Республики Крым были отнесены принятие Конституции и региональных законов; решение вопросов территориального устройства; определение порядка деятельности органов власти на территории республики; проведение выборов, формирование судебной системы (как части судебной системы Украины); владение и распоряжение землей и природными ресурсами; формирование бюджета; решение вопросов образования, культуры, охраны здоровья; решение экологических вопросов и т.д. Закон также предоставлял возможность органам власти автономии вступать в пределах своих полномочий в отношения с другими государствами и международными организациями. Киев оставил за собой вопросы внешней политики, госбезопасности и обороны, а также налоговую систему, систему связи и топливного обеспечения, транспорт. При этом центральные органы власти должны были осуществлять некоторые свои полномочия по согласованию с крымским правительством (размещение и перемещение

войск, назначение главы местного управления Службы безопасности Украины и прокурора республики). Примечательно, что последняя статья Закона исключала возможность односторонних действий по изменению объема полномочий Республики Крым.

Таким образом, принятые нормативно-правовые акты были по своей сути аналогичными тем, что были приняты автономными образованиями и центральными органами власти в Российской Федерации, что противоречило принципам взаимоотношения в унитарном государстве, коим являлась Украина. Основное противоречие заключалось в том, что принцип договорного разграничения сфер правового регулирования между центральными органами власти государства и ее субъектами свойственен федеративным государствам, а в унитарных государствах органы власти автономии получают свои полномочия непосредственно от центральных органов власти государства. Подобное можно сказать и о введенном Конституцией Республики Крым poste Президента Республики Крым как главе местной исполнительной власти, который также свойственен территориальным образованиям федеративных государств. А наличие гораздо более широкого круга нормотворческих полномочий, чем у обычных областей, по мнению сторонников жесткой централизации в Украине, могло привести в конечном счете к усилению тенденции по регионализации остальных областей Украины и общей дезинтеграции Украины как единого целого [3, с. 264–266]. Мировой опыт государственного строительства указывает, что путь преодоления дезинтеграционных тенденций в унитарном государстве заключается не в максимальной концентрации нормотворческих полномочий в центральных органах власти, а в умелом их распределении между центром и административно-территориальными единицами. Примером подобного умелого распределения полномочий могут служить такие унитарные европейские государства как Италия, в некоторой степени Испания и другие. В этих государствах нормотворческим органам автономных образований, наряду с жесткой регламентацией сфер и границ их правового регулирования, предоставлена широкая самостоятельность в законотворческой сфере, которая позволяет им, учитывая местную специфику, успешно решать стоящие перед автономией проблемы.

Однако Украина пошла другим путем, и в принятой в 1996 г. Конституции Украины нормотворческие органы автономии потеряли значительную часть своих полномочий. Следует заметить, что отчасти причиной такого ограничения прав заключалась в происходившей с 1994 г. по 1995 г. «конфронтации» Киева и Крыма. В этот период был принят ряд указов и законов Верховным Советом Крыма и президентом Крыма Ю. Мешковым, которые противоречили положениям Конституции Украины. Ситуация, когда принимаемые крымскими властями нормативно-правовые акты отменялись Центром и наоборот, порою доходила до абсурда. Считаем, что нет смысла подробно останавливаться на этих событиях, т.к. все они хорошо описано в научной и политической литературе и повторяться не имеет смысла [4, 5].

Конец всем этим событиям был положен 17 марта 1995 г., когда Верховная Рада Украины отменила крымскую Конституцию, а также пост президента Крыма и приняла новый Закон «Об Автономной Республике Крым», который существенно ограничивал правовой статус автономии. В соответствии с принятым законом Верховный Совет Крыма потерял право самостоятельно принимать Конституцию Крыма, теперь ее должна была утверждать Верховная Рада Украины. Также был отменен закон Крыма о выборах в местные органы власти и постановление о Фонде имущества Крыма. Закон Украины «О разграничении полномочий между органами государственной власти Украины и Республики Крым» объявлялся утратившим силу. Закон «Об Автономной Республике Крым» определял статус республики как

административно-территориальной автономии в составе Украины с относительно узкими нормотворческими полномочиями, а также вводил более жесткий контроль центральных органов власти за соблюдением в ней украинских законов [6].

Положения Закона «Об Автономной Республике Крым» нашли свое отражение в принятой 28 июля 1996 г. новой Конституции Украины. Конституция в статье 134 ограничила полномочия автономии только теми, что отнесены к ее ведению Конституцией Украины. Верховный Совет как высший нормотворческий орган автономии, обладающий правом принимать региональные законы, был переименован в Верховную Раду АР Крым. Нормотворческая деятельность Верховной Рады АР Крым теперь в соответствии с принятой Конституцией ограничивалась только принятием нормативно-правовых актов (решений и постановлений), однако и они, как и решения Совета министров АР Крым, не должны противоречить законам Украины, а также актам президента и кабинета министров страны. Крым получил право осуществлять нормативное регулирование по вопросам сельского и лесного хозяйства, градостроительства, туризма, рыболовства, санаторных учреждений, транспорта общего пользования и проч.

Также к ведению АР Крым Конституция Украины отнесла назначение выборов депутатов Верховной Рады, проведение местных референдумов, управление принадлежащим автономии имуществом (ранее автономия обладала правом распоряжения данным имуществом), разработку и утверждение бюджета АР Крым, а также социальных программ, обеспечения развития языков и культур, охрану памятников, реализацию программ возвращению депортированных граждан и т.п.

Таким образом, после принятия в 1995 г. закона «Об Автономной Республике Крым» и в 1996 г. Конституции Украины позиции нормотворческих органов автономии, как и правового статуса автономии в целом, по сравнению с началом 90-х были существенно ослаблены. Верховная Рада АР Крым потеряла право принимать законы, а сфера правового регулирования нормотворческих органов автономии стала ограничиваться скорее второстепенными вопросами. На ослабление позиций автономии указывает и тот факт, что решение многих важнейших кадровых вопросов (назначение и освобождение от должности главы правительства республики Верховной Радой АР Крым, но с обязательным согласованием кандидатуры премьера с Президентом Украины и правительством страны), а также основная часть финансовых потоков автономии, стали замыкаться на Киеве.

Следует заметить, что в многочисленных проектах Конституции Украины правовой статус как нормотворческих органов, так и самой автономии в целом, был еще ниже. В одном из проектов предполагалось ограничить право Верховной Рады АР Крым принимать устав вместо Конституции, а Автономную Республику Крым переименовать в Автономию Крым.

Однако в целом отношения между автономией и центром после принятия Конституции Украины остались неурегулированными. Многие положения республиканской Конституции противоречили Конституции Украины, что, в свою очередь, вносило неопределенность и двусмысленность при осуществлении органами власти автономии нормотворческой деятельности.

Так, Верховная Рада АР Крым, пытаясь обойти ограничение, введенное Конституцией Украины относительно права осуществлять законотворческую деятельность, вводит в правовой оборот новую формулировку: «нормативно-правовой акт – закон». 17 апреля 1997 г. Верховная Рада АР Крым приняла Постановление «Об установлении звания Почетный гражданин АРК» [7], 10 октября 1997 г. – Постановление «Об исчислении времени: Нормативно-правовой акт – Закон Автономной Республики Крым» [8], а 5 февраля 1998 г. года Верховная Рада АР Крым постановила считать 23 февраля в автономии Днем защитника Отчизны [9]. Тем не менее ни

Конституция Украины, ни законы Украины не наделяли Верховную Раду Крыма полномочиями на принятие подобных решений. И хотя все эти «нормативно-правовые акты – законы» и были отменены, в связи с несоответствием законодательству Украины, соответствующими решениями Конституционного Суда Украины, но проблема оставалась актуальной и далее. По состоянию на 10 февраля 1998 г., после принятия украинским парламентом закона «О Верховной Раде Автономной Республики Крым» 131 статья Конституции АР Крым из 136-ти оказались противоречащими законодательству Украины. Таким образом, на начало 1998 г. практически вся Конституция АР Крым образца 1995 г. оказались фактически на нелегальном положении.

На фоне всего сказанного необходимость принятия новой Конституции АР Крым для приведения правового поля автономии в соответствие с законодательством Украины была очевидна. 21 октября 1998 года такая Конституция была принята Верховной Радой АР Крым и утверждена 23 декабря 1998 года Верховной Радой Украины. Принятая Конституция внесла небольшие изменения в правовой статус нормотворческих органов автономии по сравнению с теми, что уже предусматривались Конституцией Украины и законом Верховной Рады Украины от 17 марта 1995 г. «Об Автономной Республике Крым», за счет расширения сфер правового регулирования нормотворческих органов автономии. Изменения были осуществлены за счет более расширенного, чем в упомянутых актах, толкования полномочий органов власти автономии. Если рассматривать полномочия Верховной Рады АР Крым в Законе «Об Автономной Республике Крым», то их перечень состоял из 18 пунктов, а в Конституции Украины, с учетом отмены права осуществлять законотворческую деятельность, – только из 10 пунктов, в то время как в Конституции АР Крым полномочия Верховной Рады детализировались уже в 36 пунктах. Конституция также предусматривала разнообразные организационные вопросы функционирования и взаимоотношений Верховной Рады АР Крым и Совета министров АР Крым. В пункте 26 ст. 26 Конституция предоставляла право Верховной Раде АР Крым отменять и приостанавливать постановления и распоряжения Совета министров АР Крым в случае их противоречия Конституции и законам Украины, актам Президента и Кабинета Министров Украины, Конституции АР Крым и нормативно-правовым актам Верховной Рады АР Крым [10].

Следует отметить, что при осуществлении такого расширенного толкования Конституция АР Крым ссылалась на соответствие этих положений нормам Конституцию Украины и Законы Украины, хотя в последних ничего подобного не содержалось. Несмотря на это расширенные полномочия нормотворческих органов автономии, предусмотренные новой Конституцией АР Крым, являлись вполне легитимными, учитывая положение Конституции Украины о необходимости ратификации Конституции АР Крым Верховной Радой Украины.

Конечно, всех проблем новая Конституция АР Крым не решила, но можно сказать точно, что она провела черту под длительным периодом правовых споров между автономией и центром.

Таким образом, после распада СССР и провозглашения государственного суверенитета Украиной и РФ правовой статус автономных образований обеих стран претерпел значительные изменения. Если на начало 90-х отличия между правовым статусом и полномочиями автономных образований Российской Федерации и Украины были незначительные, то с течением времени разница в правовом статусе стала существенной. По своему характеру такие изменения происходили в противоположных направлениях. Если в Российской Федерации изменения статуса органов власти автономий были направлены в сторону расширения сфер правового регулирования и увеличения юридической силы, принимаемых данными органами право-

вых актов, а следовательно и повышение статуса самих автономий, то в Украине статус нормотворческих органов АР Крым, как и статус самой автономии, с начала 90-х постоянно и неуклонно снижался в пользу центральных органов власти.

В Российской Федерации широкое распространение получило разграничение сфер правового регулирования и полномочий между центральными органами власти и автономией путем заключения договоров и соглашений, а в Украине от этой модели постепенно стали отходить. Отказ от договорной модели регулирования отношений между Киевом и АР Крым, предусмотренной в Конституции АР Крым 1992 г., был закреплен в 1996 г. Конституцией Украины, а окончательно зафиксирован в 1998 г. Конституцией АР Крым. Правовой статус, полномочия и структура нормотворческих органов автономии, как и сам статус АР Крым, со всеми существующими ограничениями в законотворческой деятельности, был фактически установлен центральными органами Украины сверху, в то время как в России эти функции были оставлены на усмотрение автономий, что позволило в большей степени учесть их индивидуальные особенности. Безусловно, принимая во внимание объединяющие признаки двух соседних государств (идентичность стартовых условий на момент создания государств в 1991 г.; исторически сложившаяся территориальная неоднородность, как в России, так и в Украине; сходство культурных параметров [менталитет, язык, религия, история], необходимо учитывать, что Украина – унитарное государство, а РФ – федеративное. В Российской Федерации, при гораздо больших размерах территории и неоднородности субъектов, а также значительной децентрализации полномочий, удалось обеспечить более четкую регламентацию правового статуса как автономий и других субъектов федерации, так и их нормотворческих органов, особенно в вопросах распределения нормотворческих полномочий с центральными органами власти.

Подводя итог, необходимо отметить, что основы правового статуса Республики Крым, как, впрочем, и автономных образований РФ, были заложены в советский период и прошли длительный и сложный процесс, на протяжении которого сформировалась их структура, которая существует с изменениями непринципиального характера до сих пор. Черты самостоятельности нормотворчества Республики Крым имело только в начале своего возникновения – практически в годы гражданской войны и в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Именно в эти периоды нормотворческие органы ставили перед собой разные, порою даже несвойственные им задания, обусловленные неотложными потребностями, слабостью и неповоротливостью центральной власти. Сегодня эти действия могут служить практическим опытом регионализации внутренней политики Российской Федерации.

Список литературы

1. «О восстановлении Крымской АССР в составе УССР» от 12 февраля 1991 г. // Ведомости Верховного Совета УССР, 26 февраля 1991. – №9.
2. ЗУ «О разграничении полномочий между органами государственной власти Украины и Республики Крым» // Відомості Верховної Ради України, 1992. – № 30. – ст. 419.
3. Курас І. Державотворчі інтереси в сучасній Україні. Етнополітика: історія і сучасність. – К.: ППІЕНД, 1999. – 656 с.
4. Копиленко О. Л. Автономна Республіка Крим: проблеми правового статусу: Монографія / О. Л. Копиленко. – К.: Таксон, 2002. – 342 с.
5. Багров Н. В. Крым: время надежд и тревог. – Симферополь, 1995. – 379 с.
6. ЗУ «Об Автономной Республике Крым» // Відомості Верховної Ради України (ВВР), 1995. – № 11. – ст. 69.
7. «Об установлении звания «Почетный гражданин Автономной Республики Крым»: Постановление Верховной Рады АРК от 17.04.1997 р. № 1148-І // Сборник законодательства Республики Крым, 1997. – № 4. – Ст. 235.

8. Нормативно-правовой акт – Закон Автономной Республики Крым № 1338-1 «Об исчислении времени» от 15.10.1997 г. // Сборник нормативно-правовых актов – Законов Автономной Республики Крым, 1997. – № 12. – ст. 769.
9. «О дне защитника отечества»: Постановление Верховной Рады АРК от 05.02.1998 г. № 1436-I // Сборник законодательства Республики Крым, 1998. – № 2. – Ст. 73.
10. Конституция Автономной Республики Крым от 21.02.1998 г. // Сборник нормативно-правовых актов АРК, 1998. – № 12. – Ст. 1008.

Sharmoyants A. Formation of the Republic of Crimea, as subject rule-making activity at the beginning of the 90th // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2015. – T. 1 (67). № 2. – P. 82–88.

The research investigates the experience of formation and functioning of the Republic of Crimea as a subject of the rule-making activities in the early 90ies, after the collapse of the Soviet Union. There are analyzed the powers of law-making bodies of the Republic of Crimea according to the Constitutions of Ukraine, Crimea and other normative legal acts of the period. The formation of the Republic of Crimea as the subject of rule-making activities is considered on the basis of the happening changes of the legal status of the Republic via redistributing powers between the Republic and the central authorities. One analyzes the changes in the powers of the rule-making bodies after the adoption of the Constitution of Ukraine, Constitution of the Autonomous Republic of Crimea and other key laws of Ukraine.

Keywords: lowmaking subject, lowmaking organs, autonomy, division of powers, constitution, lowmaking, legal status, lowmaking powers, normative legal acts.

Spisok literatury

1. «O vosstanovlenii Krymskoy ASSR v sostave USSR» ot 12 fevralya 1991 g. // Vedomosti Verhovnogo Sove-ta USSR, 26 fevralya 1991. – №9.
2. ZU «O razgranichenii polnomochiy mezhdu organami gosudarstvennoy vlasti Ukrainyi i Respubliki Kryim» // Vidomosti VerhovnoYi Radi UkraYini, 1992. – № 30. – st. 419.
3. Kuras I. Derzhavotvorchi Interesi v suchasny UkraYini. Etnopolitika: IstorIya I suchasniIst. – K.: IPIEND, 1999. – 656 s.
4. Kopilenko O. L. Avtonomna Respublika Krim: problemi pravovogo statusu: Monografiya / O. L. Kopilenko. – K.: Takson, 2002. – 342 s.
5. Bagrov N. V. Kryim: vremya nadezhd i trevog. – Simferopol, 1995. – 379 s.
6. ZU «Ob Avtonomnoy Respublike Kryim» // Vidomosti VerhovnoYi Radi UkraYini (VVR), 1995. – № 11. – st. 69.
7. «Ob ustanovlenii zvaniya «Pochetnyiy grazhdanin Avtonomnoy Respubliki Kryim»: Postanovlenie Verhovnoy Radyi ARK ot 17.04.1997 g. № 1148-I // Sbornik zakonodatelstva Respubliki Kryim, 1997. – № 4. – St. 235.
8. Normativno-pravovoy akt – Zakon Avtonomnoy Respubliki Kryim № 1338-1 «Ob ischislenii vremeni» ot 15.10.1997 g. // Sbornik normativno-pravovyih aktov – Zakonov Avtonomnoy Respubliki Kryim, 1997. – № 12. – st. 769.
9. «O dne zaschitnika otechestva»: Postanovlenie Verhovnoy Radyi ARK ot 05.02.1998 g. № 1436-I // Sbornik zakonodatelstva Respubliki Kryim, 1998. – № 2. – St. 73.
10. Konstitutsiya Avtonomnoy Respubliki Kryim ot 21.02.1998 g. // Sbornik normativno-pravovyih aktov ARK, 1998. – № 12. – St. 1008.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО- ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО; УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

УДК 343.46

СОЦИАЛЬНАЯ ПРИРОДА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННУЮ БАНКОВСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Бугаев В. А., Аблязова Ф. М.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье исследуются социальные предпосылки возникновения уголовной ответственности за незаконную банковскую деятельность в России. Проанализированы уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за незаконную банковскую деятельность в их генезисе, начиная с Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., уголовного законодательства советского периода и в действующем УК РФ 1996 г. Раскрыта общественная опасность этого деяния, иные причины его криминализации. Определены понятия банковской деятельности и банковских операций, а также их дифференциация согласно Российскому законодательству. Изучены особенности получения разрешений (лицензий), согласно Российскому законодательству, для осуществления банковской деятельности. Проанализирован механизм осуществления ее законным путем, момент, с которого такая деятельность приобретает криминальный характер, а также формы незаконной банковской деятельности. Выделены основные проблемы в назначении наказания за незаконную банковскую деятельность. Обосновывается необходимость именно такой законодательной регламентации исследуемого деяния, которая предусмотрена ст. 172 УК РФ. Предложен ряд мер по улучшению механизмов противодействия с преступностью в этой сфере на разных уровнях.

Ключевые слова: банк, кредитное учреждение, незаконная банковская деятельность, банковские операции, регистрация, лицензия, уголовная ответственность, крупный ущерб, доход, экономическая деятельность.

Стремительное развитие межхозяйственных мировых связей создает особый темп для государств. Ведущими участниками этих связей являются развитые страны, которые ведут борьбу за лидерские позиции на мировой арене. Повышение экономического потенциала и результативности хозяйственных связей – одна из главных задач любого государства на пути к нормальному функционированию всех его институтов. Российская Федерация, являясь самым большим по территории государством в мире, имеющая многовековую историю, – влиятельное и уважаемое государство. Должное обеспечение развития эффективной экономики, гражданского общества поддерживает авторитет страны. Очень важным элементом экономики являются финансы, поэтому развитие и защита банковской системы является залогом стабильной экономики. Из этого вытекает общественная опасность посягательств в сфере банковской деятельности, которая заключается: в угрозе функционирования банковской системы государства; падении доверия со стороны населения к банкам и иным кредитным организациям; причинении вреда фискальным интере-

сам государства; увеличении уровня латентности денежного оборота; нарушении функций Центрального Банка; нарушении прав участников банковских услуг.

В связи с особой важностью для государства и общества банковской деятельности она регламентируется Конституцией РФ, Законами РФ «О банках и банковской деятельности», «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» и другими, а также нормативными актами Банка России.

Согласно ст. 1 Закона РФ «О банках и банковской деятельности» [1], банком считается кредитная организация, которая имеет исключительное право осуществлять банковские операции. Для создания коммерческого банка и его дальнейшего успешного функционирования требуется лицензия Центрального банка РФ, а также регистрация в соответствующих органах. Поэтому незаконной будет считаться деятельность банков и осуществление банковских операций без регистрации и без лицензии или с нарушением правил лицензирования.

Незаконная деятельность в этой сфере затрагивает интересы участников организаций, заинтересованных в успешной экономической деятельности, и, что немало важно, интересы государства, так как появляется возможность получения незаконной прибыли. Если такие действия повлекли причинение крупного ущерба покупателям банковских услуг, то за это действующим УК (ст. 172) предусмотрена уголовная ответственность за незаконную банковскую деятельность.

Введение уголовной ответственности за незаконную банковскую деятельность в УК РФ 1996 г. не является новеллой для национального уголовного законодательства. Россия богата историческими традициями правового регулирования становления и развития банковской системы, а также уголовно-правовой защиты этой деятельности. Накопленный опыт, берущий свое начало со второй половины 19 века, бесценен. В нем заложены традиции, культура ведения банковских операций и обеспечение охраны банковской системы.

Первым в России частным кредитным учреждением было «Санкт-Петербургское кредитное общество», открывшееся в 1861г. Уже к концу 19 в. характерным для России являлось развитие банковской системы. К тому времени уже существовали различные кредитные учреждения, известные из истории как «банкирские конторы», «торговые дома», «меняльные лавки» [3, с. 85].

Во второй половине 19 в. и первой половине 20 в. уголовно-правовыми источниками ответственности за деяния в банковской сфере были Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г., Уголовное Уложение 1903 г. [6].

Видом наказания, наиболее часто использовавшимся в Уложении 1845 года, по сравнению с действующим УК, был денежный штраф. Лишение свободы не превышало одного года, но такой вид наказания применялся в отдельных случаях (ст. 1152, 1155, 1156, 1157 Уложения 1845 г.).

Со временем в основной состав был введен ряд квалифицирующих признаков, которые нашли свое отражение в Уложении 1903 г. К ним относились повторное совершение преступления, совершение преступления в сообществе (соучастии), причинение значительного вреда и крупного ущерба.

Сравнивая действующий уголовный кодекс и уголовное Уложение 1903 г., можно найти сходство диспозиций отдельных норм. К примеру, в ст. 1151 Уложения

предусматривалась ответственность за открытие частного банка без соответствующего на это разрешения.

В дореволюционном законодательстве ряд норм, предусматривающих ответственность за незаконную банковскую деятельность, конструировались бланкетным способом. Об этом свидетельствует наличие таких нормативно-правовых актов, регулирующих банковскую деятельность: «Правила по банковским операциям казначейств», Приказ «О порядке открытия учреждений мелкого кредита» (1906) [5, с. 92].

Следует отметить, что в уголовных кодексах РСФСР 1922, 1926, 1960 гг. отсутствовала ответственность за незаконную банковскую деятельность. В ст. 138 УК 1922 г. предусматривалась ответственность за спекуляцию с иностранной валютой в обмен на советские денежные знаки, а в п. «в» ст. 128 УК 1926 г. предусматривалась ответственность за выпуск учреждениями, предприятиями и общественными организациями всякого рода займов, облигаций и других видов ценных бумаг, а также бон и иных денежных суррогатов. В УК 1960 г. была введена ст. 162-7, предусматривающая ответственность за незаконные сделки с валютными ценностями, и ст. 162-8 за сокрытие средств в иностранной валюте.

Серьезные изменения в уголовном законодательстве произошли после реформирования Российской банковской системы в начале 90-х годов прошлого столетия, когда возникла необходимость поиска новых подходов к охране общественных отношений в банковской деятельности. Это явилось причиной появления ст. 172 УК РФ 1996 г. Область применения данной статьи – незаконная деятельность различных предпринимательских структур, осуществляющих банковские операции. Под этими структурами понимаются зарегистрированные юридические лица, право на занятие банковской деятельностью у которых отсутствует, или законно существующие учреждения, при осуществлении деятельности превышающие свою компетенцию [2, с. 147].

Незаконная банковская деятельность – осуществление банковских операций без государственной регистрации или без специального разрешения (лицензии) – может выполняться как путем действия, так и бездействием, т. е. невыполнение требований закона относительно регистрации или получения разрешения (лицензии) в тех случаях, когда это обязательно, если при этом причиняется крупный ущерб другим лицам, организациям или государству либо извлекается доход в крупном размере. Часть 2 ст. 172 УК РФ предусматривает ответственность за те же деяния, но совершенные при наличии следующих квалифицирующих признаков: а) совершенное организованной группой; б) сопряженное с извлечением дохода в особо крупном размере.

Данное преступление представляет собой специальный состав незаконного предпринимательства, подразумевает более строгое наказание и отличается от общего состава специфической сферой осуществления незаконного предпринимательства. Непосредственный объект – общественные отношения, возникающие в результате законной банковской деятельности. Объективная сторона данного преступления может находить свое выражение в следующих формах: осуществление банковской деятельности (банковских операций) без регистрации; осуществление банковской деятельности без специального разрешения (лицензии) в случаях, когда такое разрешение (лицензия) обязательно [7].

Дифференциация терминов «банковская деятельность» и «банковские операции» в некоторых случаях может иметь значение для квалификации. В случае осуществления банковской деятельности или совершения определенных банковских операций без соответствующего разрешения (лицензии) проблемы с квалификацией практически отсутствуют. Но в судебно-следственной практике присутствуют такие ситуации, когда юридическое лицо осуществляет банковскую деятельность, имея лишь разрешение (лицензию) ЦБ РФ на проведение только конкретных банковских операций; либо при отзыве ЦБ РФ лицензии на проведение какой-либо из банковских операций, но, не учитывая запрет, осуществляет эту деятельность. В первом случае содеянное следует квалифицировать как незаконную банковскую деятельность, а во втором – как незаконную банковскую операцию [7].

По конструкции состав преступления – формально-материальный. Преступление считается оконченным в том случае, если выполнение деяния в любой указанной форме повлекло причинение крупного ущерба гражданам, организациям или государству либо сопряжено с извлечением дохода в крупном, особо крупном размере.

Как известно, в России субъектом преступления может быть только физическое лицо. Это обусловлено тем, что уголовная ответственность носит персональный характер, соразмерна многим факторам, влияющим на преступное поведение лица, и ее должен нести конкретный субъект, совершивший уголовно противоправное деяние. Поэтому субъектом исследуемого преступления может выступать как любой вменяемый и достигший 16-летнего возраста гражданин, так и руководитель коммерческой организации либо лицо, наделенное каким-либо специальным признаком, например, сотрудник кредитно-финансового учреждения.

При совершении деяния в форме осуществления банковской деятельности без специального разрешения (лицензии) в случаях, когда такое разрешение (лицензия) обязательно, или осуществления банковской деятельности с нарушением лицензионных требований и условий ответственность несут специальные субъекты – должностные лица (руководители) кредитных организаций, банков и небанковских кредитных организаций [1, с. 32].

Вместе с тем необходимо отметить, что в литературе существует мнение о необходимости установления уголовной ответственности за незаконную банковскую деятельность и для юридических лиц. Инициаторами этой идеи предлагается данную ответственность внести с помощью изменений и дополнений в УК РФ. В предполагаемых изменениях должны быть указаны условия ответственности юридических лиц и виды уголовного наказания, которое может быть к ним применено. Считаем, что проблема уголовной ответственности юридических лиц требует отдельного обсуждения. В рамках данной статьи отметим, что не являемся однозначными сторонниками такого подхода.

Субъективная сторона преступления характеризуется умышленной формой вины.

Санкция ст. 172 УК РФ «незаконная банковская деятельность» предусматривает наказание в виде штрафа или лишения свободы. Квалифицирующим признаком данного состава является совершение незаконной банковской деятельности должностными лицами с использованием служебного положения. Соответственно представляется, что и санкция за квалифицированный состав должна предусматривать, наряду с указанными наказаниями, лишение права занимать должности в банков-

ской сфере или заниматься банковской деятельностью. Это будет рычагом в достижении основной задачи данной статьи – обеспечении надежности всей банковской системы в России.

Возникновение нарушений в банковской сфере зависят от множества факторов. Основными являются понижение спроса на банковские услуги, повышение цен на услуги для физических лиц, не эффективная государственная политика и поддержка кредитно-финансовых учреждений, неодинаковый контроль ЦБР по отношению к коммерческим банкам. В банковской сфере существуют правовые противоречия относительно финансового вреда для клиентов, вопросов уголовной ответственности за финансовые нарушения. Повышают криминогенность в этой сфере неэффективный контроль внутри банковской системы, недостаточная компетентность правоохранительных структур в борьбе с незаконной банковской деятельностью. Важное значение имеют информационно-психологические признаки, которые заключаются в недостаточности знаний у людей о работе банков и умении определить недобросовестные из них.

Подводя итог, отметим, что банковская деятельность – необходимая составляющая экономического развития. В связи с непрерывным развитием экономики появляется комплекс проблем в эффективном функционировании банковской системы и ее законной деятельности. Для решения постоянно возникающих проблем необходимо осуществлять мониторинг и анализ мер для противодействия незаконной банковской деятельности. Именно одной из таких мер является появление ст.172 в УК РФ. Предлагается в качестве совершенствования этой нормы дополнение ее санкции наказанием в виде лишения права занимать должности в банковской сфере или заниматься банковской деятельностью.

Список литературы:

1. Карпович О.Г. Уголовная ответственность за незаконную банковскую деятельность // Банковское право. – 2003. – № 1. – С. 32–39.
2. Печникова, А. В. Банковские операции: учеб. /А. В. Печникова [и др.]. – М.: ФОРУМ: ИНФРА-М, 2007. – 204 с.
3. Преступления в сфере экономики. Уголовно-правовой анализ и квалификация./Б.Д. Завидов, О.Б. Гусев, А.П. Коротков, И.А. Попов, В.И. Сергеев. – М.: Экзамен, 2001. – С. 104.
4. Трунцевский Ю. В., Максимова Е. Ю. Уголовно-правовая характеристика незаконной банковской деятельности // Банковское право. – 2010. – № 2. – С. 41.
5. Яковлев А.М. Преступления в сфере экономической деятельности // Российское уголовное право. Особенная часть/Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. – М., 1997. – 195 с.
6. Экономические преступления в уголовном Уложении 1903 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://law.edu.ru/article/article.asp?articleID=158439>
7. Законы России Комментарий к УК РФ 2015 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://zakoniros.ru/?p=6135>

Bugayev V., Ablyazova F. The social nature of responsibility for illegal banking activities // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2015. – Т. 1 (67). № 2. – P. 89–94.

The article examines the social preconditions of criminal liability for illegal banking activities in Russia. Analyzed criminal-legal norms providing for liability for illegal banking activities in their Genesis, from the Code about punishments of criminal and corrective 1845, the criminal law of the Soviet period and in the current criminal code of the Russian Federation 1996 Revealed social danger of the act, other the reasons for its criminalization. The concepts of banking and banking operations, as well as their differentiation, according to the Russian legislation. The peculiarities of obtaining permits (licenses), according to the Russian legislation for the implementation of banking activities. Analyzed the mechanism of its implementation by legal means,

the time from which such activity is criminal in nature, and forms of illegal banking activity. The main problem in sentencing for illegal banking activities. The necessity of such legislative regulation of the investigated acts, which is provided by article 172 of the criminal code. Proposed a number of measures to improve the mechanisms for combating crime in this area at different levels.

Keywords: Bank, credit institution, illegal banking, banking operations, registration, license, criminal liability, major damage, income, economic activity.

Spisok literaturyi:

1. Karpovich O. G. Ugolovnaya otvetstvennost za nezakonnyuyu bankovskuyu deyatel'nost // Bankovskoe pravo. – 2003. – № 1. – С. 32–39.
2. Pechnikova A. V. Bankovskie operatsii: ucheb./A. V. Pechnikova [i dr.]. – Moskva: FORUM: INFRA-M, 2007. – 204 с.
3. Prestupleniya v sfere ekonomiki. Ugolovno-pravovoi analiz I kvalifikatsiya /B.D. Zavidov, O.B. Gusev, A.P. Korotkov, I.A. Popov, V.I. Sergeev. – M.: Eczamen, 2001. – С. 104.
4. Truntsevskiy YU. V., Maksimova E. YU. Ugolovno-pravovaya xarakteristika nezakonnoy bankovskoy deyatel'nosti // Bankovskoe pravo. – 2010. – № 2. – С. 41.
5. Yakovlev A.M. Prestupleniya v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti // Rossiyskoe ugolovnoe pravo. Osobennaya chast'/pod red. V.N. Kudryavtseva, A.V. Naumova. – M., 1997. – 195 с.
6. Ekonomicheskie prestupleniya v ugolovnom Ulozhenii 1903 g. [Elektronniy resurs] – Rezhim dostupa: <http://law.edu.ru/article/article.asp?articleID=158439>
7. Zakoni Rossii Kommentariy k UK RF 2015 [Elektronniy resurs] – Rezhim dostupa: <http://zakoniros.ru/?p=6135>

УДК 343.2

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ: ЗА И ПРОТИВ

Волошин И. А., Давиденко С. А.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Вопрос уголовной ответственности юридических лиц обсуждается несколько десятилетий, но до конца так и не разрешен. В статье рассматриваются объективные причины для применения или неприменения уголовной ответственности юридических лиц в Российской Федерации.

Анализ законодательства ряда стран, которое предусматривает возможность привлечения к уголовной ответственности юридических лиц (Англия, США, Канада, Австралия, Голландия, Португалия, Франция, Финляндия и др.), позволяет привести аргументы за. Опыт многих цивилизованных в правовом отношении стран (Швейцария, Испания, Япония и др.), которые не разделяют мнение о возможности признания юридических лиц субъектами уголовной ответственности, позволяют привести аргументы против такой ответственности. Законодательство Российской Федерации не пришло к единому верному решению данной проблемы, вследствие чего уголовная ответственность юридических лиц не получила закрепления в нормативно-правовых актах. Споры по этому поводу до сих пор ведут ведущие специалисты в области права. Таким образом, можно судить о существовании множества аргументов, которые подтверждают необходимость закрепления уголовной ответственности юридических лиц, но, с другой стороны, необходимо учитывать и негативные аспекты такого решения.

Ключевые слова: юридическое лицо, уголовная ответственность, международные стандарты, гражданско-правовая ответственность, административная ответственности, международные стандарты, национальные стандарты.

В российской юридической литературе вопрос об уголовной ответственности юридических лиц стал активно обсуждаться в 90-х гг. XX столетия. За выделение юридического лица в качестве субъекта уголовной ответственности выступили ученые-криминалисты: Ю. В. Голик, Б. В. Волженкин, С. Г. Келина, А. В. Наумов, А. С. Никифоров и другие [1].

В уголовном праве попытка решения этой проблемы была предпринята при подготовке проекта УК России, в 1995г. Тогда была включена глава об уголовной ответственности юридических лиц. В ней предусматривалась уголовная ответственность юридических лиц за осуществление деятельности, не соответствующей учредительным документам, за деяния, причинившие вред либо создавшие угрозу причинения вреда личности, обществу или государству. В случае осуждения юридических лиц за совершение преступления к ним могли бы применяться: штраф, конфискация имущества, запрещение заниматься определенной деятельностью, ликвидация юридического лица. Но Государственная Дума вопрос о возможности уголовной ответственности юридических лиц решила отрицательно, и соответствующая глава из проекта Уголовного кодекса была исключена.

В соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации юридическим лицом признается организация, которая имеет в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении обособленное имущество и отвечает по своим обязательствам этим имуществом, может от своего имени приобретать и осуществ-

лять имущественные и личные неимущественные права, нести обязанности, быть истцом и ответчиком в суде (ГК РФ. Ст. 48) [2]. К юридическим лицам относятся: государственные и муниципальные унитарные предприятия, учреждения, коммерческие и некоммерческие организации, хозяйственные товарищества и общества, производственные и потребительские кооперативы, общественные и религиозные организации (объединения), благотворительные и иные фонды, объединения юридических лиц (ассоциации и союзы). Все эти организации, согласно законодательству РФ, несут лишь гражданско-правовую и административную ответственность.

Однако даже сторонники признания юридических лиц субъектами уголовной ответственности считают, что не все предприятия могут нести уголовную ответственность. Аргументы следующие: государственные и муниципальные предприятия действуют от имени государства, которое наделило их определенными полномочиями (издание нормативных актов, совершение контрольных, надзорных функций, сбор налогов, совершение правосудия и др.), поэтому они не могут нести уголовную ответственность. Относительно остальных предприятий можно допустить уголовную ответственность за некоторые виды преступных деяний.

По российскому законодательству субъектом преступления признается вменяемое физическое лицо, достигшее определенного законодателем возраста, которое совершило запрещенное законом общественно опасное деяние, причинившее вред объекту уголовно-правовой охраны (УК РФ. Ст. 19) [3]. Сторонники привлечения юридических лиц к уголовной ответственности утверждают, что предприятием управляют конкретные люди, достигшие 18 лет, имеющие психику и определенную волю, что не мешает им признать вину за совершение противоправных деяний. Какой же вред объекту уголовно-правовой охраны могут нанести юридические лица? Сторонники привлечения юридических лиц к уголовной ответственности видят его в следующем: нанесение ущерба природе, уклонение от уплаты налогов, продажа недоброкачественных товаров, оказание некачественных услуг, банковское мошенничество, организация незаконной миграции, терроризм и др. Они предлагают в качестве меры уголовного наказания применять к юридическим лицам: штраф, ограничение имущественных прав, запрещение заниматься какой-либо деятельностью, закрытие их полностью или на определенный судом срок, афиширование судебного постановления в СМИ. Уголовные меры ответственности позволят: усилить борьбу с коррупцией, сдержать рост преступности среди других юридических лиц, снизить рост инфляции, вывести капитал из теневого сектора экономики, взыскивать компенсации пострадавшим по вине предприятий, привести законодательство Российской Федерации к международным стандартам.

Среди оппонентов данной точки зрения следует назвать таких ученых, как Н. Ф. Кузнецова, Г. Н. Борзенков, В. Г. Павлов, С. Ф. Милоков, Б. А. Спасенников [4].

Противники законодательной регламентации института уголовной ответственности юридических лиц считают, что в Российской Федерации нет объективных причин для применения такой ответственности. Незаконная деятельность юридического лица регулируется другими отраслями права – гражданским и административным, и концентрировать мелкие правонарушения в Уголовном кодексе нет необходимости.

Гражданское право устанавливает ответственность за последствия неисполнения или ненадлежащего исполнения предусмотренных обязанностей. Гражданская ответственность является имущественной и носит компенсационный характер, то есть взыскать ущерб с юридического лица возможно и без уголовной ответственности, обратившись с иском в арбитражный суд.

В соответствии с КоАП РФ юридические лица подлежат административной ответственности за совершение административных правонарушений в случаях, предусмотренных статьями раздела II настоящего Кодекса, или законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях КоАП РФ. п.1 ст.2.10. Это правонарушения, посягающие на права граждан, здоровье, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и общественную нравственность, собственность, охрану окружающей природной среды и природопользования, в области промышленности, строительства и энергетики, сельского хозяйства, ветеринарии и мелиорации земель, дорожного движения, связи и информации, предпринимательской деятельности, финансов, налогов и сборов, рынка ценных бумаг, на транспорте, в области таможенного дела. За совершение административных правонарушений к юридическим лицам могут быть применены следующие виды административных взысканий: 1) предупреждение; 2) штраф; 3) конфискация имущества; 4) отзыв лицензии; 5) взыскание стоимости товаров или транспортных средств [5].

Юридическое лицо ни думать, ни желать, ни совершать что-нибудь противозаконное не может, поскольку не имеет психики, а значит и не признает свою вину. К тому же уголовная ответственность юридических лиц противоречит принципу личной виновной ответственности. А привлечение к уголовной ответственности и осуждению руководителей не может изменить направление деятельности юридического лица. Скорее всего, такие предприятия прекратят свое существование, в связи с чем рассмотрение претензий к ним будет невозможно. С другой стороны, не соблюдается принцип запрета двойной ответственности за одно и то же преступление и юридического лица, и его руководителей.

Привлечение юридического лица к уголовной ответственности, по мнению противников введения такой ответственности, предусматривает большие риски. Во-первых, на равном месте можно потерять огромные суммы, что приведет к банкротству предприятия. Во-вторых, негативные последствия могут лечь на рядовых работников, которые не имеют отношения к криминальной деятельности руководителей. В-третьих, уголовная ответственность юридических лиц может использоваться как способ политических репрессий к оппозиционным партиям и общественным организациям.

Что касается необходимости привести законодательство РФ к международным стандартам, то не все страны применяют такую практику, поэтому нельзя считать ее единственно верной и эффективной. А в современных условиях, когда на Российскую Федерацию оказывают всевозможное давление экономическими санкциями, предприятия становятся еще более уязвимыми, особенно работающие на международном уровне. В любой момент против них могут возбудить уголовное дело, и проще это сделать, если в стране применима практика уголовной ответственности юридических лиц. Еще один немаловажный аспект: введение ответственности юридических лиц в уголовном законодательстве потребует коренной переработки многих институтов, глубоких комплексных исследований и усилий не только специалистов уголовного права, но и ученых в области других

наук. Россия и так учитывает международные стандарты и рекомендации, касающиеся уголовно-правовых методов борьбы с общественно опасными деяниями, совершаемыми юридическими лицами, изложенные в Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма от 9 декабря 1999 г., Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г. (подписанную, но не ратифицированную), Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г., Конвенции Совета Европы о киберпреступности 2001 г.

Как видим, в решении вопроса применения или неприменения уголовной ответственности к юридическим лицам много противоречий. Законодатели РФ не пришли к единому мнению, поэтому разрешение данной проблемы на законотворческом уровне преждевременно.

Список литературы

1. Наумов А.В. Предприятие на скамье подсудимых // Советская юстиция. – 1978. – №17. – С. 130–134.
2. Гражданский кодекс РФ Часть I. 30.11.94 №51-ФЗ.
3. Уголовный кодекс РФ от 13.06.96 №63-ФЗ.
4. Кузнецова Н. О проекте Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации // Российская юстиция. – 1994. – №7. – С.27.
5. Кодекс РФ об административных правонарушениях от 30.12.01 №195-ФЗ.

Voloshin I.A., Davidenko. Criminal liability of legal entities – pros and cons // Scientific messages of Crimean federal university the name of V. I. Vernadsky. Juridical sciences. – 2015. – Т. 1 (67). № 2. – P. 95–98.

The question of criminal liability of legal entities is discussed some decades, but still isn't resolved. In the article are considered the objective reasons for use or non-use of criminal liability of legal entities in the Russian Federation.

The analysis of the legislation of a number of the countries which provides possibility of criminal prosecution of legal entities (England, the USA, Canada, Australia, Holland, Portugal, France, Finland, etc.), allows to adduce arguments pro. Experience of many countries civilized in legal relations (Switzerland, Spain, Japan, etc.) which don't share opinion on possibility of recognition of legal entities by subjects of criminal liability, allow to adduce arguments contra of such responsibility. The legislation of the Russian Federation doesn't still come to uniform true solutions of this problem, in a consequence of that criminal liability of legal entities doesn't receive fixing in normative legal acts. Disputes about it are still conducted by leading experts in law area. Thus it is possible to judge existence of many arguments which confirm a need of fixing of criminal liability of legal entities, but on the other hand, it is necessary to consider also negative aspects of such decision.

Keywords: legal entity, criminal liability, civil liability, administrative liability, national standards, international standard of criminal liability.

Spisok literaturyi

1. Naumov A.V. Predpriyatие na skame podsudimyyih // Sovetskaya yustitsiya. – 1978. – №17. – С. 130–134.
2. Grazhdanskiy kodeks RF Chast I. 30.11.94 №51-FZ.
3. Ugolovnyiy kodeks RF ot 13.06.96 №63-FZ.
4. Kuznetsova N. O proekte // Obschey chasti Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii // Rossiyskaya yustitsiya. – 1994. – №7. – С.27
5. Kodeks RF ob administrativnyih pravonarusheniyah ot 30.12.01 №195-FZ.

УДК 343.618:343.85

МЕСТО ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СИСТЕМЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ БЕЗОПАСНОСТИ ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТА

Мидловец М. В., Соляной А. В.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В работе исследуются положения законодательства о дорожно-транспортных правонарушениях и преступлениях в сфере безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, в частности, Уголовный кодекс и Кодекс об административных правонарушениях, и научные достижения по совершенствованию действующего законодательства и оптимизации его применения на практике. В работе рассматривается место дорожно-транспортных преступлений в системе уголовнонаказуемых деяний и преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта. Также в работе приводятся статистические показатели дорожно-транспортных преступлений за прошедшие 4 года, место преступлений против безопасности дорожного движения и эксплуатации транспорта среди других преступлений. Автором приводятся основные научные разработки по вопросам систематизации законодательства о нарушении правил дорожного движения и эксплуатации транспорта, необходимости определения формы вины в дорожно-транспортных происшествиях. Предлагается расширить основания возникновения уголовной ответственности за совершенное дорожно-транспортное преступление причинением ущерба в особо крупных размерах и в случае привлечения к административной ответственности за нарушение правил дорожного движения; введение уголовного наказания за дорожно-транспортное преступление в виде штрафа и лишения водительских прав на длительный срок. Автор приходит к выводу, что нормы о дорожно-транспортных преступлениях требуют немедленного совершенствования и систематизации.

Ключевые слова: безопасность дорожного движения, эксплуатация транспорта, дорожно-транспортные преступления, дорожно-транспортные правонарушения, систематизация, лишение водительских прав, штраф, состояние опьянения, форма вины.

Транспорт является важнейшей частью инфраструктуры любой страны, в то же время – источником повышенной опасности, поэтому одной из основных задач государства является обеспечение регулирования порядка на дорогах и придорожных территориях. В настоящее время из-за увеличения числа ДТП все более заметной становится необходимость строгого исполнения действующих законов, изучение и определение путей дальнейшего совершенствования уголовного законодательства, предусматривающего составы преступлений, посягающих на безопасность дорожного движения и эксплуатации транспорта. Не менее важным является и научное формирование критериев, позволяющих с определенной точностью установить степень виновности лиц, совершивших эти преступления, практического применения закона, в отношении виновных. Особое значение приобретает и создание предпосылок для максимально возможного ограничения в применении таких крайних мер уголовного воздействия, как лишение свободы. Необходима строгая дифференциация мер наказания в зависимости от характера и степени общественной опасности содеянного и личности виновного.

Отдельное место в арсенале средств государственной транспортной политики занимает законодательное регламентирование правил безопасного движения и экс-

плуатации транспорта, а именно административная и уголовная ответственность за нарушение установленных правил использования транспорта.

Характерно, что нормы, охватывающие составы дорожно-транспортных преступлений, представляют собой базу уголовно-правовой деятельности, относящуюся к решению именно тех задач, которые определены как важные в общей системе общественных отношений, а именно в сфере охраны безопасности дорожного движения, жизни и здоровья граждан. В правоприменительной деятельности, направленной на обеспечение безопасности дорожного движения, много недостатков, которые, как правило, «списывают» на счет сотрудников ГИБДД, полиции в целом. Но по нашему мнению, основными причинами неудовлетворительной правоприменительной практики в рассматриваемой нами сфере являются недостатки законодательства, призванного обеспечивать безопасность дорожного движения, и в частности, недостатки уголовно-правовой его составляющей.

Так, законодатель административную ответственность за нарушение в области дорожного движения предусмотрел в Главе 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях «Административные правонарушения в области дорожного движения», которая состоит из 37 статей, и уголовную ответственность – в Главе 27 Уголовного кодекса Российской Федерации «Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта», состоящую из 11 статей. При этом в данную группу противоправного поведения относят деяния, совершенные на дорожном, железнодорожном, воздушном, морском, внутреннем водном транспорте, и в отношении эксплуатации этого транспорта.

Безопасность движения и эксплуатации транспорта в уголовном праве – это состояние защищенности перемещения и использования для перевозки людей и (или) грузов автомобильного, трубопроводного, железнодорожного, воздушного, морского и внутреннего водного транспорта, метрополитена и иного транспорта, а в случаях, предусмотренных законом – еще и соответствующей транспортной инфраструктуры. Под преступлениями против безопасности движения и эксплуатации транспорта следует понимать общественно опасные деяния, предусмотренные Главой 27 Раздела IX УК РФ, посягающие на состояние защищенности перемещения и использования для перевозки людей и (или) грузов автомобильного, трубопроводного, железнодорожного, воздушного, морского и внутреннего водного транспорта, метрополитена и иного транспорта, а в случаях, предусмотренных законом – еще и соответствующей транспортной инфраструктуры [9, с. 90].

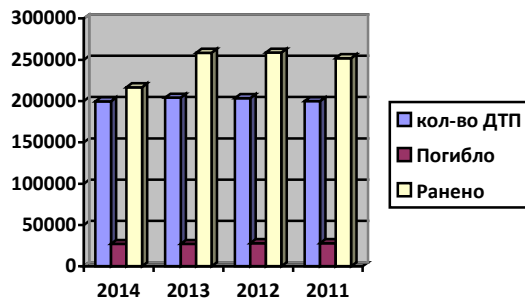
Глава 27 «Преступления против безопасности дорожного движения и эксплуатации транспорта» в Разделе IX УК РФ является предпоследней, хотя транспорт является источником повышенной опасности, а аварии на транспорте посягают и на жизнь и здоровье людей, и на собственность, как частную, так и муниципальную, государственную, что негативно сказывается на экономике государства. Кроме того, с каждым годом случаи транспортных аварий становятся все чаще. И это касается всех видов транспорта. Так, по данным статистики, дорожно-транспортные преступления в Российской Федерации составляют 20-23% в общей структуре преступности. По количественным показателям после преступных посягательств на собственность и личность нарушения установленных правил безопасности дорожного движения являются одними из наиболее распространенных преступных деяний.

Глава 27 «Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта» содержит всего 11 статей (ст. 263-271.1 УК). И лишь 3 статьи – ст. 264, 264.1 и 268 УК РФ – устанавливают уголовную ответственность за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортного средства.

Аварии на воздушном, морском, железнодорожном транспорте являются крупномасштабными, причиняют вред большому количеству граждан в один момент, но случаи таких аварий являются единичными. В большинстве ситуации такие аварии вызваны их недоброкачественным техническим состоянием, нарушением правил использования и нарушением транспортных средств и путей сообщения.

Дорожно-транспортные преступления не носят глобального характера, но проблема их совершения заключается в их высоких показателях. Согласно статистическим данным Департамента безопасности дорожного движения МВД России за прошлые десять лет, на территории нашей страны ежегодно в среднем совершается более 200 000 дорожно-транспортных происшествий, в которых погибает от 25 000 до 30 000 человек, и ранения различной степени тяжести превышают количество зарегистрированных ДТП практически в 1,5 раза, так как в ДТП всегда вовлечены одновременно несколько участников. При этом не следует забывать о социально-экономическом ущербе от дорожно-транспортных происшествий, так как всегда при ДТП причиняется и материальный вред имуществу, собственности (о чем законодатель не отмечает в диспозиции статей Главы 27 УК РФ).

Так, в 2011 г. было зарегистрировано 199 868 ДТП, в 2012 г. – 203 597, в 2013 г. – 204 068, в 2014 г. – 199 720, при этом летальный исход этих ДТП в среднем составляет 14 % (примерно, 27 000–28 000 чел.), а число раненых составляет 13 %.

На наш взгляд, данная ситуация требует особого внимания. Как показывают статистические показатели, уровень совершения ДТП в стране за 4 года практически не меняется что может быть связано с неэффективностью законодательства в области уголовной ответственности.

Также хотелось бы обратить внимание на разницу в регламентировании ответственности за нарушение правил дорожного движения в нормах УК РФ и КоАП РФ. Как видим, КоАП РФ достаточно детально определяет случаи административной ответственности за нарушение ПДД, в это же время, уголовная ответственность в сфере дорожного движения и эксплуатации транспорта является исключительной, в зависимости от наступивших последствий, что говорит о ее карательном характере, но практически исключает предупредительную функцию уголовного законодательства. При этом динамика ДТП остается неизменной. Это может быть связано с лояльностью законодателя и относительно мягкими наказаниями (ведь уголовная ответственность наступает лишь в случае причинения тяжкого вреда здоровью, без определения материального вреда). Причинение вреда здоровью средней тяжести в уголовных преступлениях против безопасности движения и эксплуатации транспорта не карается, законодатель отступил от требований концепции уголовной политики о всемерной охране здоровья человека. Но именно совершение административного правонарушения и отсутствие страха привлечения к уголовной ответственности

сти за большинство нарушений приводит к совершению лицом дорожно-транспортного преступления по ст. 264, 264.1, 268 УК РФ. Также лояльные наказания за совершение дорожно-транспортного правонарушения не вызывают реального страха привлечения к уголовной ответственности в случае наступления тяжких последствий, которые заранее предсказать невозможно.

Как показывает анализ санкций статей КоАП РФ, в большинстве случаев наказанием является административный штраф в размере от 500 до 5 000 рублей, лишь в некоторых случаях, чаще всего для должностных и юридических лиц, – соответственно от 15 000 до 25 000 рублей и от 400 000 до 500 000 рублей. При этом нарушение Правил дорожного движения, которые чаще всего приводят к ДТП с тяжкими последствиями, наказывается административным штрафом от 500 до 5000 руб., иногда – лишением права управления транспортным средством. При этом законодатель не устанавливает более строгих предупредительных санкций. Так, по нашему мнению, в ст. 12.5, 12.9, 12.12, 12.14, 12.18, 12.24 КоАП РФ следовало бы предусмотреть лишение права управления транспортным средством с привлечением к уголовной ответственности за совершение любого из указанных административных правонарушений трижды за определенный период времени без определения степени наступивших последствий, как предупредительную меру. При этом в УК РФ, ст. 264.2 следует предусмотреть уголовную ответственность за трехкратное привлечение к административной ответственности за нарушение ПДД, наказанием за которое будет лишение права управления транспортным средством с наложением штрафа в размере от 50 000 до 100 000 руб.

Также в последние годы заметна тенденция роста аварий с участием автотранспорта спецсубъектов: судей, прокуроров, правоохранительных органов, спецслужб. Считаю, необходимо предусмотреть уголовную ответственность данной категории лиц в ч. 7 ст. 264 УК РФ, если будет установлено, что такое ДТП было совершено не при исполнении должностных обязанностей, что наказывается наложением штрафа в размере от 100 000 до 300 000 руб. и лишением права управления транспортным средством на срок от трех до пяти лет.

До сих пор, несмотря на большой интерес ученых к проблеме дорожно-транспортных преступлений, остаются без внимания законодателя, а значит, и правоприменителя, внесенные в этой части В.В. Лукьяновым, А.И. Коробеевым, В.Л. Кудрявцевым, П.И. Пикуровым и др. в юридической печати предложения по совершенствованию нормы о дорожно-транспортных преступлениях (ст. 264 УК) и иных норм, предусмотренных гл. 27 УК РФ.

Так, действующая уголовно-правовая норма, предусматривающая составы дорожно-транспортных преступлений, совершаемых водителями, ставит уголовную ответственность за их совершение в зависимости от тяжести последствий этих деяний, указывая только на неосторожность нарушения правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, что приводит к переоценке объективной стороны состава в ущерб обеспечения полноты оценки его субъективных признаков, что может привести, в свою очередь, к ошибкам в квалификации содеянного, извратить задачи борьбы с преступностью и повлечь за собой нарушение принципа законности. Поэтому законодателю следует разграничить умысел и неосторожность в действиях виновного водителя и назначить наказание виновному лицу в зависимости от формы той вины, которая имеется в содеянном. «Необходимо проявлять жесткость в отношении нарушителей, действующих умышленно, и мягкость, основанную на законе, к лицам, допустившим нарушение по неосторожности», – отмечает В. Л. Перфилов [11, с. 140–142]. Поэтому в диспозициях ст. 264, 264.1, 268 УК РФ должно найти отражение различие формы вины и предусмотреть более суровую ответственность за умышленное нарушение правил безопасности движения и

относительно безразличное отношение к его последствиям по сравнению с теми случаями, когда такое нарушение, повлекшее аналогичные последствия, явно совершается по неосторожности.

Уголовный закон признает наличие состава оконченного дорожно-транспортного преступления (ст. 264, 264.1, 268 УК РФ) лишь тогда, когда наступит определенное последствие: тяжкий вред здоровью человека (ч. 1); смерть человека (ч. 2); смерть двух или более лиц (ч. 3). Что касается крупного ущерба, то эта разновидность последствий преступления предусмотрена только в ч. 1 ст. 267 УК РФ, что вызывает много вопросов, так как чаще всего ДТП своим последствием имеет порчу транспортного средства, иного имущества, с которым совершено столкновение, личного имущества пешехода или имущества, находящегося в муниципальной или государственной собственности [13].

Следует также уточнить наименование ст. 264 УК РФ, указав после слова «движение» вместо «и» союз «или», и тем самым привести в соответствие это наименование с диспозицией ч. 1 данной статьи [7, с. 22; 8].

По мнению многих ученых в рассматриваемой сфере, одной из основных проблем уголовного законодательства о дорожно-транспортных преступлениях является их бланкетный характер. Это, например, законы: Федеральный закон от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» [1], Федеральный закон от 9 февраля 2007 г. N 16-ФЗ «О транспортной безопасности» [2]; кодексы, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ [4]; подзаконные нормативно-правовые акты: Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 «О Правилах дорожного движения» [6] Но в самой диспозиции ст. 264, 264.1, 268 УК РФ не дается какого-либо перечня этих правил. А правила дорожного движения и эксплуатации транспортных средств могут содержаться в самых различных документах, что составляет проблему в их нахождении и ознакомлении для участников дорожного движения.

Поэтому, учитывая избыточную информацию, содержащуюся в подзаконных нормативных актах, целесообразно избавить подзаконные акты от такой избыточности, сгруппировать их нормы, имеющие прямое отношение к дорожно-транспортному правонарушению в Правилах дорожного движения, представив их в нем в концентрированном виде. Выделение уголовно-правовых и административно-правовых норм, действующих в сфере обеспечения дорожного движения, их систематизация также в значительной степени облегчит правоприменительную практику следователей и судей [11, с. 144–146].

Таким образом, подводя итог, мы можем сделать вывод, что дорожно-транспортным преступлениям в законодательстве уделяется недостаточно внимания, а закрепление в статьях УК РФ носит поверхностный характер. Об этом свидетельствует отсутствие закрепленных в уголовном законодательстве достижений ученых в данной области, разрозненность и бланкетный характер норм о преступлениях, нарушающих безопасность дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, но самое главное – статистические показания об уровне совершаемых дорожно-транспортных происшествий, травматизме и смертности от нарушений Правил дорожного движения и эксплуатации транспорта.

Список литературы

1. Федеральный закон от 10.12.1995 N 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» // Собрание законодательства Российской Федерации от 11 декабря 1995 г., № 50, ст. 4873.

2. Федерального закона от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» [Текст] // Собрание законодательства РФ. 2007. № 7. Ст. 837.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. № 25 ст. 2954.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. // Собрание законодательства Российской Федерации от 7 января 2002 г. № 1 (часть I) ст. 1.
5. Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант плюс».
6. Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 «О Правилах дорожного движения» (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения») [Текст] // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 47. Ст. 4531.
7. Габдрахманов А. Ш. Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта: уголовно-правовые и криминологические аспекты: диссертация кандидата юридических наук: 12.00.08 / Габдрахманов А.Ш.; [Место защиты: Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина]. – Казань, 2007. – 190 с.
8. Козун А. В. Некоторые аспекты совершенствования уголовной ответственности за транспортные преступления. [Электронный ресурс] // Режим доступа <http://www.lawtech.ru/journal/articles/13157#3>
9. Кудрявцев В.Л. Преступления против безопасности дорожного движения и эксплуатации транспорта // Вестник ЮУПИ. – 2012. – №2 (8). – С. 89–99.
10. Любимов Л.В. Дорожно-транспортные преступления: проблемы законодательного конструирования составов и дифференциации ответственности участников дорожного движения: Дис. ... канд. юрид. наук 12.00.08. – М.: РГБ, 2005. – 234 с.
11. Перфилов В.П. Теоретические и практические вопросы уголовно-правовой квалификации нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств / Диссертация кандидата юридических наук: 12.00.08 / Перфилов Владимир Павлович; [Место защиты: Акад. эконом. безопасности МВД РФ] / Москва, 2008. – 174 с.
12. Пикуров Н. И. Квалификация транспортных преступлений: Научно-практическое пособие. – М.: РАП, 2011. – 168 с.
13. Проценко С. Значение общественно опасных последствий в составе транспортного преступления. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://sovbez-kbr.ru/materialj/mnenie_spec/bezopas/mnenie_bezopas_56.htm

Midlovets M.V., Solyanoy A. The Place of The Road Traffic Crimes in the The System of Crimes Against Traffic Safety and Operation of Transport // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2015. – Т. 1 (67). № 2. – P. 99–105.

The article study the provisions of the law on road traffic offenses and crimes in the field of traffic safety and operation of vehicles, in particular the Criminal Code and the Code of Administrative Offences, and scientific advances on improving the existing legislation and optimization its application in practice. In the article it's considered a place of traffic offenses among other criminal offenses and crimes against traffic safety and operation of transport. The article presents a hundred-statistical indicators of road traffic offenses for the past 4 years, the place of crimes against traffic safety and operation of transport, among other crimes. The author provides basic scientific research on the systematization of legislation on the violation of the rule, traffic and operation of transportation, the need to define the form of guilt in road accidents. It is proposed to broaden the base of criminal responsibility for committing a traffic offense causing damage in a large scale and in the case of bringing to administrative responsibility for violation of traffic rules; proposes the introduction of criminal penalties for traffic offense by a fine and deprivation of a driver's license for a long time. The author concludes that the rules on road traffic offenses require immediate improvement and systematization.

Keywords: traffic safety, transport operation, road traffic crimes, road traffic of-fenses, systematization, driving license revocation, a fine, the state of intoxication, the form of guilt.

Spisok literary

1. Federal'nyj zakon ot 10.12.1995 N 196-FZ «O bezopasnosti dorozhnogo dvizhenija» // Sobranii zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ot 11 dekabrya 1995 g., N 50, st. 4873.

2. Federal'nogo zakona ot 9 fevralja 2007 g. N 16-FZ «O transportnoj bezopasnosti» [Tekst] // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2007. N 7. St. 837.
3. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13 ijunja 1996 g. N 63-FZ. // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ot 17 ijunja 1996 g. N 25 st. 2954.
4. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarushenijah ot 30 dekabnja 2001 g. N 195-FZ. // Sobranii zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ot 7 janvarja 2002 g. N 1 (chast' I) st. 1
5. Ukaz Prezidenta RF ot 12 maja 2009 goda N 537 «O strategii nacio-nal'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii do 2020 goda» [Jelektronnyj re-surs] // Spravochno-pravovaja sistema «Konsul'tant pljus»
6. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 23.10.1993 N 1090 «O Pravilah dorozhnogo dvizhenija» (vmeste s «Osnovnymi polozhenijami po dopusku trans-portnyh sredstv k jekspluatacii i objazannosti dolzhnostnyh lic po obespeche-niju bezopasnosti dorozhnogo dvizhenija») [Tekst] // Sobranie aktov Prezidenta i Pravitel'stva RF. 1993. N 47. St. 4531.
7. Gabdrahmanov A. Sh. Prestuplenija protiv bezopasnosti dvizhenija i jeks-pluatacii transporta: ugovolno-pravovye i kriminologicheskie aspekty: dis-sertacija ... kandidata juridicheskikh nauk: 12.00.08 / Gabdrahmanov A.Sh.; [Me-sto zashhity: Kazan. gos. un-t im. V.I. Ul'janova-Lenina]. – Kazan', 2007. – 190 s.
8. Kozun A.V. Nekotorye aspekty sovershenstvovaniya ugovolnoj otvet-stvennosti za transportnye prestuplenija. [Jelektronnyj resurs] // Rezhim do-stupa <http://www.lawtech.ru/journal/articles/13157#3>
9. Kudrjavcev V. L. Prestuplenija protiv bezopasnosti dorozhnogo dvizhenija i jekspluatacii transporta // Vestnik JuUPI. 2012. 2 (8). S. 89-99.
10. Ljubimov L.V. Dorozhno-transportnye prestuplenija: problemy zakono-datel'nogo konstruirovaniya sostavov i differenciacii otvetstvennosti uchastnikov dorozhnogo dvizhenija: Dis. ... kand. jurid. nauk 12.00.08 .-M.: RGB, 2005. – 234 s.
11. Perfilov V. P. Teoreticheskie i prakticheskie voprosy ugovolno-pravovoj kvalifikacii narushenij pravil dorozhnogo dvizhenija i jekspluata-cii transportnyh sredstv / Dissertacija kandidata juridicheskikh nauk: 12.00.08 / Perfilov Vladimir Pavlovich; [Mesto zashhity: Akad. jekonom. bez-opasnosti MVD RF] / Moskva, 2008. – 174 s.
12. Pikurov N. I. Kvalifikacija transportnyh prestuplenij: Nauch- no-prakticheskoe posobie. — M.: RAP. 2011. – 168 s.
13. Procenko S. Znachenie obshhestvenno opasnyh posledstvij v sostave transportnogo prestuplenija [Jelektronnyj resurs] // Rezhim dostupa: http://sovbez-kbr.ru/materialj/mnenie_spec/bezopas/mnenie_bezopas_56.htm

УДК 343.12

СВИДЕТЕЛЬ КАК УЧАСТНИК УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Поддубняк А. А.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье рассматриваются вопросы, затрагивающие процессуальное положение субъекта уголовного судопроизводства – свидетеля. Анализируется историческое развитие фигуры свидетеля в российском уголовном процессе, исследованы вопросы по обеспечению мер безопасности свидетеля, показания которого являются одним из важных источников доказательств. Основная тенденция, связанная с регулированием положения свидетелей, которая прослеживается в России, начиная с судебной реформы 1864 года и принятия Устава уголовного судопроизводства 20 ноября 1864 г., состоит в демократизации соответствующих правовых норм, в первую очередь относящихся к перечню свидетельских иммунитетов. Исторический анализ дореволюционного и советского уголовно-процессуального законодательства позволяет сделать вывод, что многие положения, регулирующие правовой статус свидетеля, были прогрессивными для своего времени и нашли свое отражение и в действующем законодательстве. Так, с принятием Конституции РФ и УПК РФ приоритетными признаны человек, его права и интересы. Процессуальный статус свидетеля значительно изменился: в ст. 56 УПК РФ закреплено понятие свидетеля, его основные права, обязанности, установлен свидетельский иммунитет, предусмотрены меры безопасности свидетеля.

Ключевые слова: уголовный процесс, свидетель, правовое положение, меры безопасности, показания свидетеля.

«Свидетель – человек, который лично присутствовал при каком-нибудь событии, очевидец» – толкует нам словарь русского языка С. И. Ожегова [5, с. 610]. На законодательном уровне понятие «свидетель» было закреплено еще в уголовно-процессуальном кодексе 1923 г.: «всякое лицо, обязанное явиться по вызову следователя, органа дознания или суда и сообщить все известное ему по делу». Законодатель исходил из того, что данному субъекту должны были быть известны факты, которые подлежат установлению по уголовному делу. Исходя из этого, нормы уголовно-процессуального закона сводят до минимума ограничения, которые препятствуют допросу лиц в качестве свидетеля. Статья 61 УПК 1923 г. устанавливает следующие случаи невозможности допроса лиц в качестве свидетеля: во-первых, это защитник обвиняемого; во-вторых, это лица с физическими или психическими недостатками. Для определения возможности выступать в роли свидетеля по делу последней категории лиц УПК содержал норму, что предусматривала участие эксперта. В последующем УПК РСФСР претерпевал ряд изменений, дополнений, но они не затрагивали правового положения процессуальной фигуры свидетеля.

Следующим этапом в развитии института свидетельствования стал уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 г., который просуществовал до принятия в 2001 г. нового УПК РФ. Ст. 72 УПК РСФСР 1960 г. определяла свидетеля как «любое лицо, которому были известны какие-либо обстоятельства дела и которое было вызвано для дачи показаний» [2]. Как и иной участник уголовного процесса, свидетель был наделен правами, которые в целом были очень ограничены. В этой связи

Н. Я. Калашникова отмечала: «Успешное выполнение свидетелем его обязанностей обеспечивается тем, что ему предоставлен ряд прав» [3].

Уже с принятием действующего УПК РФ 2001 г. появляются нормы, определяющие наиболее полно статус свидетеля, который, в свою очередь, закреплён ч. 1 ст. 56: «Свидетелем является лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела, и которое вызвано для дачи показаний». Основная цель это получить необходимые показания от данного участника процесса, правовой статус которого содержит в себе взаимосвязанные элементы: права, обязанности и интересы свидетеля, а также ответственность за их невыполнение. Обозначенные категории возможно воспринимать только в их совокупности, так как они позволяют рассматривать свидетеля как полноправного участника уголовного судопроизводства, имеющего взаимные интересы, права и обязанности с органами следствия и суда.

Показания свидетеля об известных ему обстоятельствах, имеющих отношение к расследованию, зависят от его физического и психического состояния, а также правового положения в обществе. Это касается не только допроса, но и участия обозначенного субъекта в иных следственных действиях. Это также предусматривает использование полученных фактических данных в качестве доказательств. Уголовно-процессуальный закон 1960 г. предусматривал норму, которая определяла, что в качестве свидетеля не могло допрашиваться лицо, которое в силу своих физических или психических недостатков не способно правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них правильные показания (ст. 72 УПК РСФСР) [2]. Действующий УПК РФ не устанавливает такого ограничения. Нет запрета на допрос в качестве свидетелей также малолетних. Возможность их допроса определяется исходя из конкретных обстоятельств дела, а оценка достоверности показаний дается сторонами и, окончательно, судом.

УПК РСФСР 1960 г. содержал норму, а именно ч. 3 ст. 79, что определяла необходимость обязательного проведения экспертизы для определения психического или физического состояния свидетеля в случаях, когда возникает сомнение в его способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них правильные показания. Действующий УПК РФ от 2001 г. в ст. 196. «Обязательное назначение судебной экспертизы» не содержит положения об обязательном назначении судебной экспертизы при объективных сомнениях в психическом и физическом состоянии свидетеля, что, на наш взгляд, требует корректировки данного положения путем внесения соответствующих дополнений. Соответственно, обязанность свидетеля пройти экспертизу в установленных законом случаях необходимо изложить и в ст. 56 УПК РФ для более полного отражения его обязанностей и содержания его правового статуса.

Одним из важных видов доказательств в уголовном судопроизводстве Российской Федерации являются свидетельские показания, без них практически невозможно расследование уголовных дел и, соответственно, рассмотрение их в суде по существу. Показания, что дают свидетели, могут как обвинять лицо в совершении преступления, так и защищать его. В совокупности свидетельские показания оказывают помощь в установлении обстоятельств, имеющих значение для расследования уголовного дела.

В уголовном судопроизводстве фигуре свидетеля, помимо УПК РФ, посвящен ряд законодательных актов, которые регулируют права и обязанности данного участника, гарантируют безопасность и защиту. Охрана прав свидетеля включает в себя комплекс различных направлений, мер и способов, позволяющих эффективно соблюдать правовые нормы, посвященные механизму охранительных правоотношений в уголовном судопроизводстве, в том числе в отношении прав свидетеля.

Без эффективного разрешения вопросов, связанных с обеспечением безопасности участников уголовного процесса, невозможно создание эффективной системы защиты граждан от преступности. Существуют ситуации, которые предусматривают применение мер безопасности к участникам уголовного процесса, среди которых есть и свидетель, показания которого являются одним из важных источников доказательств. Свидетель своими действиями оказывает содействие правоохранным органам при расследовании уголовного дела, в связи с чем может нуждаться в особой защите со стороны государства. Подобный подход к разрешению проблемы обеспечения безопасности соответствует концепции тех нормативных актов, которые в настоящее время реализуются в практической деятельности правоохранительных органов [1].

Так, в Указе Президента РФ В. Путина от 05 мая 2014 г. «О некоторых вопросах Министерства внутренних дел РФ» говорится о создании в органах внутренних дел специальных подразделений по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите, к которым относятся и свидетели. Специализированный акт – Федеральный закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» от 20 августа 2004 г. №119, а также Постановление Правительства РФ от 13 июля 2013 г. № 586 «Об утверждении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2014–2018 годы»» устанавливают систему мер государственной защиты участников уголовного судопроизводства, в том числе и свидетелей, включающую меры безопасности и меры социальной поддержки указанных лиц, а также определяет основания и порядок их применения.

В юридической литературе авторы приводят классификацию мер, непосредственно направленных на обеспечение безопасности свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства. Подразделяются меры следующим образом: процессуальные и иные меры. Например, С. Л. Марченко к процессуальным мерам относит: а) невнесение анкетно-биографических данных, места проживания или нахождения, места работы участников уголовного процесса в материалы дела; б) внесение в государственный орган, общественную организацию и (или) должностному лицу представления с указанием на необходимость запрета выдачи информации о месте жительства, семейном положении лица, являющегося потерпевшим, свидетелем или иным участником уголовного процесса; в) специфику и целесообразность проведения отдельных следственных действий (опознание, очная ставка, освидетельствование, производство экспертизы, выемка, обыск и др.); г) закрытое судебное заседание; д) допрос защищаемых лиц вне визуального наблюдения другими участниками в судебном разбирательстве лицами; е) допрос защищаемого лица специально назначенным судьей с последующим выступлением перед судом [4, с. 13–14]. Бытует мнение о том, что защита свидетелей и других лиц, которые содействуют уголовному судопроизводству, должна включать в себя комплекс мер, таких как: а) меры организационного характера (личная охрана, охрана жилища и имущества, выдача оружия и специальных средств индивидуальной защиты и оповещения об опасности, переселение на другое место жительства и др.); б) усиление уголовно-правовой защиты; в) меры уголовно-процессуального характера, предполагающие неразглашение сведений о личности участников процесса в ходе дознания, предварительного следствия и судебного рассмотрения уголовного дела [6, с. 94]. Авторами высказаны различные мнения, однако имеющие некое сходство, что выражается в следующем: разработка вышеуказанных и дополнительных мер уголовно-процессуального характера, направленных на обеспечение безопасности лиц, и их внедрение в уголовно-процессуальное законодательство являются одним из главных направлений в сфере обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному

судопроизводству. Проанализировав ряд норм действующего УПК РФ, затрагивающих права и обязанности свидетеля в вопросе обеспечения безопасности его участия в уголовном процессе, прежде всего хочется отметить, что законодатель выделяет отдельный пункт 7 ст. 56, а именно право свидетеля ходатайствовать о применении мер безопасности в соответствии с ч. 3 ст. 11 УПК РФ «Охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве». Данная норма статьи содержит в себе ссылку на такие статьи, как ч. 9 ст. 166, ч. 2 ст. 186, ч. 8 ст. 193, п. 4 ч. 2 ст. 241, ч. 5 ст. 278 УПК РФ, содержащие меры безопасности в отношении лиц, которым угрожают противоправным воздействием [1]. Среди этих мер законодатель обозначил такие, как не приводить данные в протоколе следственного действия о личности защищаемого лица; при наличии угрозы совершения насилия, вымогательства и других преступных действий в отношении свидетеля и иных указанных лиц контроль и запись телефонных и иных переговоров допускаются по письменному заявлению указанных лиц; проведение опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым и т. д. Данные нормы являются существенными, представляющими комплекс процессуальных гарантий обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному судопроизводству, в частности свидетелям. Однако, рассматривая ряд иных прав, что предоставлены законом свидетелю, складывается мнение, что законодатель не рассмотрел проблему обеспечения безопасности лиц в таком спектре, как многообразие жизненных ситуаций, урегулировать которые имеющимся в законодательстве комплексом мер безопасности достаточно проблематично. Так, например, в п. 5 ч. 4 ст. 56 УПК РФ предусмотрено право свидетеля заявлять ходатайства и приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя, прокурора и суда. Реализуя это право в полной мере, свидетель определенным образом может самостоятельно влиять на степень безопасности своего участия в уголовном деле. Существуют ситуации, когда свидетель может и не знать о тех обстоятельствах, которые могут создать угрозу его безопасности. Например, ст. 110 УПК РФ, регламентирующая отмену или изменение меры пресечения, не содержит предписания, которое обязывало бы следователя (судью) при отмене или изменении меры пресечения сообщать об этом лицу, в отношении которого применены меры безопасности, в частности свидетелю. Что в свою очередь предусматривает, что право свидетеля, указанное в п. 5 ч. 4 ст. 56 УПК РФ, не может быть реализовано в силу отсутствия у него информации по уголовному делу и, возможно, данное обстоятельство создаст препятствия в обеспечении безопасности свидетеля. Представляется дополнить соответствующую норму УПК РФ касательно вопроса об уведомлении свидетеля и иных участников уголовного судопроизводства, а также иных лиц, в отношении которых применены меры по обеспечению безопасности, что, в свою очередь, будет способствовать эффективности всех принимаемых в отношении свидетеля мер безопасности со стороны следователя, судьи. Таким образом, отдельные нормы, заложенные в УПК РФ и регламентирующие права и обязанности свидетеля, могут быть пересмотрены и доработаны в соответствии с требованиями, предъявляемыми для наиболее эффективно обеспечения безопасности свидетеля в уголовном процессе.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 13.07.2015, с изм. и доп., вступ. в силу с 15.09.2015).
2. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР" (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 29.12.2001, с изм. от 26.11.2002) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.07.2002) – утратил силу.
3. Калашникова, Н. Я. Гарантии прав свидетеля, эксперта, переводчика и понятого в советском уголовном процессе / Н. Я. Калашникова. — М: Изд-во Моск.ун-та, 1966. – 40 с.

4. Марченко С. Л. Обеспечение безопасности участников уголовного процесса: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1994–16 с.
5. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов / Под ред. Н. Ю. Шведовой. . — М.: Рус. яз., 2006. — 736 с.
6. Петуховский А. А. Уголовно-процессуальные аспекты обеспечения безопасности свидетелей, потерпевших и других граждан, содействующих уголовному судопроизводству // Актуальные проблемы расследования преступлений. Труды Академии МВД России / Академия МВД России. — М., 1995. — 98 с.

Poddubniak A. Witness as participant of criminal trial of the Russian Federation // Scientific messages of Crimean federal university the name of V. I. Vernadsky. Juridical sciences. — 2015. — Т. 1 (67). №2. — P. 108–112.

In article the questions mentioning the procedural provision of subject of criminal legal proceedings – the witness are considered. Historical development of a figure of the witness in the Russian criminal trial is analyzed, questions on providing security measures of the witness which indications are one of the important sources of proofs are investigated. The main tendency connected with regulation position of witnesses which is traced in Russia, since judicial reform of 1864 and adoption of the Charter of criminal legal proceedings on November 20, 1864, consists in democratization of the relevant precepts of law first of all relating to the list of witness immunities. The historical analysis of the pre-revolutionary and Soviet criminal procedure legislation allows to draw a conclusion that many provisions regulating legal status of the witness were progressive for the time and found the reflection and in the current legislation. So, with adoption of the Constitution of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation his rights and interests are declare the priority the person. The procedural status of the witness considerably changed: the concept of the witness, his basic rights, duties is enshrined in Par. 56 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, witness immunity is established, security measures of the witness are provided.

Keywords: criminal trial, witness, legal status, security measures, witness testimony.

Spisok literaturey

1. Uголовно-процессуал'nyj kodeks RF ot 18.12.2001 № 174-FZ (red. ot 13.07.2015, s izm. idop., vstup. v silu s 15.09.2015).
2. Uголовно-процессуал'nyj kodeks RSFSR" (utv. VS RSFSR 27.10.1960) (red. ot 29.12.2001, s izm. ot 26.11.2002) (s izm. idop., vstupayushchimi v silu s 01.07.2002) – utratilsilu.
3. Kalashnikova, N. YA. Garantii prav svidetelya, ehksperta, perevodchika I ponyatogo v sovetskom ugovnom processe / N. YA. Kalashnikova. — M: Izd-vo Mosk.un-ta, 1966. — 40 с.
4. Marchenko S. L. Obespechenie bezopasnosti uchastnikov ugovnogo processa: Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 1994–16 с.
5. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo yazyka / S. I. Ozhegov / Pod red. N. YU. SHvedovoj. . — M.: Rus. yaz., 2006. — 736 с.
6. Petuhovskij A. A. Uголовно-процессуал'nye aspekty obespecheniya bezopasnosti svidetelej, potepvshih I drugih grazhdan, sodejstvuyushchih ugovnomusu doproizvodstvu // Aktual'nye problemy rassledovaniy aprestuplenij. Trudy Akademii MVD Rossii / Akademiya MVD Rossii. — M., 1995. — 98с.

УДК 343.61

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ УБИЙСТВА, СОВЕРШЕННОГО В СОСТОЯНИИ АФФЕКТА

Скворцова О. В., Степанюк А. Н.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В работе исследуются положения действующего уголовного законодательства РФ, предусматривающие ответственность за совершение убийства, совершенного в состоянии аффекта. Авторами отмечается наличие дискуссионных вопросов относительно регламентации данного деяния и необходимость усовершенствования диспозиции указанной статьи. Ставится и анализируется вопрос о целесообразности наличия в диспозиции ключевых терминов и понятий, исследуется их содержание. Приводятся предложения по корректировке данного привилегированного состава путем исключения термина «внезапно возникшее сильное душевное волнение»; обозначения четкого перечня лиц, относительно которых могут совершаться противоправные и аморальные действия, вызывающие состояние аффекта, и исчерпывающего перечня обстоятельств, которые вводят субъекта преступления в состояние аффекта.

Ключевые слова: состояние аффекта, сильное душевное волнение, классический аффект, аккумулятивный аффект, иные лица, извинительный характер действий, аффект гнева, паталогический аффект, физиологический аффект, противоправные действия, аморальные действия, психотравмирующая ситуация.

Динамика развития общественных отношений, сложная криминальная ситуация на протяжении последних лет в России приводит к увеличению насильственных преступлений. Возникает необходимость усовершенствования законодательной базы в целом и в отдельных отраслях публичного права. Именно поэтому достаточно актуальной является проблема корректировки и совершенствования уголовного законодательства.

Конституция Российской Федерации (далее – РФ) провозглашает, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Глава 2 Конституции гарантирует право каждого человека на жизнь, охрану собственного достоинства, свободу и личную неприкосновенность. Охрана личности от преступных посягательств является важнейшей задачей уголовного законодательства. Борьба с опасными и наиболее тяжкими преступлениями определяет основные направления деятельности государства. Именно поэтому можно утверждать, что ведущая роль в этой деятельности принадлежит Уголовному Закону. Несмотря на то, что новый Уголовный кодекс (далее – УК) РФ от 13 июня 1996 года содержит в себе существенные изменения и новеллы по определенным категориям преступлений, в том числе и по таким, как умышленные убийства, все же некоторые статьи требуют дополнений и изменений с целью эффективного действия уголовно-правовых норм, которые предусматривают уголовную ответственность за умышленное убийство. Это также во многом зависит от эффективности и правоприменительной практики правоохранительных органов, которая невозможна без правильного разграничения преступлений с отягчающими и смягчающими обстоятельствами. Вышеупомянутое разграничение отвечает основным принципам защиты прав и свобод человека и гражданина, закрепленным в Конституции РФ, а также принципу справедливости при назначении наказания. На основе этого УК РФ выделяет виды умышленного убийства при смягчающих обстоятельствах. Одним из них является убийство, совершенное в состоянии

аффекта, диспозиция которого требует разработки предложений по совершенствованию соответствующего законодательства и рекомендаций по его применению. УК закрепил данную ст. 107 в таком виде «Убийство, совершенное в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта), вызванного насилием, издевательством или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего либо иными противоправными или аморальными действиями (бездействием) потерпевшего, а равно длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего» [1].

Проблема законодательной регламентации убийства, совершенного в состоянии аффекта, в уголовном праве привлекала внимание многих ученых-криминалистов. Отдельные ее стороны рассматривались Я. О. Гасановой, Ю. И. Ляпуновым, Н. И. Загородниковым, С. В. Бородиным, В. И. Ткаченко и рядом других авторов. В работах названных авторов содержатся научно обоснованные и практически полезные выводы. Но в наше время остается достаточное количество вопросов, являющихся дискуссионными и спорными, требующими дальнейшей научной разработки с учетом нового законодательства и новых требований, которые выдвигают современные общественные отношения. Поэтому задача законодателей при написании Уголовного Закона заключается в том, чтобы сделать эти нормы более совершенными и простыми для понимания в плане их применения на практике.

Однако стремление законодателя сделать закон более простым для его применения практическими работниками следствия и суда, желание перевести норму закона на более доступный для широкого круга язык, играет далеко не положительную роль, а наоборот, на данный момент усложняет правильное применение таких норм. Стремление законодателя упростить уголовно-правовую норму для практических работников привело к неточному толкованию такого привычного психологического понятия как аффект. В связи с этим в теории уголовного права и практике соответствующих субъектов нет единства в понимании физиологического аффекта. При этом понятие физиологического аффекта достаточно хорошо разработано в психологии известными учеными в этой области.

В УК 1960 г. не употребляется такой термин как «аффект», а речь идет о сильном душевном волнении. В новом Уголовном кодексе было введено понятие «аффект». Такое новшество привело к возникновению определенных сложностей в правоприменительной практике. Этот факт объясняется тем, что такие понятия как «аффект» и «сильное душевное волнение» рассматриваются как синонимические и близкие по своему значению, но не считаются тождественными.

Рассматривая диспозицию ст. 107 УК РФ, можно заметить, что понятие «аффект» помещено в скобки как термин, который разъясняет понятие «сильное душевное волнение», а значит, законодатель считает их тождественными и равносильными. Достаточно интересной точкой зрения по этому поводу является мнение Н. Подольного, который в своей работе указал на то, что до утверждения УК 1996 года, понятие «сильное душевное волнение» рецензировалось как более обширное, чем понятие «аффект». При этом установление наличия или отсутствия аффекта было возложено на судебно-психологическую экспертизу, а выяснение сильного душевного волнения — на суд, в обязанности которого входило вынесение заключения об этом, исходя из материалов уголовного дела. Такая практика применения данной статьи является достаточно правильной и отвечает всем требованиям норм действующего законодательства [5, с. 36]. Также Н. Подольный указывает на тот факт, что, учитывая, что аффект и сильное душевное волнение стали употребляться как идентичные понятия, устанавливать их наличие или отсутствие стал эксперт-психолог. Это определено тем, что в отличие от сильного

душевного волнения – понятия исключительно юриспруденции, аффект – понятие психологии, определяющее однозначно эмоциональное состояние. Поэтому когда, согласно редакции УК РФ 1996 года, эти два понятия стали равнозначными, то установление сильного душевного волнения стало компетенцией эксперта-психолога. Следовательно, эксперт-психолог трансформировался в так называемого «маленького судью», который должен решать вопросы, которые раньше решал суд [5, с. 36].

Именно поэтому с принятием нового УК в правоприменительной практике появились разногласия по поводу того, кто именно должен устанавливать наличие либо отсутствие «состояние аффекта» и «состояние сильного душевного волнения». В настоящее время имеет место проблема превышения своих полномочий либо со стороны экспертов-психологов, либо – судей, которые в случае несогласия с мнением эксперта, вместо того, чтобы назначить повторную экспертизу, вторгаются в область компетенции экспертов-психологов. А в теории и практике уголовного права до сих пор можно встретить термины «аффект», «сильное душевное волнение», «душевное волнение», «внезапно возникшее сильное душевное волнение» и т.п. «Подобная терминологическая неупорядоченность, - говорит В.В. Сидоров - следствие не только небрежности или невнимательности работников следствия и суда, но и определенного недопонимания ими роли аффекта в уголовном праве» [8, с. 72]. К тому же многие криминалисты рассматривают понятия «душевное волнение» и «аффект» как равноценные и тождественные [7, с. 15–18]. Между тем, отмечает Сидоров В. В., эти понятия не идентичные, хотя и однопорядковые [8, с. 72]. Такие выводы ученого являются правильными, поскольку степень душевного волнения является одним, хотя и наиболее насыщенным и выразительным, но не самым существенным признаком аффекта. Как известно, основной отличительной чертой аффекта является его воздействие на сознание и волю человека.

Прежде всего, необходимо начать с определения понятия аффекта и обратить особое внимание, сделать акцент на то, что в словаре русского языка «аффект» определяется как состояние сильного возбуждения и потеря самоконтроля [4, с. 38]. Необходимым является также указание на то, как аффект понимается в психологии. В психологии аффект понимается как сильное и относительно кратковременное состояние, связанное с резким изменением важных для субъекта жизненных обстоятельств и сопровождаемое резко выраженными двигательными проявлениями и изменениями в функциях внутренних органов [6, с. 28]. Внезапно возникшее сильное душевное волнение – физиологический аффект, представляющий кратковременную интенсивную эмоциональную вспышку, которая занимает господствующее положение в сознании при сохранении способности к самообладанию и возможности действовать в связи с поводом, вызвавшим аффективную реакцию.

Известные психологи в своих трудах выделяют такие виды аффекта как: аффект, который происходит как прямая реакция на внешний раздражитель, то есть объективные обстоятельства окружающей среды, которые доводят субъекта до подобного состояния (классический); аккумулятивный аффект – аффект, который возникает в результате длительного накопления незначительных по силе негативных эмоций с дальнейшей разрядкой в виде бурного и малоуправляемого аффективного всплеска, который наступает без явных причин. Эти два вышеупомянутых вида аффекта нашли свое отображение в ст. 107 УК РФ. Данное нововведение является достаточно уместным, так как в УК 1960 года шла речь только о классическом аффекте, а аккумулятивный аффект не был включен в диспозицию данной статьи в сле-

дующем виде: «длительная психотравмирующая ситуация, возникшая в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего». Эмоциональное напряжение при аккумулятивном аффекте накапливается в течение длительного периода времени (месяцы и годы), что обусловлено особенностями психотравмирующей ситуации, носящей инертный характер. Возникающий при этом застойный характер аффекта в итоге приводит к эмоциональному напряжению и повышенному возбуждению нервной системы потерпевшего, т. е. аффективной готовности к деликту. Как правило, малозначительный повод может вызвать кратковременную неистовую эмоциональную реакцию (аффект, который можно назвать «последняя капля»).

По своей природе аффект бывает физиологическим и патологическим. Разница между этими двумя видами аффектов заключается в том, что патологический аффект исключает вменяемость, а значит и уголовную ответственность, а физиологический – нет. При патологическом аффекте лицо не осознает те действия, которые оно совершает, его сознание отключается, а при физиологическом аффекте сознание резко «суживается», но не «отключается» полностью. Именно поэтому в данном составе преступления уголовная ответственность не исключается, и, если физиологический аффект был вызван противоправным или аморальным поведением потерпевшего, обязательно будет учитываться уголовным законом или как обстоятельство, смягчающее ответственность, или как обстоятельство, смягчающее наказание.

Термин аффект (физиологический аффект), как уже отмечалось, впервые был закреплен в новом УК РФ в ст. 107. Многие ученые, которые занимались проблемой аффекта, имеют противоречивые точки зрения по поводу правильности и легальности закрепления в уголовном законе данного термина. Достаточно интересной и, на наш взгляд, правильной является позиция профессора Б. Сидорова, который указал на то, что в уголовный закон необходимо внести только понятие аффект, так как, по его мнению, «упрощенное, но не точное истолкование известного психологического понятия, стремление перевести его на более понятный для широкого круга язык играет не положительную роль, а наоборот, существенно затрудняет, правильное и единообразное применение норм, регулирующих ответственность за преступления совершенные в состоянии аффекта» [8, с. 71]. Другие авторы высказывают противоположную этой точке зрения мысль о том, что необходимо заменить термин «аффект» на «внезапно возникшее сильное душевное волнение», при этом они не мотивируют свои выводы по этому поводу [2, с. 113].

В психологии существует несколько видов аффекта: гнева, отчаяния, страха, ненависти, страха, ужаса и радости. Что касается судебной практики, то можно утверждать, что чаще всего встречаются такие виды аффекта как гнев, страх и ненависть. Каждый из этих аффектов хоть и может быть вызван одними причинами, но в психике человека играет определенно индивидуальную роль и по-разному может воздействовать на психическое состояние каждого человека в зависимости от личности и обстановки дела. Аффект гнева относится к защитному рефлексу и носит агрессивный характер. Он связан с неприязненным отношением к объекту (чаще всего к человеку), который тем или иным образом противостоит внутренним убеждениям, вкусам и переживаниям лица. Самозащитный характер аффекта гнева состоит в том, что человек ощущает потребность в эмоциональном успокоении путем агрессии. Аффект страха возникает в случаях, когда существует определенная угроза личным права, свободам или благам определенной личности. Данный вид аффекта связан с оборонительным рефлексом. Действия, которые совершаются под воздействием этого аффекта, носят исключительно оборонительный характер. Поэтому можно утверждать, что обязательным

признаком преступления, предусмотренного в ст.107 УК РФ, является аффект гнева и ненависти.

Исходя из вышесказанного, можно твердо утверждать, что в таком составе преступления как убийство, совершенное в состоянии аффекта, необходимо убрать такой термин как «внезапно возникшее сильное душевное волнение» и прибегнуть к понятию «аффект» либо «аффект ненависти и гнева» (вариант: «физиологический аффект»). Это исключит терминологическую хаотичность, приведет к верному и единообразному применению данной уголовно-правовой нормы и будет помогать в практической деятельности в определении субъектов, которые будут уполномочены устанавливать подобное состояние субъекта преступления.

Также необходимо указать на то, что в диспозиции статьи уголовного закона имеется определенный недостаток, где не указывается, в отношении каких именно лиц могут совершаться альтернативные действия, которые вводят виновное лицо в состояние аффекта. Поэтому уголовно-правовую норму целесообразно было бы регламентировать в таком виде: «если действия (бездействие) потерпевшего были направлены против самого виновного, его близких или иных лиц», и указать, какая именно категория лиц подпадает под понятие «иные лица», что поможет намного упростить понимание данной статьи и выяснить, в отношении какого именно лица могут совершаться противоправные и аморальные действия, которые могут ввести человека в состояние аффекта.

Итак, неправомерное поведение потерпевшего должно быть направлено либо в отношении самого виновного, его близких либо иных лиц, что должно быть отражено в уголовно-правовой норме, так как данная статья может толковаться разными правоприменителями по-своему, что может привести к злоупотреблению власти и своих должностных полномочий определенными субъектами. Именно поэтому необходимо раскрыть и уточнить вышеуказанные понятия, которые мы посчитали нужным включить в диспозицию статьи 107 УК РФ.

«Потерпевший» в данной статье – это лицо, которое своими альтернативными действиями, предусмотренными в диспозиции статьи (издевательствами, тяжким оскорблением, противоправными или аморальными действиями [бездействием]) вызвал у виновного состояние сильного душевного волнения (аффекта), либо привел виновного к длительной психотравмирующей ситуации своим систематическим противоправным или аморальным поведением. «Виновный» – это физическое вменяемое лицо, которое в состоянии сильного душевного волнения (аффекта), вызванного издевательствами, тяжким оскорблением, противоправными или аморальными действиями (бездействием) либо с состоянием длительной психотравмирующей ситуации, которая возникла в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего, причинило смерть другому человеку (потерпевшему).

«Близкие лица» – это близкие родственники и иные лица, состоящие с виновным в родстве, родственники супруга (супруги), а также лица, здоровье и благополучие которых заведомо для потерпевшего дороги виновному в силу сложившихся личных отношений. К близким родственникам относятся: родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и сестры, дед, бабушка, внуки, а также супруг. Родственники супруга (супруги): свекор (свекровь) – отец (мать) мужа; тесть (теща) – отец (мать) жены; зять – муж дочери или сестры; сноха (невестка) – жена сына; мачеха – жена отца по отношению к его детям от прежних браков; отчим – муж матери по отношению к ее детям от прежних браков; пасынок – сын одного из супругов по отношению к другому супругу; падчерица – дочь одного из супругов по отношению к другому супругу; золовка – сестра мужа;

шурин – брат жены; свояченица – сестра жены; свояк – муж свояченицы. «Лица, здоровье и благополучие которых заведомо для потерпевшего дороги виновному в силу сложившихся личных отношений», – это лица, которые не являются близкими родственниками либо родственниками супруга (супруги) виновного, но в силу своих связей и близких отношений между виновным они имеют огромную ценность и значимость для последнего. Необходимо сделать акцент на том, что потерпевший заведомо должен знать о том, что определенное лицо является дорогим для виновного.

То есть, учитывая содержание данного положения, можно проследить непосредственную связь между виновным и потерпевшим в процессе возникновения аффекта, который вызывается единичным действием (бездействием) потерпевшего внезапно, спонтанно и на протяжении короткого промежутка времени, либо возникает длительная психотравмирующая ситуация, вызванная совокупностью единичных действий (бездействий) и одним кульминационным действием, которое «вынудило» виновного совершить убийство. Необходимо акцентировать внимание на том, что, по нашему мнению, для квалификации данного деяния не имеет значения тот факт, были ли виновный и потерпевший заблаговременно знакомы между собой, познакомились ли они незадолго до преступления, но это, в большей степени, касается внезапно возникшего сильного волнения. Если говорить о длительной психотравмирующей ситуации, то здесь явно прослеживается предварительная связь и знакомство потерпевшего и виновного, так как систематическое противоправное или аморальное поведение говорит о неоднократности взаимосвязей и встреч последних.

Также последствием некорректности этой статьи может быть освобождение от уголовной ответственности виновного лица либо наоборот.

Многие авторы предлагают ввести такое понятие, характеризующее противоправное поведение потерпевшего, как «действия, носящие извинительный характер» [3, с. 10]. Н. В. Лысак считает, что те обстоятельства, которые указаны в диспозиции ст. 107 УК, намного уже чем те, которые действительно могут привести лицо в состояние сильного душевного волнения. Однако с такой позицией вряд ли можно согласиться, поскольку перечень, конкретизация в уголовно-правовой норме возможных действий потерпевшего, носящих неправомерный или аморальный характер и явившихся поводом аффекта, имеет целью ограничить случаи признания аффекта в качестве смягчающего обстоятельства и в целом применение ст. 107 УК РФ. Само по себе аффективное состояние виновного еще не может свидетельствовать о том, что его поведение в конкретной обстановке носило извинительный характер, поскольку не было вызвано неправомерным (либо аморальным) поведением потерпевшего. Введение в закон понятия «действия, носящие извинительный характер» повлечет за собой расширенное применение данной уголовно-правовой нормы, неправильное толкование и злоупотребление своими полномочиями соответствующими субъектами правоприменения. Поэтому, на наш взгляд, в анализируемой статье перечень данных обстоятельств должен быть исчерпывающим. Наличие же термина «действия, носящие извинительный характер» не упростит толкование и применение данной статьи соответствующими субъектами, а, наоборот, усложнит всю процедуру понимания и практического применения диспозиции данной статьи.

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что в современной теории и практике дискуссионной остается проблема уголовно-правовой регламентации убийства, совершенного в состоянии аффекта. Именно поэтому необходимо корректировать и усовершенствовать диспозицию этого привилегированного состава при помощи следующих изменений и предложений: исключить такой

термин как «внезапно возникшее сильное душевное волнение» и оставить термин «аффект» либо «аффект гнева и ненависти»; в уголовно-правовую норму следует поместить фразу «если действия (бездействие) потерпевшего были направлены против самого виновного, его близких либо иных лиц»; необходимо перечень обстоятельств, которые вводят субъекта преступления в состояние аффекта, сделать исчерпывающим и не вводить такое обобщающее понятие как «действия, носящие извинительный характер».

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации (от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ; ред. от 13.02.2009 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25.
2. Бородин С. В. Ответственность за убийство: квалификация и наказание по российскому праву. – М.: Юрист, 1994. – 216 с.
3. Лысак Н.В. Ответственность за убийство, совершенное в состоянии сильного душевного волнения. Автореферат дис. на соискание степени канд. юр. Наук. – М., 1995. – 31 с.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Наука, 1989. – 750 с.
5. Подольный Н. Сильное душевное волнение и аффект // Законность. – М., 2000. – № 3.
6. Психологический словарь / Под ред. М. И. Зарницкого. – М.: Наука, 2005. – 814 с.
7. Романов В.В., Панова М.Н. Толкование понятие «аффекта» при расследовании преступлений против жизни и здоровья: о серьезных последствиях терминологической путаницы // Российская юстиция. – 2008. – № 6. – С. 15–18.
8. Сидоров Б. Ф. Аффект. Его уголовно-правовое и криминологическое значение. – М.: НОРМА, 2002. – 160 с.

Skvortsova O.V., Stepanyuk A.N. Some aspects of the criminal-legal regulation of murder effected in a state of affect // Scientific messages of Crimean federal university the name of V. I. Vernadsky University. Juridical sciences. – 2015. – Т. 1 (67). № 2. – Р. 111–117.

In the work there is a description of the provisions of the existing criminal legislation of the Russian Federation, which provides a responsibility for the murder, effected in a state of affect. Authors note existence of debatable questions concerning the regulation of this act and need of improvement of a disposition of the specified article. Puts and examines the question of the desirability of in the disposition of key terms and concepts, explores their content. The authors provide suggestions for correction of this exclusive structure by deleting position "sudden"; the clear designation of the list of persons to which can be committed illegal and immoral actions that cause a state of affect, and an exhaustive list of circumstances, which lead the offender in this state.

Keywords: state of passion, strong emotional excitement, classical affect, accumulative affect, other persons, excusable nature of the action, the affect of anger, pathological affect, physiological affect, illegal act, immoral action, stressful situation.

Spisok literaturyi

1. Ugolovnyiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (ot 13.06.1996 g. № 63-FZ; red. ot 13.02.2009 g.) // Sobranie zakonodatelstva RF. – 1996. – № 25.
2. Borodin S. V. Otvetstvennost za ubiystvo: kvalifikatsiya i nakazanie po rossiyskomu pra-vu. – M: Yurist, 1994. – 216 s.
3. Lyisak N.V. Otvetstvennost za ubiystvo, sovershennoe v sostoyanii silnogo dushevno go volneniya. Avtoreferat dis. na soiskanie stepeni kand. yur. Nauk. – M., 1995. – 31 s.
4. Ozhegov S.I. Slovar russkogo yazyika. – M.: Nauka, 1989. – 750 s.
5. Podolnyiy N. Silnoe dushevnoe volnenie i affekt // Zakonnost. – M., 2000, № 3.
6. Psihologicheskiy slovar / Pod red. M. I. Zarnitskogo. – M.: Nauka, 2005. – 814 s.
7. Romanov V.V., Panova M.N. Tolkovanie ponyatie «affekta» pri rassledovanii prestupleniy protiv zhizni i zdorovya: o serezhnyih posledstviyah terminologicheskoy putanitsyi // Rossiyskaya yus-titsiya. – 2008. – № 6. – S. 15–18.
8. Sidorov B. F. Affekt. Ego ugodovno-pravovoe i kriminologicheskoe znachenie. – M.: NORMA, 2002. – 160 s.

УДК 343.983

СЛЕДСТВЕННЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ КАК ФОРМА ПРИМЕНЕНИЯ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО МЕТОДА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Чернецкий О. К.

Крымский Федеральный Университет им. В. И. Вернадского

Эксперимент, как в следственной практике, так и в других областях уголовного судопроизводства, является исследовательской ситуацией изучения явления в специально создаваемых, контролируемых условиях, которые позволяют активно управлять ходом данного процесса, то есть вмешиваться в него и видоизменять его согласно исследовательским задачам, а также воссоздавать явление, которое изучается, при воспроизведении данных условий. Задача исследователя-экспериментатора – изолировать явление, которое изучается, от несущественных влияний, выделить феномен, который интересует его, в естественном виде. Это касается и следственного эксперимента, потому что путем проведения этого действия устанавливается, могло или не могло состояться какое-либо событие или действие в определенных условиях. Ведь в уголовном судопроизводстве конкретной формой употребления экспериментального метода есть следственный эксперимент. Следственный эксперимент, как метод познания является процессом исследования наблюдаемого явления (события преступления), его связей с другими явлениями и событиями в условиях искусственного изменения окружающей его среды. Поскольку следственный эксперимент – это прежде всего научный эксперимент, то согласно нему, должны применяться общие научные категории, поэтому при его проведении нужно использовать такие научные методы, как анализ и синтез, он должен нести познавательный характер, ему должны быть присущи принципы исследовательской работы, а именно последовательности, всесторонности, достоверности и объективности.

Ключевые слова: следственный эксперимент, экспериментальный метод, исторический метод, опытные действия.

Процесс расследования преступления принято интерпретировать как специфическую познавательную деятельность – процесс познания в целом, направленный на установление истинности существования фактов и обстоятельств событий, которые имели место. Процесс установления истины в уголовном судопроизводстве протекает в форме процессуального доказывания, основу которого составляют материалистическая диалектика, принципы уголовного процесса, логика познания и методы и приемы криминалистики.

Раскрытие преступлений как установление истинности происшедшего события осуществляется путем проведения в установленном законом порядке и целесообразной последовательности следственных и оперативно-розыскных мероприятий, осуществляемых с применением научно-технических и тактических приемов, методов криминалистики. К эффективным средствам получения новых, а также проверки и уточнения уже полученных доказательств путем проведения опытов в искусственно созданной обстановке и относится такое процессуальное действие, как следственный эксперимент.

Теоретической основой следственного эксперимента является применение двух общенаучных методов познания – экспериментального и метода моделирования, а

логической основой – аналогия [1, с. 184–185]. Экспериментальный метод познания широко применяется в судебно-следственной и экспертной практике, поскольку проведение опытных действий позволяет убедиться в объективной возможности совершения определенных действий, восприятие определенных явлений, фактов.

В наиболее общем виде эксперимент понимается как один из основных методов научного исследования, в котором изучение явлений происходит при помощи целесообразно выбранных или искусственно созданных условий.

В философии под «экспериментом» (от лат. *experimentum* – проба, исследование) понимают эмпирический метод познания явлений действительности в условиях специального воспроизведения естественных закономерностей на основе определенной научной теории, которая определяет цель, способ проведения и интерпретацию результатов эксперимента. Как средство сопоставления теоретических моделей с реальными физическими процессами эксперимент обеспечивает эмпирическую осмысленность величин, которые задают абстрактный объект теорий, а тем самым их познавательную ценность [2, 191–192]. Сущность экспериментального метода состоит в таком исследовании объекта, когда исследователь активно влияет на него путем создания искусственных условий, необходимых для выявления соответствующих свойств или же путем изменения процесса в заданном направлении. Содержание данного метода составляют любые опытные действия с помощью которых проверяются положения науки или практики [3, 159]. Эффективное применение экспериментального метода обусловлено соблюдением общих положений, а именно: а) в опытах (эксперименте) необходимо использовать реальный объект или его модель (материальную, воображаемую); б) объекту исследования необходимо воспроизвести такие внешние условия, которые существовали на момент факта или события, которые проверяются; в) менять внешние условия разрешается в зависимости от цели исследования; г) исследовательские действия необходимо повторять несколько раз [4, с. 305].

В энциклопедическом словаре под «экспериментом» (от лат. *experimentum* – проба, исследование) понимают планомерно проведенное наблюдение; планомерную изоляцию, комбинацию условий с целью изучения явлений, которые зависят от них [2, с. 191–192]. Будучи важным методом в системе методов познания, эксперимент активно применяется почти во всех областях науки и практической деятельности человека [2, с. 576]. Эксперимент может существовать как общенаучный метод (который является познавательным элементом других следственных действий – экспертиза, обзор места события), и как следственный эксперимент, познавательные возможности которого ограничены прежде всего процессуальной формой. Необходимо также учитывать, что следственный эксперимент является специфическим методом познания, в процессе которого могут использоваться накопленные в прошлом знания, которые являются критерием истины. На сегодняшний день эксперимент должен основываться на знаниях из психологии, визуальной психодиагностики, физике, математике и т. п.

Рассматривая эксперимент как метод познания с диалектико-материалистической точки зрения, верным является утверждение: «...наблюдение и эксперимент являются существенными элементами опыта, который понимается в диалектико-материалистичном смысле, то есть как процесс взаимодействия, в котором объект не только существует независимо от сознания субъекта, но и

подвергается активному влиянию» [5, с. 54].

Основываясь на системно-деятельном подходе к определению сущности следственного эксперимента, мы исходим из того, что в нем присутствует как эмпирическое, так и теоретическое (рациональное) познание.

Следственный эксперимент является проверкой и уточнением выдвинутой следственной версии или предположений подозреваемого о механизме совершения им преступления. Но, как свидетельствует следственная практика, следственный эксперимент имеет двусторонний характер. С одной стороны, он способен подтвердить или опровергнуть гипотезу (например, следственную версию или показания подозреваемого), а с другой – содержит возможность выявления неожиданных новых данных. То есть следственный эксперимент имеет целью не только проверку или уточнение определенных фактов, но и получение новых доказательств в деле.

Эксперимент, как в следственной практике, так и в других областях уголовного судопроизводства, является исследовательской ситуацией изучения явления в специально создаваемых, контролируемых условиях, которые позволяют активно управлять ходом данного процесса, то есть вмешиваться в него и видоизменять его согласно исследовательским задачам, а также воссоздавать явление, которое изучается, при воспроизведении данных условий. Задача исследователя-экспериментатора – изолировать явление, которое изучается, от несущественных влияний, выделить феномен, который интересует его, в естественном виде. Это касается и следственного эксперимента, потому что путем проведения этого действия устанавливается могло или не могло состояться какое-либо событие или действие в определенных условиях.

Ведь в уголовном судопроизводстве конкретной формой употребления экспериментального метода есть следственный эксперимент. Следственный эксперимент как метод познания является процессом исследования наблюдаемого явления (события преступления), его связей с другими явлениями и событиями в условиях искусственного изменения окружающей его среды. Поскольку следственный эксперимент – это прежде всего научный эксперимент, то, согласно ему, должны применяться общие научные категории, поэтому при его проведении нужно использовать такие научные методы, как анализ и синтез, он должен нести познавательный характер, ему должны быть присущи принципы исследовательской работы, а именно последовательности, всесторонности, достоверности и объективности.

«Эксперимент» – эмпирический метод познания явлений действительности в условиях специального воспроизведения естественных закономерностей на основе определенной научной теории, которая определяет цель, способ проведения и интерпретацию результатов эксперимента. Как средство сопоставления теоретических моделей с реальными физическими процессами эксперимент обеспечивает эмпирическую осмысленность величин, которые задают абстрактный объект теорий, а тем самым их познавательную ценность.

Современная наука использует: 1) реальные эксперименты, среди которых различают: – качественные, цель которых установить наличие или отсутствие постулированных явлений; – измерительные, которые направлены на то, чтобы определить количественное значение исследуемых характеристик объектов; 2) умственные – осуществляемые с целью создания идеализированной умственной картины объекта

[2, с. 191–192].

Анализ следственной практики свидетельствует о том, что во многих случаях объективная проверка и оценка полученных доказательств возможна только при проведении следственного эксперимента [6, с. 103; 7, с. 101; 18, с. 89]. Проведение исследуемого следственного действия позволяет следователю опытным путем проверить достоверность полученных в ходе следствия ведомостей, правильность своих гипотез и выводов, а также воссоздать картину события в полном объеме, которая сложилась с учетом взаимных связей, различных деталей и особенностей. От того, насколько грамотно следователь спланирует экспериментальные действия, во многом зависит успех следственных действий в целом, поскольку доказательной базой будут служить оформленные протоколом результаты эксперимента (как положительные, так и отрицательные). Вместе с тем на практике следователи далеко не всегда используют возможности следственного эксперимента, а при его проведении нередко допускают ошибки, которые не позволяют использовать результаты следственного эксперимента в суде.

Конечно, в реальной следственной практике при проведении следственного эксперимента далеко не всегда удастся действительно познать явление, которое изучается, то есть научиться определить его, управлять им, модифицировать в нужную сторону и тому подобное. Однако цель, которую преследует экспериментальная деятельность, состоит именно в достижении максимально возможного уровня управления данным процессом и на этой основе выявления подлинности преступного события. Это и является методологическим идеалом следственного эксперимента.

Список литературы:

1. Белкин Р. С. Очерки криминалистической тактики [Текст]: Учеб. пособие. – Волгоград, ВСШ МВД России, 1993. – С. 184–185.
2. Философский энциклопедический словарь [Текст]. – К., Абрис, 2002. – С. 191–192.
3. Лузгин И. М. Методологические проблемы расследования [Текст]. – М., 1973. – С. 159.
4. Биленчук П. Д., Лисиченко В. К., Клименко Н. И. Криминалистика [Текст]: Учебник / Под ред. П. Д. Биленчук. – 2-е изд., испр и доп. – К.: Атака, 2001. – С. 305.
5. Штофф В. А. Введение в метрологию научного познания [Текст]. Учеб. пособ. – Л.: Изд-во ленинградского ун-та, 1972. – С. 54.
6. Белкин Р. С. Курс советской криминалистики [Текст]. Том. 2. Частные криминалистические теории. – М.: РИО Академия МВД СССР, 1978. – С. 303;
7. Криминалистика [Текст]: Учебник для вузов./ Под ред. Яблокова Н.П. – М.: БЭК. – 1996. – С. 101.
8. Селиванов Н. А., Тербилов В. И. Первоначальные следственные действия [Текст]: Краткий справочник следователя. – М., Госюриздат, 1956. – С. 89.

Chernetskii O. Investigatory experiment as a form of application of the experimental method in the criminal proceedings // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2015. – Т. 1 (67). № 2. – Р. 120–124.

An experiment in investigative practice, as well as in other areas of criminal justice, is the research situation of studying the phenomenon in a specially created, controlled conditions that allow actively control the course of this process, that is to interfere in it and modify it according to the research objectives, as well as recreate a phenomenon that is studied, when playing these conditions. The task of the researcher, the experimenter - to isolate the phenomenon that is studied, from the unimportant effects, highlight the phenomenon that interests him in its natural form. This applies to the investigative experiment, because through this action set might or might not take place an event or action in certain circumstances. Indeed, in the criminal trial of the specific form of use of the experimental method has an investigative experiment. Investigatory experiment as a method of learning is the process of investigation of the observed phenomenon (the events of the crime),

its relations with other phenomena and events under artificial changes in its environment. As an investigative experiment - is primarily a scientific experiment, according to him, should apply general scientific category, so when you hold it is necessary to use such research methods as analysis and synthesis, he must bear the cognitive character, it should be inherent in the principles of research and namely sequence comprehensiveness, reliability and objectivity.

Keywords: investigative experiment, the experimental method, the historical method, experienced action.

Spisok literatury

1. Belkin R. S. Ocherki kriminalisticheskoy taktiki [Tekst]: Ucheb. posobie. – Volgograd, VSSh MVD Rossii, 1993. – S. 184–185.
2. Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar [Tekst]. – K., Abris, 2002. – S. 191-192.
3. Luzgin I. M. Metodologicheskie problemy rassledovaniya [Tekst], M., 1973. – S. 159.
4. Bilenchuk P. D., Lisichenko V. K., Klimenko N. I. Kriminalistika [Tekst]: Uchebnik / Pod red. P.D. Bilenchuk. – 2-ge izd., ispr i dop. – K.: Ataka, 2001. – S. 305.
5. Shtoff V. A. Vvedenie v metrologiyu nauchnogo poznaniya [Tekst]. Ucheb. posob. – L.: Izd-vo leningradskogo un-ta, 1972. – S.54.
6. Belkin R. S. Kurs sovetskoy kriminalistiki [Tekst]. Tom. 2. Chastnyie kriminalisticheskie teorii. – M., RIOAkademiya MVD SSSR, 1978. – S.303;
7. Kriminalistika [Tekst]: Uchebnik dlya vuzov./ Pod. Red.Yablokova N.P. – M., izd-vo BEK. – 1996. – S.101.
8. Selivanov N. A., Terbilov V. I. Pervonachalnyie sledstvennyie deystviya [Tekst]: Kratkiy spravochnik sledovatelya. – M., Gosyurizdat, 1956. – S. 89.

**ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО;
СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО**

УДК 347.63(470+571)

**ПРОБЕЛЫ ДЕЙСТВУЮЩЕГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА**

Пархоменко Л. В., Руденко А. В.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В работе исследуются положения действующего законодательства РФ в сфере регулирования отношений по договору суррогатного материнства. Имеется ряд проблем, который не позволяет в полной мере урегулировать отношения и защитить права и законные интересы участвующих в институте суррогатного материнства лиц. Одним из пробелов в регулировании данного вопроса является нехватка законодательных актов, регулирующий данный вопрос. Далее рассматривается само заключение договора между исполнителем (суррогатной матерью), семьей (либо же одиноким человеком) и (возможно) медицинским учреждением, а также ответственность сторон в случае нарушения условий договора или совершения противоправных действий в отношении ребенка.

Ключевые слова: договор суррогатного материнства, договор возмездного оказания услуг, взаимный договор, ответственность по договору суррогатного материнства, ВИЧ-инфицирование.

Рождение детей – основная цель института брака и семьи на протяжении всей истории существования человечества. Согласно ст. 38 Конституции Российской Федерации, «Материнство и детство, семья находятся под защитой государства...» [4, с. 60]. В первую очередь государство должно создавать правовую базу для защиты прав и законных интересов детей. Современное развитие медицины в сфере репродуктивных технологий привело к появлению новых общественных отношений, иных правовых конструкций и презумпций, что в свою очередь, выразилось в необходимости развития права в данной области для наиболее полной защиты прав и законных интересов участвующих лиц [7, с. 180].

Действующее законодательство в данной сфере имеет пробелы, что не позволяет в полной мере урегулировать отношения и защитить права и законные интересы участвующих в институте суррогатного материнства лиц. Семейный Кодекс Российской Федерации в п. 4 ст. 51 ввел новый термин «суррогатная мать», однако эта норма ограничивается упоминанием о возможности государственной регистрации ребенка, рожденного суррогатной матерью, при наличии согласия последней.

Главным назначением и стимулом развития вспомогательных репродуктивных технологий является преодоление бесплодия, т.е. неспособности зрелого организма к зачатию.

Брак считается бесплодным, если беременность не наступает у женщины в течение одного года регулярной половой жизни без контрацепции. В России бесплодие супружеских пар составляет около 15–20%. В большинстве случаев основной причиной является нарушение репродуктивной системы у одного или обоих супругов.

Женщина является причиной бесплодия в браке в 45% случаев, мужчина – в 40 [3, с. 112].

Среди применяемых вспомогательных репродуктивных технологий в качестве достаточно приемлемого метода лечения бесплодия на сегодняшний день все большее распространение получает и технология суррогатного материнства. Суррогатное материнство может быть частичным, когда предполагается использование яйцеклетки суррогатной матери и семени генетического отца, и полным, когда используются половые клетки обоих супругов (генетических родителей).

В 2011 г. Всемирной организацией здравоохранения было сформулировано определение «Гестационный курьер» (суррогатная мать) – женщина, у которой беременность наступила в результате оплодотворения ооцитов сперматозоидами третьей стороны – пациентов. Она вынашивает беременность с тем условием или договором, что родителями рожденного ребенка будет один или оба человека, чьи гаметы использовались для оплодотворения.

Носительница беременности – женщина, у которой беременность наступила в результате оплодотворения ооцитов третьей стороны спермой третьей стороны. Она вынашивает беременность с намерением или по договоренности, что потомство будет усыновлено одним или обоими лицами, которые произвели эти гаметы» [9].

При полном суррогатном материнстве не существует генетического родства между суррогатной матерью и ребенком. Общность этих форм заключается в том, что существует договорное соглашение между женщиной, вынашивающей плод (суррогатная мать), и генетическими родителями, согласно которому суррогатная мать донашивает беременность, рождает ребенка, а затем передает его на усыновление генетическим родителям.

Наиболее распространенной является полная форма суррогатного материнства, и часто именно она подразумевается, когда речь идет о суррогатном материнстве.

В настоящее время в России центры репродуктивной медицины (репродукции человека и ЭКО, репродукции и генетики человека, планирования семьи и репродукции), использующие технологии суррогатного материнства, активно функционируют более чем в 20 городах. Кроме Москвы и Санкт-Петербурга данная сфера медицинских услуг находит широкое применение в таких городах, как Воронеж, Нижний Новгород, Чебоксары, Новосибирск, Екатеринбург, Саратов, Тюмень, Томск, Краснодар, Барнаул, Астрахань, Владивосток, Якутск, Кисловодск, Красноярск, Ростов-на-Дону и др.

Таким образом, в настоящее время научно-технический прогресс в сфере медицины с целью борьбы с бесплодием человека способствует развитию эффективных вспомогательных репродуктивных технологий вообще и института суррогатного материнства в частности.

Однако введение вспомогательных репродуктивных технологий всегда сопровождалось и продолжает сопровождаться множеством морально-этических и юридических проблем. В наибольшей степени это касается института суррогатного материнства [3, с. 3–4].

Российское законодательство регламентирует в настоящее время лишь отдельные аспекты суррогатного материнства. Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан предусматривают право женщины на искусственное оплодотворение, но суррогатное материнство – это не просто искусственное оплодотворение, а вынашивание плода и рождение ребенка для другой женщины.

Вопрос суррогатного материнства с течением времени набирает свою важность. Ухудшающаяся экология, увеличение возраста рождения первого ребенка, социальные факторы – это одна лишь часть списка, провоцирующая молодых женщин на

поиск иных способов появления у них детей. Но есть и другая причина обращения населения к институту суррогатного материнства. Часть дублируемых причин (таких как негативное влияние ухудшающейся окружающей среды на организм человека и неспособность рождения детей) является причиной обращения к суррогатному материнству – спасению для семейных пар или одиноких людей, желающих иметь детей. Как раз на такой круг лиц и рассчитано законодательство Российской Федерации в п.9 ст.55 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» за одним исключением: в статье делается акцент на одиноких женщинах. Таким образом, возникает ущемление прав одиноких граждан мужского пола в ограничении круга лиц, имеющих официальное право на заключение договора с суррогатной матерью [13]. Невзирая на этот факт, в августе 2010 г. Бабушкинским районным судом г. Москвы было вынесено первое (прецедентное в России) решение об обязании районного ЗАГСа зарегистрировать ребенка, родившегося по программе гестационного суррогатного материнства с донорскими ооцитами для одинокого мужчины [1]. Но даже по прошествии нескольких лет законодателем до сих пор не были внесены изменения в статьи, регулирующие суррогатное материнство, хотя это и противоречит Конституции Российской Федерации, в которой закреплено право любого человека на рождение детей.

Другим немаловажным пробелом в регулировании данного вопроса является само заключение договора между исполнителем (суррогатной матерью) и семьей (либо же одиноким человеком, по законодательству – женщиной). При отсутствии специальных норм, регулирующих данный вопрос, стоит обратиться к общим положениям гражданского законодательства. Так, ст. 309 ГК РФ говорит нам об исполнении обязательства надлежащим образом в соответствии с условиями обязательства и требованиями закона. Если же законом или правовым актом данный вопрос не регулируется, то применяются нормы обычаев. Учитывая, что прямые указания к форме договора также не предусмотрены, то, согласно статье 434 ГК РФ, «договор может быть заключен в любой форме, предусмотренной для совершения сделок, если законом для договоров данного вида не установлена определенная форма». В ст. 158 ГК РФ указано, что сделки могут совершаться как в устной, так и в письменной форме (простой или нотариальной). Таким образом, можно прийти к выводу, что данный договор может заключаться в любой форме с применением нотариальной заверенности или без нее. И хотя на данный момент, вследствие отнесения данного договора к категории медицинских, практика склоняется к письменной, нотариально заверенной форме, нельзя утверждать, что она является обязательной.

Если привязывать договор суррогатного материнства к одному из закрепленных законом видов, то наибольшую схожесть он обладает с договором возмездного оказания услуг, который в ст. 779 ГК РФ предусматривает, что «исполнитель обязуется по заданию заказчика оказать услуги (совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность), а заказчик обязуется оплатить эти услуги». Перечисленные законодателем услуги, к которым применимы положения данной статьи, оставляют его перечень открытым, что позволяет сделать вывод о возможном регулировании нормами гл. 39 ГК РФ рассматриваемого нами договора.

В момент заключения договора никто не может предсказать исход предоставляемой услуги: благоприятно будет протекать беременность или нет, родится ли ребенок здоровым. Даже при надлежащем исполнении сторонами своих обязательств не стоит исключать биологические факторы. Именно для этого необходимо определиться с предметом данного договора для надлежащего его исполнения.

Предметом рассматриваемого нами договора является оказание услуги по вынашиванию и рождению генетически чужого ребенка. При этом предметом договора не может являться сам ребенок, так как это противоречит конституционным устоям. Таким образом, если суррогатная мать прошла процедуру имплантации эмбриона, обеспечила благоприятные условия для его внутриутробного развития, то договор следует считать исполненным даже при отрицательном результате, так как сама «услуга» была оказана.

Кто же может быть сторонами в договоре суррогатного материнства? В этом вопросе пока что ученые не пришли к единому мнению, так как кроме родителей, желающих иметь детей и суррогатной матери, в данном процессе принимает участие лечебное учреждение, оказывающее медицинские услуги по имплантации эмбриона и координирующее процесс материнства. Таким образом, некоторые ученые считают, что договор о суррогатном материнстве должен быть охарактеризован как многосторонний. Либо же бытует иной вариант, при котором заключается от двух и более договоров, такие как: между суррогатной матерью и медицинским учреждением, где будет проводиться искусственное оплодотворение и дальнейшее наблюдение за протеканием беременности; между этим медицинским учреждением и супругами-заказчиками. Иногда предлагают еще третий договор между семьей и суррогатной матерью [10, с. 7–10].

Определившись со сторонами в договоре, необходимо также выделить их права и обязанности, учитывая, что данный вид договора считается взаимным. Часть данных положений законодатель предусмотрел и прописал их в Приказе МЗ РФ от 30.08.2012 г. № 107н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению», а именно:

- возраст 20–35 лет;
- наличие собственного здорового ребенка;
- не более двух родов;
- отсутствие преждевременных родов, кесарева сечения в анамнезе;
- физическое (соматическое) и психическое здоровье;
- наличие иммунитета к краснухе;
- не пользовалась в прошлом внутриматочной спиралью;
- письменное согласие супруга (если женщина – суррогатная мать состоит в официальном браке).

Но законодателем абсолютно не определены требования к генетическим родителям, что также может явиться проблемой при имплантации, вынашивании и рождении ребенка.

Также российский законодатель совершенно не регулирует ситуацию, которая может возникнуть в случае развода или смерти биологических родителей до момента рождения ребенка.

На данный момент в российском семейном законодательстве есть статьи, регулирующие вопросы суррогатного материнства после рождения ребенка. Согласно ним, его судьбу решает именно мать, которая вынашивала эмбрион. То есть родившая ребенка мать может его не отдать. Так как в процессе беременности у женщины просыпаются материнские чувства, она испытывает психологический дискомфорт, отдавая ребенка генетическим родителям. И несмотря на то, что чаще всего женщины участвуют в программе суррогатного материнства лишь для того, чтобы заработать деньги, нельзя исключать варианты мошенничества и шантажа.

По закону права генетических родителей вступают в силу лишь после того, как суррогатная мать откажется от ребенка. Однако люди, решившиеся на такой сложный шаг, испытывают не меньшее психологическое напряжение, чем суррогатная мать. Это связано и с материальными затратами, и с опасением того, что суррогатная

мать не отдаст ребенка после родов, и с ожиданием скорых изменений в жизни. Поэтому детализация пунктов договора суррогатного материнства, корректное его регулирование, правильное оформление договорных положений и пересмотр некоторых статей законов, регулирующих данную проблематику, – немаловажный шаг к разрешению еще одного пробела, тесно связанного с налаживанием демографической ситуации в стране и в отдельно взятой семье.

Учитывая, что в мире лишь несколько государств разрешают проведение операций по суррогатному материнству, российскому законодателю необходимо взвесить все за и против подобного решения проблемы бесплодия. В настоящее время суррогатное материнство в Российской Федерации должным образом не урегулировано. Большая часть регулирования посвящена медицинским аспектам данного метода, что прописано в инструкции по применению методов вспомогательных репродуктивных технологий, утвержденная Приказом Минздрава России № 67 от 26 февраля 2003 г.

Однако на сегодняшний день не предусмотрена ответственность за преступления в сфере суррогатного материнства уголовным правом. Так, например, законодательством не запрещено пользоваться услугами суррогатной матери ВИЧ-инфицированным родителям, а это можно рассматривать как совершение преступления, предусмотренного ст. 122 УК РФ. Согласно комментарию к уголовному кодексу РФ, А. Б. Борисов акцентирует внимание на том, что современная медицина знает такие способы передачи ВИЧ-инфекции, как половой контакт, введение донорской крови, передача с молоком ребенка и контакт поврежденных тканей, из чего следует, что процедура суррогатного материнства создает угрозу для жизни и здоровья суррогатной матери. Кроме того, ч. 4 ст. 122 Уголовного кодекса России предусмотрено заражение другого лица ВИЧ-инфекцией вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей. Данный состав характеризуется специальным субъектом – лицом определенной профессии, на которое возложено выполнение определенных профессиональных обязанностей. Как правило, это медицинские работники, деятельность которых связана с переливанием крови, хирургией и инъекциями. Преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 122 УК РФ, может совершаться с любой формой вины, но, как правило, это небрежность. Заражение ВИЧ-инфекцией в результате совершения преступления против половой неприкосновенности и половой свободы подлежит квалифицировать по совокупности соответствующих преступлений. (ст. ст. 131–135 и 121 Уголовного Кодекса РФ) [2, с. 226–227].

Итак, можно сформулировать ряд наиболее важных выводов и рекомендаций, связанных с программой суррогатного материнства.

В настоящее время проблема преодоления бесплодия, которая относится к сфере охраны репродуктивного здоровья общества, решается с помощью вспомогательных репродуктивных технологий, а именно при использовании программы суррогатного материнства.

Суррогатной матерью считается женщина, вынашивающая ребенка для бесплодной супружеской пары до его рождения при отсутствии у нее генетической связи с ребенком.

Создание и поддержание гармоничных отношений в обществе требуют не только уважения к правам сторон программы суррогатного материнства, но и выполнение ими определенных обязанностей.

В связи с развитием медицинских технологий ряд положений действующего законодательства в сфере регулирования репродуктивной функции человека требует более детального правового регулирования.

Необходимо упорядочение в юридическом смысле программы суррогатного материнства, а именно законодательное уточнение прав рожденного ребенка, генетических родителей и суррогатной матери.

Следует особо отметить, что бесплодие нередко является не столько медицинской проблемой, сколько проблемой психологического и социального характера, приводящей к различным стрессовым ситуациям. Но даже если ваши проблемы кажутся вам неразрешимыми, не стоит отчаиваться: современная медицина располагает огромным количеством средств для диагностики и лечения бесплодия, среди которых опытный врач сможет выбрать метод лечения, необходимый именно вам.

Список литературы:

1. Решение Бабушкинского районного суда г. Москвы от 4 августа 2010 г. по гражданскому делу № 2-2745/10 (судья Мартыненко А. А.) [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
2. Борисов А.Б. Комментарий к уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) с практическими разъяснениями официальных органов и постатейными статьями. – М.: Книжный мир, 2014. – С. 226–227.
3. Дронова Ю. А. Что нужно знать о суррогатном материнстве. – М.: Городец, 2007. – 112 с.
4. Конституция Российской Федерации с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 года № 6–ФКЗ и 30 декабря 2008 года № 7–ФКЗ. – Ростов-на-Дону 2014. – С. 60.
5. Митрополит Филарет (Вознесенский). Конспект по нравственному богословию. Семья и государство -http://azbyka.ru/nravstvennost_i_duhovnost/voznensensky_konspekt-1g24-all.shtml
6. Основы законодательства РФ об охране здоровья граждан от 22.06.93. № 5487-1, ст. 35 «Искусственное оплодотворение и имплантация эмбриона».
7. Пестрикова А. А. Суррогатное материнство в России. – Самара, 2008. – С. 180.
8. Приказ Минздрава РФ от 26.02.03. № 67 «О применении вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) в терапии женского и мужского бесплодия».
9. Рекомендации ВОЗ: терминология ВРТ. Журнал «Проблемы Репродукции». Издательство «Медиа Сфера» 18 мая 2011. <http://www.mediasphera.ru/journals/reproduction/about/>
10. Самойлова В. В. Российское и зарубежное семейное законодательство о применении вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) // Семейное и жилищное право. – 2010. – № 3. – С. 7–10.
11. Семейный Кодекс РФ, ст. 51 -52. 5. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».
12. Федеральный Закон от 15.11.97. № 143-ФЗ, ст. 16 «Об актах гражданского состояния»
13. Федеральный закон от 21.11.2011 N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»

Parkhomenok L. V., Rudenko A. V. Gaps of the current legislation of the Russian Federation in the sphere of substitute motherhood // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2015. – Т. 1 (67). № 2. – P. 123–129.

The birth of children – the main purpose of the institution of marriage and the family throughout the history of humanity. According to Article 38 of the Constitution of the Russian Federation "Motherhood and Childhood, the family are under protection of the state ...» Firstly, the government should create a legal framework to protect the rights and legitimate interests of children. The modern development of medicine in the field of reproductive technologies has led to the emergence of new social relations, other legal structures and the presumption of that, in turn, resulted in the need for the development of law in this area, for the fullest protection of the rights and legitimate interests of the persons involved.

Current legislation in this area has a gap that does not allow to normalize fully relations and to protect the rights and interests involved in the Institute surrogacy persons. Family Code of the Russian Federation in para. 4, Article 51 introduced a new term "surrogate mother", but this rate is limited mention of the possibility of state registration of a child born of a surrogate mother, with the consent of the latter. At present, issues related to surrogacy are becoming more common. And year by year there are more problems associated with lack of legal regulation of these social relations.

Key words: surrogate motherhood contract, the contract for paid provision of services, mutual agreement, the liability under the contract of surrogate motherhood, HIV infection.

Spisok literature:

1. Reshenie Babushkinskogo rajonnogo suda g. Moskvy ot 4 avgusta 2010 g. po grazhdanskomu delu № 2-2745/10 (sud'ja Martynenko A. A.) [Jelektronnyj resurs]. – Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Garant.
2. Borisov A. B. Kommentarij k ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii (postatejnyj) s praktičeskimi razjasnenijami oficial'nyh organov i postatejnymi stat'jami. – M.: Knizhnyj mir. 2014g . S. 226–227.
3. Dronova Ju. A. Chto nuzhno znat' o surrogatnom materinstve // M.:Gorodec, 2007. – 112s.
4. Konstitucija Rossijskoj Federacii s učetom popravok, vnesennyh zakonami RF o popravkah k Konstitucii RF ot 30 dekabnja 2008 goda № 6–FKZ i 30 dekabnja 2008 goda № 7-FKZ // Rostov – na- Donu 2014 S-60.
5. Mitropolit Filaret (Voznesenskij). Konspekt po npravstvennomu bogosloviju. Sem'ja i gosudarstvo - http://azbyka.ru/npravstvennost_i_duhovnost/voznescensky_konspekt-1g24-all.shtml
6. Osnovy zakonodatel'stva RF ob ohrane zdorov'ja grazhdan ot 22.06.93. № 5487-1, st. 35 «Iskusstvennoe oplodotvorenje i implantacija jembriona».
7. Pestrikova A.A. Surrogatnoe materinstvo v Rossii : monografija / A.A. Pestrikova – Samara, 2008 g – S. 180
8. Prikaz Minzdrava RF ot 26.02.03. № 67 «O primenenii vspomogatel'nyh reproduktivnyh tehnologij (VRT) v terapii zhenskogo i muzhskogo besplodija».
9. Rekomendacii VOZ: terminologija VRT. Zhurnal «Problemy Reprodukcii». Izdatel'stvo «Media Sfera» 18 maja 2011. <http://www.mediasphera.ru/journals/reproduction/about/>
10. Samojlova V.V. Rossijskoe i zarubezhnoe semejnoe zakonodatel'stvo o primenenii vspomogatel'nyh reproduktivnyh tehnologij (VRT) // Semejnoe i zhilishhnoe pravo. — 2010. — № 3. — S. 7—10.
11. Semejnyj Kodeks RF, st. 51 -52. 5. Federal'nyj zakon ot 21.11.2011 № 323-FZ «Ob osnovah ohrany zdorov'ja grazhdan v Rossijskoj Federacii».
12. Federal'nyj Zakon ot 15.11.97. № 143-FZ, st. 16 «Ob aktah grazhdanskogo sostojanija».
13. Federal'nyj zakon ot 21.11.2011 N 323-FZ "Ob osnovah ohrany zdorov'ja grazhdan v Rossijskoj Federacii".

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2015. – Т. 1 (67). № 2. – С. 130–134.

УДК 349.42

РЕГУЛИРОВАНИЕ АГРАРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ И КИТАЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Пасечник О. С.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В работе исследуются правовые основы регулирования аграрных отношений в Республике Крым и Китае путем сравнительно-правового анализа. В работе указывается, что регулирование аграрных отношений в Республике Крым и Китае базируется на различных методологических основах. В то же время в статье доказывается эффективность решения аграрного вопроса в Китайской народной Республике и возможность применения аналитического опыта Китая в реформировании аграрных отношений в Республике Крым. Разработка именно экономико-правовой модели реформирования аграрного сектора Республики Крым, идеология которой должна соответствовать конституционным принципам, является перспективным направлением дальнейших исследований.

Ключевые слова: аграрные отношения, методологические основы, аграрная реформа в Китае, сравнительно-правовой анализ.

Законодательное обеспечение общественных отношений в Крыму должно базироваться на определенных методологических основах. В Крыму, как и в России, с момента распада СССР отсутствовала единая модель экономического развития. Хаотичное использование зарубежного опыта без учета исторических, национальных и социальных особенностей в законодательном обеспечении привело к коллизиям и дублированию. На сегодняшний день Крыму необходимо избежать ошибок в законодательном обеспечении, которые были допущены в прошлом, и с этой целью разработать теоретическое обоснование прогрессивной юридической модели развития региона на новых методологических основах с учетом исторических, социальных, национальных особенностей региона и обеспечить на законодательном уровне ее реализацию.

Президент РФ В. В. Путин поставил перед нами задачу перевести Крым из дотационного региона в регион-донор. По его словам, это требование должно быть выполнено в кратчайшие сроки. Для реализации данной цели в кратчайшие сроки с максимальной эффективностью, по нашему мнению, нам необходимо решить следующие задачи: обеспечить национальную и продовольственную безопасность.

Для обеспечения продовольственной безопасности Крыму сегодня необходима новая юридическая модель регулирования аграрных отношений.

Данная юридическая модель должна базироваться на новых методологических основах. По нашему мнению, разработать эти основы поможет зарубежный опыт реформирования аграрного сектора и анализ общественных и правовых явлений в Крыму. Необходимость поиска новой модели реформирования аграрных отношений, которая основана на современных методологических принципах, отвечала требованиям общества и способствовала экономическому развитию республики. По нашему мнению, в условиях отсутствия своей модели реформ нам необходимо использовать аналитический опыт Китая в реформировании аграрных отношений, который наиболее приемлем для Крыма, так как именно Китай за максимально короткий срок, опираясь на собственные силы, смог достичь экономического чуда, благодаря, в том числе, успешному решению аграрного вопроса.

С целью обоснования результативности нашего исследования хотелось бы обосновать основной метод нашей работы. В основе нашего исследования лежит метод сравнительно-правового анализа. В современной правовой науке сравнительно-правовой анализ является фундаментальным методом исследования для общих и специальных отраслей права.

По мнению В. Нерсисянца, сравнительно-правовой метод выступает в целостном виде и неразрывно связан с предметом. Также он высказывает мнение, что различные правовые исследования представляют собой неодинаковые уровни конкретизации, то есть затрагивают различные аспекты правовой действительности, а также имеют концептуальное единство. Это так же выражается в единстве методологических исследований, в котором сравнительно-правовой метод играет важную роль [1, с. 14]. Исследование путем сравнительно-правового анализа в отраслевых юридических науках дает возможность отделения новых самостоятельных дисциплин. Следует отметить, в науке нет единого мнения по вопросу целесообразности отделения отраслевых сравнительно-правовых юридических дисциплин [2, с. 52; 3, с. 8].

С момента распада СССР в Крыму происходят реформаторские процессы во всех сферах общественной жизни, что связано с применением в экономике рыночных механизмов. Крупнейших преобразований претерпела аграрная и земельная сфера. На современном этапе развития нашего региона меняется сама сущность земельных и аграрных отношений. От исключительно публичных земельные и аграрные отношения становятся публично-частными. Именно на этапе осуществления процессов реформирования в стране значительно возрастает роль сравнительно-правового анализа аграрной реформы в зарубежных странах в современной науке аграрного права.

Исследования аграрной реформы в зарубежных странах методом сравнительно-правового анализа дает возможность получения новых знаний в этой сфере. Так, изучение зарубежного правового опыта, основ аграрных и земельных преобразований позволяет найти решение отдельных проблем правового регулирования процессов реформирования, с которыми сталкивается любое государство и общество. Знание зарубежного опыта, законодательного обеспечения процессов реформирования позволяет отечественному законодателю избежать ошибок, которые уже имели место в истории и практике правового воздействия.

Но следует заметить, что заимствование зарубежного правового опыта процессов реформирования может иметь разные последствия, как положительные, так и отрицательные. В этом вопросе мы разделяем мнение Строева Е.С., который в своих исследованиях отмечает, что различия в земельных отношениях и организационной структуре фермерского сектора в разных странах показывают, что использование зарубежного опыта при решении земельного вопроса в постсоветских странах должно осуществляться с большой осторожностью, с учетом конкретных культурных, природных, исторических условий, характерных для этих стран в период становления их земельного устройства [4, с. 273].

Следует заметить, что на современном этапе развития отечественных аграрных отношений существует много неразрешимых проблем в направлении процессов реформирования, что, в свою очередь, негативно сказывается на эффективности правового регулирования общественных отношений в аграрном секторе экономики. Исходя из вышесказанного, решение проблемы, поставленной автором, лежит в плоскости учета зарубежного опыта аграрных преобразований. Исследование методом сравнительно-правового анализа аграрных реформ зарубежных стран позволяет нам проанализировать пути решения проблем в аграрном секторе стран, добившихся значительных успехов в процесс реформирования, и на основе этого опыта разработать свою современную национальную модель аграрных преобразований. Та-

ким образом, мы не предлагаем копирования опыта аграрных преобразований в зарубежных странах, что само по себе невозможно, учитывая разный политический, экономический, исторический, социальный и культурный уровень государств. Речь идет об использовании аналитического опыта юридических моделей аграрной реформы в зарубежных странах путем сравнительно-правового анализа с целью решения современных проблем в аграрном секторе в Республике Крым.

Следует заметить, что каждая реформа базируется на соответствующих методологических основах. Теоретическую основу методологических основ китайской современной правовой системы составили теории, разработанные выдающимся ученым-теоретиком и видным государственным деятелем Дэн Сяопином: теория социализма с китайской спецификой. В Крыму с момента перехода к рыночным отношениям возникла необходимость в отказе от коммунистической идеологии К. Маркса, В. Ленина. Прежде всего, это касается методологических основ нового земельного строя страны. Следует отметить, что отказ от идеологии К. Маркса и В. Ленина состоялась лишь номинально. Таким образом, при выборе основы процессов реформирования в аграрном секторе Крыму нужно воспользоваться китайской формулой, согласно которой в процессе реформирования экономики является базис, а идеология является инструментом настройки. Опираясь на опыт Китая, становится понятным, что базис методологии по реформированию аграрного сектора состоит в материальной плоскости, поэтому речь идет о разработке именно экономической модели реформирования аграрного сектора, идеология которой должна соответствовать конституционным принципам. Следует отметить, что экономическая модель реформирования аграрного сектора базируется на внешних либо на внутренних ресурсах. На наш взгляд, в сложившихся условиях, когда РФ испытывает на себе давление санкций, привлечение иностранных инвестиций в аграрный сектор Республики Крым не представляется возможным, следовательно, необходимо рассчитывать исключительно на внутренний ресурс.

В Китае с начала экспериментальной проверки тех или иных элементов реформы до принятия законодательных актов по ним проходит от пяти до семи лет [5, с. 38]. В Крыму с начала проведения реформ, в условиях отсутствия законодательной базы, механически заимствовали отдельные элементы юридических моделей земельных и аграрных реформ других стран мира [6, с. 45]. Таким образом, использование зарубежного опыта в аграрной реформе должно осуществляться с большой осторожностью, с учетом конкретных культурных, природных, исторических условий, характерных для нашего региона. Следует заметить, что, учитывая опыт Китая, процесс реформирования для повышения эффективности нужно вводить постепенно, путем эксперимента на отдельной территории. Так, например, введение экспериментальной модели в отдельно взятом муниципальном образовании Республики Крым, а в случае позитивного результата – проведение реформы на всей территории республики. В Китае прочное государственное регулирование экономики и аграрного сектора, в отличие от Крыма, позволило избежать кризиса в сельском хозяйстве в процессе нарушения производственных ритмов [7, с. 7]. Мы предлагаем объективный подход к решению данной проблемы путем налаживания между собой государственного регулирования сельскохозяйственного производства, правового обеспечения всего агропромышленного комплекса и формирования жизнеспособных организационных структур.

Как показал исторический опыт, успех и результативность аграрной реформы зависят от решения земельного вопроса. Однако следует отметить, что Крым и Китай имеют разный земельный строй. Китай, как и другие азиатские страны, представляет собой такую юридическую модель реформирования аграрных отношений, в которой законодатель воспринимает государственную и коллективную собствен-

ность в сельском хозяйстве как основную [8, с. 447–448]. Следует отметить, что в Китае в условиях отсутствия частной собственности земля используется более эффективно. Таким образом, учитывая зарубежный опыт, заметим, что сама по себе частная собственность на землю не является залогом эффективного использования земли. Фактор эффективности использования земли зависит, прежде всего, от размера хозяйства и организации производства. На наш взгляд, применительно к Республике Крым реформирование аграрного сектора должно базироваться на муниципальной собственности как основной. В условиях отсутствия юридической модели права собственности на землю в республики Крым муниципальная форма собственности будет служить балансом между частными и публичными интересами. То есть, с одной стороны, снимет социальную напряженность в регионе, а с другой – будет проводником государственных программ по развитию различных типов и форм хозяйствования. Также при осуществлении аграрной реформы на базе муниципальной формы собственности возможно развитие новых правовых форм использования земли, таких как право доверительного управления.

В Китае при проведении аграрных реформ с уважением относятся к общественному мнению, перестраивают сельский быт по внутреннему убеждению крестьян [9, с. 60]. С нашей точки зрения, учет мнения общественности при решении жизненно важных вопросов, таких как земельный строй в стране, является необходимым фактором устойчивого экономического и социального развития современного правового общества. Следует заметить, что серьезный научный потенциал, который был привлечен в процессе выбора модели реформы в Китае, стал залогом успеха аграрных преобразований [10, с. 69].

Таким образом, возникает вопрос о результативности аграрной реформы в Китае и превращении ее в препятствие на пути устойчивого развития в Крыму. Отвечая на этот вопрос, мы подчеркнули наиболее важные уроки аграрной реформы Китая для Крыма, а именно: современная аграрная реформа должна базироваться на экономической модели развития, идеология которой должна соответствовать конституционным принципам; в период кризиса резко возрастает роль государственного регулирования аграрного сектора в качестве стабилизатора сельскохозяйственного производства; во время социальной напряженности в обществе земля должна представлять интерес не как объект собственности, а как объект хозяйствования. Таким образом, при решении земельного вопроса, крайне важно разработать такую модель, которая бы позволила свободно и эффективно хозяйствовать на земле, в правовом демократическом государстве. Процесс решения аграрных проблем должен происходить прозрачно, поэтому общественные слушания, обсуждения, или, в случае необходимости, создание органов общественного контроля должны сопровождать процедуры по решению любых аграрных вопросов, аграрных преобразований. Основой эффективной удачной модели должны быть современные научные исследования по данной проблематике; научно обоснованный зарубежный опыт должен воплощаться постепенно, на отдельной экспериментальной территории, с учетом исторических, социальных и культурных факторов.

Мы предлагаем, учитывая Китайский опыт, реформирование, а также экономическую и социальную обстановку в регионе, разработать экономическую модель реформирования аграрных отношений на базе муниципальной собственности. В рамках обеспечения продовольственной безопасности в регионе внедрить данную модель на отдельно взятом муниципальном образовании, например, «Экспериментальный проект развития Симферопольского района на основе муниципальной собственности».

Список литературы

1. Нерсисянц В. С. Сравнительное правоведение в системе юриспруденции // Государство и право. – 2001. – № 6. – С. 14.
2. Сталев Ж. Сравнительный метод в социалистической правовой науке // Сравнительное правоведение. – М., – 1978. – С. 52.
3. Тихомиров Ю.А. Право: национальное, международное, сравнительное // Государство и право. – 1999. – № 8. – С. 8.
4. Земельный вопрос / Е.С. Строев, С.А. Никольский, В.И. Кирюшкин и др.; Под ред. Е.С. Строева. – М.: Колос, 1999. – 536 с.
5. Экономическая стратегия Китая [Текст] / Я. М.Бергер. – М.:ИД «ФОРУМ», 2009. – 560с.
6. Земельне право України: підруч. [Текст] / Г. І. Балюк, Т.О. Коваленко, В.В.Носік. – К.: Видавничо-поліграфічний центр «Київський університет». – 2008. – 511с
7. Глобализация экономики Китая [Текст] / Под.ред.чл-корр. РАН В. В. Михеева. – М.: Памятники исторической мысли, 2003. – 392 с.
8. Ден Сяопин и реформация китайского социализма. – М.: Муравей, 2003. – 208 с.
9. Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. К 60-летию КНР. – М.: ИД «Форум», 2009. – 592 с.
10. Land rights in rural China: Facts, fictions and issues/ Brandt L., Huang Jikun, Li Go, Rozelle S. // China j. – Canberra, 2002. – № 47–P. 67–97.

Pasechnyk O. S. The regulation of agrarian relations in the Republic of Crimea and China: the rather-legal analysis // Scientific notes of V.I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2015. – т. 1 (67). № 2. – P. 132–136.

In the work the legal bases of regulation of agrarian relations in Republic of Crimea and the People's Republic of China by the rather-legal analysis are investigated. The author proves the efficiency of use of a rather-legal method at research of agrarian reforms in the foreign countries. The urgency of a theme of the article is caused by necessity of working out of a theoretical substantiation of progressive legal model of regulation of agrarian relations for Republic of Crimea on new methodological bases. In work it is underlined that regulation of agrarian relations in Republic of Crimea and China is based on various methodological bases. During too time in the article efficiency of the decision of an agrarian question in the Chinese national Republic, and the possibility of application of analytical experience of China in reforming of agrarian relations of Republic of Crimea is proved. Working out of economic-legal model of reforming of agrarian sector of Republic of Crimea, which ideology should correspond to the constitutional principles, is a perspective direction of the further researches.

Keywords: agrarian relations, methodological bases, an agrarian reform in China, the rather-legal analysis.

Spisok literatury

1. Nersesyants B. C. Sravnitelnoe pravovedenie v sisteme yurisprudentsii // Gosudarstvo i pravo. — 2001. — № 6. — S. 14.
2. Stalev Zh. Sravnitelnyiy metod v sotsialisticheskoy pravovoy nauke // Sravnitelnoe pravovedenie. — M., — 1978. — S. 52.
3. Tihomirov Yu. A. Pravo: natsionalnoe, mezhhdunarodnoe, sravnitelnoe // Gosudarstvo i pravo. — 1999. — N 8. — S. 8.
4. Zemelnyiy vopros / E. S. Stroeв, S. A. Nikolskiy, V. I. Kiryushkin i dr.; Pod red. E. S. Stroeвa. — M.: Kolos, 1999. — 536 s.
5. Ekonomicheskaya strategiya Kitaya [Tekst] / Ya.M.Berger. — M.:ID «FORUM», 2009. — 560 s.
6. Zemelne pravo UkraYini: pIdruch. [Tekst] / G. I. Balyuk, T. O. Kovalenko, V. V.NosIk. — K.:VidavnichopolIgrafichniy tsentr «KiYivskiy unIversitet». — 2008. — 511s.
7. Globalizatsiya ekonomiki Kitaya [Tekst] / Pod.red.chl-korr. RAN V. V. Miheeva. M.: Pa-myatniki istoricheskoy myisli, 2003. — 392 s.
8. Den Syaopin i reformatsiya kitayskogo sotsializma. — M.: Muravey, 2003. — 208 s.
9. Kitayskaya Narodnaya Respublika: politika, ekonomika, kultura. K 60-letiyu KNR. — M.: ID «Forum», 2009. — 592 s.
10. Land rights in rural China: Facts, fictions and issues/ Brandt L., Huang Jikun, Li Go, Rozelle S. // Shina j. — Canberra, 2002. — № 47–R. 67–97.

УДК 368

ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РЫНКА СТРАХОВЫХ УСЛУГ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ

Пашинева В. А.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Статья посвящена оценке состояния развития рынка страховых услуг Республики Крым.

Природно-климатические, экологические, социально-экономические особенности Республики Крым как региона России обуславливают необходимость повышенной страховой защиты субъектов в таких видах страхования, как аграрное и туристическое.

Потенциал рынка сельскохозяйственного страхования в Республике Крым огромен, однако существует множество факторов, препятствующих его развитию: отсутствие разнообразия страховых продуктов, низкий уровень развития страхового поля, который обусловлен недоверием к страховщикам и отсутствием необходимых финансовых ресурсов. Это привело к тому, что существующая в Крыму система сельскохозяйственного страхования была неспособна защитить отечественного товаропроизводителя.

Для Республики Крым отрасль туризма является приоритетным направлением, и поэтому максимальное внимание должно уделяться развитию въездного и внутреннего туризма. Решение данных проблем возможно путем разработки комплексных страховых продуктов, усиления требований законодательства касательно качественного наполнения страховых продуктов для туристов, создания системы профессиональной подготовки квалифицированных страховых посредников, разработки механизма инвестирования страховых резервов в туристическую инфраструктуру.

Указанные проблемы отдельных сегментов страхового рынка Республики Крым не являются исчерпывающими, но в значительной степени определяют основные тенденции развития страхового рынка в целом

Ключевые слова: страхование, рынок страховых услуг, сельскохозяйственное страхование, туристическое страхование.

С 1 января 2015 года в связи с присоединением территории полуострова Крым к Российской Федерации начала осуществляться полная интеграция Республики Крым в российское экономическое и правовое пространство, что вызвало необходимость разработки и реализации стратегии вхождения Крыма в состав России. Географическое расположение Крыма позволяет говорить о сильных сторонах этого региона: природное разнообразие, благоприятные климатические условия для развития туризма и сельского хозяйства, наличие природных ископаемых и т. п. Учитывая данные факторы, Крым в современных условиях имеет определенные перспективы социально-экономического развития.

Одним из инструментов социально-экономического развития является создание эффективной системы страховой защиты. Современные условия функционирования страхового рынка Республики Крым свидетельствуют о существовании ряда проблем и наличии сдерживающих факторов его развития, обуславливают необходимость адаптации к новым тенденциям в экономике.

Тенденции развития рынка страхования, основные проблемы и пути их разрешения являются достаточно актуальным вопросом, находящим свое отображение в трудах ученых (К.Е. Турбина, А.Н. Базанов, Н.В. Коваленко и др.). В то же время

именно специфика развития регионального рынка страховых услуг Республики Крым требует более детального анализа. С учетом актуальности данной проблемы целью исследования является анализ тенденций развития рынка страховых услуг в Республике Крым как важной сферы хозяйственной деятельности и определение перспектив такого развития. В период нахождения Крыма в составе Украины рынок страховых услуг формировался путем установления законодательного поля регулирования страховых отношений, увеличения субъектов страхового рынка, появления новых видов страхования.

В то же время нестабильность национальной валюты, инфляция, низкий уровень доходов населения являлись главными проблемами развития как национального, так и региональных рынков страхования. Ненадлежащий уровень правового регулирования вопросов медицинского страхования, несоответствие страхового законодательства требованиям международного законодательства, низкая квалификация кадрового потенциала и недостаточное научное и инновационно-техническое обеспечение данной сферы деятельности тормозили развитие современного рынка страховых услуг. При этом целенаправленная государственная политика в сфере страхования не осуществлялась, что приводило к бессистемному развитию страхового рынка. Существовало достаточно большое количество законодательно установленных видов обязательного страхования, однако уровень государственного регулирования и контроля за страховым рынком, состояние его финансового обеспечения был низким. Основной проблемой нормального функционирования рынка страховых услуг является отсутствие финансовых ресурсов.

Кроме вышеуказанных недостатков, существенным минусом, влияющим на развитие рынка страховых услуг является информационная составляющая. Отсутствие понимания у населения, что собой представляет страхование, в чем его преимущества, низкий уровень доверия к страховым компаниям, неуверенность в будущем, обусловленная социально-экономической нестабильностью, привели к неразвитому состоянию сегмента добровольных видов страхования, особенно личного страхования.

Отмечался и низкий уровень банковско-страховой интеграции. Некоторые банки были вовлечены в программы депозитного страхования, страхования жизни и рискового страхования. Однако, как правило, такое страхование осуществлялось в связи с предоставлением клиента банку кредита. В глобальном аспекте банки не принимали значительного участия в процессе привлечения дополнительных финансовых ресурсов для системы страхования не связанного с кредитованием.

Подобные проблемы отрасли страхования являлись причинами разрушительной конкуренции и стагнации в развитии, которые наблюдались как на рынке страховых услуг Украины в целом, так и на региональном уровне.

Анализируя рынок страховых услуг России, можно отметить такие тенденции его развития, как повышение значимости инвестиционного страхования, страхования коммерческих рисков, проникновение банков в традиционные виды страхования, появление новых каналов распределения страховых услуг, прежде всего через Интернет, развитие новых технологий, комплексное решение проблем страхователя.

К конкретным преимуществам российской страховой отрасли можно отнести более высокую роль страхования в обеспечении системы социально-экономических и финансовых отношений, стабильность и надежность деятельности субъектов стра-

хового дела, обеспечение защиты прав страхователей, застрахованных лиц, выгодоприобретателей, развитие подходов к осуществлению видов страхования как в добровольной, так и в обязательной форме.

Имеющий место сегодня процесс интеграции Республики Крым в российское правовое и социально-экономическое пространство служит определенным катализатором реструктуризации страхового рынка и расширения страхового потенциала региона.

В литературе отмечается, что перспективы развития страховых отношений в регионах обуславливаются их персональными географическими или экономическими особенностями. При этом каждая страховая компания для развития в определенном округе должна ориентироваться, прежде всего, на его особенности развития [1, с. 262–272]. Природно-климатические, экологические, социально-экономические особенности Республики Крым как региона России обуславливают необходимость повышенной страховой защиты субъектов, прежде всего, в таких видах страхования, как аграрное и туристическое.

В настоящее время в Республике Крым существует потребность в обеспечении гарантий защиты экономических интересов, связанных с осуществлением сельскохозяйственной деятельности. Потенциал рынка сельскохозяйственного страхования в Республике Крым огромен, однако существует множество факторов, препятствующих его развитию.

Отсутствие разнообразия страховых продуктов, низкий уровень развития страхового поля, который обусловлен в основном недоверием к страховщикам и отсутствием необходимых финансовых ресурсов, привел к тому, что существующая в Крыму система сельскохозяйственного страхования была далека от совершенства и неспособна в полной мере защитить отечественного товаропроизводителя от различных рисков.

Основными проблемами рынка сельскохозяйственного страхования были высокие страховые тарифы; использование условий в договорах сельскохозяйственного страхования, которые препятствовали получению полного страхового покрытия возможного ущерба; нехватка финансовых средств у сельскохозяйственных товаропроизводителей на качественную страховую защиту; отсутствие стандартов в оценке ущерба. При этом государственная поддержка сферы сельскохозяйственного страхования была очень ограниченной.

В этой связи особенно хочется отметить реально существующую поддержку сельскохозяйственных товаропроизводителей в Российской Федерации. Так, Федеральным законом от 25 июля 2011 г. № 260-ФЗ «О государственной поддержке в сфере сельскохозяйственного страхования и о внесении изменений в Федеральный закон “О развитии сельского хозяйства”» [2] установлены условия и порядок оказания государственной поддержки в сфере сельскохозяйственного страхования, а также требования к договору сельскохозяйственного страхования для целей оказания государственной поддержки.

В частности, данным федеральным законом предусматривается существенный комплекс мер, которые в своей совокупности направлены на снижение финансовой нагрузки для государства в части возмещения затрат на ликвидацию последствий крупномасштабных природных рисков, которые позволяют эффективно организовать процесс сельскохозяйственного страхования с государственной поддержкой:

- в соответствии с федеральным законом государственная поддержка сельскохозяйственных товаропроизводителей в сфере сельскохозяйственного страхования осуществляется в форме субсидий на компенсацию пятидесяти процентов начисленной страховой премии, которые перечисляются по его заявлению на расчетный счет страховщика;

- расширен перечень объектов страхования с государственной поддержкой. Наряду с сельскохозяйственными культурами и многолетними насаждениями страхованию с государственной поддержкой подлежат сельскохозяйственные животные;

- расширен перечень опасных природных явлений, от воздействия которых страхуется урожай сельскохозяйственных культур и посадок многолетних насаждений. Добавлены: суховей, сильный ветер, природный пожар и другие, а также перечень событий, явившихся причиной наступления страхового случая;

- правительство Российской Федерации вправе устанавливать наличие договора сельскохозяйственного страхования, в качестве обязательного условия предоставления сельскохозяйственным товаропроизводителям государственной поддержки по другим направлениям в сфере сельскохозяйственного производства;

- вводится План сельскохозяйственного страхования, которым определяется необходимый расчетный размер средств федерального бюджета, выделяемый на финансирование расходов уполномоченного органа по оплате части начисленной страховой премии по договорам сельскохозяйственного страхования;

- страхование сельскохозяйственных рисков осуществляется в рамках объединения страховщиков, которое выполняет функции поддержания платежеспособности всей системы в случае банкротства одного из страховщиков за счет формирования Фонда компенсационных выплат.

Анализ ситуации на рынке сельскохозяйственного страхования в Республике Крым показывает, что для дальнейшего развития сельскохозяйственного страхования необходимо вовлекать в страхование большее количество сельскохозяйственных товаропроизводителей, тем самым обеспечивая стабильность популяризации страховых услуг, повышать информированность о возможностях страховой защиты, о тонкостях страхования. Важным направлением совершенствования страхования сельскохозяйственных рисков может стать страховой продукт комплексного характера, так как сельскохозяйственное страхование – это совокупность видов страхования, обеспечивающих комплексную защиту имущественных интересов сельскохозяйственных товаропроизводителей.

Применение подобных мер может благотворно отразиться на развитии сферы сельскохозяйственного страхования в Республике Крым, позволит повысить финансовую устойчивость и сделать агропромышленное производство региона конкурентоспособным.

Современные реалии развития региона требуют совершенствования страхового механизма и в сфере туризма. Для Республики Крым отрасль туризма является приоритетным направлением, и поэтому большее внимание должно уделяться развитию въездного и внутреннего туризма, что, соответственно, требует установления налаженной системы страхования.

В настоящее время среди основных проблем, которые существуют в сфере страхования въездного туризма Республики Крым, можно назвать неразвитость в провайдерской сети международных ассистанских компаний, отсутствие у страховых компаний реально работающих договоров с медицинскими учреждениями в местах отдыха Крыма, отсутствие коммерческих медицинских учреждений в данном районе отдыха, а также отсутствие валютных счетов у государственных медучрежде-

ний, фиктивное страхование ответственности туроператоров за неисполнение или ненадлежащее исполнение договора о реализации турпродукта.

Для решения данных проблем должны быть созданы институциональные условия, которые обеспечат устойчивое развитие страхования въездного туризма, увеличивая тем самым роль туристической деятельности в развитии региона. Это может быть достигнуто путем усиления взаимодействия различных финансовых организаций в сфере туризма, как туристических, так и страховых, расширения возможностей страховых компаний в предоставлении сервисных услуг туристам. В частности, путем разработки комплексных страховых продуктов, усиления требований законодательства касательно качественного наполнения страховых продуктов для туристов, создания системы профессиональной подготовки квалифицированных страховых посредников для работы с туристами, разработки механизма инвестирования страховых резервов в туристическую инфраструктуру.

Следует отметить, что указанные проблемы отдельных сегментов страхового рынка Республики Крым не являются исчерпывающими. Однако они в значительной степени определяют характер основных тенденций развития страхового рынка Республики Крым в целом. Это, прежде всего, повышение уровня доверия населения к деятельности страховщиков, уровня его страховой культуры, усиление защиты потребителей страховых услуг, повышение уровня капитализации страховщиков, расширение сотрудничества различных финансовых организаций, укрупнение страховых компаний и проникновение в сферу страхования банковского и финансово-промышленного капитала, разработка комплексных страховых продуктов.

Развитие регионального страхового рынка – это режим функционирования региональной системы страхования, который ориентирован, прежде всего, на позитивную динамику параметров социально-экономического развития региона: повышение качества жизни населения, обеспечения бесперебойного, устойчивого развития региона [3, с. 134]. В то же время существует потребность и в повышении эффективности государственного регулирования страховой деятельности в регионе, совершенствовании нормативной базы страховой деятельности [4, с. 4–8].

Страховой рынок Республики Крым может стать более вариативным, способным быстрее реагировать на реалии действительности. Однако стабилизация страхового рынка будет зависеть от наличия и объема ресурсов, правильности их использования и решительных действий со стороны государства в страховой сфере. Раскрытие потенциала рынка страхования благодаря экономическим преобразованиям, оптимизации системы управления рисками за счет бюджетных средств, совершенствования отдельных отраслей страхования позволит вернуться к привлекательным уровням доходности, создаст быстро растущие сегменты страхования. В результате рынок станет гораздо более крупным и экономически привлекательным для большинства страховщиков, что в свою очередь приведет к стабилизации экономики и обеспечению благосостояния населения региона. В то же время очевидно, что для дальнейшего развития страхового рынка важным является и обеспечение экономической привлекательности страхования на фоне осознания всеми потенциальными страхователями значения страховых услуг для собственного пользования.

Список литературы:

1. Герасимова И.А., Грибова Е.В. Анализ тенденций и перспектив развития региональных страховых рынков России // Страховой рынок Российской Федерации в условиях вступления в ВТО: состояние и перспективы развития: материалы Международной научно-практической конференции (5–7 июня 2012 г., г. Нижний Новгород) / гл. ред. Минеев В.И., отв. ред. Домнина О.Л., Злобин Е.В.; ВГАВТ, РОСГОССТРАХ. – Нижний Новгород, 2012. – С. 262–272.

2. О государственной поддержке в сфере сельскохозяйственного страхования и о внесении изменений в Федеральный закон «О развитии сельского хозяйства» // «Российская газета», № 162, 27.07.2011; Собрание законодательства РФ. 2011 г. № 31 ст. 4700; № 50, ст. 7359; 2013, № 30, ст. 4084; 2014, № 52 (ч. I) ст. 7535.

3. Взаимодействие государства и страховых организаций: проблемы и перспективы развития: материалы Междунар. страхового форума (8–9 июня 2011 г., г. Пермь) / гл. ред. И. Ю. Макарихин; отв. ред. М. Ю. Молчанова; Перм. гос. ун-т. – Пермь, 2011. – С.134

4. Коваленко Н. В. О необходимости и возможности государственного участия в развитии страхового рынка России // Страховое дело. – 2011. – № 10. – С. 4–8.

Pashneva V.A. Tendencies and prospects of development of insurance market in the Republic of Crimea // Scientific messages of Crimean federal university the name of V. I. Vernadsky. Juridical sciences. – 2015. – Т. 1 (67). № 2. – Р. 135–140.

The article is devoted to assessing the state of the insurance market of the Republic of Crimea.

Natural-climatic, ecological, socio-economic characteristics of the Republic of Crimea, as a region of Russia, necessitated increased insurance protection legal entities in such types of insurance as an agricultural and tourist. The market potential of agricultural insurance in the Republic of Crimea is huge, but there are many obstacles to its development: the lack of diversity of insurance products, low level of development of the insurance field, which is due to distrust of the insurers and the lack of necessary financial resources. This led to the fact that in the Crimea existing agricultural insurance system was unable to protect domestic producers.

For the Republic of Crimea the tourism industry is a priority and, therefore, maximum attention should be given to the development of inbound and domestic tourism. The solution of these problems is possible through the development of complex insurance products, strengthening requirements of the legislation regarding the quality content of insurance products for tourists, creating a system of professional training of qualified insurance brokers, establishing a framework for the investment of insurance reserves in tourist infrastructure.

The mentioned problems of individual segments of the insurance market of the Republic of Crimea are not exhaustive, but to a large extent determine the main trends of the insurance market as a whole.

Keywords: insurance, insurance market, agricultural insurance, travel insurance.

Spisok literatury:

1. Gerasimova I.A., Gribova E.V. Analiz tendentsiy i perspektiv razvitiya regionalnykh straho-vyih ryinkov Rossii // Strahovoy ryinok Rossiyskoy Federatsii v usloviyah vstupleniya v VTO: sostoyanie i perspektivy razvitiya: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (5–7 iyunya 2012 g., g. Nizhniy Novgorod) / gl. red. Mineev V.I., отв. red. Domnina O.L., Zlobin E.V.; VGAVT, ROSGOSSTRAH. – Nizhniy Novgorod, 2012. – S. 262–272.
2. О государственной поддержке в сфере сельскохозяйственного страхования и о внесении изменений в Федеральный закон «О развитии сельского хозяйства» // "Российская газета", N 162, 27.07.2011; Собрание законодательства РФ. 2011 г. N 31 ст. 4700; N 50, ст. 7359; 2013, N 30, ст. 4084; 2014 г. N 52 (ч. I) ст. 7535.
3. Взаимодействие государства и страховых организаций: проблемы и перспективы развития: материалы Междунар. страхового форума (8–9 июня 2011 г., г. Пермь) / гл. ред. И. Ю. Макарихин; отв. ред. М. Ю. Молчанова; Перм. гос. ун-т. – Пермь, 2011. – С.134
4. Коваленко Н. В. О необходимости и возможности государственного участия в развитии страхового рынка России // Страховое дело. – 2011. – № 10. – С. 4–8.

УДК 347.1

СПОСОБЫ ЗАКРЕПЛЕНИЯ НОРМ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА В АКТАХ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Ротань В. Г.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Проблема способов закрепления правовых норм в актах гражданского законодательства никогда не привлекала должного внимания науки. Даже Е. В. Васьковский, создавший мощное рационалистическое учение о толковании и применении гражданских законов, не довел исследование указанных способов до логического завершения. Сохраняются проблемы даже при интерпретации текстуально закрепленных правовых норм. Что касается логически закрепленных правовых норм, то они попросту игнорируются как в науке, так и в практике правоприменения. Научный инструментарий обнаружения логически закрепленных правовых норм обычно заменяется абстрактной ссылкой на смысл или содержание соответствующего положения акта гражданского законодательства. Поэтому наука гражданского права должна обратиться к исследованию логически закрепленных правовых норм. Логически закрепленные в актах гражданского законодательства правовые нормы обнаруживаются при толковании путем учета контекста, а также с помощью выводов *a contrario*, *a fortiori*, от предыдущего правового явления к последующему и наоборот. Логически закрепленные нормы гражданского права способны конкурировать с текстуально закрепленными правовыми нормами. Но правовые нормы, обнаруживаемые при помощи вывода *a contrario*, не могут применяться в противоречии с текстуально закрепленными правовыми нормами. Однако из этого правила есть ряд исключений.

Ключевые слова: правовая норма; гражданское законодательство; текстуально закрепленные нормы; логически закрепленные нормы; вывод степени; вывод от противоположного; контекст; преимуществонное применение норм; конкуренция между нормами.

Знание способов закрепления норм гражданского права в актах гражданского законодательства и умение обнаруживать эти нормы являются неперенным условием профессионального подхода к работе с этими актами. Но знание юристами указанных способов до профессионального уровня никогда не поднималось, оставалось на уровне общих представлений, а умение обнаруживать нормы гражданского права в нормативных текстах у юристов никогда не формировалось на научной (теоретической) основе, а приобреталось ими по мере накопления практического опыта и интуитивно. Между тем потребности развития правовой системы в России требуют создания научных основ обработки нормативных текстов с целью обнаружения правовых норм. При этом обращение к цивилистическому аспекту этой проблемы представляется наиболее актуальным, ибо добротная правовая теория всегда формировалась с учетом отраслевого материала, который предоставляла наука гражданского права, гражданское законодательство и практика его применения.

Хотя проблема способов закрепления норм гражданского права в актах законодательства специально никогда не ставилась, а потому и не разрешалась, все же юридическая наука и, в частности, наука гражданского права создали неплохие предпосылки, которые могут служить теоретическим основанием для разработки соответствующих отраслевых (цивилистических) научных положений. Такие пред-

посылки были созданы Ф.К.ф. Савиным, Е. В. Васьковским, С. С. Алексеевым, А. С. Пиголкиным, А. Ф. Черданцевым, С. И. Вильнянским и другими учеными.

Целью настоящей статьи является формулирование ряда теоретических положений, которые могли бы, с одной стороны, быть развитием научного знания в соответствующей области, а с другой, – быть инструментом профессиональной обработки текстов актов гражданского законодательства.

Научное творчество С. С. Алексеева является в определенном смысле вершиной советской и российской юридической науки. Поэтому сформулированные им теоретические положения и оценки могут рассматриваться как то понимание соответствующих проблем, которое сложилось в отечественной юридической науке в целом. Правовую норму С. С. Алексеев характеризовал, в частности, как предписание, находящее «прямое выражение в тексте нормативного или иного правового акта» [1, с. 36]. При этом «конкретное нормативное предписание (под таковым автор понимает правовую норму. – В.Р.) не существует вне определенного, структурно выделенного подразделения в тексте акта» (там же). Похоже, что тут ставится знак равенства между правовой нормой и положением нормативно-правового акта. В приведенном фрагменте из научной работы С.С. Алексеева привлекает внимание указание на «прямое» (выражение правовой нормы в акте). Выходит, что ученый признает, что в нормативном тексте правотворческий орган выражает свои мысли прямо и непрямо. Но правовая норма может содержаться только в той сформулированной в нормативном тексте мысли правотворческого органа, которая выражена прямо. Автор этой статьи был бы благодарен коллегам по науке, если бы опровергли этот его вывод, но пока он оказался в глубоких сомнениях. С одной стороны, – вершина юридической науки, а с другой, – стремление к истине, которое не позволяет согласиться с тем, что эта вершина утверждает.

Практика – критерий истины. Этому нас учили классики коммунистического учения. И в этом они, видимо, были правы. Поэтому обратимся к этой практике, сначала – к законодательной, а потом – правоприменительной. Из ст.6 ГК мы узнаем, что регулирование гражданских отношений может быть «прямым», а когда прямое урегулирование отсутствует, применяется правовая конструкция аналогии закона. Выходит, что когда применяется правовая конструкция аналогии закона, имеет место не прямое регулирование гражданских отношений. Это полностью согласуется с приведенными выше сформулированными С. С. Алексеевым научными положениями.

Но законодатель оказался не твердым в таком понимании прямого и непрямого правового регулирования. В ст. 1 позднее (чем Гражданский кодекс) принятого Гражданского процессуального кодекса законодатель связывает применение норм гражданского процессуального права по аналогии с отсутствием норм, которые «регулируют» (а не «прямо регулируют») процессуальные отношения. Такая ж терминология используется и в ст. 2 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации. Что касается Гражданского кодекса, то употребление словосочетаний «прямо предусмотрено» (п.1 ст. 4), «прямо указано» (п.2 ст. 162), «прямое указание» (п.2 ст. 188¹) наряду со словами «установлено», «предусмотрено» (без слова «прямо»), словосочетаниями «из закона не следует» (п.1 ст. 168), «вытекает (не вытекает) из закона» (п.2 ст. 423) дает основание для утверждения, что есть правовые нормы, которые установлены прямо и непрямо. В последнем случае они из акта гражданского законодательства «вытекают».

Перечисление в п.73 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2015 г. №25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» в случаях, когда сделка является ничтожной «в силу прямого указания» закона также дает основание утверждать, что

прямое установление правовых норм заключается в таком их закреплении, когда в нормативном тексте непосредственно формулируются гипотеза и диспозиция правовой нормы, а для их обнаружения не требуется лингвистического, а тем более – логического преобразования нормативного текста. При этом не исключается не прямое закрепление (установление) правовых норм.

Непрямое установление правовых норм имеет место уже тогда, когда они в положениях актов законодательства закрепляются текстуально. Это связано с тем, что правотворческие органы проявляют стремление к изящной словесности (Французский гражданский кодекс иногда даже сравнивают как литературное произведение с творчеством Дюма) и используют не нормативные лингвистические формы (при таких-то обстоятельствах такое-то лицо приобретает такое-то право), а описательные лингвистические формы, например, «заказчик организует и осуществляет приемку результата работ...» (п.2 ст. 752 ГК), «вред... возмещается...» (ст.1084 ГК).

Таким образом, уже текстуально закрепленные нормы гражданского права делятся на установленные прямо и непрямо. Но далеко не все правовые нормы текстуально закрепляются в актах гражданского законодательства. Есть еще и такие нормы гражданского права, которые текстуально не закреплены, но они содержатся в соответствующих нормативных положениях. Закрепляются они логически. Ситуацию в науке во многом характеризует то обстоятельство, что в философии права проблема логически закрепленных норм помечена. В частности, И. П. Маликова пишет, что для нормативных текстов характерна содержательная двойственность. Определенная система значений артикулируется в них первоначально и с учетом этого является очевидной. За ними скрывается вторичная система значений, для которой первая является формой репрезентации [2, с. 82]. Казалось бы, в первую очередь наука гражданского права и должна была обратиться к этой неочевидной вторичной системе значений. Но такого не произошло ни в гражданском праве, ни в других отраслевых юридических науках.

Наиболее наглядным примером логического закрепления правового предписания, правда, в индивидуальном (а не нормативном) акте, дает практика Древнего Рима. Уходя на войну, римлянин составил завещание. Он завещал на случай если он погибнет, а жена родит сына, передать сыну две трети своего имущества, а жене – одну треть. На случай рождения дочери римлянин завещал жене две трети своего имущества, а дочери – одну треть. Родились мальчик и девочка. По практике жестко буквального толкования правовых актов, которая господствовала в Древнем Риме со времени принятия Законов XII таблиц, такое завещание не должно было влечь каких-либо гражданско-правовых последствий. Но дело было в I веке н. э., когда уже наметился отход от жесткого формализма, и оно было решено с учетом логического содержания завещания. Из текста завещания явствовало, что завещатель какую-то долю наследственного имущества завещает дочери. Вдвое большую долю он завещает жене. А сыну он завещал долю наследственного имущества, которая должна быть вдвое большей, чем доля жены. Следовательно, наследственное имущество подлежит разделу на доли, одна из которых переходит дочери, две (вдвое больше, чем дочери) – жене, четыре (вдвое больше, чем жене) – сыну. Всего долей, на которые подлежит разделу наследственное имущество, – семь. Такие предписания были сделаны в завещании логично, хотя текстуально они в завещании не содержались.

Возникает вопрос о том, а можно ли встретить подобные (логически закрепленные) правовые нормы в современном российском гражданском праве. Ответ должен быть положительным, поскольку огромное количество правовых норм логически закрепляются в актах гражданского законодательства. Обнаруживаются они при толковании, в частности, при помощи учета контекста (такие правовые

нормы вытекают из контекста). Примером может быть п.1 ст. 380 ГК. Здесь ничего не говорится о том, могут ли быть обеспечены залогом обязательства с неимущественным содержанием. Но поскольку задаток передается «в счет причитающихся» с должника «платежей по договору» (п.1 ст. 380 ГК), то при отсутствии этих причитающихся платежей правовая конструкция задатка не может быть использована. Однако В. В. Витрянский игнорирует правовую норму, которая логически закреплена в указанном законодательном положении, полагая, «что действующий ГК... не исключает возможности обеспечения задатком предварительного договора» [3, с. 485]. Но ведь предварительный договор не порождает имущественных правоотношений, а выдача задатка во исполнение обязанностей в таких правоотношениях противоречит правовой норме, которая логически закреплена в п.1 ст.370 ГК и вытекает из ее контекста. В то же время законодатель не может быть ограничен в праве устанавливать любые целесообразные правовые конструкции в специальных правовых нормах. Такой специальной правовой нормой, предусматривающей возможность выдачи задатка в обеспечение обязательств, возникающих на основании предварительного договора, ст.370 ГК была дополнена Федеральным законом от 8 марта 2015 г.

Наибольший массив правовых норм, логически закрепленных в актах законодательства представляют правовые нормы, которые обнаруживаются при толковании при помощи вывода а contrario. Этот вывод не является для юридической науки чем-то новым. Анализируя мнение Ульпиана по одному вопросу, Ф. К. фон Савиньи прибегает к выводу а contrario [4, с. 526]. Подробные научные положения, касающиеся использования вывода а contrario, формулирует Е. В. Васьковский [5, с. 290–320]. Но странным образом он в своем произведении, охарактеризованном как лучшее исследование проблем юридической герменевтики через 50 лет после его опубликования С. И. Вильнянским [6, с. 46], а еще через 50 лет – В. А. Беловым [7, с. 12], даже не обратил внимание на то, что рассматриваемые правовые нормы, по общему правилу, не способны конкурировать с текстуально закрепленными нормами, даже общими, а поэтому он не исследовал и те логически закрепленные и обнаруживаемые при помощи вывода а contrario правовые нормы, которые являются несовместимыми с текстуально закрепленными правовыми нормами и способны конкурировать с ними при правоприменении.

Что касается работ ученых – специалистов в области теории права, то, не имея возможности опереться на отраслевые исследования правовых норм, обнаруживаемых при помощи вывода а contrario (за отсутствием таких исследований), они объективно не могли подняться до уровня формулирования действительно новых научных положений. Это касается претендующих на фундаментальность работ А. Ф. Черданцева [8; 9; 10], А. С. Пиголкина [11] и упомянутого выше С. И. Вильнянского [6].

Не лучше выглядит существующая ситуация и в тех случаях, когда ученые пробуют использовать вывод а contrario в целях толкования конкретных законодательных положений. Так, профессор М.Г. Розенберг, одинаково блестяще ориентирующийся и в теории гражданского права и в нормах гражданского права, использовал вывод а contrario при комментировании ст. 453 ГК. Далее он написал: «Допустимость такого вывода не вызывает сомнений. Однако при применении этого предписания решающее значение приобретают характер его обязательности и соотношение с другими нормами ГК» [12, с. 742]. Но от решения поставленных им же вопросов М.Г. Розенберг уклонился. Таким образом, надежда узнать мнение ученого по этому вопросу, едва появившись, исчезла.

Оригинально применил вывод а contrario судья Конституционного суда Украины Д. Д. Лылак, который в свое время защитил кандидатскую диссертацию по

проблемам правотолкования. В особом мнении к одному из решений Конституционного суда Украины он из ст.131 Конституции, которая определяет полномочия Высшего совета юстиции, сделал вывод о том, что иных полномочий (кроме перечисленных в названии статьи) Высший совет юстиции иметь не может. Проведенное нами исследование правовых норм, которые логически закреплены в актах гражданского законодательства, дали основание для противоположного утверждения, имеющего межотраслевое значение. Дело в том, что правовые нормы, которые логически закреплены в актах гражданского законодательства и обнаруживаются при толковании при помощи вывода *a contrario*, не способны конкурировать с текстуально закрепленными (общими) правовыми нормами, совместимыми со специальными текстуально закрепленными правовыми нормами, из которых делается вывод *a contrario*. В данном случае специальная правовая норма, из которой сделан вывод *a contrario*, текстуально закреплена в ст.131 Конституции Украины, определяющей полномочия Высшего совета юстиции. По отношению к этой специальной норме общей является правовая норма, текстуально закреплённая в части второй ст.19 Конституции Украины, в соответствии с которой государственные органы должны действовать только на основании, в пределах полномочий и способом, которые установлены Конституцией и законами Украины. Следовательно, общая норма допускает, что полномочия любого государственного органа, в том числе и Высшего совета юстиции, могут определяться не только Конституцией, но и законами. Эта общая правовая норма, текстуально закреплённая в ст.19 Конституции, совместима (то есть может применяться одновременно) со специальной правовой нормой, текстуально закреплённой в ст.131 Конституции Украины. При таких условиях правовая норма, логически закреплённая в этой статье и обнаруживаемая при толковании при помощи вывода *a contrario*, не может применяться в противоречие с общей нормой, текстуально закреплённой в ст.19 Конституции Украины. А полномочия Высшего совета юстиции могут устанавливаться не только Конституцией, а и законами Украины.

Общераспространенными являются правовые нормы, которые закрепляются в актах законодательства логически, а при толковании обнаруживаются при помощи вывода от последующего правового явления к предыдущему и наоборот. Обычно, правда, принято говорить о выводе от условий к следствию и наоборот. Именно этот последний термин использовал Е.В. Васьковский [5, с.349]. Мы однако пришли к выводу, что более приемлемым является предложенный нами термин – «вывод от последующего правового явления к предыдущему и наоборот», поскольку связь явлений, применительно к которой используется этот вывод, не обязательно (не всегда) имеет характер детерминации.

Этот вывод начал использоваться в Древнем Риме, когда только начался постепенный переход от строгого формализма при толковании правовых норм к учету логически закреплённых в правовых актах норм (I век н.э.). До этого завещания в пользу рабов считались ничтожными. Постепенно, однако, пришло понимание того, что раз римлянин составил завещание в пользу раба, то он имел в виду и признать его субъектом гражданского права, то есть даровать ему свободу. Поэтому такой вывод (от последующего правового явления к предыдущему) и стали делать при толковании завещаний в пользу рабов, не содержащих указания на то, что рабу в соответствующем случае даруется свобода.

Сегодня без использования этого вывода нельзя понять содержание многочисленных положений гражданского законодательства. Так, в п.3 ст.551 ГК предусматривается правовая норма, в соответствии с которой при уклонении одной из сторон от регистрации перехода права собственности на недвижимость суд вправе по требованию другой стороны вынести решение о государственной регистрации права.

Но о праве стороны обратиться в суд с таким иском речь тут не идет. О требовании, по которому суд выносит указанное решение, речь идет в гипотезе правовой нормы, текстуально закрепленной в п.3 ст.551 ГК. А в гипотезах, как известно, права и обязанности не устанавливаются, а только определяются обстоятельства, наступление которых влечет возникновение прав и обязанностей. Так где же и как закрепляется правовая норма, дающая стороне право обратиться в суд с иском о регистрации перехода права собственности? Эта правовая норма логически закреплена в п.3 ст.551 ГК и обнаруживается при толковании при помощи вывода от последующего правового явления к предыдущему: раз суд вправе вынести решение о регистрации перехода права собственности, что предусмотрено правовой нормой, текстуально закрепленной в п.3 ст.551 ГК (последующее правовое явление), сторона имеет право при соответствующих условиях обратиться в суд с иском о регистрации перехода права собственности, что предусмотрено правовой нормой, логически закрепленной в п.3 ст.551 ГК (предыдущее правовое явление).

Известно, что Европейский суд по правам человека истолковал право на справедливый суд, закрепленное в п.1 ст.6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, таким образом, что она закрепляет право на доступ к суду и право на выполнение судебного решения. В этой связи первый судья Европейского суда по правам человека от России профессор В. А. Туманов заметил, что Суд расширяет содержание п.1 ст.6 Конвенции [13, с. 89]. Такую же мысль высказала и голландский автор Д. Гомьен [14, с. 54]. Представляется, что это – неправильная трактовка практики Европейского Суда по правам человека. Расширительное и ограничительное толкование является неприемлемым, поскольку критерии допустимости такого толкования законом нигде и никогда не предусматривались, а наукой – никогда не разрабатывались. Европейский Суд делает из п. 1 ст. 6 Конвенции два вывода. Первый – это вывод от последующего правового явления (права на справедливый суд) к предыдущему (праву на доступ к суду): раз признается право на суд, то нельзя не признать право на доступ к суду, иначе преграды в доступе к суду вообще лишают права на справедливый суд. Второй – это вывод от предыдущего правового явления (права на справедливый суд) к последующему (праву на выполнение судебного решения): раз признается право на справедливый суд, то нельзя не признать право на выполнение решения суда, иначе право на справедливый суд превратится в право на участие в спектакле под названием «судебный процесс», что было бы глумлением над правосудием.

В актах гражданского законодательства логически закрепляются правовые нормы, которые при толковании обнаруживаются при помощи вывода степени (a fortiori). Без использования этого вывода также нельзя удовлетворительно истолковывать многие положения гражданского законодательства. Так, в соответствии с п.2 ст.715 ГК заказчик вправе отказаться от исполнения договора, если подрядчик выполняет работу настолько медленно, что окончание ее к сроку становится явно невозможным. Совершенно очевидно, что гипотеза правовой нормы, установленной п.2 ст.715 ГК, не позволяет распространять действие этой нормы на отношения, возникающие после истечения предусмотренного договором срока выполнения работы. Поэтому по истечении этого срока заказчик не вправе отказаться от исполнения договора подряда на основании п.2 ст.715 ГК. Такой вывод следует из правовой нормы, текстуально закрепленной в п.2 ст.715 ГК. Однако следует исходить из презумпции разумности положений гражданского законодательства: не может быть такого, чтобы законодатель предоставил заказчику право отказаться от исполнения договора, когда своевременное выполнение работы стало явно невозможным, и не предоставил такого права в случае, когда эта невозможность стала действительностью: если угроза невыполнения работы в срок является основанием возникновения

права на отказ от исполнения договора, то невыполнение работы к моменту окончания установленного срока тем более должно признаваться таким основанием. При помощи вывода *a fortiori* мы обнаружили правовую норму, которая логически закреплена в п.2 ст.715 ГК.

Следует подчеркнуть, что логическое закрепление этой правовой нормы в п.2 ст.715 ГК исключает применение по аналогии к отношениям по поводу отказа заказчика от исполнения договора подряда после истечения установленного срока выполнения работ п.2 ст.715 ГК ввиду отсутствия пробела в гражданском законодательстве. К тому же следует заметить, что основания для применения закона по аналогии в данном случае отсутствуют еще и потому, что этому препятствует правовая норма, которая логически закреплена в п.2 ст.715 ГК, обнаруживается при толковании при помощи вывода *a contrario* и в соответствии с которой при отсутствии условий, указанных в этом пункте, заказчик не вправе отказаться от исполнения договора подряда. Напротив, эта правовая норма не препятствует применению правовой нормы, которая текстуально закреплена в п.2 ст.715 ГК и обнаруживается при помощи вывода *a fortiori*.

К таким грубым ошибкам приводит игнорирование правовых норм, логически закрепленным в актах законодательства и обнаруживаемым при помощи вывода *a fortiori*, показывает следующий пример. Один из судей Конституционного Суда Украины написал особое мнение, в котором он указал, что ст.22 Конституции Украины запрещает ограничивать установленные законами права и свободы человека и гражданина, но не запрещает их отменять. Это мнение действительно соответствует правовой норме, текстуально закрепленной в ст.22 Конституции Украины. Но оно не соответствует правовой норме, которая логически закреплена в этой статье, обнаруживается при толковании при помощи вывода *a fortiori* и в соответствии с которой запрещение ограничивать установленные законом права и свободы тем более означает запрещение отменять эти права и свободы при принятии новых законов и при внесении изменений в действующие законы.

Изложенное дает основание для вывода о том, что наука гражданского права должна обратиться к подробному исследованию проблемы способов закрепления правовых норм в актах гражданского законодательства. Особого внимания при этом заслуживают правовые нормы, которые логически закреплены в актах гражданского законодательства. И уж совсем не исследованными остаются проблемы соотношения логически закрепленных норм гражданского права между собой и с текстуально закрепленными правовыми нормами. Обращение к этим проблемам дало бы возможность разработать рекомендации, в которых остро нуждается правоприменительная, в особенности судебная практика.

Список литературы

1. Алексеев С. С. Общая теория права. В двух томах. Т. II. М.: Юридическая литература, 1982. – 360 с.
2. Малинова И. П. Философия права (от метафизики к герменевтики). – Екатеринбург, 1995. – 218 с.
3. Савиньи Ф. К. Обязательственное право. – М., 1986. – 581 с.
4. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право: Общие положения. – М.: Статут, 1997. – 682 с.
5. Васьковский Е. В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. – М.: ЦентрЮрИнфоР, 2002. – 432 с.
6. Вильнянский С. И. Толкование и применение гражданско-правовых норм / Методические материалы Всесоюзного юридического заочного института. – Вып. 2. – М., 1948. – С. 42–61.
7. Белов В. А. «... Выдающийся русский ученый – юрист...» / Васьковский Е.В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. – М.: ЦентрЮрИнфоР, 2002. – С. 5–29.
8. Черданцев А. Ф. Вопросы толкования советского права. – Свердловск, 1972. – 191 с.

9. Черданцев А. Ф. Толкование советского права. – М.: Юридическая литература, 1979. – 168 с.
10. Черданцев А. Ф. Толкование права и договора. М.: ЮНИТИ, 2003. – 381 с.
11. Пиголкин А. С. Толкование нормативных актов в СССР. – М.: Госюриздат, 1962. – 167 с.
12. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / под ред. О. Н. Садикова. – М.: Контракт-Инфра, 1997. – 778 с.
13. Туманов В.А. Европейский суд по правам человека. Очерк организации и деятельности. – М.: Норма, 2001. – 316 с.
14. Гом`єн Д. Короткий путівник Європейською конвенцією з прав людини. – К.: Фенікс, 2006. – 192 с.

Spisok literaturyi:

1. Alekseev S. S. Obschaya teoriya prava. V dvuh tomah. T. II. M.: Yuridicheskaya literatura, 1982. – 360 s.
2. Malinova I. P. Filosofiya prava (ot metafiziki k germeneytiki). – Ekaterinburg, 1995. – 218 s.
3. Savini F. K. Obyazatelstvennoe pravo. – M., 1986. – 581 s.
4. Braginskiy M.I., Vitryanskiy V.V. Dogovornoe pravo: Obschie polozheniya. – M.: Standart, 1997. – 682 s.
5. Vaskovskiy E. V. Tsivilisticheskaya metodologiya. Uchenie o tolkovanii i primenении grazhdanskih zakonov. – M.: TsentrYurInfoR. – 2002. – 432 s.
6. Vilnyanskiy S. I., Tolkovanie i primeneniye grazhdansko-pravovyih norm / Metodicheskie materialyi Vsesoyuznogo yuridicheskogo zaochnogo instituta. Vyip. 2. – M., 1948. – S. 42-61.
7. Belov V. A. «... Vyidayuschiysya russkiy ucheniy – yurist...» / Vaskovskiy E.V. Tsivilisticheskaya metodologiya. Uchenie o tolkovanii i primenении grazhdanskih zakonov. – M.: TsentrYurInfoR. – 2002. – S. 5-29.
8. Cherdantsev A. F. Voprosyi tolkovaniya sovetskogo prava. – Sverdlovsk, 1972. – 191 s.
9. Cherdantsev A. F. Tolkovanie sovetskogo prava. – M.: Yuridicheskaya literatura, 1979. – 168 s.
10. Cherdantsev A. F. Tolkovanie prava i dogovora. M.: YuNITI, 2003. – 381 s.
11. Pigolkin A.S. Tolkovanie normativnyih aktov v SSSR. – M.: Gosyurizdat, 1962. – 167 s.
12. Kommentariy k Grazhdanskomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii, chasti pervoy (postateyniy) / pod red. O.N. Sadikova. – M.: Kontrakt-Infra, 1997. – XXII, – 778 s.
13. Tumanov V.A. Evropeyskiy sud po pravam cheloveka. Ocherk organizatsii i deyatel'nosti. – M.: Norma, 2001. – 316 s.
14. Gomen D. Korotkiy putivnik Evropeyskoyu konventsiey z prav lyudini. – K.: FenIks, 2006. – 192 s.

Rotan V. G. // Scientific messages of Crimean federal university the name of V. I. Vernadsky. Juridical sciences. – 2015. – T. 1 (67). №2. – P. 141–148.

The problem of the legal ways to fix the legal norms in acts of civil legislation has never attracted a proper attention of science. Even E. V. Vaskovsky, who created a powerful rationalist doctrine of the interpretation and application of civil laws, did not lead the study of these methods to the logical conclusion. We meet problems even in the interpretation of textually enshrined legal norms. As for logically fixed legal rules, they are simply ignored both by science and by practice of law-making. The scientific tools of discovering logically enshrined legal norms is usually replaced by an abstract reference to the meaning or content of the relevant provision of the act of the civil legislation. Therefore, the science of civil law should apply to the study of logically fixed legal rules. Logically embodied in the acts of the civil legislation legal norms can be found in the interpretation by considering the context and using the derivation a contrario, a fortiori, from previous legal phenomenon to the next, and vice versa. Logically fixed legal norms of civil law are able to compete with the textually enshrined legal norms. However, legal norms, discoverable by using a derivation a contrario could not be applied in contradiction with the textually enshrined legal norms. However, this rule has some exceptions.

Keywords: legal norm; civil law; textually fixed legal norms; logically fixed legal norms; derivation of degree; derivation to the contrary; context; preferential application of the rules; the competition between the legal norms.

УДК 349.2

СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА ПРАВА НА ОТПУСК

Сонин О. Е.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье анализируется проблема защиты трудовых прав работников. Автор исследует возможность судебной защиты прав работников на получение отпуска и способы, с помощью которых такая защита может совершаться. Автор делает вывод, что недостаточно только установить это право в законодательстве, необходимо также закрепить эффективный механизм реализации этого права.

Ключевые слова: судебная защита, право на отпуск, работник, работодатель.

Актуальность проблемы защиты трудовых прав работников обусловлена недостаточным вниманием к этой проблеме со стороны науки трудового права и не вполне соответствующим потребностям практики состоянием законодательства, несмотря на наличие значительного количества публикаций, в которых затрагиваются те или иные аспекты проблемы защиты трудовых прав, обосновываются предложения по усовершенствованию правового регулирования соответствующих отношений. Эти предложения в той или иной мере заслуживают поддержки, однако нуждаются в дальнейшей разработке и обсуждении, в том числе применительно к отдельным возможным случаям (способам) нарушения нуждающихся в восстановлении прав работников.

С учетом изложенного актуальным должно признаваться и исследование проблемы судебной защиты права на отпуск, поскольку эта проблема, как правило, остается за пределами внимания ученых, хотя традиционно анализу правового регулирования отпусков уделяется много внимания. Однако вопросы защиты права на отпуск в полной мере до настоящего времени не разрешены в науке трудового права; соответственно, не вполне удовлетворительно они решаются и в законодательстве о труде.

Поэтому в пределах данной статьи ставится задача проанализировать возможность судебной защиты права работников на получение отпуска и способов защиты такого права.

Право работника на отпуск как один из видов времени отдыха закрепляется многочисленными правовыми предписаниями. Оно признается ст. 38 Конституции России [1], ст. 116 Трудового кодекса РФ [2]. Эти и другие акты законодательства устанавливают достаточно развернутые правила, устанавливающие содержание и объем права на отпуск, порядок реализации этого права. Казалось бы, в таких условиях право работника на отпуск находится под всесторонней правовой охраной и, соответственно, является эффективно защищенным.

Однако специфика права на отпуск, как и многих иных трудовых прав работников, состоит в том, что недостаточно только установить это право в законе. Необхо-

димым является также закрепление эффективного механизма реализации этого права, поскольку работники заинтересованы, как правило, в том, чтобы фактически это право реализовать. Необходимо в связи с этим, в частности, установление способов, которыми право на отпуск будет защищаться. Именно вследствие отсутствия такого эффективного механизма на стадии реализации права на получение отпуска и возникают трудности. Они обусловлены неисполнением работодателями по объективным или субъективным мотивам возложенных на них обязанностей, а также отсутствием способов защиты данного права, которые могли бы быть признаны эффективными и четко установленными.

Трудности, возникающие на стороне работников при реализации ими права на отпуск, связаны, прежде всего, с содержанием положений ст. 122–123 Трудового кодекса, устанавливающих порядок предоставления ежегодных отпусков. Во-первых, устанавливается, что очередность предоставления отпусков определяется графиками отпусков, утверждаемых работодателем и являющихся обязательными как для него, так и для работников. Во-вторых, устанавливается обязанность работодателя извещать работника о времени начала отпуска не позднее чем за две недели до его начала, из чего следует сделать вывод о том, что дату начала отпуска в пределах установленной графиком очередности определяет работодатель самостоятельно.

В связи с этим возникает ряд вопросов относительно возможности получения отпуска работниками, которые вообще не учтены по тем или иным причинам в графике отпусков либо право которых на получение отпуска в определенное время нарушается этим графиком.

В связи с этим следует, на наш взгляд, учитывать следующее. Ст. 123 Трудового кодекса устанавливает, что графики отпусков утверждаются в организациях с учетом мнения выборного органа первичной профсоюзной организации не позднее, чем за две недели до наступления календарного года. При этом законодатель прямо не решает вопрос о праве работодателя вносить изменения в графики отпусков. Следовательно, если работник принят на работе после составления графика отпусков, то при условии соблюдения работодателем требований действующего законодательства этот работник не может быть включен в график, который уже был утвержден на момент возникновения трудовых отношений с участием данного работника. В таких условиях и с учетом того, что весь порядок предоставления отпусков связан с графиком, работник как будто лишается возможности реализовать свое право на получение ежегодного отпуска в данном году.

Такое утверждение не учитывает, что задачей отраслевой юридической науки является не сама по себе констатация дефектов законодательного материала, а разработка рекомендаций по преодолению таких дефектов. Не учитывает оно и того, что прямым установлением правовых предписаний не исчерпывается арсенал способов закрепления прав и обязанностей, который используется законодателем. Таким образом, адекватным ответом на рассматриваемый вопрос должен признаваться вывод о том, что если законодатель с целью установления порядка реализации права на отпуск работниками принадлежащего им права на отпуск предоставил работодателю право составлять графики отпусков, то тем более он уполномочивает работодателя на внесение изменений в такие графики с целью обеспечения реализации права на отпуск работниками, приступившими к работе после составления соответствующего гра-

фика. Следовательно, при таких условиях работодатель вправе внести соответствующие изменения в график отпусков. По поводу второго вопроса следует учитывать следующее. Ст. 122 Трудового кодекса устанавливает право отдельных категорий работников на получение отпуска в первый год работы по желанию работника до наступления шестимесячного срока непрерывной работы. Очевидно, что таким образом законодатель предоставил определенным работникам право требовать предоставления им отпуска в определенное ими время.

Применительно к отдельным работникам устанавливается право на получение как в первый, так и в последующие годы работы в данной организации отпуска в удобное для работников время (то есть право определять время предоставления отпуска). Естественно, что по требованию работников, за которыми признается право на получение отпуска в то или иное время, либо на основании закона, который определяет время предоставления определенным работникам отпуска, соответствующие положения должны быть включены в график отпусков при его составлении.

Понятно, что проведение переговоров работника с работодателем по вопросам, о которых идет речь, как способ защиты нарушенного или не признаваемого права работника на получение отпуска в определенное время, не является достаточно эффективным и адекватным общественным потребностям. Если работодатель уклоняется от исполнения возложенных на него обязанностей, он обычно действует осознанно, понимая противоправный характер своих действий. Поэтому эффективное восстановление соответствующих прав работников возможно в таких случаях лишь при условии рассмотрения спора судом или иным уполномоченным органом, решение которого является обязательным и исполняется в принудительном порядке.

Однако законодатель прямо не установил право работника при описанных условиях обратиться в суд или в комиссию по трудовым спорам с требованием о понуждении работодателя к исполнению обязанности включить в график отпусков положения, о которых идет речь, либо с требованием о предоставлении работнику отпуска в определенное им или законом время, либо с иным подобным по содержанию требованием. Возникает впечатление, что судебная защита права на отпуск, которое таким образом нарушено работодателем, является невозможной.

Полагаем, что такое впечатление должно быть признано ошибочным. В юридической науке длительное время ведется дискуссия о месте права на защиту. Отдельные ученые считают, что право на защиту в содержание субъективного права не входит, а существует как самостоятельное субъективное право, возникающее в случаях нарушения или оспаривания права и при условии, что законом предусмотрена охрана этого права [3, с. 29–30; 4, с. 11–12]. Другими право на защиту рассматривается как элемент любого субъективного права, которое (право на защиту) вытекает из самой природы субъективного права [5, с. 160; 6, с. 172]. Так или иначе, любое притязание лица, которому предоставлен статус субъективного права (а значит, и правовая охрана), предполагает возможность обращения к юрисдикционным органам за защитой. Отрицание за управомоченным лицом такой возможности лишало бы смысла существование субъективного права, делало бы невозможным его отграничение от смежных правовых явлений (в частности, интереса). Поэтому следует согласиться с тем, что предоставление определенным притязаниям лица статуса субъективного права одновременно означает наделение этого лица правом обратиться в суд с требованием о защите этого притязания, а соответственно, – уполно-

мочивает суд при наличии оснований такое требование удовлетворить.

Следовательно, нет никаких оснований утверждать, что удовлетворение судом требования работника о включении в график отпусков сведений об очередности предоставления ему отпуска (когда трудовые отношения с участием такого работника возникли после составления графика отпусков) или о предоставлении ему отпуска в определенное им или законом время (когда соответствующее право работника не учтено при составлении графика отпусков и с учетом этого график подлежит корректировке) является невозможным, поскольку такие способы защиты нарушенных прав не предусмотрены законом.

Вывод о непрямом установлении судебных способов защиты права на отпуск касается и случаев, когда работодатель не признает право работника на получение отпуска в определенное время. Работник в таких случаях, на наш взгляд, вправе заявить в суде требование о признании его права на получение отпуска в определенное время. Удовлетворение такого требования устраняет разногласия между работодателем и работником относительно наличия у последнего права. Следовательно, такое требование также должно признаваться эффективным способом защиты права на отпуск, поскольку определившись в содержании прав работника и соответствующих им своих обязанностей, работодатель в обычном случае вынужден будет учесть требование работника в графике отпусков. В остальных случаях работник не лишен права обратиться в суд с одним из рассмотренных выше требований.

Изложенное, на наш взгляд, могло бы быть учтено правоприменительной практикой. Однако с учетом специфики трудовых правоотношений, их распространенности и субъектного состава, неотложной задачей следует признать и соответствующую корректировку актов законодательства о труде, устанавливающих право работников на отпуск и порядок защиты трудовых прав.

В частности, в Трудовой кодекс следует включить положения, которые бы прямо устанавливали право работника обратиться при соответствующих условиях в суд или комиссию по трудовым спорам с требованием о включении в график отпусков сведений об очередности предоставления работнику отпуска, о предоставлении работнику отпуска в определенное им или законом время, о признании наличия у работника права на отпуск в определенное им или законом время.

С целью усовершенствования порядка предоставления работникам отпусков необходимой является и ревизия действующих правовых предписаний Трудового кодекса, которые устанавливают последствия нарушения работодателем такого порядка и предоставляют работникам определенные правовые возможности, как считается в науке, также направленные на защиту права на отпуск. Речь идет о положениях ст. 124 Трудового кодекса, которыми в частности предусматривается, что отпуск подлежит по требованию работника переносу на другой период, если работодатель нарушил срок предупреждения работника о времени начала этого отпуска либо работнику не была своевременно произведена оплата за время отпуска.

Главным дефектом этих положений является их очевидная неэффективность, поскольку реализация работником права требовать переноса ежегодного отпуска на другой период, во-первых, создает эффект «заколдованного круга», а во-вторых, является возможной лишь при условии, что работодатель прекратит противоправные действия и согласится на перенос отпуска.

Эффект «заколдованного круга» возникает потому, что реализация работником

права заявить требование о переносе ежегодного отпуска на другой период является недостаточной для восстановления его права на получение отпуска. Поскольку, как уже отмечалось выше, период предоставления отпуска определяется содержанием графика отпусков, работник, по требованию которого произошел перенос отпуска, будет вынужден требовать от работодателя совершения дополнительно ряда действий: работодатель должен внести соответствующие изменения в график отпусков с тем, чтобы определить новую очередность получения работниками отпусков; своевременно предупредить работника о новом сроке предоставления отпуска и оплатить работнику время такого отпуска. Все это является возможным лишь при наличии доброй воли работодателя и существенно усложняет взаимные обязательства сторон трудового договора. В случае же отсутствия такой воли работодателя требование о переносе времени отпуска, если оно и будет удовлетворено, неспособно содействовать фактической реализации работником права на отпуск. К тому же право требовать переноса отпуска на другой период не является эффективным способом защиты права на отпуск, когда речь идет об отпусках, время предоставления которых определяется самим работником либо законом.

С учетом изложенного положения ст. 124 Трудового кодекса должны быть существенно скорректированы. Вместо действующих на данное время положений целесообразным было бы установить, что в случае нарушения срока предупреждения или оплаты за время отпуска работник имеет как минимум право выбора способа защиты: или реализовать те полномочия, которые ему предоставлены в настоящее время, или реализовать право на отпуск в определенное с учетом графика отпусков работодателем время и одновременно обратиться к работодателю с требованием о выплате определенной денежной суммы как санкции за допущенное им нарушение.

На наш взгляд, предложения, изложенные в настоящей статье, в случае их реализации способны, с одной стороны, повысить соответствие правоприменительной практики законодательству, а с другой стороны, – будут способствовать повышению эффективности правового регулирования трудовых отношений в целом и правового регулирования отпусков и порядка разрешения трудовых споров, – в частности.

В то же время положения, изложенные в статье, нуждаются в дополнительном осмыслении, углублении анализа соответствующего нормативного материала и разработке на этой основе более обоснованных предложений по правотворчеству и правоприменению. Было бы оправданным, если бы дальнейшие научные исследования проблемы защиты права на отпуск осуществлялись в направлении исследования судебных способов защиты права на отдельные виды отпусков, а также расширения круга способов защиты права на отпуск.

Список литературы

1. Конституция России, принята всенародным голосованием 12.12.1993 – Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации.
3. Шевченко Я. Н. Средства защиты в гражданском праве // Советское государство и право. – 1977. – № 7. – С. 55–62.
4. Бутнев В. В. Понятие механизма защиты субъективных гражданских прав // Механизм защиты субъективных гражданских прав: Сб. науч. тр. – Ярославль: Изд-во Ярославского ун-та, 1990. – С. 5–17.

5. Гражданское право в 2-х томах. Т.1. / Отв.ред. проф. Суханов Е. А. – М.: БЕК, 1993. – 384 с.
6. Проблемы теории государства и права: Учебник / Под ред. С. С.Алексеева. — М.: Юрид. лит., 1987. – 448 с.

Spisok literaturyi:

1. Konstitutsiya Rossii, prinyata vsenarodnyim golosovaniem 12.12.1993 - Sobranie zakonodatelstva RF. – 2014. - N 31. - St. 4398.
1. Trudovoy kodeks Rossiyskoy Federatsii
2. Shevchenko Ya.N. Sredstva zaschityi v grazhdanskom prave // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. – 1977. – № 7. – S.55–62.
3. Butnev V.V. Ponyatie mehanizma zaschityi sub'ektivnyih grazhdanskih prav // Mehanizm zaschi tyi sub'ektivnyih grazhdanskih prav: Sb. nauch. tr.. – Yaroslavl: Izdvo Yaroslavskogo unta, 1990. – S.5–17.
4. Grazhdanskoe pravo v 2h tomah. Т.1. / Отв.ред. проф. Суhanov Е.А. – М.: БЕК, 1993. – 384 с.
5. Problemyi teorii gosudarstva i prava: Uchebnik/Pod red. S.S.Alekseeva. — М.: Yurid. lit., 1987. — 448 с.

Sonin O.E. The court protection of the the right of leaves according to labour legislation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2015. – Т. 1 (67). №2. – P. 149–154.

The problem of the protection of labour rights of the wokers are analysed in the article. The author analyses possibility of the court protection of the worker's leaves and ways of this protection. The author makes conclutions, that insufficiently only fix this right in law, it is necessary, that was effective mechanism of the realization this right. The conclusion is that although under current legislation, the employee must be recognized legal possibility statements in court claim for recognition of the right to obtain leave at a certain time, or the laying on employer responsibilities reflect this employee's right to schedule vacation as well as the laying on the employer's obligation to provide employee leave at a certain time, corresponding rules should be enshrined directly in the Labour Code of Russia.

Keywords: court protection, right of leave, worker, employer.

УДК 93/94

РЕГУЛИРОВАНИЕ ВИНODEЛЬЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ КРЫМА В 1986–1990 гг. АНТИАЛКОГОЛЬНАЯ КАМПАНИЯ

Фоминых С. С.

Ассоциация "Адвокатская палата Республики Крым", адвокат

Аннотация: В статье рассматривается история внедрения так называемого «сухого закона» и проведения «антиалкогольной кампании» на территории Крыма 1986–1990 гг. и их влияние на винодельческую промышленность региона и виноградарство региона в целом. Выделяются и анализируются проблемы правового, административного, управленческого характера и связанные с ними экономические последствия, возникшие вследствие введения «сухого закона» и проведения мер по преодолению пьянства. Анализируются нормативная документация, архивные данные и отраслевые статистические показатели, касающиеся виноградарства, алкогольной промышленности в целом и винодельческой промышленности в частности по Крыму в указанный период. Исследуются мероприятия, проводимые в регионе и направленные на выполнение государственной антиалкогольной кампании, порядок реализации указанных мероприятий и проблемы, связанные с введением мер борьбы с алкоголизмом, в том числе связанные с перепрофилированием хозяйств винодельческой промышленности на выпуск безалкогольной продукции. Делаются выводы о неэффективности, нецелесообразности и экономической несостоятельности «антиалкогольной кампании» на территории Крыма в 1986–1990 гг., о негативном влиянии принятых мер на винодельческую промышленность региона и виноградарство в регионе.

Ключевые слова: перестройка, сухой закон, виноградарство, виноделие, антиалкогольная кампания, Крым.

Более тридцати лет прошло с момента начала проведения так называемой антиалкогольной кампании. Однако относительно экономической, производственной и научной целесообразности проведенных тогда в Крымской области мероприятий до настоящего времени нет единой точки зрения, а тем более объективных выводов, сделанных на основе анализа нормативной документации и архивных данных.

Старт антиалкогольной кампании был положен принятием Постановления Совета Министров СССР № 410 от 7 мая 1985 г. «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма, искоренению самогонварения». Указанным документом было предписано решительно усилить борьбу с пьянством, алкоголизмом, самогонварением и изготовлением других крепких спиртных напитков домашней выработки. Для осуществления поставленных задач предполагалось значительно активизировать деятельность трудовых коллективов, повысить ответственность руководителей предприятий, со всей строгостью применять меры воздействия, в том числе общественного, при выявлении такого явления, как пьянство. В практической плоскости предусматривалось значительное сокращение производства алкогольных напитков, прежде всего вина и спирта, получаемого из пищевого сырья.

20 мая 1985 г. Президиумом Верховного Совета Украинской ССР был принят Указ «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма, искоренению

самогоноварения», а впоследствии – Закон УССР № 1406-ХІ от 4 декабря 1985 г. Надо отметить, что этот указ дословно повторял аналогичные указы Президиума Верховного Совета РСФСР № 389-ХІ от 16 мая 1985 г., Президиума Верховного Совета Белорусской ССР № 141-ХІ от 20 мая 1985 г., а также указы законодательных органов других советских республик. Анализ перечисленных документов однозначно указывает на то, что в них не учитывались территориальные особенности регионов, их экономический и социальный потенциал.

Реализация предложенных антиалкогольных мер породила ряд проблем, связанных с экономической (финансовой), производственной и научной составляющими. Прежде всего, не были в должной мере спрогнозированы экономические (бюджетные) последствия проведения планируемых мероприятий. В итоге Украинская ССР за время «борьбы за трезвость» потеряла около пятой части своего бюджета. Вследствие резкого сокращения производства водки, ликероводочных изделий и вина (табл. 1) во всех союзных республиках произошло падение доходов от продажи алкогольной продукции: в 1980 г. доход составил 71,4 млрд рублей, в 1985 – 60,7, в 1986 – 36,8, в 1987 – 36,5, в 1988 – 42,6, в 1989 – 51,6, в 1990 г. – 55,5 млрд рублей [13, с. 5]. Заменить выпадающие доходы за счет производства и продажи безалкогольной продукции не удавалось, хотя рост объемов ее производства в результате перепрофилирования винзаводов на выпуск соков и напитков был весьма значительным (табл. 2).

Таблица № 1. Производство алкогольных напитков в СССР

Продукция	1980	1985	1986	1987	1988	1989	1990
Водка и ликеро-водочные изделия, млн дал	295	236	147	123	142	162	212
Вино виноградное, млн дал	323	265	141	147	179	193	162
Шампанское, млн бут.	176	248	195	225	256	256	249
Коньяк, млн дал	9,4	7,0	6,7	9,5	11,6	13,6	12,0
Пиво, млн дал	613	657	469	507	556	602	625

Составлено по: Народное хозяйство СССР в 1990 году. М., 1991. С. 523.

Таблица № 2. Производство натуральных соков в СССР, млн. условных банок

Продукция	1980	1985	1986	1987	1988	1989	1990
Соки натуральные, из них фруктовые	2791 2007	3678 2746	5396 4171	5623 4541	5749 4744	5241 4225	4952 4124

Составлено по: Народное хозяйство СССР в 1990 году. С. 518.

Активное, зачастую необдуманное проведение мероприятий антиалкогольной кампании сопровождалось сокращением площадей виноградных насаждений во всех категориях хозяйств (табл. 3) по стране в целом, в том числе и в Украинской ССР (табл. 4).

Таблица №3. Площадь виноградных насаждений в СССР, тыс. га

Площадь	1980	1985	1986	1987	1988	1989	1990
---------	------	------	------	------	------	------	------

Виноградные насаждения во всех категориях хозяйств, в том числе в плодоносящем возрасте	1323	1265	1162	1115	1107	1081	1077
	902	948	907	867	885	891	876

Составлено по: Народное хозяйство СССР в 1990 году. С. 482.

Таблица № 4. Площадь виноградных насаждений в Украинской ССР, тыс. га

Площадь	1980	1985	1990	1991
Виноградные насаждения во всех категориях хозяйств	248	209	176	171
в том числе в плодоносящем возрасте	173	134	143	141

Составлено по: Народное хозяйство УССР в 1991 году. Киев, 1992. С. 354.

Процесс внедрения мер в рамках антиалкогольной кампании активно осуществлялся в Крыму. По данным Всесоюзного научно-исследовательского института виноделия и виноградарства «Магарач» за 1985–1988 гг., в области было раскорчевано 36,4 тыс. гектаров виноградников, ввиду чего общее производство винограда сократилось на 20%, численность работающих уменьшилась на 17%, производство вина снизилось на 55% [14, с. 404]. В целом указанный период времени характеризуется специалистами аграрной отрасли как период неконтролируемой раскорчевки виноградников. Согласно данным Производственного объединения «Крымсовхозвинпром», в 1984 г. виноградники занимали 87,6 тыс. гектаров, в 1990 г. – 66,4 тыс. Только за 1989 г. было раскорчевано 4,8 тыс., а посажено 2,2 тыс. гектаров. Виноградарство как отрасль растениеводства начинает деградировать. Постепенно ликвидируется прививочная база. В 1989 г. производством саженцев занималось только восемь хозяйств, тогда как в 1984–1985 гг. – 24 [12].

Форсированное уничтожение виноградников происходило под давлением партийных и государственных органов управления. Заместитель председателя Крымского облигропрома А. С. Соколов вспоминал, что «руководители ездили по хозяйствам и требовали убирать с хороших земель виноградники, заменять их кормами. Угрожали привлечь к партийной ответственности» [12]. Первый секретарь Крымского обкома КПСС В. С. Макаренко вспоминал, что член Политбюро ЦК КПСС Е. К. Лигачев требовал уничтожить виноградники как первооснову производства алкогольной продукции. Он настаивал даже на ликвидации знаменитой винотеки «Массандры», где хранились образцы вин, выпущенных за все 150 лет существования предприятия, а также на закрытии самого завода. От разгрома тогда спасло только вмешательство первого секретаря ЦК Компартии Украины В. В. Щербицкого, который позвонил М. С. Горбачеву и высказал свою позицию по данному вопросу, на что Горбачев сказал: «Ну ладно, сохраните» [15]. Для многих крымчан уничтожение посадок винограда стало личной трагедией. Профессор ВНИИ ВиВ «Магарач» П. Я.

Голодрига не перенес того, что уничтожают дело всей его жизни, и покончил жизнь самоубийством.

Трудности в винодельческой отрасли Крымской области были связаны не только с вырубкой виноградников, но и с негативным влиянием погодных условий. В результате сильнейших морозов зимы 1985–86 г., которые бывают не чаще, чем раз в девять лет, в Крыму были признаны непригодными и подлежащими списанию 11 889 гектаров виноградников, в том числе в ведомственных хозяйствах Минсельхоза СССР – 7189, Минплодовощхоза СССР – 1467, Главплодвинпрома – 2845 гектаров [4, с. 81]. Для сравнения в 1986 г. по всей Украинской ССР подлежало утилизации 24 433 гектара виноградников. Примечательным в этой связи является то обстоятельство, что во время нахождения Крыма в составе независимой Украины (1991–2014 гг.) предпринимались неоднократные попытки оправдать уничтожение виноградников погодными условиями, а действия партийной номенклатуры и местных органов управления представить как борьбу с центральной московской властью на фоне антиалкогольной идеологической кампании. Ряд современных авторов утверждают, что крымская виноградная отрасль от «топора» не пострадала, а крымские власти спускали работу в этом направлении «на тормозах». Однако такая позиция представляется несостоятельной и явно противоречит архивным документам и статистическим данным.

Безусловно, часть руководства СССР (например, Н. И. Рыжков – председатель Совета Министров СССР с 27 сентября 1985 г.), союзных республик предвидела негативные последствия скоропалительной антиалкогольной кампании. Предпринимались превентивные меры, в частности, Постановлением Совета Министров СССР № 311 от 13 августа 1985 г. предписывалось более рационально использовать урожай плодов, ягод и винограда для увеличения продажи их населению в свежем и замороженном виде и для выработки из них соков, варенья, компотов, джемов, сухофруктов и других продовольственных товаров. В этих целях предполагалось более интенсивно использовать все виды транспорта, расширить производство тары из местных материалов, увеличить сеть магазинов и торговых точек. Планировался ускоренный перевод предприятий винодельческой, ликероводочной и спиртовой промышленности на производство пищевой продукции, пользующейся спросом у населения. Также предусматривались реконструкция старых и закладка новых виноградников для выращивания столовых сортов винограда, более интенсивная работа по увеличению экспорта продукции, вырабатываемой из плодов, ягод и винограда. Разрешалось перерабатывать нестандартное плодово-ягодное сырье на спирт с последующим использованием при производстве экстрактов и настоев для безалкогольных напитков, а также для технических целей. Для Крымской области было утверждено задание по увеличению продажи населению плодов и ягод в свежем виде на 8235 тонн. Кроме того, был согласован перевод на выработку пищевой продукции двух винодельческих заводов и четырех винодельческих предприятий в 1985 г. и шести заводов и семи предприятий в 1986–1988 гг. Однако принимаемые меры не имели комплексного характера, и, главное, были ограничены партийной целесообразностью и «правильным пониманием политики партии», что существенным образом влияло на принятие управленческих решений в отрасли.

Если исходить из анализа статистических данных, то в борьбе с пагубной привычкой советских людей были достигнуты определенные успехи. Потребление ал-

когольных напитков стало уменьшаться, о чем свидетельствовали цифры объема их продажи на душу населения (табл. 5).

Таблица №5. Продажа алкогольных напитков в государственной и кооперативной торговле Украинской ССР и Крымской области на душу населения, абсолютный алкоголь, л

	1980	1985	1990	1991
УССР	6,3	5,2	4,1	4,1
Крымская область	10,4	7,7	5,2	4,9

Составлено по: Народное хозяйство УССР в 1991 году. С. 129.

В Крымской области особо не форсировали разворачивающийся процесс, вместе с тем областное руководство безусловно выполняло указание центральных директивных органов. В официальном издании Крымского обкома партии указывалось, что за девять месяцев 1986 г. продажа алкогольных напитков сократилась на 62% по сравнению с тем же периодом 1985 г. [6]. Благодаря этому затраты населения на покупку водочных изделий и вина уменьшились на 82 млн рублей. В последнем квартале года падение продажи несколько замедлилось и в годовом исчислении составило 55% [8].

В 1985–1990 гг. Крым по-прежнему производил большое количество винограда. Всеми хозяйствами области было произведено в среднем за год 256,6 тыс. тонн винограда, при этом уровень среднего производства винограда за 1981–1985 гг. был значительно выше и составлял 320 тыс. тонн. В 1985 г. было произведено 168 тыс. тонн винограда, в 1986–260 тыс., в 1987–326 тыс., в 1988–244,3 тыс., в 1989 г. – 284,8 тыс. тонн. Однако качество продукта оставляло желать лучшего [8, 9, 10]. Некондиционный виноград стал «головной болью» многих специалистов сельского хозяйства, приводил к дополнительным экономическим потерям. Дело в том, что, например, столовые сорта винограда при использовании имели до 40% отходов. Ранее некачественная продукция шла на переработку в виноматериалы либо на перегонку в спирт. В новых условиях такой возможности не было. Несмотря на активное обсуждение и принимаемые меры, проблемы с использованием отходов столовых сортов винограда и отходов изготовления сула при переработке винограда (объем некондиции – около 20%) на сок и шампанское в области решены так и не были [2, с. 34].

В ходе антиалкогольной кампании происходило активное перепрофилирование мощностей по производству разных видов вин, в том числе виноградного. Так, в 1980 г. мощности винодельческих заводов страны позволяли выпускать в год 337 млн дал данного продукта, до 1985 г. произошел прирост мощностей на 151 млн дал с последующим снижением в 1986 г. до 303, в 1987 – до 261, в 1988 г. – до 250 млн дал в год [1, с. 76]. Большинство перепрофилированных винодельческих предприятий стало выпускать виноградный сок, однако его производство зачастую было убыточным. Например, в отчете о деятельности Бахчисарайского РАЙПО констатируется, что по состоянию на конец 1985 г. изготовление виноградного сока для перерабатывающих предприятий является убыточным: район недополучил прибыли на 11 млн рублей. При этом колхозные винзаводы и цеха готовы к производству сока самостоятельно. При плане 17,5 млн условных банок мощность небольших цехов

хозяйств была доведена до 34,5 млн. Данные мощности не задействовались, поскольку аграрные предприятия могли перерабатывать на своих производствах только сверхплановый виноград, а плановые объемы вынуждены были поставлять на переработку в «Крымсовхозвинпром» [2, с. 122].

Существенной преградой для замещения выпускаемой винзаводами алкогольной продукции был дисбаланс в ценах на сырье для предприятий пищевой промышленности. В итоге производство ряда товаров имело низкую или отрицательную рентабельность. Возмещать затраты, понесенные при их выпуске, приходилось за счет прибыли, получаемой от продажи других товаров. Необходимо отметить, что в 1985–1990 гг. в большинстве случаев уровень цен был загадкой для производителей. Почему выпуск одних видов продукции – сверхприбыльный, а других – убыточный, никто объяснить не мог. Система ценообразования была совершенно не гибкой. Изменение цен было делом весьма сложным, забюрократизированным и осуществлялось в соответствии с инструкцией, утвержденной Государственным комитетом цен при Совете Министров СССР 20 августа 1970 г. В итоге при одинаковых затратах труда в колхозах и совхозах государственные закупочные цены на растениеводческую продукцию могли отличаться в разы. Согласно данным Производственного объединения «Крымсовхозвинпром», гектар виноградника давал в среднем 600–700 рублей прибыли¹, гектар сада – 3,4–4 тыс., подсолнечника – 7–8 тыс. рублей [12]. Самыми низкорентабельным являлось выращивание шампанских сортов винограда.

Цены на продукцию виноградников в 1985–1990 гг. формировались без учета особенностей региона, не корректировались в зависимости от урожайности и качественных характеристик винограда, игнорировался рост цен на технику, удобрения, химикаты и прочие составляющие себестоимости [12]. В результате такого ценообразования виноградная отрасль имела низкую рентабельность и низкий уровень механизации производства. Попытки наладить сбор винограда комбайновым способом не увенчались успехом. Обострилась и кадровая проблема, начался активный отток опытных работников, нагрузка на одного человека увеличилась на 30–50 гектаров [11].

Ценовая политика государства стала причиной стагнации винодельческой отрасли, не позволила ей развиваться в полной мере. Рентабельность экономической деятельности предприятий за счет уменьшения сбыта алкогольной продукции стала снижаться, на складах скопилось большое количество не реализованной продукции. Так, например, от продажи 815 тыс. дал виноматериалов в Башкирию предприятия Крымского облпищепрома получили убыток в размере 4,2 млн рублей [3, с.100,

¹ Постановлением Совета Министров УССР № 515 от 8 сентября 1980 г. были установлены цены на виноград технических сортов в размере от 350 до 1200 рублей за тонну. Постановлением Совета Министров УССР № 300 от 19 июля 1984 г. были установлены цены на виноград столовых сортов в зависимости от групп сортов и товарного сорта от 550 до 650 рублей за тонну. В соответствии с Постановлением Совета Министров УССР № 324 от 21 августа 1985 г. были установлены цены для ряда виноградных сортов в зависимости от товарного сорта от 450 до 500 рублей за тонну. Распоряжением Совета Министров УССР № 282-р от 16 мая 1987 г. был установлен максимальный размер закупочных цен у населения винограда гибридных сортов – 250 рублей за тонну. Постановлением Совета Министров УССР № 165 от 1 августа 1990 г. были установлены цены на виноград технических сортов в зависимости от сорта от 250 до 1800 рублей, а Постановлением Совета Министров УССР № 296 от 1 октября 1990 г. – от 450 до 2300 руб. за тонну.

122]. Имеющиеся 24,8 тыс. дал яблочных спиртов, находящихся в совхозе-заводе «Виноградный», не имели сбыта по причине отсутствия спроса [2, с. 77].

Последовательное сокращение продажи алкогольных напитков привело не только к выпадению значительных доходов из бюджета, но и к снижению доли алкоголя в товарообороте области. При этом фактическое потребление горячительных напитков не уменьшилось. Начало активно развиваться такое негативное явление, как самогонование. Только за 1985 г. были выявлены 135 452 правонарушителя антиалкогольного законодательства. За самогонование были привлечены к ответственности 403 человека, изъяты 1028 самогонных аппаратов, еще 296 были добровольно выданы населением [5, с. 132].

Скоропалительная антиалкогольная кампания имела и другие негативные последствия. Одно из них – трудности с реализацией винограда в свежем виде. С ростом удельного веса столовых сортов винограда совершенно не решались проблемы отсутствия рефрижераторов для его хранения и перевозки, недостатка тары под соки и джемы. Сокращалось, а в 1988 г. вообще прекратилось, финансирование из бюджета закладки молодых виноградных насаждений. Наблюдалась устойчивая тенденция к снижению объема научного потенциала отрасли и, как следствие, ликвидация прививочных мастерских и утрата редких сортов винограда.

Возникшие с началом антиалкогольной кампании проблемы свидетельствуют о ее неэффективности, нецелесообразности и экономической несостоятельности. Проведенные мероприятия нанесли такой урон отрасли, что длительное время его невозможно было чем-либо компенсировать. Деграция отрасли в результате действия «антиалкогольного закона» в последующие годы привела к закрытию и банкротству многих винодельческих заводов. Площади виноградников длительное время не могли восстановить на существовавшем ранее уровне. Так, например, в 2001 г. площадь крымских виноградников составляла 84,0 тыс. гектаров, в то время как в 1984 г. – 87,6 тыс. гектаров. В годы вхождения Автономной Республики Крым в состав независимой Украины ценнейшие для виноградарства сельскохозяйственные земли зачастую использовались под застройку в интересах олигархических групп. Только в современных условиях, в российском Крыму появляются четкие сигналы о желании государственных властей навести порядок в отрасли, поддержать виноделие и виноградарство в регионе.

Список литературы

1. Агропромышленный комплекс СССР / Государственный комитет СССР по статистике. М.: Финансы и статистика, 1990. – 206 с.
2. Государственный архив Республики Крым. Ф. Р-3287. Оп. 7. Д. 4174.
3. Государственный архив Республики Крым. Ф. Р-3287. Оп. 7. Д. 4175.
4. Государственный архив Республики Крым. Ф. Р-3287. Оп. 7. Д. 4282.
5. Государственный архив Республики Крым. Ф. Р-3287. Оп. 7. Д. 4318.
6. Крымская правда. 1986. 29 окт.
7. Крымская правда. 1987. 30 янв.
8. Крымская правда 1987. 30 янв.;
9. Крымская правда 1988. 30 янв.;
10. Крымская правда 1989. 28 янв.
11. Крымская правда. 1989. 13 мая.
12. Крымская правда. 1990. 31 янв.

13. Народное хозяйство СССР в 1990 году. М.: Финансы и статистика, 1991. – 752 с.
14. Пашеня В.Н., Пашеня Е.В. Крым в 1968–1991 гг.: взлет и падение. Симферополь: ДиАйПи, 2015. – 605 с.
15. Режим доступа – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Антиалкогольные_кампании_в_СССР#cite_ref-makar_8-0

Fominykh S. The regulation of wine industry in the Crimea in 1986–1990. Anti-alcohol campaign // Scientific messages of Crimean Federal University the name of V. I. Vernadsky University. – Series : Juridical sciences. – 2015. – Vol. 1. № 2. – P. 155–162.

The article discusses the history of the introduction of so-called "dry law" and of "anti-alcohol campaign" in the Crimea in 1986-1990 and their influence on the region's wine industry and viticulture of the region in total. The problems of legal, administrative, managerial and related economic consequences resulting from the introduction of "dry law" and of measures to overcome the drunkenness are distinguished and studied. There are analyzed regulatory documents, historical data and industry statistics relating to viticulture, the alcohol industry as a whole and particularly the wine industry in the Crimea in that period. The article studies the activities carried out in the region and aimed at implementation of the state anti-alcohol campaign, the procedure for the implementation of these measures and the problems associated with the introduction of measures to antialcoholism, including those related to the reshaping of wine industry farms on the output of non-alcoholic products. The article includes conclusions about inefficiencies, expedience and economic failure of "anti-alcohol campaign" in the Crimea in 1986-1990, and also about the negative impact of the measures taken in the wine industry of the region and viticulture in the region.

Keywords: Perestroika, "dry law", wine growing, winemaking, antialcoholic company, Crimea.

Spisok literaturyi

1. Agropromyshlennyy kompleks SSSR / Gosudarstvennyy komitet SSSR po statistike. M.: Finansy i statistika, 1990. — 206 s.
2. Gosudarstvennyy arhiv Respubliki Kryim. F. R-3287. Op. 7. D. 4174.
3. Gosudarstvennyy arhiv Respubliki Kryim. F. R-3287. Op. 7. D. 4175.
4. Gosudarstvennyy arhiv Respubliki Kryim. F. R-3287. Op. 7. D. 4282.
5. Gosudarstvennyy arhiv Respubliki Kryim. F. R-3287. Op. 7. D. 4318.
6. Kryimskaya pravda. 1986. 29 okt.
7. Kryimskaya pravda. 1987. 30 yanv.
8. Kryimskaya pravda 1987. 30 yanv.;
9. Kryimskaya pravda 1988. 30 yanv.;
10. Kryimskaya pravda 1989. 28 yanv.
11. Kryimskaya pravda. 1989. 13 maya.
12. Kryimskaya pravda. 1990. 31 yanv.
13. Narodnoe hozyaystvo SSSR v 1990 godu. M.: Finansy i statistika, 1991. — 752 s.
14. Paschenya V.N., Paschenya E.V. Kryim v 1968–1991 gg.: vzlet i padenie. Simferopol: DiAyPi, 2015. — 605 s.
15. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Antialkogolnyie_kampanii_v_SSSR#cite_ref-makar_8-0

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО; ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

УДК 340.136: 341: 614.4 (091)

ГЕНЕЗИС ЗАРУБЕЖНОГО САНИТАРНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Клименко Е. П.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Эпидемии сопровождали человечество со времен его возникновения. Они являлись главной причиной смертности еще с Античности. Одна из самых разрушительных эпидемий бубонной чумы (549 г. н. э.) унесла жизни целых городов. С возникновением заболеваний появлялись и меры их приостановления. Правила, носящие формально-определенный, обязательный характер и устанавливающие права и обязанности граждан во время эпидемий, стали зачатком санитарного законодательства. Первые попытки санитарного регулирования можно найти уже в Ветхом Завете. Также древние греки знали и остерегались всего заразного. Кроме того, во времена Византийской империи Юстиниан принял один из первых законов, предусматривающих задержку и изоляцию путешественников из регионов мира, где бушевала чума. В свою очередь, по общему признанию венецианцы были первыми, кто предусмотрел морскую санитарную службу. Первые попытки регулирования вопросов санитарной безопасности послужили дальнейшей разработке законодательства в эпидемиологической сфере. Настоящее исследование посвящено вопросу зарождения санитарного законодательства в странах дальнего зарубежья. Автор предпринял попытку осуществить ретроспективный обзор правового регулирования вопросов установления карантинных, лазаретов, санитарных станций, а также принимаемых мер во избежание распространения опасных инфекционных заболеваний.

Ключевые слова: эпидемия, санитарное законодательство, карантин, лазарет, санитарная станция, изоляция, инфекционное заболевание, чума, санитария, эпидемиологическая безопасность.

Эпидемии инфекционных заболеваний были зарегистрированы на протяжении всей истории. В древней Греции и Египте исторические памятники описывают эпидемии оспы, проказы, туберкулеза, менингококковых инфекций и дифтерии. Заболеваемость и смертность от инфекционных заболеваний вырабатывали и определяли не только политику, торговлю и культуру, но и право.

Эпидемии никого не щадили. Оспа, вероятно, изуродовала и убила Рамсеса V в 1157 г. до н. э. Время от времени политические сдвиги провоцировали распространение болезни. Спартанские войны стали причиной массового перемещения греков в Афины, вызвавшего Афинскую эпидемию в 430–427 гг. до н. э., которая погубила половину населения древних Афин [1]. Необходимо было применять меры, способствующие остановке и предотвращению распространения инфекционных заболеваний. Принятие конституций, указов, постановлений, приговоров стало зачатком санитарного законодательства. Актуальность рассмотрения данного предмета детерминирована сложной эпидемиологической обстановкой, сложившейся вследствие самой крупной в истории вспышки лихорадки Эбола в Западной Африке.

Историография проблемы представлена источниками преимущественно зарубежных авторов, таких как M. D. J. Jones, J. M. Eager, J. H. Griscom, M. Alden, J. M. Keating, H. Markel, M. Jackson, S. M. Burnet, D. O. White, V. Berridge, M. Gorsky, A. Mold, G. Rosen, J. Booker, D. Porter, A. Cliff, M. Smallman-Raynor [2–14] и др. Однако следует отметить, что большинство авторов уделяет немного внимания вопросу зарождения правового регулирования в рассматриваемой сфере или совсем не об-

ращаются к этой теме. Чаще всего исследование подобной проблематики охватывает лишь медицинский или эпидемиологический аспекты. При всем том, именно первые попытки правовой регламентации санитарных мер представляют колоссальный интерес для отечественной науки, ибо они послужили причиной и следствием разработки национального и международного законодательства в сфере санитарии.

Формальная практика избегать и изолировать больных давно стала серьезным ответом на периодическое появление инфекционных заболеваний. Некоторые из самых ранних зафиксированных примеров такой деятельности и соответствующих гигиенических процедур можно найти в Ветхом Завете. Историк медицины Филдинг Х. Гарризон обозначил древних евреев «основателями профилактических мероприятий». Приведем лишь несколько примеров. Четкие инструкции по изоляции прокаженных, дезинфекция домов и другие процедуры обсуждаются в книге «Левит и Числа». Во Второзаконии мы находим постановления о том, как надо правильно распоряжаться своими испражнениями. Бараний рог или шофар, традиционно звучащий во время высоких праздников евреев, древние использовали как сигнал о том, что в сообществе был отмечен случай дифтерии или другого заразного заболевания [7, р. 2].

Хотя древние греки имели заметно отличные представления об инфекции и заболеваниях от современной медицины, существует множество свидетельств в исторических сочинениях Фукидида (ок. 460–400 гг. до н. э.) и в медицинских трактатах Гиппократов (ок. 460–370 гг. до н. э.), что они остерегались всего заразного [7, р. 2].

Римский крупный специалист по медицине, Гален из Пергама, занимался большей частью своей профессиональной жизни в течение II в. н. э. изучением анатомии и причин внутренних болезней; уже он предупреждал, что существуют специфические заболевания (чума, туберкулез, кожные и глазные инфекции), которые несут «опасность общения с теми, кто поражен болезнью». Около трех с половиной столетий спустя, в 549 г. н.э., византийский император Юстиниан принял один из первых законов, предусматривающих задержку и изоляцию путешественников из регионов мира, где было известно, что бушует чума [7, р. 3]. Однако мало известно о древних законах, касающихся морской торговли, и даже это небольшое было потеряно для человечества до 1147 г. Сюжет является интересным. Юстиниан во время своего правления поставил десяти юрисконсультам задачу собрать и согласовать многочисленные римские законы, вместе с различными приговорами и постановлениями судей и магистратов. Сборник этих документов и законов, принятых в период правления Юстиниана был опубликован. Он известен под названием Кодекс Юстиниана. Единственная часть этого кодекса, которая обращена к кораблям, называется Дигесты (Digestum), она была утеряна сотни лет назад. Наконец, в 1147 г. документы были обнаружены в г. Амальфи и обнародованы. В Дигестах рассматриваются взаимные права владельцев и арендаторов судов, но не делается упоминания касательно санитарных вопросов. В течение длительного периода, когда этот важный правовой инструмент был утерян, венецианцы, генуэзцы и прочие латинские морские державы частично заменяли дефицит правовой регламентации первоначальными источниками римского права и отчасти – обычаем и договором [3, р. 16]. Имеются две коллекции такого рода, одна известна под названием «Recognoverunt Proceres», а другая называется «Consolatodel Mare». Кроме них, существует большое количество документов, например, конституции, указы, постановления, приговоры и тому подобные, которые касаются морского права. Это замечательный факт, что, несмотря на детальное внимание, уделенное правилам-максимам, касающимся судоходства, в «Recognoverunt» и «Consolatodel Mare» нет упоминания о предмете санитарии. Поэтому в Средневековье в случае распространения заразных болезней каждый отдельный город или страна предусматривала положения, которые считала

подходящими. Один из таких указов, самый древний в своем роде, упоминается как возникший в г. Реджо-де-Эмилия (Reggio d'Emilia) в 1374 г., объединяет уведомления и правила по ликвидации случаев чумы [3, р. 16].

Аналогичные формы задержания в случае чумы, направленные на моряков и иностранных туристов, также широко практиковались в XII в. в Китае и других частях Азии и Европы в период Средневековья. Не удивительно, что там появилось раннее осознание важного соотношения между распространением эпидемий и схемой, масштабом человеческих миграций [7, р. 3].

Венецианцы были, по общему признанию, первыми, кто предусмотрел морскую санитарную службу. Еще в 1000 г. существовали блюстители общественного здоровья, но сначала эта должность не носила постоянного характера. Сотрудники, занимающие эти должности, назначались служить только во время распространения эпидемии. Первые сведения о таком рода государственной должности мы находим в 1348 г., когда Николаус Венерио, Маринус Кверино, Паулус Белегно (Nicolaus Venerio, Marinus Querino, Paulus Belegno) были назначены блюстителями общественного здоровья [3, р. 16].

Эти служащие были уполномочены расходовать государственные деньги с целью изоляции зараженных судов, грузов и людей с лагуны острова. С больными находился врач. Результатом проведения этих мер стала до конца учрежденная в 1403 г. первая морская карантинная станция, о которой содержится историческая запись, на острове Санта-Мария ди Назарет, в Венеции. Названный остров ранее принадлежал монахам-отшельникам ордена Св. Агостино. Письменное упоминание об основании первого морского карантина находится в Венецианской рукописи, написанной патрицием Джованни Тьеполо. Летопись гласит: «1403 г. В Венеции начался мор. Место для лазарета было изъято у монаха Гавриила, из ордена отшельников, и ему отдано Санто Спирито» [3, р. 17].

Правила для карантина были изданы венецианцами в 1484 г. Начиная с этой даты они были постепенно приняты каждой другой страной [2, р. 2].

Соседние государства, участвующие в торговле в Средиземном море, быстро последовали примеру Венеции. Первая морская карантинная станция в Генуе была основана в 1467 г., а в Марселе – в 1526 г. Карантин в Марселе, один из самых полных в своем роде, занял остров Помикюя. Данное заведение было в прежние времена домом прокаженных, но в 1476 г. было превращено в лазарет для больных чумой, а позже стало морской карантинной станцией [3, р. 17].

До 1459 г. в Венецианской Республике не существовало бюро общественной санитарии. В это время регулярно назначались служащие, называемые охранителями санитарии. Их знания передавались по наследству.

Город Барлетта стал в одно время в Средневековье богатейший торговым портом, рядом с Венецией, в Адриатическом море. Это было вследствие определенных уступок, предоставленных городу, посредством чего торговля на большой территории подразумевала въезжать и выезжать за ворота. Привилегия была не лишена своих недостатков. Барлетта пережила три особо тяжелых эпидемии. Во время первой, в 1384 г., получила распространение «странная болезнь, приводившая больных к потере своей кожи, как змея во время линьки». Две другие эпидемии (1498 г. и 1656 г.) были, вероятно, эпидемии бубонной чумы. Последняя унесла жизни 35,000 человек, почти все население города погибло. Эти страдания породили в Барлетте практику абсолютно запрета въезда любого зараженного судна до истечения длительного периода наблюдения за ним на месте входа в порт [3, р. 17].

В течение всего этого периода во время эпидемии функционировали сухопутные карантинные пункты. Нарушения карантина, как сухопутного, так и морского, жестоко наказывались. Пьетро Фоллерио, величайший неаполитанский юрисконсульт шест-

надцатого века, упоминает битие, мельницу, ссылку и смерть как наказание за нарушение санитарных правил. Провозглашение карантина и командование под руководством Дона Карло д'Арагона налагали строгие наказания для тех, кто тайно войдет в город Палермо в ходе распространения эпидемии. В числе штрафных санкций названы пытки, долгая служба на галерах и работа среди больных в заразной больнице. Даже дворяне облагались большими штрафами и длительным тюремным заключением в замке [3, р. 18].

Одним из наиболее заметных результатов подъема международной торговли и путешествий в эпоху Возрождения и в последующие три века было постепенное распространение инфекционных и венерических заболеваний по всему миру. Для предотвращения проникновения инфекции во Францию, Великобританию, Австрию, Германию, Россию и ряде других европейских и азиатских стран с XIV по XIX вв. использовались санитарные кордоны (в буквальном смысле кольцо вооруженных солдат, которым приказано сторожить больных беглецов) и карантин [7, р. 3]. К середине 1800-х гг. в результате опустошительных эпидемий холеры и чумы, завезенных из Турции и Египта, у государств с широкими торговыми и колониальными интересами обострилось желание создания международного совета по санитарному и карантинному контролю. С 1851 г. стали проводиться международные санитарные конференции, которые продолжались и в XX в. [7, р. 3–4].

Карантинные правила созданы в Европе до открытия Америки; английские колонии в Северной Америке приняли карантинные правила перед своим отделением от Великобритании; все необходимые вопросы, касающиеся карантина и отношений отдельных государств к Генеральному правительству тщательно обсуждались и решались сразу после формирования Федерального Союза [2, р. 1].

Карантинные правила касаются сохранения здоровья и жизни людей и основаны на неотъемлемых правах самосохранения.

Карантин признан международным правом средством для обеспечения общей безопасности государств по борьбе с ввозимыми болезнями. Он защищает здоровье людей, способствует и стимулирует развитие торговли путем оказания помощи судам и их грузам, экипажам, пассажирам и владельцам [2, р. 1].

Если рассматривать карантин как следствие соответствующей прогрессии эпидемии, мы можем выделить ряд стимулов, которые часто побуждали к его учреждению. Они включают: 1) социальное реагирование во избежание болезни или того, что понимается как болезнь, особенно если заболевание считается легко передаваемым от человека к человеку (заразное); 2) определение того, как эпидемическое заболевание понимается экспертами, и обществом в целом, особенно с точки зрения причины, профилактики и уменьшения интенсивности; 3) комплекс политических, экономических, и социальных методов борьбы, которые направляют или препятствуют общественным усилиям по карантину, и 4) степень этнической принадлежности и представлений о социальной группе, связанной с инфекционным заболеванием в рамках социальной реакции на карантин [7, р. 2].

Слово «карантин» происходит от итальянских слов «quarantina» и «quarantagior-ni». Этот термин относится к сорокадневному периоду нахождения в порту Венеции судов, которые были в изоляции, прежде чем их грузам, экипажу и пассажирам было разрешено сойти на берег во время чумных дней в XIV и XV вв. [2, р. 2].

Происхождение принудительного сорокадневного периода задержания неясно. Оно может быть основано на учении Гиппократов о различии острых и, как правило, инфекционных заболеваний (продолжительностью менее 45 дней) от многих хронических заболеваний. Другие ученые утверждают, что частое использование числа 40 в Ветхом Завете может быть источником его происхождения. Скорее всего, этот период времени использовался потому, что исследователи Возрождения отмечали, что

после 40 дней люди, пораженные чумой, либо умирали, либо выздоравливали без дальнейшего распространения болезни на других лиц. Со времен Средневековья закрытие ворот города или порта для всех лиц, заподозренных в болезни, и изоляция этих больных считается лучшим и часто единственным средством, доступным для сдерживания эпидемии [2, р. 2].

Различные профилактические правила были приняты в Англии, но в этой стране карантин не всегда соблюдался до тревоги, вызванной ужасной чумой в Марселе в 1720 г. Принятые затем правила были разработаны согласно советам знаменитого доктора Мида (Dr.Mead), которые описаны в его знаменитом «Слово о чумной заразе» [2, р. 2].

В Англии в 1636 г. впервые были сделаны обязательными карантинные свидетельства. Они были введены в Италии в 1527 г. Тогда, как и теперь, это были паспорта для судов, выдаваемые магистратом порта отправления судна, или консулом, или коммерческим агентом, находящимся там и представляющим страну, под флагом которой шло судно. Свидетельства различались на чистые и заразные, согласно условию места, где их выдавали [6, р. 271].

Заразное свидетельство предъявлялось в порт, где существовали холера, черная чума или желтая лихорадка; чистое – где ни одно из заболеваний не было выявлено. В первые сорок дней оно требовательно вводилось в действие, но степень испытания определялась медицинским свидетельством, по выбору карантинных властей. В 1700 г., после появления желтой лихорадки 1699 г. в Филадельфии, Генеральной Ассамблеей колонии Пенсильвания принят первый карантинный закон в этой стране, налагающий штраф сто фунтов на каждое зараженное судно, которое пристало к берегу. В 1701 г. медицинское обеспечение закона карантина было предписано в штате Массачусетс. В 1710 г. английский Парламент принял закон, устанавливающий карантин всюду по королевству, для подготовки к чуме, которая тогда преобладала вдоль берегов Балтии. Через несколько лет другой закон был принят, «чтобы позволить Его Величеству запретить торговлю в течение одного года с любой страной, которая заражена или будет заражена чумой» [6, р. 272].

Во Франции регулярная карантинная система не была установлена до окончания Великой чумы в Марселе, в 1720–1721 гг. [6, р. 272]. Общая система карантина была принята позже и применялась во всех французских портах на Средиземноморье для исключения и конфискации всех судов и людей из зараженных мест. В 1720 г., в то время как чума преобладала в Марселе, знаменитый доктор Ричард Мид требовал от английского правительства разработать необходимые правила. Он советовал систему лазаретов правителя Бернабо продолжительностью сорок дней, разделение больных и здоровых и уменьшение зараженных товаров и судов в море. В 1721 г. Парламентом Англии было предписано, что зараженные люди, сбегающие из карантина, и здоровые люди, не подлежащие карантину, но поступившие в карантин и сбежавшие оттуда, должны быть казнены. Жестокость этих действий вскоре вызвала их отмену [6, р. 272–273]. Но в 1728 г. приняли иные правила: обвинение в уголовном преступлении и ограничение свободы на три года назначалось любому человеку, сбегающему или нарушающему карантин, с конфискацией судна и товаров. Этот акт был восстановлен и с небольшими поправками сохранен в силе до 1753 г. Впоследствии правила были улучшены путем добавления плавающих лазаретов, с целью разгрузки и проветривания товаров, на расстоянии от берега Стендиша, вместо того, чтобы требовать почти бесконечного задержания судов на островах Силли, как ранее практиковалось.

Первый врач порта на территории современных США был назначен советом Филадельфии в 1720 г. Первое фактическое осуществление карантинных законов в американских колониях имело место в Филадельфии в 1728 г. С этого времени в

различных портах в других колониях постепенно принималась та же самая система с различной степенью требовательности, а капитаны и владельцы были вынуждены соблюдать их от страха перед тяжелыми штрафами. В 1738 г. лоцманам приказали ставить судно с пассажирами не ближе чем на одну милю от города, пока на него не зашел и исследовал врач, назначенный с этой целью. В 1743 г. регулярное карантинное учреждение было основано на острове Фишерс, в соединении рек Делавэра и Скулкилл. В 1758 г. Нью-Йорк принял первые карантинные законы [6, р. 273]. В 1776 г. Пенсильвания установила штраф в размере ста фунтов за заход пассажирского судна или любого другого из заразного порта ближе к Филадельфии, чем к о. Мад-Айленд или форту Миффлин, без разрешения медицинского сотрудника. Штраф в размере ста фунтов был также взыскан за сокрытие больного пассажира. В 1780 г. в Англии число карантинных станций было увеличено до тринадцати; семь в Англии, четыре в Шотландии, и два в Джерси и Гернси. Эти правила оставались неизменными до сравнительно недавнего периода. Конгресс США принял закон в 1799 г., «признавая карантин и медицинские законы», который дополнял действующее законодательство. В 1817 г. Новый Орлеан впервые учредил карантин. В 1818 г. закон был аннулирован, но был воспроизведен в 1819 г. [6, р. 273]. В 1821 г. он был усилен и продолжен на 5 лет, в течение которых произошли две эпидемии; а в другие годы они распространились с преобладанием в спорадических формах [6, р. 273–274]. В 1825 г. карантин был оставлен и не был возобновлен до 1855 г., с этого времени произошли четыре эпидемии, и они появлялись спорадически каждый год до 1872 г. и с тех пор – эпидемически [6, р. 274–275].

Развитие холеры в Европе и Америке в 1831–1832 гг., когда болезнь прошла самое решающее испытание карантином, сначала вызвало изменение в ранее принятых постановлениях. Уверенность в карантине была всюду поколеблена. Пришли к заключению о том, что он не был барьером для распространения чумы в городах, чьи антисанитарные условия к ней располагали, и что карантин препятствовал, задерживал, мешал торговле и не обеспечивал безопасность. Поэтому многими французскими учеными было решено предпринять попытку и изменить или усовершенствовать карантинные постановления, которые, однако, уменьшат торговлю, но все же обеспечат наблюдение, необходимое для надлежащей защиты. Отчет о карантинных, предоставленный Академией медицины в Париже, согласился с уместностью полной реформы; и 18 августа 1847 г. королевское постановление Франции впервые признало нормы, основанные на мнениях врачей, – что многие из ограничений карантина были излишне обременительны, и поэтому подлежали отмене [6, р. 275]. Тем не менее другие реформы были установлены декретом во Франции в 1849–1850 гг. Но выдающиеся гигиенисты Франции не были удовлетворены преобразованиями, достигнутыми в их собственной стране. Это было только началом работы, которую они имели в поле зрения. Они предложили показать, что в соответствии с наукой и для интересов торговли всех других стран необходимо принять реформы, которые прошли во Франции. Соответственно, Дупейрон предложил министрам торговли идею Санитарного Конгресса, которая была принята, и делегаты из всех основных стран Европы по приглашению французского правительства встретились в Париже в 1851. Этот конгресс принял карантинный кодекс, который был позже ратифицирован странами, представленными на совещании [6, р. 275].

К середине XIX в. ряд морских держав в районе Средиземного моря признал, что борьба с инфекционными заболеваниями должна начинаться с карантина в родном порте. Международное сотрудничество требовало эффективных мер для борьбы с болезнями. Это легло в основу создания региональных органов здравоохранения в Константинополе, Александрии, Танжере и Тегеране.

Высший Совет здравоохранения в Константинополе был сформирован как договор между Османской империей и европейскими державами в 1839 г. с целью регулирования санитарного контроля иностранных судов в Османских портах. Совет контролировал местные медицинские учреждения, расположенные по всей территории Османской империи, которые были ответственны за здравоохранение на своей территории, а также контролировали меры личной гигиены и выполнение санитарных правил, полученных от Совета. Он был окончательно отменен в 1914 г. в связи с началом Первой мировой войны [14, р. 37–38].

Морской санитарный Совет Египта, который позднее стал известен как санитарный Совет Египта, был создан в Египте в 1843 г. Международное регулирование деятельности Совета было учреждено после Международной санитарной конференции в Венеции в 1892 г., когда ему было поручено ведение санитарного режима Суэцкого канала. В работу Совета входило управление здравоохранением в портах Александрии, порт-Саида и Суэцкого канала, наряду с санитарным контролем паломников, возвращающихся из Мекки. Для целей получения информации об эпидемиях он был признан в качестве регионального эпидемиологического ведомства международного бюро общественной гигиены по Международной санитарной Конвенции 1926 г. Хотя Совет был упразднен в 1938 году, египетские власти продолжали поддерживать региональное эпидемиологическое бюро в Александрии. Его функции были переданы региональным бюро ВОЗ для стран Восточного Средиземноморья в 1949 г. [14, р. 37–38].

Санитарный Совет в Танжере был основан в 1840-х гг. с целью ограничения распространения чумы, холеры и других эпидемических заболеваний в Империи Марокко паломниками, однако он не стал достаточно эффективным инструментом международного карантина. Он был также ограничен в своей деятельности и прекратил свою работу с началом войны в 1914 г. [14, р. 37–38].

На основе вышеуказанного следует, что первые зафиксированные примеры регулирования санитарной деятельности можно найти в Ветхом Завете, в книге «Левит и Числа», во Второзаконии. В исторических сочинениях Фукидида и в медицинских трактатах Гиппократов говорится об уклонении от всего заразного. В 549 г. н. э. византийский император Юстиниан принял один из первых законов, посвященных санитарно-эпидемической безопасности. Самый древний указ по ликвидации случаев чумы упоминается как возникший в г. Реджо-де-Эмилия (Reggiod'Emelia) в 1374 г. В 1484 г. венецианцами были изданы правила по установлению и ведению карантина. В 1700 г. Пенсильвания приняла первый карантинный закон в Англии, налагающий штрафы за несоблюдение карантинных правил. В 1701 г. медицинское обеспечение карантинного закона было предписано в штате Массачусетс. В 1710 г. английский Парламент принял закон, устанавливающий карантин всюду по королевству. В 1721 г. Парламентом Англии были предписаны правила о заключении и выходе из карантина. Первое фактическое осуществление карантинных законов в американских колониях имело место в Филадельфии, в 1728 г. Конгресс США принял закон в 1799 г., «признавая карантин и медицинские законы», который дополнял действующее законодательство. Во Франции была принята общая система карантина после 1720 г. 18 августа 1847 г. королевское постановление Франции впервые признало основанные на мнениях врачей нормы, регулирующие карантин. К середине XIX в. зародилось международное сотрудничество по борьбе с эпидемиями, которое требовало эффективных мер. Вследствие этого были созданы региональные органы здравоохранения в Константинополе, Александрии, Танжере и Тегеране.

Список литературы:

1. Infectious disease epidemiology: theory and practice // edited by Kenrad E. Nelson, Carolyn Masters Williams. – 3rd ed. – Burlington: Jones & Bartlett Learning, 2013. – 968 p.
2. Joseph Jones, M. D. Quarantine. Relation of quarantine to constitutional and international law and to commerce. – New Orleans: E. A. Brandao & Co., Printers, 1883. – 30 p.
3. J.M. Eager. The early history of quarantine: origin of sanitary measures directed against yellow fever. – Washington: Government Printing Office, 1903. – 27 p.
4. John Hoskins Griscom. Sanitary legislation, past and present. – Edmund Jones & Company, 1861. – 37 p.
5. Mark Alden. History of Sanitary Legislation: With a Description of the Past and Present Sanitary Conditions of Different Nations and Cities. – New York: Cornell University, 1894. – 270 p.
6. J. M. Keating. The History of the Yellow Fever Epidemic of 1878 in Memphis, Tennessee. – Maryland: Heritage books, 2009. – 560 p.
7. Howard Markel. Quarantine!: East European Jewish Immigrants and the New York City Epidemics of 1892. – Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1999. – 262 p.
8. The Oxford Handbook of the History of Medicine // edited by Mark Jackson. – Oxford: Oxford University Press, 2011. – 672 p.
9. Sir Macfarlane Burnet, David O. White. Natural History of Infectious Disease. – Cambridge: Cambridge University Press, 1972. – 218 p.
10. Virginia Berridge. Public Health in History // Virginia Berridge [et. al.]. – Maidenhead: Open University Press, 2011. – 229 p.
11. A History of Public Health / George Rosen [et. al.]. – Baltimore: JHU Press, 2015. – 440 p.
12. John Booker. Maritime Quarantine: The British Experience, C. 1650–1900. – Aldershot: Ashgate Publishing, 2007. – 644 p.
13. The History of Public Health and the Modern State // edited by Dorothy Porter. – Amsterdam: Rodopi B. V, 1994. – 439 p.
14. Andrew Cliff. Oxford Textbook of Infectious Disease Control: A Geographical Analysis from Medieval Quarantine to Global Eradication / Andrew Cliff, Matthew Smallman-Raynor. – Oxford: Oxford University Press, 2013. – 193 p.

Klimenko K. P. The genesis of the foreign sanitary legislation // Scientific notes of V.I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2015. – T. 1 (67). № 2. – P. 163–170.

Epidemics were accompanying the mankind since its occurrence. They were the main reason of death rate from antiquity. One of the most destructive epidemics of bubonic plagues (549 B. C.) has claimed lives of the whole cities. With occurrence of diseases there were also measures of their stay. The rules had formal-defined and binding nature and established the rights and duties of citizens during epidemics, became a rudiment of the sanitary legislation. Formal practice to avoid and isolate patients for a long time was the serious answer to periodic occurrence of infectious diseases. Some of the earliest fixed examples of such activity and corresponding hygienic procedures can be found in the Old Testament. Also ancient Greeks already knew and were careful of all infectious. Besides, at the time of the Byzantine Empire Justinian has accepted one of the first laws, providing a delay and isolation of travellers from regions of the world, where the plague stormed. In turn, admittedly Venetians were the first, who has provided sea sanitary. The first attempts of regulation of questions of sanitary safety have served the further working out of the legislation in epidemiological sphere. The present research is devoted to the question of origin of the sanitary legislation in the far abroad countries. The author has made an attempt to carry out the retrospective review of legal regulation of questions of an establishment of quarantines, infirmaries, sanitary stations, and also accepted measures in order to avoid distribution of dangerous infectious diseases.

Keywords: epidemic, sanitary legislation, quarantine, infirmary, sanitary station, isolation, infectious disease, plague, sanitation, epidemiological safety.

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА: ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ (ЧАСТЬ II)

Шумиленко А. П.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

Пастухова Л. В.

Российский государственный университет правосудия (Крымский филиал)

Библиографический указатель содержит названия монографий, научных статей, сборников документов, а также сборников материалов научных конференций, посвященных Нюрнбергскому процессу, и охватывает такие вопросы, как предыстория Нюрнбергского процесса, Нюрнбергские принципы, принципы международного уголовного права, международные военные трибуналы, международные уголовные трибуналы, универсальная юрисдикция, международная уголовная ответственность физических лиц, судебное преследование нацистских преступников, избирательное преследование, права обвиняемых, влияние Нюрнбергского процесса на развитие международного уголовного права и международного гуманитарного права, агрессивная война, военные преступления, преступления против человечности, геноцид, Холокост, медицинские эксперименты над людьми, исполнение приказов начальства, судебное преследование корпоративных чиновников, судебное преследование германских промышленников, обвинение в соучастии, реституция собственности, компенсация за принудительный труд.

Ключевые слова: Нюрнбергский процесс, Нюрнбергский трибунал, международное право, международное уголовное право, Нюрнбергские принципы, военные преступления, преступления против человечности, геноцид.

1. Acquaviva G. At the origins of crimes against humanity: clues to a proper understanding of the *nullum crimen* principle in the Nuremberg Judgment // Journal of international criminal justice. – 2011. – Vol. 9, No. 4. – P. 881–903.
2. Albrecht A. R. War Reprisals in the War Crimes Trials and in the Geneva Conventions of 1949 // American Journal of International Law. – 1953. – Vol. 47, No. 4. – P. 590–614.
3. Albrecht R. G. Defense record. – Nuremberg, 1946. – 71 p.
4. Alderman S. S. Background and High Lights of the Nuremberg Trial // I.C.C. Practitioner's Journal. – 1946–1947. – Vol. 14. – P. 99–113.
5. Alexander C. W. Justice at Nuernberg: a pictorial record of the trial of Nazi war criminals by the International tribunal at Nuernberg, Germany, 1945–46 / text by A. Keeshan. – New York: Marvel Press, 1946. – 187 p.
6. Alvarez J. E. Nuremberg revisited: the Tadic case // European journal of international law. – 1996. – Vol. 7, No. 2. – P. 245–264.
7. Amaudruz G. A. Ubu justicier au premier procès de Nuremberg. – Paris: Les Actes de Apotres, 1949. – 176 p.
8. Andrus B. C. The Infamous of Nuremberg. – London: Frewin, 1969. – 210 p.
9. Appleman J. A. Military Tribunals and International Crimes. – Indianapolis: The Bobbs-Merrill Co., 1954. – 436 p.
10. April N. An Inquiry into the Juridical Basis for the Nuremberg War Crimes Trial // Minnesota Law Review. – 1945–1946. – Vol. 30. – P. 313–331.

11. *Arajärvi N.* The changing nature of customary international law: methods of interpreting the concept of custom in international criminal tribunals. 1st publ. – London: Routledge, 2014. – XIX, 194 p.
12. *Arens R.* Nuremberg and Group Prosecution // Washington University Law Quarterly. – 1951. – P. 329–357.
13. *Arguas M., Ruiz Moreno I.* Efectos Sobre el Derecho Internacional de las Decisiones de los Tribunales co Respecto a los Criminales de Guerra // Revista Peruana de Derecho International. – 1947. – Vol. 7. – P. 202–208.
14. *Arzt D. E.* Nuremberg, denazification and democracy: the hate speech problem at the International Military Tribunal (book review: Telford Taylor: The anatomy of the Nuremberg trials: a personal memoir. Little, Brown and Co., Boston; New York; Toronto; London, 1993. 703 pp. Originally publ. by Knopf, New York, 1992) // New York Law School journal of human rights. – 1995. – Vol. 12, No. 3. – P. 689–758.
15. Atrocities on Trial: Historical Perspectives on the Politics of Prosecuting War Crimes / edited by *P. Heberer, J. Matthäus*; foreword by M. R. Marrus. – University of Nebraska Press, United States Holocaust Memorial Museum, 2008. – XXX, 327 p.
16. *Bach G.* The Trial of Adolf Eichmann and Other Genocide Trials // The Genocide Convention Sixty Years after its Adoption / C. Safferling, E. Conze (eds.). The Hague, the Netherlands: T.M.C. Asser Press, 2010. – P. 275–286.
17. *Bachmann S.-D.* The legacy of the Nuremberg Trials: 60 years on // Tydskrif vir die Suid-Afrikaanse reg. – 2007. – No. 3. – P. 532–550.
18. *Badar M. E.* From the Nuremberg Charter to the Rome Statute: defining the elements of crimes against humanity // San Diego international law journal. – 2004. – Vol. 5. – P. 73–144.
19. *Balazs A.* Die rechtliche Begründung des Nürnberger Urteils // Friedenswarte. – 1946. – Vol. 46. – P. 369–375.
20. *Balmer-Basilus H. R.* Nürnberg und das Weltgervissen // Friedenswarte. – 1946. – Vol. 46. – P. 289–293.
21. *Bardèche M.* Die Politik der Zerstörung: Nürnberg oder Europa. – Göttingen: Plesse, 1950. – 113 s.
22. *Barrett J. Q.* Henry T. King, Jr., at Case, and on the Nuremberg Case // Case Western Reserve Law Review. – 2010. – Vol. 60. – P. 583–592.
23. *Barrett J. Q.* Raphael Lemkin and «Genocide» at Nuremberg, 1945–1946 // The Genocide Convention Sixty Years after its Adoption / C. Safferling, E. Conze (eds.). The Hague, the Netherlands: T.M.C. Asser Press, 2010. – P. 35–54.
24. *Barrett J. Q.* Remembering Departed «Nurembergers» (Proceedings of the Fourth International Humanitarian Law Dialogs, August 30–31, 2010 at Chautauqua Institution / ed. by E. Andersen, D. M. Crane) // Studies in Transnational Legal Policy. – 2011. – No. 43. – P. 17–29.
25. *Barrett J. Q.* The Nuremberg Roles of Justice Robert H. Jackson // Washington University Global Studies Law Review. – 2007. – Vol. 6. – P. 511–525.
26. *Barrett J. Q.* The Path from the 1907 Hague Conference to Nuremberg and Forward (Proceedings of the First International Humanitarian Law Dialogs, August 29, 2007 at the Chautauqua Institution / ed. by E. Andersen, D. M. Crane) // Transnational Legal Policy. – 2008. – No. 39. – P. 5–22.
27. *Barrett J. Q., Harris W. R., King H. T. (Jr.), Ferencz B. B.* Nuremberg and Genocide: Historical Perspectives (Proceedings of the Second International Humanitarian Law Dialogs, August 25, 2008 at the Chautauqua Institution / ed. by E. Andersen, D. M. Crane) // Transnational Legal Policy. – 2009. – No. 40. – P. 9–54.
28. *Barry D. D.* The trial of the CPSU and the principles of Nuremberg // Review of Central and East European law. – 1996. – Vol. 22, No. 3. – P. 255–266.

29. Bassiouni M. Ch. Nuremberg Forty Years after // American Society of International Law Proceedings. – 1986. – Vol. 80. – P. 59–65.
30. Bassiouni M. Ch. Nuremberg forty years after: an introduction // Case Western Reserve journal of international law. – 1986. – Vol. 18, No. 2. – P. 261–266.
31. Bazelaire J.-P., Cretin T. La justice pénale internationale: son évolution, son avenir; de Nuremberg à La Haye. 1 éd. – Paris: Presses Universitaires de France, 2000. – VII, 261 p.
32. Bazzyler M. J. Nuremberg in America: litigating the Holocaust in United States courts // University of Richmond law review. – 2000. – Vol. 34, No. 1. – P. 1–283.
33. Becker S. W. The inequality of harm: unpunished Allied atrocities, the Nuremberg fallacy, and why global criminal justice remains a mirage / The Global Community Yearbook of International Law and Jurisprudence. Global trends: law, policy & justice; essays in honour of professor Giuliana Ziccardi Capaldo / ed. by M. C. Bassiouni, G. Joanna, P. Mengozzi, J. G. Merrills, R. N. Navia, A. Oriolo, W. Schabas, A. Vigorito. New York: Oceana, 2013. – P. 251–265.
34. Belgion M. Epitaph on Nuremberg: a letter intended to have been sent to a friend temporarily abroad. – London: Falcon Press, 1946. – 96 p.
35. Bendersky J. W. Carl Schmitt's Path to Nuremberg: A Sixty-Year Reassessment // Telos. – 2007. – No. 139. – P. 6–34.
36. Bennett G. H. The limits of West German justice in the 1960s: the post-war investigation of Walter Gieseke (oberstleutenant of the gendarmerie and SS) // Law, Crime and History. – 2013. – No. 2. – P. 116–139.
37. Bernays M. C. The Legal Basis of the Nuremberg Trials // Survey Graphic. – 1946. – Vol. 35. – P. 5–9.
38. Bernstein V. H. Final judgement: the story of Nuremberg. – London: Latimer House, 1947. – 254 p.
39. Best G. Nuremberg and after: the continuing history of war crimes and crimes against humanity. – Reading: University of Reading, 1984. – 29 p.
40. Bial L. C. The Nurnberg Judgement and International Law // Brooklyn Law Review. – 1947. – Vol. 13. – P. 34–49.
41. Biddle F. The Nurnberg Trial // Proceedings of the American Philosophical Society. – 1947. – Vol. 91. – P. 294–302.
42. Biddle F. The Nurnberg Trial // Virginia Law Review. – 1947. – Vol. 33. – P. 679–696.
43. Bioethical and ethical issues surrounding the trials and Code of Nuremberg: Nuremberg revisited / ed. by J. J. Rozenberg. – Lewiston, N.Y.: Edwin Mellen Press, 2003. – XX, 313 p.
44. Birkett J. International Legal Theories evolved at Nuremberg // International Affairs. – 1947. – Vol. 23. – P. 317–325.
45. Bishai L. S. Leaving Nuremberg: America's love/hate relationship with international law // Review of international studies. – 2008. – Vol. 34, No. 3. – P. 425–443.
46. Blakeney B. B. International Military Tribunal // American Bar Association Journal. – 1946. – Vol. 32. – P. 475–477, 523.
47. Blakeney B. B. International Military Tribunal: argument for motions to dismiss // The American Bar Association journal. – 1946. – Vol. 32. – P. 475–477.
48. Blankenburg E. Failures of war tribunals: from Leipzig, Nuremberg, and Tokyo to Milošević and Saddam Hussein / Law, society, and history: themes in the legal sociology and legal history of Lawrence M. Friedman / ed. by R. W. Gordon, M. J. Horwitz. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. – P. 137–145.
49. Bloxham D. The Nuremberg trials and the occupation of Germany // Cardozo law review. – 2006. – Vol. 27, No. 4. – P. 1599–1608.

50. *Boller T. J.* The International Criminal Court: better than Nuremberg? // *Indiana international & comparative law review*. – 2003. – Vol. 14, No. 1. – P. 279–304.
51. *Borgwardt E.* Re-examining Nuremberg as a new deal institution: politics, culture and the limits of law in generating human rights norms // *Berkeley journal of international law*. – 2005. – Vol. 23, No. 2. – P. 401–462.
52. *Borgwardt E.* Re-examining Nuremberg as a New Deal Institution: Politics, Culture and the Limits of Law in Generating Human Rights Norms // *Berkeley Journal of International Law*. – 2005. – Vol. 23, No. 2. – P. 401–462.
53. *Bos A.* Punishing war crimes in the former Yugoslavia: a critical juncture for the international community: from Nuremberg and The Hague to a permanent court; the future of international justice // *The Finnish yearbook of international law*. – 1996. – Vol. 7. – P. 324–333.
54. *Bosch W. J.* Judgment on Nuremberg: American attitudes toward the major German war-crime trials. – Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1970. – VI, 272 p.
55. *Bosch Y. V.* From Nuremberg to the EU Directive: access to justice and fair trial through highly qualified interpreters and translators / *Liberæ cogitationes: liber amicorum Marc Bossuyt* / A. Alen, V. Joosten, R. Leysen, W. Verrijdt (eds.). Cambridge: Intersentia, 2013. – P. 787–801.
56. *Bower T.* Blind eye to murder: Britain, America and the purging of Nazi Germany – a pledge betrayed. – London: Little, Brown, 1995. – XVI, 576 p.
57. *Brackman A. C.* The other Nuremberg: the untold story of the Tokyo war crimes trials. – New York: Morrow, 1987. – 432 p.
58. *Brand G.* The War Crimes Trials and the Laws of War // *British Year Book of International Law*. – 1949. – Vol. 26. – P. 414–427.
59. *Brand J. T.* Crimes against humanity and the Nurnberg trials // *Oregon Law Review*. – 1949. – Vol. 28. – P. 93–119.
60. Building a future on peace and justice: studies on transitional justice, peace and development; the Nuremberg declaration on peace and justice / *K. Ambos, J. Large, M. Wierda* (eds.). – Berlin; Heidelberg: Springer, 2009. – XX, 572 p.
61. *Burchard C.* The Nuremberg trial and its impact on Germany // *Journal of international criminal justice*. – 2006. – Vol. 4, No. 4. – P. 800–829.
62. *Buscher F. M.* The U.S. War Crimes Trial Program in Germany, 1946–1955. – Westport, Conn.: Greenwood Press, 1989. – X, 197 p.
63. *Bush J. A.* The prehistory of corporations and conspiracy in international criminal law: what Nuremberg really said // *Columbia law review*. – 2009. – Vol. 109, No. 5. – P. 1094–1262.
64. *Caestecker F., Fraser D.* The extraterritorial application of the Nuremberg laws: Ras-senschande and «mixed» marriages in European liberal democracies // *Journal of the history of international law*. 2008. – Vol. 10, No. 1. – P. 35–81.
65. *Calderón S. R.* Crímenes de guerra: las responsabilidades enjuiciadas en Nuremberg. – Mexico: Ediciones Lex, 1949. – 378 p.
66. *Caloyanni M. A.* Le procès de Nuremberg et l'avenir de la justice pénale internationale // *Revue de Droit International de Sciences Diplomatiques et Politiques*. – 1946. – Vol. 24. – P. 174–182.
67. *Calvocoressi P.* Nuremberg: the facts, the law and the consequences. – New York: Macmillan, 1948. – 176 p.
68. *Caming W.* Bringing war criminals to justice at Nuremberg (Proceedings of the Third International Humanitarian Law Dialogs, August 31–September 1, 2009 at the Chautauqua Institution / ed. by E. Andersen, D. M. Crane) // *Studies in Transnational Legal Policy*. – 2010. – No. 42. – P. 83–101.

69. *Carroll C.* Nuremberg: judgment and challenge – the rediscovery of the law above the statutory // *Journal of legal studies.* – 1995/1996. – Vol. 6. – P. 205–213.
70. *Carter E. F.* The Nurnberg Trials: A Turning Point in the Enforcement of International Law // *Nebraska Law Review.* – 1949. – Vol. 28. – P. 370–386.
71. *Cartier R.* Les secrets de la guerre dévoilés par Nuremberg. – Paris: Fayard, 1946. – 318 p.
72. *Carty A.* The Irish government's neutrality, the Nuremberg trials and after / *Frieden in Freiheit: Festschrift für Michael Bothe zum 70. Geburtstag = Peace in liberty = Paix en liberté* / A Fischer-Lescano, H.-P. Gasser, T. Marauhn, N. Ronzitti (Hrsg.). 1st ed. – Baden-Baden: Nomos; Zürich: Dike, 2008. – P. 363–373.
73. *Casamayor L.* Nuremberg: 1945, la guerre en procès. – Paris: Stock, 1986. – 201 p.
74. *Cassese A.* Remarks Given at the Old State House, Hartford, CT, October 18, 1996 // *Connecticut journal of international law.* – 1997. – Vol. 12, No. 2. – P. 201–208.
75. *Chaney K. R.* Pitfalls and imperatives: applying the lessons of Nuremberg to the Yugoslav War Crimes Trials // *Dickinson journal of international law.* – 1995. – Vol. 14, No. 1. – P. 57–94.
76. *Citron R. D.* The Nuremberg trials and American jurisprudence: the decline of legal realism, the revival of natural law, and the development of legal process theory // *Michigan state law review.* – 2006. – No. 2. – P. 385–410.
77. *Cohen L. A.* Application of the realist and liberal perspectives to the implementation of war crimes trials: cases studies of Nuremberg and Bosnia // *UCLA journal of international law and foreign affairs.* – 1997. – Vol. 2, No. 1. – P. 113–170.
78. *Coliver S.* Bringing human rights abusers to justice in U.S. courts: carrying forward the legacy of the Nuremberg trials // *Cardozo law review.* – 2006. – Vol. 27, No.4. – P. 1689–1701.
79. *Comtesse M. A.* Betrachtungen zum Nürnberger Prozess // *Schweizer Monatshefte.* – 1946. – Vol. 26. – P. 457–463.
80. *Conot R. E.* Justice at Nuremberg. – New York: Harper & Row, 1983. – XIII, 593 p.
81. *Cooper R. W.* Der Nürnberger Prozeß / aus dem engl. übertr. von K. Dencker. – Krefeld: Scherpe, 1947. – 355 s.
82. *Cooper R.W.* The Nuremberg Trial. – London: Penguin; New York: Harmondsworth, 1947. – 300 p.
83. *Cooper R.W.* The Nuremberg Trial. – United Kingdom, London: Faber and Faber, 2011. – 302 p.
84. *Cotler I.* National prosecutions, international lessons: bringing Nazi war criminals in Canada to justice // *Reining in impunity for international crimes and serious violations of fundamental Human Rights: Proceedings of the Siracusa Conference, 17-21 September 1998* / C. C. Joyner, M. C. Bassiouni (eds.). – Association Internationale de Droit Penal, 1998. – P. 161–174.
85. *Cotler I.* Nuremberg 50 years later: the restitution of Jewish property and Norwegian justice // *Nordic journal of international law.* – 1998. – Vol. 67, No. 3. – P. 275–287.
86. *Cruvellier T.* Le tribunal des vaincus: un Nuremberg pour le Rwanda? – Paris: Calmann-Lévy, 2006. – 269 p.
87. *Cyprian T.* Sprawy polskie w procesie Norymberskim. – Poznan: Instytut zachodni, 1956. – 814 s.
88. *Cyprian T., Sawicki J.* Ludzie i sprawy Norymbergi. – Warszawa: Wydawnictwo Poznanskie, 1967. – 479 s.
89. *Cyprian T., Sawicki J.* Prawo norymberskie. Bilans i perspektywy. – Warszawa: Kuthana, 1948. – 601 s.
90. *Cyprian T., Sawicki J.* Walka o zasady norymberskie 1945–1955. – Warszawa: Panswowe Wydawnictwa Naukowe, 1956. – 492 s.

91. *Danieli Y.* Reappraising the Nuremberg trials and their legacy: the role of victims in international law // *Cardozo law review*. – 2006. – Vol. 27, No. 4. – P. 1633–1649.
92. *Danner A. M.* The Nuremberg industrialist prosecutions and aggressive war // *Virginia journal of international law*. – 2006. – Vol. 46, No. 4. – P. 651–671.
93. *Dastrup B. L.* Crusade in Nuremberg: military occupation; 1945–1949. – Westport, Conn.: Greenwood Press, 1985. – XI, 159 p.
94. *Davidson E.* The Nuremberg fallacy. 1st University of Missouri Press paperback ed. – Columbia: University of Missouri Press, 1998. – XII, 334 p.
95. *Davidson E.* The Nuremberg fallacy: wars and war crimes since World War II. – New York, N.Y.: Macmillan, 1973. – XII, 331 p.
96. *Davidson E.* The trial of the Germans: an account of the 22 defendants before the international military tribunal at Nuremberg. – New York: MacMillan, 1966. – IX, 636 p.
97. De Nuremberg à La Haye et Arusha: justice internationale: actes du colloque organisé au Sénat par le groupe libéral francophone du Sénat / Sous la direction de A. Destexhe, M. Forêt. – Bruxelles: Bruylant, 1997. – 143 p.
98. De Nuremberg à La Haye: juger le crime contre l'humanité; actes du colloque organisé à Paris, au siège du Grand Orient de France, les 20 et 21 mai 2006 / Textes réunis par N. Mallard. – Paris: Grand Orient de France, 2006. – 288 p.
99. *Delage C.* Caught on camera: film in the courtroom from the Nuremberg trials to the trials of the Khmer Rouge / ed. and transl. by R. Schoolcraft, M. B. Kelly. 1st ed. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2014. – VI, 315 p.
100. *Delage C.* The place of the filmed witness: from Nuremberg to the Khmer Rouge Trial // *Cardozo law review*. – 2010. – Vol. 31, No. 4. – P.1087–1112.
101. *DelPizzo L. J.* Not guilty – but not innocent: an analysis of the acquittal of John Demjanjuk and its impact on the future of Nazi war crimes trials // *Boston College international and comparative law review*. – 1995. – Vol. 18, No. 1. – P. 137–178.
102. *Descheemaeker J.* Le Tribunal Militaire International des grands criminels de guerre // *Revue Générale de Droit International Public*. – 1946. – Vol. 17. – P. 210–311.
103. *Descheemaeker J.* Le Tribunal Militaire International des grands criminels de guerre. – Paris: Pedone, 1947. – 122 p.
104. Die Nürnberger Prozesse: Völkerstrafrecht seit 1945: Internationale Konferenz zum 60. Jahrestag / im Auftr. des *Touro College Jacob D. Fuchsberg Law Center* hrsg. von H. R. Reginbogin, C. J. Safferling, W. R. Hippel. – München: Saur, 2006. – 320 s.
105. *Dimock E. J.* Factual Outline of the Indictment of War Criminals // *American Bar Association Journal*. – 1945. – Vol. 31. – P. 638–641, 646–647.
106. *Dinštein Y.* The international military tribunal at Nuremberg // *Israel yearbook on human rights*. – 2007. – Vol. 37, No. 1. – P. 1–18.
107. Document USSR-54: the «Report of a Special Soviet Commission» concerning the Katyn Massacre, submitted as evidence at the International Tribunal, Nuremberg on 14 February 1946 / transl. into engl. by C. W. Porter. – Hull: The Heretical Press, 1998. – 47 p.
108. *Dodd C. J.* Remarks: The Legacy of Nuremberg, October 18, 1996 // *Connecticut journal of international law*. – 1997. – Vol. 12, No. 2. – P. 197–200.
109. *Dodd T. J.* The Nürnberg Trials // *The Journal of Criminal Law and Criminology*. – 1946–1947. – Vol. 37. – P. 357–367.
110. Doenitz at Nuremberg: a reappraisal; war, crimes, and the military professional / ed. by H. K. Thompson. – New York: Amber, 1976. – XXXII, 198 p.
111. *Doman N.* Political Consequences of the Nuremberg Trial // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. – 1946. – Vol. 246. – P. 81–90.

112. Doman N. R. The Nuremberg Trials Revisited // American Bar Association Journal. – 1961. – Vol. 47. – P. 261–264.
113. Donnedieu de Vabres H. Le procès de Nuremberg // Revue de Science Criminelle et de Droit Pénal Comparé. Nouvelle Serie. – 1947. – No. 1. – P. 171–183.
114. Donnedieu de Vabres H. Le procès de Nuremberg devant les principes modernes du Droit pénal international // Academie de Droit International, Recueil des Cours. – 1947. – Vol. 70. – P. 481–581.
115. Donnedieu de Vabres H. Le procès de Nuremberg devant les principes modernes du droit pénal international // Recueil des cours / Académie de Droit International de La Haye. – 1947. – Vol. 70, No. 1. – P. 481–581.
116. Donnedieu de Vabres H. Le procès de Nuremberg: cours de doctorat professé à la Faculté de Droit de Paris. – Paris: Montchrestien, 1947. – XXXVIII, 284 p.
117. Douglas L. Crimes of atrocity, the problem of punishment and the situ of law // Propaganda, war crimes trials and international law: from speakers' corner to war crimes / ed. by P. Dojčinović. – Routledge, Taylor & Francis, 2012. – P. 269–294.
118. Douglas L. Film as witness: screening Nazi Concentration Camps before the Nuremberg Tribunal // The Yale law journal. – 1995. – Vol. 105, No. 2. – P. 449–481.
119. Douglas L. History and Memory in the Courtroom: Reflections on Perpetrator Trials // The Nuremberg Trials: International Criminal Law Since 1945 / Die Nürnberger Prozesse: Volkerstrafrecht Seit 1945 / H. R. Reginbogin, C. J. Safferling eds. München: K. G. Sauer Verlag, 2006. – P. 95–104.
120. Dux H. The Auschwitz Trial at the Landgericht Frankfurt and its Importance for the Prohibition of Genocide // The Genocide Convention Sixty Years after its Adoption / C. Safferling, E. Conze (eds.). The Hague, the Netherlands: T.M.C. Asser Press, 2010. – P. 287–298.
121. Earl H. C. The Nuremberg SS-Einsatzgruppen trial, 1945–1958: atrocity, law, and history. 1st publ. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – XV, 336 p.
122. Eastwood M. The Nuremberg trial of Julius Streicher : the crime of «incitement to genocide». Lewiston, NY: Mellen, 2011. – II, 272 p.
123. Eccard F. La signification suprême du procès de Nuremberg // Revue de Droit International de Sciences Diplomatiques et Politiques. – 1946. – Vol. 24. – P. 82–84.
124. Ecer B. Hlavní materialne pravni normy Norimberskeho procesu // Právník. – 1946. – No. 1–2. – P.1–10.
125. Ecer B. Norimberský soud. – Praha: Orbis, 1946. – 380 s.
126. Eckhardt W. G. Nuremberg – fifty years: accountability and responsibility // UMKC law review. – 1996. – Vol. 65, No. 1. – P. 1–14.
127. Egbert L. D. L'accusation américaine au Tribunal Militaire International // Nouvelle Revue de Droit International Prive. – 1946. – Vol. 13. – P. 419–429.
128. Ehard H. The Nuremberg Trial against the Major War Criminals and International Law // American Journal of International Law. – 1949. – Vol. 43, No. 2. – P. 223–245.
129. Ehrenfreund N. The Nuremberg legacy: how the Nazi war crimes trials changed the course of history. 1st publ. – New York: Palgrave Macmillan, 2007. – XVII, 257 p.
130. Failure at Nuremberg: an analysis of trial, evidence and verdict. – London: Research Department of the British Peoples Party, 1946. – 42 p.
131. Falk R. A. Telford Taylor and the legacy of Nuremberg // Columbia journal of transnational law. – 1999. – Vol. 37, No. 3. – P. 693–723.
132. Ferencz B. B. A prosecutor's personal account: from Nuremberg to Rome // Journal of international affairs. – 1999. – Vol. 52, No. 2. – P. 455–469.
133. Ferencz B. B. International criminal courts: the legacy of Nuremberg // Pace international law review. – 1998. – Vol. 10, No. 1. – P. 203–235.

134. *Ferencz B. B.* Tribute to Nuremberg Prosecutor Jackson // *Pace international law review*. – 2004. – Vol. 16, No. 2. – P. 365–375.
135. *Ferenz B. B.* Nürnberg Trial Procedure and the Rights of the Accused // *The Journal of Criminal Law and Criminology*. – 1948. – Vol. 39. – P. 144–151.
136. *Fichtelberg A.* Fair trials and international courts: A critical evaluation of the Nuremberg legacy // *Criminal Justice Ethics*. – 2009. – Vol. 28, No. 1. – P. 5–24.
137. *Finch G. A.* The Nuremberg Trial and International Law // *American Journal of International Law*. – 1947. – Vol. 41, No. 1. – P. 20–37.
138. *Fisher L.* Nazi saboteurs on trial: a military tribunal and American law. – Lawrence, Kan.: University Press of Kansas, 2003. – XI, 193 p.
139. *Fite K. B.* The Nürnberg Judgment: Summary // *Department of State Bulletin*. – 1947. – Vol. 16. – P. 9–19.
140. *Forbes G. W.* Some Legal Aspects of the Nuremberg Trial // *Canadian Bar Review*. – 1946. – Vol. 24. – P. 584–599.
141. Forty years after the Nuremberg and Tokyo tribunals: the impact of the war crimes trials on international and national law // *American Society of International Law Proceedings*. – 1986. – Vol. 80. – P. 56–73.
142. *Franco Sodi C.* Racismo, antirracismo y justicia penal: El Tribunal de Nuremberg. – Mexico: Ediciones Botas, 1946. – 174 p.
143. *Freyhofer H. H.* The Nuremberg medical trial: The Holocaust and the Origin of the Nuremberg Medical Code. – New York: Lang, 2004. – VIII, 209 p.
144. *Friedman J.* Arendt in Jerusalem, Jackson at Nuremberg: presuppositions of the Nazi War Crimes Trials // *Israel law review*. – 1994. – Vol. 28, No. 4. – P. 601–625.
145. *Friedman T.* 60 Years «Nazi hunter»: 1945–2005; the autobiography of the man who spent fifteen years searching for Adolf Eichmann / ed. and transl. by D. C. Gross. – Haifa: Institute for the Documentation of Nazi War Crimes, 2006. – 533 p.
146. From Nuremberg to My Lai / ed. and with an introduction by *J. W. Baird*. – Lexington, Mass.: Heath, 1972. – XX, 292 p.
147. From Nuremberg to The Hague. The Nuremberg Heritage: A Series of Events Commemorating the Beginning of the Nuremberg Trials / Speech by *Philippe Kirsch*, President of the International Criminal Court. Court Room 600. Palace of Justice, Nuremberg. – 19 November 2005 URL: http://www.icc-cpi.int/nr/rdonlyres/08ab9f8f-53a2-4533-bce0-887419726332/143894/pk_2005_1119_en.pdf (дата обращения: 22.10.2015).
148. From Nuremberg to the Hague: the future of international criminal justice / edited by *P. Sands*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – XIII, 192 p.
149. *Fujita H.* Le crime contre l'humanité dans les procès de Nuremberg et de Tokyo // *Kobe University law review*. – 2000. – Vol. 34. – P. 1–16.
150. *Futamura M.* Revisiting the «Nuremberg legacy»: societal transformation and the strategic success of international war crimes tribunals – lessons from the Tokyo trial and Japanese experience. Submitted for the degree of PhD (War Studies). – King's College London, Autumn 2005. – 354 p.
151. *Futamura M.* War crimes tribunals and transitional justice: the Tokyo trial and the Nuremberg legacy. 1st publ. – London; New York, NY: Routledge, Taylor & Francis Group, 2008. – XII, 213 p.
152. *Gallini B. R.* Nuremberg Lives On: How Justice Jackson's International Experience Continues to Shape Domestic Criminal Procedure // *Loyola University Chicago Law Journal*. – 2014. – Vol. 46. – P. 1–73.
153. *Garibian S.* Crimes against humanity and international legality in legal theory after Nuremberg // *Journal of Genocide Research*. – 2007. – Vol. 9, No. 1. – P. 93–111.

154. Gaskin H. Eyewitnesses at Nuremberg. 1st publ. – London: Arms and Armour, 1990. – XX, 192 p.
155. Genton J. C. Le Tribunal Militaire International // Revue de Droit Pénal et de Criminologie. – 1947–1948. – P. 477–561.
156. Gerard R. Le procès de Nuremberg répond-il à l'esprit de justice? // Voix des Peuples. – 1946. – Vol. 13. – P. 57–64.
157. Gestapo on trial: evidence from Nuremberg; the illustrated ed. / ed. and introduced by B. Carruthers. – Barnsley: Pen & Sword Military, 2014. – 371 p.
158. Gibb A. D. Perjury unlimited: a monograph on Nuremberg. – Edinburgh: Green, 1954. – 62 p.
159. Gilbert G. M. Nuremberg diary. – New York, N.Y.: New American Library, 1961. – 430 p.
160. Gilbert G. M. Nürnberger Tagebuch. – Frankfurt a. M.: Fischer, 1962. – 455 s.
161. Ginsburgs G. Moscow's road to Nuremberg: the Soviet background to the trial. – The Hague: Martinus Nijhoff Publishers, 1996. – 161 p.
162. Glaser S. La charte du Tribunal de Nuremberg et les nouveaux Principes du droit international // Schweizerische Zeitschrift für Strafrecht. – 1948. – Vol. 63. – P. 13–38.
163. Glueck S. The Nuremberg Trial and Aggressive War // Harvard Law Review. – 1946. – Vol. 59. – P. 396–456.
164. Glueck S. The Nuremberg trial and aggressive war. – New York: Knopf, 1946. – XV, 121 p.
165. Goetz C. Impressions of Telford Taylor at Nuremberg // Columbia Journal of Transnational Law. – 1999. – Vol. 37, No. 3. – P. 669–672.
166. Goldensohn L. Die Nürnberger Interviews: Gespräche mit Angeklagten und Zeugen / hrsg. und eingel. von R. Gellately. – Düsseldorf; Zürich: Artemis & Winkler, 2005. – 457 s.
167. Goldensohn L. The Nuremberg interviews: an American psychiatrist's conversations with the defendants and witnesses / ed. and intr. by R. Gellately. Repr. – New York: Knopf, 2005. – XXIX, 490 p.
168. Goldstone R. Historical evolution – from Nuremberg to the International Criminal Court // Penn State international law review. – 2007. – Vol. 25, No. 4. – P. 763–777.
169. Gonçalves J. B. Tribunal de Nuremberg 1945–1946: a gênese de uma nova ordem no direito internacional. – 2 ed., revista e ampliada. – Rio de Janeiro: Renovar, 2004. – 385 p.
170. Goodhart A. L. Questions and Answers Concerning the Nuremberg Trials // International Law Quarterly. – 1947. – Vol. 1. – P. 525–531.
171. Goodhart A. L. The Legality of the Nuremberg Trials // Juridical Review. – 1946. – Vol. 58. – P. 1–19.
172. Gorzkowska J., Zakowska E. Nazi criminals before West German courts / foreword by M. Szerer. – Warszawa: Zachodnia Agencja Prasowa, 1965. – XVIII, 102 p.
173. Graven J. De la justice internationale à la paix: Les enseignements de Nuremberg // Revue de Droit International de Sciences Diplomatiques et Politiques. – 1946. – Vol. 24. – P. 183–210.
174. Graven J. De la justice internationale à la paix: Les enseignements de Nuremberg // Revue de Droit International de Sciences Diplomatiques et Politiques. – 1947. – Vol. 25. – P. 3–17.
175. Grewe W., Kuester O. Nürnberg als Rechtsfrage: Eine Diskussion. – Stuttgart: Klett, 1947. – 111 s.
176. Halberstam M. What price peace: from Nuremberg to Bosnia to the Nobel Peace Prize // ILSA journal of international & comparative law. – 1997. – Vol. 3, No. 2. – P. 571–582.

177. *Hale W. B.* Nurenberg War Crimes Tribunals // *Tennessee Law Review*. – 1949–1951. – Vol. 21. – P. 8–19.
178. *Harris B.* Injustice: state trials from Socrates to Nuremberg. – Trupp: Sutton Publishing, 2006. – XIII, 241 p.
179. *Harris W. R.* The Legacy of Nuremberg ((Proceedings of the First International Humanitarian Law Dialogs, August 29, 2007 at the Chautauqua Institution / ed. by E. Andersen, D. M. Crane) // *Transnational Legal Policy*. – 2008. – No. 39. – P. 23–32.
180. *Harris W. R.* The Nuremberg Trial 1945–1946 // *The Genocide Convention Sixty Years after its Adoption* / C. Safferling, E. Conze (eds.). The Hague, the Netherlands: T.M.C. Asser Press, 2010. – P. 299–305.
181. *Harris W. R.* Tyranny on trial: the evidence at Nuremberg. – Dallas: Southern Methodist University Press, 1954. – XXXVII, 608 p.
182. *Hartlmayr F.* Nürnberger Kriegsverbrecherprozess und Völkerrecht // *Oesterreichische Monatshefte*. – 1946. – Vol. 1. – P. 329–332.
183. *Harwood R.* Nuremberg and other war crimes trials: a new look. – Chapel Ascote, Ladbroke, Southam; Warks, England: Historical Review Press, 1978. – 69 p.
184. *Harwood R. R.* Nuremberg and other war crimes trials: a new look. – Ladbroke: Historical Review Press, 1978. – 69 p.
185. *Hasian M. A. (Jr.)*. Rhetorical vectors of memory in national and international Holocaust trials. – East Lansing, Mich.: Michigan State University Press, 2006. – X, 236 p.
186. *Hazan P.* La justice face à la guerre: de Nuremberg à La Haye. – Paris: Stock, 2000. – 285 p.
187. *Hébert V. G.* Hitler's generals on trial: the last war crimes tribunal at Nuremberg. – Lawrence, Kan.: University Press of Kansas, 2010. – XII, 362 p.
188. *Heller K. J.* Retreat from Nuremberg: the leadership requirement in the crime of aggression // *European journal of international law*. – 2007. – Vol. 18, No. 3. – P. 477–497.
189. *Heller K. J.* The Nuremberg military tribunals and the origins of international criminal law. 1st publ. – Oxford: Oxford University Press, 2011. – XVIII, 509 p.
190. *Heller K. J.* The Nuremberg Military Tribunals and the Origins of International Criminal Law: Proefschrift ter verkrijging van de graad van Doctor aan de Universiteit Leiden. – Leiden, 2011. – 385 p.
191. *Herzog J. B.* Les organisations nationales-socialistes devant le Tribunal de Nuremberg // *Revue Internationale de Droit Pénal*. – 1946. – P. 343–359.
192. *Herzog J.-B.* Nuremberg: un échec fructueux? – Paris: Librairie Générale de Droit et de Jurisprudence, 1975. – XXIII, 209 p.
193. *Hofmann T.* Benjamin Ferencz, Nuremberg prosecutor and peace advocate. – Jefferson, NC: McFarland, 2014. – VII, 273 p.
194. Holocaust and justice: representation and historiography of the Holocaust in post-war trials / ed. by *D. Bankier, D. Michman*. – Jerusalem: Yad Vashem; New York, NY: Berghahn Books, 2010. – 343 p.
195. *Honig F.* Nuremberg – Justice or Vengeance? // *World Affairs*. – 1947. – Vol. 1. – P. 79–88.
196. *Huber T.* Holocaust compensation payments and the global search for justice for victims of Nazi persecution // *The Australian journal of politics and history*. – 2002. – Vol. 48, No. 1. – P. 85–101.
197. *Huguency L.* Le procès de Nuremberg devant les Principes modernes du droit pénal international // *Revue Internationale de Droit Pénal*. – 1948. – P. 277–280.
198. *Jackson R. H.* Nuremberg in Retrospect // *Canadian Bar Review*. – 1949. – Vol. 27. – P. 761–781.

199. *Jackson R. H.* Nuremberg in Retrospect: Legal Answers to International Lawlessness // American Bar Association Journal. – 1949. – Vol. 35. – P. 813–816.
200. *Jackson R. H.* Nuremberg in Retrospect: Legal Answers to International Lawlessness // American Bar Association Journal. – 1949. – Vol. 35. – P. 881–887.
201. *Jackson R. H.* The case against the Nazi war criminals: opening statement for the USA. – New York: Knopf, 1946. – XIII, 216 p.
202. *Jackson R. H.* The Nürnberg Case, as presented by Robert H. Jackson, Chief of Counsel for the U.S., together with other documents. – New York: A. A. Knopf, 1947. – 286 p.
203. *Jackson R. H.* Trial of the Trials: Nuernberg // Common Cause. – 1950. – Vol. 3. – P. 284–294.
204. *Jackson W. E.* Putting the Nuremberg Law to Work // Foreign Affairs. – 1947. – Vol. 25. – P. 550–565.
205. *Janeczek E. J.* Nuremberg judgment in the light of international law. – Genf, 1949. – 142 p.
206. *Jaspers K.* The Significance of the Nürnberg Trials for Germany and the World // Notre Dame Lawyer. – 1946–1947. – Vol. 22. – P. 150–160.
207. *Jeschek H.-H.* The general principles of international criminal law set out in Nuremberg, as mirrored in the ICC Statute // Journal of international criminal justice. – 2004. – Vol. 2, No. 1. – P. 38–55.
208. *Jose E. A.* Nuremberg Revisted: The Tadic Case // European Journal of International Law. – 1996. – Vol. 7, No. 2. – P. 245–265.
209. *Joyce M.* Duress: from Nuremberg to the International Criminal Court, finding the balance between justification and excuse // Leiden journal of international law. – 2015. – Vol. 28, No. 3. – P. 623–642.
210. Judgments on Nuremberg: the past half century and beyond – a panel discussion of Nuremberg prosecutors // Boston College Third World law journal. – 1996. – Vol. 16, No. 2. – P. 193–215.
211. *Kalnoky I., Herisko I.* The witness house: a Nuremberg memoir of Countess Kalnoky, with Ilona Herisko. – London: New England Library, 1975. – 248 p.
212. *Kastrup D.* From Nuremberg to Rome and beyond: the fight against genocide, war crimes, and crimes against humanity // Fordham international law journal. – 1999. – Vol. 23, No. 2. – P. 404–414.
213. *Katz J.* Human sacrifice and human experimentation: reflections at Nuremberg // The Yale journal of international law. – 1997. – Vol. 2, No. 2. – P. 401–418.
214. *Kaufman Z. D.* The Nuremberg Tribunal v. the Tokyo Tribunal: designs, staffs, and operations // The John Marshall law review. – 2010. – Vol. 43, No. 3. – P. 753–768.
215. *Kaul H.-P.* From Nuremberg to Kampala – Reflections on the Crime of Aggression (Proceedings of the Fourth International Humanitarian Law Dialogs, August 30–31, 2010 at Chautauqua Institution / ed. by E. Andersen, D. M. Crane) // Studies in Transnational Legal Policy. – 2011. – No. 43. – P. 59–84.
216. *Kelsen H.* Will the Judgment in the Nuremberg Trial Constitute a Precedent in International Law? // International Law Quarterly. – 1947. – Vol. 1, No. 2. – P. 153–171.
217. *King H. T. (Jr.)*. Nuremberg and crimes against peace // Case Western Reserve journal of international law. – 2009. – Vol. 41, No. 2/3. – P. 273–279.
218. *King H. T. (Jr.)*. Nuremberg and sovereignty // Case Western reserve journal of international law. – 1996. – Vol. 28, No. 1. – P. 135–140.
219. *King H. T. (Jr.)*. Spirit of Nuremberg – Idealism ((Proceedings of the First International Humanitarian Law Dialogs, August 29, 2007 at the Chautauqua Institution / ed. by E. Andersen, D. M. Crane) // Transnational Legal Policy. – 2008. – No. 39. – P. 33–44.

220. King H. T. The judgments and legacy of Nuremberg // The Yale journal of international law. – 19. – Vol. 22, No. 1. – P. 213–221.
221. King H. T. The legacy of Nuremberg // Case Western reserve journal of international law. – 2002. – Vol. 34, No. 3. – P. 335–356.
222. King H. T. The meaning of Nuremberg // Case Western reserve journal of international law. – 1998. – Vol. 30, No. 1. – P. 143–148.
223. King H. T. Universal jurisdiction: myths, realities, prospects, war crimes and crimes against humanity: the Nuremberg precedent // New England law review. – 2000/2001. – Vol. 35, No. 2. – P. 281–286.
224. King H. T., Theofrastous T. C. From Nuremberg to Rome: a step backward for U.S. foreign policy // Case Western reserve journal of international law. – 1999. – Vol. 31, No. 1. – P. 47–106.
225. Kochavi A. J. Prelude to Nuremberg: allied war crimes policy and the question of punishment. – Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press, 1998. – X, 312 p.
226. Koller D. ... and New York and The Hague and Tokyo and Geneva and Nuremberg and ... : the geographies of international law // European journal of international law. – 2012. – Vol. 23, No. 1. – P. 97–119.
227. Kranzbuehler O. Nuremberg Eighteen Years Afterwards // De Paul Law Review. – 1964–1965. – Vol. 14. – P. 333–347.
228. Kreß C. Versailles – Nuremberg – The Hague: Germany and international criminal law // The international lawyer. – 2006. – Vol. 40, No. 1. – P. 15–39.
229. Kuchenbauer K. Ongoing German prosecution of World War II Nazi war crimes // Justice. – 2008. – No. 45. – P. 15–20.
230. La Bella L. The Nuremberg trials. – New York: Rosen Publishing, 2014. – 80 p.
231. La persécution des Juifs dans les pays de l'Est présentée à Nuremberg / recueil de documents publ. sous la dir. de H. Monneray. – Paris: Editions du Centre, 1949. – 356 p.
232. La persécution des Juifs en France et dans les autres pays de l'Ouest présentée par la France à Nuremberg / recueil de documents publ. sous la dir. de H. Monneray. – Paris: Editions du Centre, 1947. – 423 p.
233. Lachs M. Le Jugement de Nuremberg // Revue Internationale de Droit Pénal. – 1946. – P. 398–404.
234. Lang B. Act and idea in the Nazi genocide. – Chicago: University of Chicago Press, 1990. – XXII, 258 p.
235. Lauterpacht H. The Law of Nations and the Punishment of War Crimes // British Year Book of International Law. – 1944. – Vol. 21. – P. 58–95.
236. Lawrence (Lord Justice). The Nuremberg Trial // International Affairs. – 1947. – Vol. 23. – P. 151–159.
237. Lazard D. Le procès de Nuremberg: récit d'un témoin. – Paris: Editions de la Nouvelle Presse, 1947. – 355 p.
238. Le Procès de Nuremberg: conséquences et actualisation; actes du colloque international, Université Libre de Bruxelles, Bruxelles, le 27 mars 1987. – Bruxelles: Bruylant, 1988. – 181 p.
239. LeBor A. Hitler's secret bankers: how Switzerland profited from Nazi genocide. – London: Pocket Books, 1999. – XXVI, 399 p.
240. Leibman L. From Nuremberg to Bosnia: consistent application of international law // Cleveland State law review. – 1994. – Vol. 42, No. 4. – P. 705–735.
241. Lener S. Diritto e politica nel processo di Norimberga // Civiltà Cattolica. – 1946. – Vol. 97, No. II. – P. 92–106.
242. Leonhardt H. The Nuremberg Trial: A Legal Analysis // Review of Politics. – 1949. – Vol. 11. – P. 449–476.

243. *Leventhal H.* The Nuernberg Verdict / H. Leventhal and others // *Harvard Law Review*. – 1947. – Vol. 60. – P. 857–907.
244. *Levie H. S.* Prosecuting war crimes before an international tribunal // *Akron law review*. – 1995. – Vol. 28, No. 3. – P. 429–435.
245. *Lifton R. J.* The Nazi doctors: medical killing and the psychology of genocide. – New York, NY: Basic Books, 1986. – XIII, 561 p.
246. *Lingane Z.* Punir, amnistier ou nier: le crime international de Nuremberg à La Haye. – Paris: Harmattan, 2014. – 337 p.
247. *Lippman M.* Fifty years after Auschwitz: prosecutions of Nazi Death Camp defendants // *Connecticut journal of international law*. – 1996. – Vol. 11, No. 2. – P. 199–278.
248. *Lippman M.* Nuremberg: Forty-Five Years Later // *Connecticut Journal of International Law*. – 1991. – Vol. 7. – P. 1–64.
249. *Lippman M.* Prosecutions of Nazi war criminals before post-World War II domestic tribunals // *University of Miami international and comparative law review*. – 1999/2000. – Vol. 8. – P. 1–113.
250. *Lippman M.* The Other Nuremberg: American Prosecutions of Nazi War Criminals in Occupied Germany // *Indiana International and Comparative Law Review*. – 1992. – Vol. 3, No. 1. – P. 1–100.
251. *Lippman M.* The pursuit of Nazi war criminals in the United States and in other Anglo-American legal systems // *California Western international law journal*. – 1998. – Vol. 29, No. 1. – P. 1–100.
252. *Lippman M.* War crimes prosecutions of Nazi health professionals and the contemporary protection of human rights // *Thurgood Marshall law review*. – 1995. – Vol. 21, No. 1. – P. 11–76.
253. *Lippman M.* War crimes: American prosecutions of Nazi military officers // *Touro international law review*. – 1995. – Vol. 6. – P. 261–376.
254. *Lopičić J. Đ.* Metodika dokazivanja ratnih zločina sa osvrtom na Nirnberški sud (summary in English) // *Pravo*. – 1998. – Vol. 15, No. 12. – P. 57–64.
255. *Lozier M. E.* Nuremberg: A Reappraisal // *Columbia Journal of Transnational Law*. – 1961–1963. – Vol. 1&2. – P. 64–77.
256. *Lukashuk I. I.* The Nuremberg and Tokyo Trials: 50 Years Later // *Review of Central and East European Law*. – 1994. – Vol. 20, No. 2. – P. 207–216.
257. *Lustig D.* The nature of the Nazi State and the question of international criminal responsibility of corporate officials at Nuremberg: revisiting Franz Neumann's concept of Behemoth at the industrialist trials // *New York University journal of international law & politics*. – 2011. – Vol. 43, No. 4. – P. 965–1044.
258. *Macmillan J.* Five men at Nuremberg. – London: Harrap, 1985. – 424 p.
259. *Mandel M.* Aggressors' rights: the doctrine of «equality between belligerents» and the legacy of Nuremberg // *Leiden journal of international law*. – 2011. – Vol. 24, No. 3. – P. 627–650.
260. *Mansfield L.* Crimes against humanity: reflections on the fiftieth anniversary of Nuremberg and a forgotten legacy // *Nordic journal of international law*. – 1995. – Vol. 64, No. 2. – P. 293–341.
261. *Maridakis G. S.* An ancient precedent to Nuremberg // *Journal of international criminal justice*. – 2006. – Vol. 4, No. 4. – P. 847–852.
262. *Mariniello T.* The «Nuremberg clause» and beyond: legality principle and sources of international criminal law in the European Court's jurisprudence // *Nordic journal of international law*. – 2013. – Vol. 82, No. 2. – P. 221–248.

263. *Marrus M. R.* A Jewish lobby at Nuremberg: Jacob Robinson and the Institute of Jewish Affairs, 1945–1946 // *Cardozo law review*. – 2006. – Vol. 27, No. 4. – P. 1651–1665.
264. *Marrus M. R.* The Nuremberg Doctors' Trial in Historical Context // *Bulletin of the History of Medicine*. – 1999. – Vol. 73, No. 1. – P. 106–123.
265. *Marrus M. R.* The Nuremberg war crimes trial of 1945–46: a documentary history. – Boston: Bedford Books, 1997. – XI, 276 p.
266. *Martin R. A.* Inside Nürnberg: military justice for Nazi war criminals. – Shippensburg, Pa.: White Mane Books, 2000. – XI, 150 p.
267. *Martins M. S.* «War crimes» during operations other than war: military doctrine and law fifty years after Nuremberg – and beyond // *Military law review*. – 1995. – Vol. 149. – P. 145–187.
268. *Matas D.* Justice delayed: Nazi war criminals in Canada. – Toronto: Summerhill Press, 1987. – 275 p.
269. *May R., Wierda M.* Trends in International Criminal Evidence: Nuremberg, Tokyo, The Hague and Arusha // *Columbia Journal of Transnational Law*. – 1999. – Vol. 37, No. 3. – P. 725–765.
270. *McCoubrey H.* From Nuremberg to Rome: restoring the defence of superior orders // *The international and comparative law quarterly*. – 2001. – Vol. 50, No. 2. – P. 386–394.
271. *McKeown T.* The Nuremberg trial: procedural due process at the International military tribunal // *Victoria University of Wellington Law Review*. – 2014. – Vol. 45, No. 1. – P. 109–132.
272. *Meltzer B. D.* «War crimes»: the Nuremberg Trial and the Tribunal for the former Yugoslavia // *Valparaiso University law review*. – 1996. – Vol. 30, No. 3. – P. 895–912.
273. *Meltzer B. D.* A Note on Some Aspects of the Nuremberg Debate // *University of Chicago Law Review*. – 1947. – Vol. 14. – P. 455–469.
274. *Mémeteau G.* Nuremberg: Mythe ou réalité? // *Revue de la recherche juridique – droit prospectif*. – 1999. – T. 24(3). – P. 605–629.
275. *Mendelsohn J.* Trial by Document: The Use of Seized Records in the United States Proceedings at Nürnberg. – New York: Garland Publishing, 1988. – VII, 224 p.
276. *Mendelsohn P.* Die Nürnberger Dokumente: Studien zur deutschen Kriegspolitik 1937–45 / Übersetzung aus dem Englischen von W. Lenz. – Hamburg: Krüger, 1947. – 423 s.
277. *Merle M.* Le procès de Nuremberg et le chatiment des criminels de guerre. – Paris: Pedone, 1949. – XV, 185 p.
278. *Merle M., Donnedieu de Vabres H.* Le procès de Nuremberg et le châtiment des criminels de guerre. – Paris: A. Pedone, 1949. – VII, 185 p.
279. *Miller R. L.* Nazi justiz: law of the Holocaust. – Westport, Conn.: Praeger, 1995. – 232 p.
280. *Moghalu K. C.* International humanitarian law from Nuremberg to Rome: the weighty precedents of the International criminal Tribunal for Rwanda // *Pace international law review*. – 2002. – Vol. 14, No. 2. – P. 273–305.
281. *Monneray H.* La prevue documentaire et testimoniale au procès de Nuremberg // *Revue Générale de Droit International Public*. – 1948. – Vol. 52. – P. 20–49.
282. *Montero M.* El tribunal de Nuremberg // *Revista Peruana de Derecho Internacional*. – 1948. – Vol. 8. – P. 128–145.
283. *Morgan J. H.* Nuremberg and after // *The Quarterly Review*. – 1947. – Vol. 285. – P. 318–336.
284. *Morgan J. H.* Nuremberg and after // *The Quarterly Review*. – 1947. – Vol. 285. – P. 605–625.

285. *Morgan J. H.* The great assize: an examination of the law of the Nuremberg trials. – London: Murray, 1948. – IX, 44 p.
286. *Mujuzi J. D.* From Nuremberg to Tokyo through Africa to The Hague: punishing torturers before International Criminal Tribunals // African yearbook on international humanitarian law. – 2008. – P. 33–58.
287. *Mundis D. A.* Completing the mandates of the ad hoc international criminal tribunals: lessons from the Nuremberg process? // Fordham international law journal. – 2005. – Vol. 28, No. 3. – P. 591–615.
288. *Muñoz de Cote Otero A. T.* El Tribunal Militar Internacional de Nüremberg: problemática e implicaciones de su instauración = The International Military Tribunal at Nüremberg: issues and implications of its introduction (summary in English) // Revista de la Facultad de Derecho de México. – 2012. – Vol. 62, No. 258. – P. 41–61.
289. *Munro H. A.* Nuremberg and Law-Enforcement // New Commonwealth. – 1948. – Vol. 9. – P. 101–103.
290. *Mutua M.* From Nuremberg to the Rwanda Tribunal: Justice or retribution? // Buffalo human rights law review. – 2000. – Vol. 6. – P. 77–91.
291. Nazi crimes and the law / ed. by *N. Stoltzfus, H. Friedlander*. 1st publ. – Washington, DC: German Historical Institute; Cambridge; New York, NY: Cambridge University Press, 2008. – IX, 225 p.
292. Nazi crimes and the law / ed. by *N. Stoltzfus, H. Friedlander*. 1st publ. – Washington, DC: German Historical Institute; Cambridge; New York, NY: Cambridge University Press, 2008. – IX, 225 p.
293. Nazi crimes in Ukraine: 1941–1944; documents and materials / comp. by *A. F. Vysotsky and others*; editors-in-chief *V. N. Denisov, G. I. Changuli*; translated from Russian by *V. I. Biley, S. I. Kaznady, A. E. Sologubenko*. – Kiev: Naukova Dumka Publishers, 1987. – 374 p.
294. *Neave A.* Nuremberg: a personal record of the trial of the major Nazi war criminals in 1945–6. – London: Grafton, 1989. – 428 p.
295. *Neave A.* Nuremberg: a personal record of the trial of the major Nazi war criminals in 1945–6. – London: Hodder and Stoughton, 1978. – 348 p.
296. *Neave A. M. S.* The Trial of the SD. at Nürnberg // Revue Internationale de Droit Pénal. – 1946. – P. 277–290.
297. *Neumann F.* The War Crimes Trials // World Politics. – 1949. – Vol. 2. – P. 135–147.
298. *Nielsen C.* From Nuremberg to The Hague: the civilizing mission of international criminal law // Auckland University law review. – 2008. – Vol. 14. – P. 81–114.
299. *Nizer L.* The Nuremberg Verdict: An Appraisal. – New York: American Jewish Conference, 1946. – 11 p.
300. Nuremberg and the rule of law: a fifty-year verdict // Military law review. – 1995. – Vol. 149. – P. 1–239.
301. Nuremberg forty years later: the struggle against injustice in our time; International Human Rights Conference, November 1987, papers and proceedings and retrospective 1993 / ed. by *I. Cotler*. – Montreal: McGill-Queen's University Press, 1995. – XIII, 285 p.
302. Nuremberg: German views of the war trials / *W. E. Benton, G. Grimm* (eds.). – Dallas: Southern Methodist University Press, 1955. – VII, 232 p.
303. *O'Brien E. J.* The Nuremberg principles, command responsibility, and the defense of Captain Rockwood // Military law review. – 1995. – Vol. 149. – P. 275–291.
304. *Oaksey G. L.* (Lord). The Nuremberg Trials and the Progress of International Law. – Birmingham: The Holdsworth club of the University of Birmingham, 1947. – 16 p.
305. *Oshinsky D. M., McCormick R. P., Horn D.* The case of the Nazi professor. – New Brunswick: Rutgers University Press, 1989. – VIII, 157 p.

306. Paulson S. Classical Legal Positivism at Nuremberg // Philosophy and Public Affairs. – 1975. – Vol. 4, No. 2. – P. 132–158.
307. Persico J. E. Nuremberg: infamy on trial. 1st publ. – New York, NY: Viking, 1994. – XIX, 520 p.
308. Perspectives on the Nuremberg Trial / ed. by G. Mettraux. 1st publ. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – XXVII, 799 p.
309. Philippe X. Vers une reconnaissance accrue de la place de la victime dans le procès pénal international?: De Nuremberg au statut de Rome... aperçu général des règles applicables devant la CPI / Philippe X., Viriot-Barrial D. L'actualité de la justice pénale internationale. – Presses Universitaires d'Aix-Marseille, 2008. – P. 117–129.
310. Podkowiński M. Norymberga – proces stulecia. – Warszawa: Wydawn. Kto jest kim, 1996. – 126 s.
311. Prescott J. M. Litigating genocide: a consideration of the International Criminal Court in light of the German Jews' legal response to Nazi persecution, 1933–1941 // Maine law review. – 1999. – Vol. 51, No. 2. – P. 297–339.
312. Radin M. Justice at Nuremberg // Foreign Affairs. – 1946. – Vol. 24. – P. 369–384.
313. Ramasastry A. Corporate complicity: from Nuremberg to Rangoon: An examination of forced labor cases and their impact on the liability of multinational corporations // Berkeley journal of international law. – 2002. – Vol. 20, No. 1. – P. 91–159.
314. Rancilio P. E. From Nuremberg to Rome: establishing an International Criminal Court and the need for U.S. participation // University of Detroit Mercy law review. – 2001. – Vol. 78, No. 2. – P. 299–339.
315. Ratner S. R., Abrams F. S., Bischoff J. L. Accountability for human rights atrocities in international law: beyond the Nuremberg legacy. 3rd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2009. – L, 483 p.
316. Ratner S. R., Abrams J. S. Accountability for human rights atrocities in international law: beyond the Nuremberg legacy. – 2nd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2001. – XLVII, 435 p.
317. Ratner S. R., Abrams J. S. Accountability for human rights atrocities in international law: beyond the Nuremberg legacy. – Oxford: Clarendon Press, 1997. – XXXV, 368 p.
318. Reassessing the Nuremberg Military Tribunals: transitional justice, trial narratives, and historiography / ed. by K. C. Priemel, A. Stiller; Foreword by M. R. Marrus. 1st publ. – New York: Berghahn, 2012. – XII, 321 p.
319. Reuter P. Le jugement du Tribunal Militaire International de Nuremberg // Recueil Dalloz de Doctrine de Jurisprudence et de Législation (7 et 14 novembre 1946). – 1946. – Chronique No. XX. – P. 77–80.
320. Reuter P. Nuremberg 1946: Le procès // Vie Intellectuelle. – 1946. – Vol. 14. – P. 56–77.
321. Reuter P. Nürnberg 1946–The Trial // Notre Dame Lawyer. – 1947–1948. – Vol. 23. – P. 76–97.
322. Reydam L. The ICTR ten years on: Back to the Nuremberg paradigm? // Journal of international criminal justice. – 2005. – Vol. 3, No. 4. – P. 977–988.
323. Rivello P. P. The prosecution of war crimes committed by Nazi forces in Italy // Journal of international criminal justice. – 2005. – Vol. 3, No. 2. – P. 422–433.
324. Robson K. Papers of the International Military Tribunal and the Nuremberg Military Tribunals, 1945–1949. – Southampton: University of Southampton Library, 1993. – VI, 61 p.
325. Rodgers J. Remembering Nuremberg // American Bar Association Journal. – 1993. – Vol. 79. – P. 88–92.

326. Rosenbaum A. S. Prosecuting Nazi war criminals. – Boulder: Westview Press, 1993. – XI, 144 p.
327. Rosenbaum T. Essay: the romance of Nuremberg and the tease of moral justice // Cardozo law review. – 2006. – Vol. 27, No. 4. – P. 1731–1738.
328. Rosenberg Sh. P. The Nuremberg Trials: a reappraisal and their legacy: an introduction // Cardozo Law Review. – 2006. – Vol. 27, No. 4. – P. 1549–1551.
329. Ross J. A. Göring's Trial, Stahmer's Duty: A Lawyer's Defense Strategy at the Nuremberg War Crimes Trial, 1945–46 // Madison Historical Review. – 2014. – Vol. 5, No. 1. – 23 p. URL: <http://commons.lib.jmu.edu/mhr/vol5/iss1/3> (дата обращения: 21.10.2015).
330. Roth M. How the Nuremberg trials paved the way for and influenced the post-9/11 Guantanamo military commissions // Rutgers journal of law and religion. – 2014. – Vol. 15. – P. 397–412.
331. Ryan A. A. Nuremberg's contributions to international law // Boston College international and comparative law review. – 2007. – Vol. 30, No. 1. – P. 55–89.
332. Sadat L. N. The Nuremberg paradox // The American journal of comparative law. – 2010. – Vol. 58, No. 1. – P. 151–204.
333. Salter M. Intelligence agencies and war crimes prosecution: Allen Dulles's involvement in witness testimony at Nuremberg // Journal of international criminal justice. – 2004. – Vol. 2, No. 3. – P. 826–854.
334. Salter M. Nazi war crimes, US intelligence and selective prosecution at Nuremberg: controversies regarding the role of the Office of Strategic Services. 1st publ. – Abington; New York, NY: Routledge-Cavendish, Taylor & Francis Group, 2007. – IX, 458 p.
335. Salter M. US Intelligence, the Holocaust and the Nuremberg trials: seeking accountability for genocide and cultural plunder. 2 vol. – Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2009. – 794 p.
336. Salter M., Charlesworth L. Prosecuting and defending diplomats as war criminals: Ribbentrop at the Nuremberg Trials // Liverpool law review. – 2006. – Vol. 27, No. 1. – P. 67–96.
337. Salter M., Charlesworth L. Ribbentrop and the Ciano diaries at the Nuremberg Trial // Journal of international criminal justice. – 2006. – Vol. 4, No. 1. – P. 103–127.
338. Salter M., Eastwood M. Negotiating *nolle prosequi* at Nuremberg: The case of Captain Zimmer // Journal of international criminal justice. – 2005. – Vol. 3, No. 3. – P. 649–665.
339. Sarvarian A. Ethical standards for prosecution and defence counsel before international courts: the legacy of Nuremberg // Journal of international criminal justice. – 2012/ – Vol. 10, No. 2. – P. 423–446.
340. Saurel L. Le procès de Nuremberg: Préf. d'Alain Decaux. – Paris: Rouff, 1965. – 188 p.
341. Scelle G. Manuel de Droit International Public. – Paris: Montchrestien, 1948. – P. 964–999.
342. Schabas W. A. Origins of the Genocide Convention: from Nuremberg to Paris // Case Western Reserve journal of international law. – 2008/2009. – Vol. 40, No.1/2. – P. 35–55.
343. Scharf M. P. Balkan justice: the story behind the First International War Crimes Trial since Nuremberg. – Durham, NC: Carolina Academic Press, 1997. – XVII, 340 p.
344. Scharf M. P. From Nuremberg to Bosnia // Balkan Justice: The Story Behind the First International War Crimes Trial Since Nuremberg. Durham, North Carolina: Carolina Academic Press, 1997. – P. 13–17.

345. Scharf M. P. The Prosecutor v. Dusko Tadic: an appraisal of the First International War Crimes Trial since Nuremberg // Albany law review. – 1997. – Vol. 60, No. 3. – P. 861–882.
346. Scheffer D. All the missing souls: a personal history of the war crimes tribunals. – Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2012. – X, 533 p.
347. Scheuermann L. Victor's justice?: The lessons of Nuremberg applied to the trial of Saddam Hussein // Tulane journal of international and comparative law. – 2006. – Vol. 15, No. 1. – P. 291–310.
348. Schick F. B. El juicio de Nuremberg y el derecho internacional del futuro // Revista de la Escuela Nacional de Jurisprudencia. – 1948. – Vol. 10. – P. 109–145.
349. Schick F. B. The Nuremberg Trial and the Development of an International Criminal Law // Juridical Review. – 1947. – Vol. 59. – P. 192–207.
350. Schick F. B. The Nuremberg Trial and the International Law of the Future // American Journal of International Law. – 1947. – Vol. 41, No. 4. – P. 770–794.
351. Schick F. B. War Criminals and the Law of the United Nations // University of Toronto Law Journal. – 1947–1948. – Vol. 7. – P. 27–67.
352. Schroeter L. W. Human Experimentation, the Hanford Nuclear Site, and Judgment at Nuremberg // Gonzaga law review. – 1995/1996. – Vol. 31, No. 1. – P. 147–263.
353. Schwarzenberger G. The Judgment of Nuremberg // Tulane Law Review. – 1946–1947. – Vol. 21. – P. 329–361.
354. Schwarzenberger G. The Judgment of Nuremberg // Year Book of World Affairs. – 1948. – Vol. 2. – P. 94–124.
355. Schwelb E. Crimes Against Humanity // British Year Book of International Law. – 1946. – Vol. 23. – P. 178–226.
356. Sears J. M. Confronting the «culture of impunity»: immunity of heads of state from Nuremberg to ex parte Pinochet // German yearbook of international law. – 1999. – Vol. 42. – P. 125–146.
357. Seifert A. Compensation for forced labour during World War II in Nazi Germany // The international journal of comparative labour law and industrial relations. – 2001. – Vol. 17, No. 4. – P. 473–488.
358. Shawcross W. Justice and the enemy: Nuremberg, 9/11, and the trial of Khalid Sheikh Mohammed. 1st ed. – New York, NY: PublicAffairs, 2011. – 257 p.
359. Sherman N. From Nuremberg to Guantanamo: Medical ethics then and now // Washington University Global Studies Law Review. – 2007. – Vol. 6. – P. 609–619.
360. Shuster E. Fifty years later: the significance of the Nuremberg code // The New England Journal of Medicine. – 1997. – Vol. 337, No. 20. – P. 1436–1440.
361. Silberman A. R. The instructive power of outrage: remembering Nuremberg // McGill law journal. – 2000. – Vol. 46, No. 1. – P. 113–120.
362. Silverglate J. J. The Role of the Conspiracy Doctrine in the Nuremberg War Crimes Trials. Thesis (Ph. D.). – University of Wisconsin, 1969. – VIII, 332 p.
363. Singer D. L. German diplomats at Nuremberg: a study of the Foreign Office defendants of the ministries case. – Ann Arbor, Mich.: University Microfilms International, 1984. – IX, 301 p.
364. Smith B. F. Der Jahrhundert-Prozess: die Motive der Richter von Nürnberg – Anatomie einer Urteilsfindung. – Frankfurt a. M.: Fischer, 1977. – 379 s.
365. Smith B. F. Reaching Judgment at Nuremberg. – New York: Basic Books, 1977. – XVIII, 349 p.
366. Smith B. F. The American road to Nuremberg: the documentary record 1944–1945. – Stanford, Calif.: Hoover Institution Press, 1982. – X, 259 p.
367. Smith B. F. The road to Nuremberg. – New York: Basic Books, 1981. – 303 p.

- 368. *Smith C. A.* The rise and fall of war crimes trials: from Charles I to Bush II. 1st publ. – Cambridge: Cambridge University Press, 2012. – X, 316 p.
- 369. *Smith H. A.* The Nuremberg trials // *Free Europe*. – 1946. – Vol. 13, No. 162. – P. 201–204.
- 370. *Smith W.* The Nuremberg trials // *The American Bar Association journal*. – 1946. – Vol. 32. – P. 390–396.
- 371. *Sohn L. B.* From Nazi Germany and Japan to Yugoslavia and Rwanda: similarities and differences // *Connecticut journal of international law*. – 1997. – Vol. 12, No. 2. – P. 209–218.
- 372. *Spears J. L.* Sitting in the Dock of the Day: Applying Lessons learned from the prosecution of war criminals and other bad actors in postconflict Iraq and beyond // *Military Law Review*. – 2003. – Vol. 176. – P. 96–189.
- 373. *Spitz V.* Doctors from hell: the horrific account of Nazi experiments on humans. 1st ed. – Boulder, Colo.: Sentient Publications, 2005. – XXV, 318 p.
- 374. *Sprecher D. A.* Inside the Nuremberg Trial: a prosecutor's comprehensive account. 2 vol. – Lanham: University Press of America, 1999. – 1626 p.
- 375. *Stave B. M., Palmer M., Frank L.* Witnesses to Nuremberg: An Oral History of American Participants at the War Crimes Trials. – New York: Twayne Publishers, 1998. – 241 p.
- 376. *Steinke R.* The politics of international criminal justice: German perspectives from Nuremberg to The Hague. – Oxford: Hart Publishing, 2012. – X, 150 p.
- 377. *Stimson H. L.* The Nuremberg Trial: Landmark in Law // *Foreign Affairs*. – 1947. – Vol. 25. – P. 179–189.
- 378. *Storey R. G.* El impacto de Nuremberg sobre el Derecho Internacional // *Revista Peruana de Derecho Internacional*. – 1948. – Vol. 8. – P. 33–43.
- 379. *Storey R. G.* The Nuremberg Trials // *Tennessee Law Review*. – 1945–1946. – Vol. 19. – P. 517–525.
- 380. *Stover E.* In the Shadow of Nuremberg: Pursuing War Criminals in the Former Yugoslavia and Rwanda // *Medicine & Global Survival*. – 1995. – Vol. 2, No. 3. – P. 140–146.
- 381. *Swart M.* The Wouter Basson prosecution: the closest South Africa came to Nuremberg? // *Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht*. – 2008. – Vol. 68, No. 1. – P. 209–226.
- 382. Symposium – Judgment at Nuremberg. – St. Louis, Mo.: School of Law, 2007. – 771 p.
- 383. *Taylor T.* Die Nürnberger Prozesse: Kriegsverbrechen und Völkerrecht. – Zürich: Europa Verlag, 1951. – 168 s.
- 384. *Taylor T.* Final report to the Secretary of the Army on the Nuremberg war crimes trials under control Council law No. 10. – Washington, 1949. – 346 p.
- 385. *Taylor T.* Nuremberg and Vietnam: an American tragedy. – Chicago: Quadrangle Books, 1970. – 224 p.
- 386. *Taylor T.* Nuremberg trials: war crimes and international law // *International conciliation*. – 1949. – No. 450. – P. 241–371.
- 387. *Taylor T.* The anatomy of the Nuremberg Trials: a personal memoir. 1st publ. – London: Bloomsbury, 1993. – XII, 703 p.
- 388. *Taylor T.* The Krupp Trial: Fact v. Fiction // *Columbia Law Review*. – 1953. – Vol. 53, No. 2. – P. 197–210.
- 389. *The American Road to Nuremberg: The Documentary Record 1944–1945* / ed. by *Smith B. F.* – Stanford: Hoover Institution Press, 1982. – 270 p.

390. The Fifth Annual Ernst C. Steifel Symposium: 1945–1995: critical perspectives on the Nuremberg Trials and state accountability // New York Law School journal of human rights. – 1995. – Vol. 12, No. 3. – P. 435–688.
391. The judgement of Nuremberg, 1946. Abridged ed. – London: Stationery Office, 1999. – VIII, 332 p.
392. The legacy of Nuremberg: civilising influence or institutionalised vengeance? / ed. by D. A. Blumenthal, T. L. H. McCormack. – Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2008. – XXV, 337 p.
393. The Nuremberg Trial and international law / G. Ginsburgs, V. N. Kudriavtsev (eds.). – Dordrecht: Martinus Nijhoff Publishers, 1990. – XVI, 288 p.
394. The Nuremberg Trials: International Criminal Law Since 1945 / Die Nurnberger Prozesse: Volkerstrafrecht Seit 1945 / H. R. Reginbogin, C. J. Safferling eds. – München: K. G. Sauer Verlag, 2006. – 322 p.
395. The Nuremberg War Crimes Trial and its policy consequences today / B. A. Griech-Poelle (ed.). 1ste Aufl. – Baden-Baden: Nomos, 2009. – 209 p.
396. The Policies of genocide: Jews and Soviet prisoners of war in Nazi Germany / the German Historical Institute; ed. by G. Hirschfeld. – London: Allen & Unwin, 1986. – XIII, 172 p.
397. The trial of German major war criminals: speeches of the Chief prosecutors for the United States of America, the French Republic, the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the Union of Soviet Socialist Republics at the close of the Case against the individual defendants / by the International Military Tribunal sitting at Nuremberg, Germany (commencing 20th November 1945). – London: HMSO, 1946. – 200 p.
398. Tietgen M. Le jugement de Nuremberg // Revue de Droit International de Sciences Diplomatiques et Politiques. – 1946. – Vol. 24. – P. 161–173.
399. Tomuschat C. The Legacy of Nuremberg // Journal of International Criminal Justice. – 2006. – Vol. 4, No. 4. – P. 830–844.
400. Torgersen R. N. Nurnberg processen // Tidsskrift for Rettvitenskap. – 1946. – Vol. 59. – P. 344–357.
401. Trainin A. N. Le procedure à Nuremberg // Revue de Droit International de Sciences Diplomatiques et Politiques. – 1946. – Vol. 24. – P. 77–81.
402. Trainin A. N. Le Tribunal Militaire International et le procès de Nuremberg // Revue Internationale de Droit Pénal. – 1946. – P. 263–276.
403. Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Nuremberg, 14 November 1945–1 October 1946; official text in the English language. Vol. I. – Nuremberg, 1947. – 367 p.
404. Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Nuremberg, 14 November 1945–1 October 1946; official text in the English language. Vol. II. – Nuremberg, 1947. – 496 p.
405. Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Nuremberg, 14 November 1945–1 October 1946; official text in the English language. Vol. III. – Nuremberg, 1947. – 601 p.
406. Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Nuremberg, 14 November 1945–1 October 1946; official text in the English language. Vol. IV. – Nuremberg, 1947. – 572 p.
407. Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Nuremberg, 14 November 1945–1 October 1946; official text in the English language. Vol. V. – Nuremberg, 1947. – 573 p.

408. Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Nuremberg, 14 November 1945–1 October 1946; official text in the English language. Vol. VI. – Nuremberg, 1947. – 567 p.
409. Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Nuremberg, 14 November 1945–1 October 1946; official text in the English language. Vol. VII. – Nuremberg, 1947. – 602 p.
410. Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Nuremberg, 14 November 1945–1 October 1946; official text in the English language. Vol. VIII. – Nuremberg, 1947. – 630 p.
411. Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Nuremberg, 14 November 1945–1 October 1946; official text in the English language. Vol. IX. – Nuremberg, 1947. – 710 p.
412. Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Nuremberg, 14 November 1945–1 October 1946; official text in the English language. Vol. X. – Nuremberg, 1947. – 652 p.
413. Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Nuremberg, 14 November 1945–1 October 1946; official text in the English language. Vol. XI. – Nuremberg, 1947. – 608 p.
414. Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Nuremberg, 14 November 1945–1 October 1946; official text in the English language. Vol. XII. – Nuremberg, 1947. – 602 p.
415. Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Nuremberg, 14 November 1945–1 October 1946; official text in the English language. Vol. XIII. – Nuremberg, 1948. – 631 p.
416. Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Nuremberg, 14 November 1945–1 October 1946; official text in the English language. Vol. XIV. – Nuremberg, 1948. – 633 p.
417. Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Nuremberg, 14 November 1945–1 October 1946; official text in the English language. Vol. XV. – Nuremberg, 1948. – 668 p.
418. Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Nuremberg, 14 November 1945–1 October 1946; official text in the English language. Vol. XVI. – Nuremberg, 1948. – 673 p.
419. Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Nuremberg, 14 November 1945–1 October 1946; official text in the English language. Vol. XVII. – Nuremberg, 1948. – 661 p.
420. Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Nuremberg, 14 November 1945–1 October 1946; official text in the English language. Vol. XVIII. – Nuremberg, 1948. – 510 p.
421. Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Nuremberg, 14 November 1945–1 October 1946; official text in the English language. Vol. XIX. – Nuremberg, 1948. – 618 p.
422. Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Nuremberg, 14 November 1945–1 October 1946; official text in the English language. Vol. XX. – Nuremberg, 1948. – 646 p.
423. Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Nuremberg, 14 November 1945–1 October 1946; official text in the English language. Vol. XXI. – Nuremberg, 1948. – 632 p.
424. Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Nuremberg, 14 November 1945–1 October 1946; official text in the English language. Vol. XXII. – Nuremberg, 1948. – 590 p.

425. Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Nuremberg, 14 November 1945–1 October 1946; official text, English edition. Vol. XXIII. – Nuremberg, 1948. – 732 p.
426. Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Nuremberg, 14 November 1945–1 October 1946; official text, English edition. Vol. XXIV. – Nuremberg, 1948. – 780 p.
427. Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Nuremberg, 14 November 1945–1 October 1946; official text, English edition. Vol. XXV. – Nuremberg, 1947. – 607 p.
428. Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Nuremberg, 14 November 1945–1 October 1946; official text, English edition. Vol. XXVI. – Nuremberg, 1947. – 705 p.
429. Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Nuremberg, 14 November 1945–1 October 1946; official text, English edition. Vol. XXVII. – Nuremberg, 1948. – 612 p.
430. Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Nuremberg, 14 November 1945–1 October 1946; official text, English edition. Vol. XXVIII. – Nuremberg, 1948. – 603 p.
431. Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Nuremberg, 14 November 1945–1 October 1946; official text, English edition. Vol. XIX. – Nuremberg, 1948. – 581 p.
432. Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Nuremberg, 14 November 1945–1 October 1946; official text, English edition. Vol. XXX. – Nuremberg, 1948. – 612 p.
433. Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Nuremberg, 14 November 1945–1 October 1946; official text, English edition. Vol. XXXI. – Nuremberg, 1948. – 636 p.
434. Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Nuremberg, 14 November 1945–1 October 1946; official text, English edition. Vol. XXXII. – Nuremberg, 1948. – 603 p.
435. Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Nuremberg, 14 November 1945–1 October 1946; official text, English edition. Vol. XXXIII. – Nuremberg, 1949. – 594 p.
436. Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Nuremberg, 14 November 1945–1 October 1946; official text, English edition. Vol. XXXIV. – Nuremberg, 1949. – 787 p.
437. Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Nuremberg, 14 November 1945–1 October 1946; official text, English edition. Vol. XXXV. – Nuremberg, 1949. – 700 p.
438. Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Nuremberg, 14 November 1945–1 October 1946; official text, English edition. Vol. XXXVI. – Nuremberg, 1949. – 717 p.
439. Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Nuremberg, 14 November 1945–1 October 1946; official text, English edition. Vol. XXXVII. – Nuremberg, 1949. – 717 p.
440. Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Nuremberg, 14 November 1945–1 October 1946; official text, English edition. Vol. XXXVIII. – Nuremberg, 1949. – 746 p.
441. Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Nuremberg, 14 November 1945–1 October 1946; official text, English edition. Vol. XXXIX. – Nuremberg, 1949. – 636 p.

442. Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Nuremberg, 14 November 1945–1 October 1946; official text, English edition. Vol. XL. – Nuremberg, 1949. – 607 p.
443. Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Nuremberg, 14 November 1945–1 October 1946; official text, English edition. Vol. XLI. – Nuremberg, 1949. – 560 p.
444. Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Nuremberg, 14 November 1945–1 October 1946; official text, English edition. Vol. XLII. – Nuremberg, 1949. – 664 p.
445. Trial of war criminals: documents [1. Report of Robert H. Jackson to the President; 2. Agreement establishing an International military tribunal; 3. Indictment]. – Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1945. – 89 p.
446. *Troper H. M., Weinfeld M.* Old wounds: Jews, Ukrainians and the hunt for Nazi war criminals in Canada. 1st publ. – Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1989. – XXXV, 434 p.
447. *Turley J.* Transformative Justice and the Ethos of Nuremberg // *Loyola of Los Angeles Law Review*. 2000. – Vol. 33. – P. 655–680.
448. *Turley M.* From Nuremberg to Nineveh: war, peace and the making of modernity. – London: Vandal Publications, 2008. – 196 p.
449. *Tusa A., Tusa J.* The Nuremberg trial. – London: Macmillan, 1983. – 519 p.
450. *Twist S.* Evidence of atrocities or atrocious use of evidence: the controversial use of atrocity film at Nuremberg // *Liverpool law review*. – 2005. – Vol. 26, No. 3. – P. 267–302.
451. *Van der Stoel M.* Peace and justice, power and principle: from Nuremberg to The Hague // *The Finnish yearbook of international law*. – 1996. – Vol. 7. – P. 334–340.
452. *Varaut J.-M.* Le procès de Nuremberg: le glaive dans la balance. – Paris: Perrin, 1992. – 419 p.
453. *Verhaegen J.* Le droit international pénal de Nuremberg: acquis et régressions. – Bruxelles: Bruylant, 2003. – XVI, 227 p.
454. *Von Knieriem A.* The Nuremberg Trials / with a preface by M. Rheinstein. – Chicago: Henry Regnery Company, 1959. – 561 p.
455. *Von Nürnberg nach Den Haag: Menschenrechtsverbrechen vor Gericht; zur Aktualität des Nürnberger Prozesses / hrsg. vom Nürnberger Menschenrechtszentrum.* In Zusammenarbeit mit der Stadt Nürnberg – Jugendzentrum für Politische Bildung und der Evangelischen Akademie Tutzing. Mit einer Einl. von R. Huhle. – Hamburg: Europäische Verlagsanstalt, 1996. – 246 s.
456. *Wala R.* From Guantanamo to Nuremberg and back: an analysis of conspiracy to commit war crimes under International Humanitarian Law // *Georgetown journal of international law*. – 2009/2010. – Vol. 41, No. 3. – P. 683–709.
457. *Wald P. M.* Running the trial of the century: the Nuremberg legacy // *Cardozo law review*. – 2006. – Vol. 27, No. 4. – P. 1559–1597.
458. *Walker A.* The Nazi war trials. 1st publ. – Harpenden: Pocket Essentials, 2006. – 159 p.
459. *Walkinshaw R. B.* The Nuremberg and Tokyo Trials: Another Step toward International Justice // *American Bar Association Journal*. – 1949. – Vol. 35. – P. 299–302.
460. *Walkinshaw R. B.* The Nuremberg and Tokyo Trials: Another Step toward International Justice // *American Bar Association Journal*. – 1949. – Vol. 35. – P. 362–364.
461. *Wall E.* Il processo di Norimberga. – Milano: Tipografia Editoriale Lucchi, 1946. – 345 p.
462. *Wallach E. J.* The Procedural and Evidentiary Rules of the Post-World War II War Crimes Trials: Did They Provide an Outline for International Criminal Proce-

- ture? // *Columbia Journal of Transnational Law*. – 1999. – Vol. 37, No. 3. – P. 851–883.
463. *Wanhong Z.* From Nuremberg to Tokyo: some reflections on the Tokyo trial (on the sixtieth anniversary of the Nuremberg trials) // *Cardozo law review*. – 2006. – Vol. 27, No. 4. – P. 1673–1682.
464. *War crimes: the legacy of Nuremberg* / *B. Cooper* (ed.). – New York: TV Books, 1999. – 350 p.
465. *Washington E.* The Nuremberg Trials: last tragedy of the Holocaust. – Lanham, Md.: University Press of America, 2008. – X, 233 p.
466. *Washington E.* The Nuremberg Trials: the death of the rule of law (in international law) // *Loyola law review*. – 2003. – Vol. 49, No. 3. – P. 471–518.
467. *Wechsler H.* The Issues of the Nuremberg Trial // *Political Science Quarterly*. – 1947. – Vol. 62. – P. 11–26.
468. *Weigend T.* «In general a principle of justice»: the debate on the «crime against peace» in the wake of the Nuremberg judgment // *Journal of international criminal justice*. – 2012. – Vol. 10, No. 1. – P. 41–58.
469. *Weindling P.* From International to Zonal Trials: The Origins of the Nuremberg Medical Trial // *Holocaust and Genocide Studies*. – 2000. – Vol. 14, No. 3. – P. 367–389.
470. *Weindling P. J.* Nazi medicine and the Nuremberg Trials: from medical war crimes to informed consent. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004. – XII, 482 p.
471. *Weiner P. L.* Fitness hearings in war crimes cases: from Nuremberg to The Hague // *Boston College international and comparative law review*. – 2007. – Vol. 30, No. 1. – P. 185–198.
472. *Werle G., Jeßberger F.* Principles of international criminal law. 3rd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2014. – XXXIII, 676 p.
473. *Wesiheba D.* Radioscopie de la justice pénale internationale: de Nuremberg à la Haye. – Saint-Denis: Édilivre, 2014. – 310 p.
474. *Wexler L. S.* The interpretation of the Nuremberg principles by the French Court of Cassation: from Touvier to Barbie and back again // *Columbia journal of transnational law*. – 1994. – Vol. 32, No. 2. – P. 289–380.
475. *Wieviorka A.* Les procès de Nuremberg et d'Eichmann, en perspective / De Nuremberg à La Haye et Arusha: justice internationale: actes du colloque organisé au Sénat par le groupe libéral francophone du Sénat / Sous la direction de A. Destexhe, M. Forêt. – Bruxelles: Bruylant, 1997. – P. 23–37.
476. *Willis J. F.* Prologue to Nuremberg: the politics and diplomacy of punishing war criminals of the I World War. – Westport, Conn.: Greenwood Press, 1982. – XIII, 292 p.
477. *Witenberg J. C.* De Grotius à Nuremberg: Quelques réflexions // *Revue Générale de Droit International Public*. – 1947. – Vol. 51. – P. 89–112.
478. *Woetzel R. K.* The Nuremberg trials in international law. – London: Stevens, 1960. – XV, 287 p.
479. *Wolfe R.* Flaws in the Nuremberg Legacy: An Impediment to International War Crimes Tribunal's Prosecution of Crimes Against Humanity // *Holocaust and Genocide Studies*. – 1998. – Vol. 12, No. 3. – P. 434–453.
480. *Wright Q.* International Law and Guilt by Association // *American Journal of International Law*. – 1949. – Vol. 43, No. 4. – P. 746–755.
481. *Wright Q.* Legal Positivism and the Nuremberg Judgement // *American Journal of International Law*. – 1948. – Vol. 42, No. 2. – P. 405–414.
482. *Wright Q.* The Law of the Nuremberg Trial // *American Journal of International Law*. – 1947. – Vol. 41, No. 1. – P. 38–72.

483. Wright Q. The Nuremberg Trial // *Annals of the American Academy of Political and Social Sciences*. – 1946. – Vol. 246. – P. 72–80.
484. Wright Q. The Nuremberg Trials: an address followed by discussion // *Chicago Bar Record*. – 1946. – Vol. 27. – P. 201–219.
485. Yrigoyen von der Heyde J. El proceso de Nuremberg y el derecho internacional. – Lima: Villanueva, 1955. – XXVII, 298 p.
486. Zeck W. A. Nuremberg: Proceedings Subsequent to Goering et al. // *North Carolina Law Review*. – 1948. – Vol. 26. – P. 350–389.
487. Zhang W. From Nuremberg to Tokyo: Some Reflections on the Tokyo Trial (On the Sixtieth Anniversary of the Nuremberg Trials) // *Cardozo Law Review*. – 2006. – Vol. 27, No. 4. – P. 1673–1682.
488. Zolo D. Editorial comments on the Iraqi Court for War Crimes: The Iraqi Special Tribunal – Back to the Nuremberg paradigm? // *Journal of international criminal justice*. – 2004. – Vol. 2, No. 2. – P. 313–346.
489. Zolo D. Victors' justice: from Nuremberg to Baghdad. 1st engl. publ. – London: Verso, 2009. – XIII, 189 p.
490. Zuppi A. L. Slave Labor in Nuremberg's I.G. Farben Case: The Lonely Voice of Paul M. Hebert // *Louisiana Law Review*. – 2006. – Vol. 66. – P. 495–526.

Andrey P. Shumilenko, Larisa V. Pastukhova. The Nuremberg process and its influence upon the development of international law: selected bibliography (part ii) // *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science*. – 2015. – T. 1 (67). № 2. – P. 171–195.

Bibliography contains the titles of monographs, scientific articles, collections of documents and collections of material dedicated to the analysis of the Nuremberg Process and embraces the following questions: prehistory of the Nuremberg Process, the Nuremberg Principles, principles of international criminal law, International Military Tribunals, International Criminal Tribunals, universal jurisdiction, international criminal responsibility of individuals, Nazi criminals, selective prosecution, rights of the accused, the influence of the Nuremberg Process upon the development of the international criminal law, international humanitarian law and international human rights law, aggressive war, war crimes, crimes against humanity, genocide, Holocaust, experiments on humans (human experimentation), superior orders, prosecution of corporate officials, German industrialists prosecutions, guilt by association, restitution of property, compensation for forced labour.

Keywords: Nuremberg process, Nuremberg tribunal, international law, international criminal law, Nuremberg principles, war crimes, crimes against humanity, genocide.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 343.98.065; 343.98.067

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ В. Н. ТЕРЕХОВИЧА «ТЕОРИЯ КРИМИНАЛИСТИКИ. ОБЩАЯ ЧАСТЬ»¹

Михайлов М. А.

Крымский Федеральный Университет им. В. И. Вернадского

В рецензии анализируется монография, отражающая взгляды рижского ученого-криминалиста на основные идеи и научные положения о теоретических основах криминалистики и процесса расследования преступных деяний.

Последовательно рассматривается содержание глав и параграфов этого издания. При этом акцентируется внимание на актуальных и дискуссионных, по мнению рецензента, моментах. Не оставлены без внимания и резкие выводы прибалтийского ученого о том, что слияние криминалистики и ОРД в латвийской юридической науке служит интересам полицейского государства, и о волюнтаризме при принятии решений законодательной властью.

Отмечаются оригинальные формулировки и определения, предложенные автором, разработанные им классификации и актуальность рассмотрения сущности тех или иных методов.

Обращается внимание и на недостатки работы: излишнюю подробность изложения общеизвестных понятий, повторяемость суждений, наличие ошибок в терминах.

В целом монография воспринимается как заметная веха в криминалистической науке Латвии, дающая пищу для обсуждения и развивающая теорию криминалистики. Высказываются пожелания автору о продолжении работы над следующими частями монографии.

Ключевые слова: теория криминалистики, криминалистика Латвии, методы криминалистики, криминалистическое познание, криминалистическое знание.

В деятельности любого исследователя наступает момент творческой зрелости, когда накопленные знания, практический опыт, педагогическая компетенция заставляют осмыслить пройденное, проанализировать полученные результаты, подняться над решением частных задач и поставить перед собой цели совершенствования общей теории. Кем-то при этом движут собственные амбиции (здоровые, а иногда и не очень), кто-то обращается к этому в соответствии с намеченным планом подготовки докторской диссертации, а кто-то действительно переступает незримый жизненный рубеж, и, увлекшись логической индукцией, пытается суммировать изученное.

На наш взгляд, монография «Теория криминалистики. Общая часть» и является результатом таких обобщений, вынесенных автором из своей практической работы эксперта-криминалиста и адвоката, научной деятельности, увенчавшейся получением ученой степени и, в определенной степени, его педагогического труда.

¹ Терехович В. Н. Теория криминалистики. Общая часть. Монография. – Рига, 2015. – 304 с.

Судя по названию, монография является первой частью намеченного издания и включает в себя введение и три неравнозначных по объему главы:

1. Общая характеристика криминалистического знания;
2. Основные элементы криминалистического познания;
3. Средства криминалистического познания.

Анализируя природу криминалистики и ее место в системе других наук, автор особенно резко высказывается по поводу объединения криминалистики и оперативно-розыскной деятельности в одну научную подотрасль Латвии, называя это ошибкой, направленной на создание полицейского государства. В. Н. Терехович видит два основных направления развития криминалистики. Это научное обобщение опыта с целью создания эффективных средств и приемов расследования преступлений и работа по созданию научной теории криминалистики.

Касаясь истории развития криминалистических знаний, прибалтийский криминалист приходит к выводу, что традиции латвийской криминалистики основаны на идеях школы Р. А. Рейса, пропагандировавшего использование научно-технических средств в расследовании. Основоположник латвийской криминалистики проф. А. Кангер был соратником С. М. Потапова, стажировавшегося у швейцарского криминалиста Р. А. Рейса, что и повлияло на его взгляды по организации криминалистической деятельности в Латвии.

Рассуждая об общей характеристике криминалистического знания, автор выходит за рамки этой науки, используя инструменты философии и логики, вторгаясь в сферу уголовного права, уголовного процесса и, в частности, теории доказательств.

Нельзя не заметить, что в монографии с излишней подробностью приведены общеизвестные понятия и определения (например, разделов криминалистики, правоприменения, обстоятельств, исключающих, смягчающих и отягчающих уголовную ответственность (с. 29, 31, 86–98), что непривычно для подготовленного читателя-юриста, но вполне объясняется тем менторством, которое присуще зрелому преподавателю.

В то же время здесь можно найти и необычные точки соприкосновения, казалось бы, далеких друг от друга сфер человеческой деятельности. Речь идет о выдвижении криминалистических версий для поиска ответов на вопросы Квинтилиана с использованием для этого матриц изобретателя Г. Я. Буша (с. 73–74).

Перечисляя субъектов криминалистического познания, автор достаточно подробно цитирует УПК Латвии и другие законы страны, что, безусловно, вызывает интерес у русскоязычного читателя, интересующегося сравнительным правоведением, но, на наш взгляд, могло бы быть и более лаконичным.

Более половины объема монографии посвящено средствам криминалистического познания, которые разделены на технические, регулятивные и семиотические. Это не только самая объемная, но и самая сильная глава работы, что объясняется наибольшей профессиональной компетенцией автора в этой сфере.

Предлагается более детальная классификация средств криминалистики, при этом широко используются сведения из других областей человеческого знания: физики, химии, биологии и др. Подраздел о технических средствах познания богато иллюстрирован. Довольно подробно освещены новые достижения в криминалистической технике, полевой криминалистике, лабораторных приборах для производства экспертных исследований и даже упаковки и сохранения доказательств. Про-

слеживается экспертно-криминалистическое прошлое автора и в том, что именно с технических средств криминалистики и начинается глава о средствах криминалистического познания, предваряя и идентификацию, и диагностику и классификацию.

Параграф о регулятивных средствах познания автор посвящает не только вышеуказанным методам, но и принципам криминалистического познания, а также методикам криминалистического познания, в которые включены методики расследования отдельных видов преступлений.

Рассуждая о принципах криминалистического познания, исследователь приходит к выводу, что криминалистика держится на аксиомах, суть которых заключается в том, что преступление отражается в материальной действительности и является результатом человеческой деятельности, запрещенной уголовным законом. А природа расследования преступлений соответствует особенностям уголовного правоприменения в конкретном государстве. Все это, по мнению В. Н. Тереховича, дает возможность представлять криминалистическое знание как что-то целостное и определенное и «обеспечивает возможность избавиться от спекуляций, насыщенных элементами детективного жанра и обыденного знания» (с. 163). Особенности правоприменения в конкретном государстве автор связывает с волюнтаризмом, который проявляется, по его мнению, в том, что парламенты при принятии законов «руководствуются политическими целями, а не логикой получения истинного знания об объективной реальности» (с. 158). Свои выводы автор иллюстрирует примером изменений перечня уже упоминавшихся им обстоятельств, смягчающих уголовную ответственность, в УК Латвии разных лет. Цитируя различных авторов, предложивших свои системы принципов для иных областей человеческой деятельности, автор монографии делает лишь краткий вывод о том, что и в теории криминалистики можно вывести свои менее общие принципы, не предлагая такой системы (с. 167).

В то же время В.Н. Терехович дает определение криминалистического метода, как метода расследования преступных деяний в пределах уголовного процесса как формы уголовного правоприменения (с. 171), уточняя при этом, что сущность нашего представления о нем зиждется не только на самом содержании этого понятия, но и на его логическом объеме. Объем криминалистического метода определяется универсальными и специальными составляющими. Автор монографии представляет оригинальную классификацию общих (универсальных) и специальных методов.

Автор достаточно подробно раскрывает сущность отдельных методов. Ценны, на наш взгляд, и трактовка требований к тем или иным методам, внедряемым в научное познание, и исследование возможности ошибок применения этих методов. Попытка более глубокой классификации отдельных методов, например, совмещения, сопоставления и наложения как разновидностей метода сравнения также любопытна (с.183–184). Достаточно детально анализируется и метод моделирования в криминалистике, что свидетельствует об определенном научном интересе автора к этой проблеме. В. Н. Терехович справедливо отмечает ошибочность отнесения описания к методам познания, аргументируя это тем, что в результате описания новых знаний не получают, а лишь фиксируют полученные в результате применения других методов факты (с. 202–203).

Раскрытие в монографии сущности и классификации теоретических и логических методов познания криминалистики кому-то может показаться малополезным для практики раскрытия и расследования преступлений. Мы позволим себе не согласиться с таким суждением и поддержать автора в необходимости обращения к этим методам в своей работе. Правоприменитель, решая ту или иную криминалистическую задачу, будь то выдвижение версий или обращение к той или иной методике расследования конкретного преступления, нередко действует наобум, полагаясь лишь на свой собственный или корпоративный опыт. Знание всего арсенала методов и их возможностей позволит ему целенаправленно обращаться к тому из них, который поможет разрешить возникшую проблему.

Изложение в монографии сущности специальных (особенных) методов криминалистического познания имеет широкий спектр: от канувшей в историю антропометрии до современных способов исследования наркотических и психотропных веществ.

Своеобразна и авторская трактовка методики криминалистического познания (или, как мы поняли, методики расследования отдельных видов преступлений) как *особой логической структуры, в которой строго зафиксирован рецепт для управления репродуктивными действиями субъекта в процессе расследования преступного деяния* (с. 270).

На наш взгляд, излишняя наукообразность такого определения криминалистической методики делает его проигрышным в сравнении с уже существующими.

Завершает монографию параграф «Семиотические средства криминалистического познания», в котором обращается внимание на проблему ясности и однозначности информации, находящейся в обороте в ходе расследования и судебного рассмотрения уголовных дел.

Актуальность этой проблемы возрастает в состязательном уголовном процессе, когда стороны в ходе своего соперничества прибегают и к такому способу противостояния, как иная трактовка содержания доказательственной информации, представляемой оппонентами.

В этом параграфе автор анализирует как отдельные составляющие систем закрепления и передачи информации в процессе судопроизводства, такие как знак, индекс, изображение, так и их комплексы, отраженные в судебно-следственных документах, протоколах, постановлениях, заключениях.

К сожалению, в монографии обнаруживаются и орфографические ошибки, причем даже в профессиональных терминах (сигналИтическая, с. 301), что позволяет сделать грустный вывод о снижении статуса русского языка в прибалтийских странах – республиках бывшего СССР.

Однако все вышеуказанные недостатки не могут повлиять на положительное впечатление, остающееся после ознакомления с содержанием монографии. Ее выход в свет, безусловно, – событие в криминалистической жизни Латвии, дающее автору возможность заявить о себе, а его единомышленникам и оппонентам – получить повод для размышлений и дискуссий во благо криминалистики.

Пожелаем автору дальнейших научных успехов и будем ждать продолжения публикаций его изысканий, которые открыла нам монография «Теория криминалистики. Общая часть».

Mikhailov M. Review of the monography "Theory of criminology" by V.N Terekhovich. A common part // Scientific messages of Crimean Federal University the name of V. I. Vernadsky University. – Series : Juridical sciences. – 2015. – Vol. 1. № 2. – P. 195–200.

The review analyzes the monography, that reflects the views of the Russian forensic scientist on the main ideas and scientific statements about the theoretical foundations of criminology and criminal acts of the investigation process. Consistently chapters and sections of this publication are considered . Same time, attention is focused on the topical and controversial, in the opinion of the reviewer, moments. Attention is paid to sharp conclusions of Baltic scientist that the merger of criminology and the OSA in the Latvian legal science serves the interests of the police state, and on volunteerism in decision-making by the legislature. There are original wording and definitions suggested by the author, developed classification and review of relevant entities of different methods. Attention drawn to the shortcomings of the work: too much detail presentation of well-known concepts, repeatability of judgments, errors in terms. In general, the monography is perceived as a remarkable milestone in forensic science of Latvia, which gives food for discussion and develop the theory of criminology. The author expresses own will to continue the work on the next part of the monography.

Keywords: theory of criminology, criminalistics of Latvia the methods of criminology, forensic knowledge, forensic knowledge.

Аблязова Ф. М.	студентка 2 курса магистратуры юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Адельсеитова А. Б.	к.ю.н., доц. к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Бирюкова Н. Н.	к.ю.н., доц. к-ры предпринимательского и экологического права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Бугаев В. А.	к.ю.н., доц., заведующий кафедрой уголовного права и криминологии юридического факультета Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Волошин И. А.	старший преподаватель к-ры уголовного права и криминологии юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Гурина Л. В.	аспирант к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Давиденко С. А.	студент юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Лесь Г. Г.	аспирант кафедры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Змерзлый Б. В.	д.и.н., д.ю.н., проф. к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Клименко Е. П.	ассистент к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Коваль А. В.	аспирант к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Мандрыка Н. Н.	аспирант к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Мидловец М. В.	ассистент к-ры уголовного права и криминологии Юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Михайлов М. А.	к.ю.н., доц., заведующий к-ры уголовного процесса и криминалистики юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Островский А. А.	аспирант кафедры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Пастухова Л. В.	к.ю.н., доц. к-ры теории и истории права и государства

	Российского государственного университета правосудия (Крымский филиал)
Пархоменко Л. В.	ст. преподаватель к-ры уголовного права и криминологии юридического факультета Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Пашиева В. А.	к.ю.н., доцент кафедры истории и теории государства и права юридического факультета Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Поддубняк А. А.	к.ю.н., доц. к-ры уголовного права и криминологии юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Ротань В. Г.	д.ю.н., проф., заведующий к-ры гражданского и трудового права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Руденок А. В.	ассистент к-ры гражданского и трудового права юридического факультета Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Скворцова О. В.	к.ю.н., доц. к-ры уголовного права и криминологии юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Сонин О. Е.	к.ю.н., доц. к-ры гражданского и трудового права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Соляной А. В.	к.ю.н., доц. к-ры уголовного права и криминологии юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Степанюк А. Н.	студент юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Фоминых С. С.	Ассоциация "Адвокатская палата Республики Крым", адвокат
Чернецкий О. К.	к.ю.н., доц. к-ры уголовного процесса и криминалистики юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Шармоянц А. Н.	к.ю.н., доц. к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Шумиленко А. П.	к.ю.н., доц. к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Адельсеитова А. Б.

К вопросу о правовом институте гражданства в Федеративной
Республике Германии.....3

Бирюкова Н. Н.

Деятельность феодосийской таможни в составе Таврической губернии
в конце XVIII – начале XX вв.....9

Гурина Л. В.

Введение квалификационных требований у служащим советского торгового
флота в конце 1920-х – начале 1930-х гг.....15

Змерзлый Б. В.

Правовые основы создания и деятельности органов государственной админи-
страции Российской империи в Крыму.....28

Островский А. А.

Организация содержания в арестантских ротах и исправительных отделениях
Российской империи.....33

Коваль А. В.

Организация и деятельность комитетов по портовым делам в Черноморско-
Азовском регионе.....44

Лесь Г. Г.

Временное положение о санитарной охране границ СССР от 30 апреля
1926 г. и его развитие.....58

Мандрыка Н. Н.

Модели разделения властей в современных демократических
государствах: вопросы терминологии и классификации.....78

Шармоянц А. А.

Становление Республики Крым как субъекта нормотворческой
деятельности в начале 90-х гг.....82

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО- ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО; УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

Бугаев В. А., Аблязова Ф. М.

Социальная природа ответственности за незаконную предпринимательскую
деятельность.....89

Волошин И. А., Давиденко С. А.

Уголовная ответственность юридических лиц: за и против.....95

Мидловец М. В., Соляной А. В.

Место дорожно-транспортных преступлений в системе преступлений

против безопасности движения и эксплуатации транспорта.....	99
Поддубняк А. А.	
Свидетель как участник уголовного процесса Российской Федерации.....	106
Скворцова А. В., Степанюк А. Н.	
Некоторые аспекты уголовно-правовой регламентации убийства, совершенного в состоянии аффекта.....	113
Чернецкий О. К.	
Следственный эксперимент как форма применения экспериментального метода в уголовном процессе.....	118
ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО	
Пархоменко Л. В., Руденко А. В.	
Пробелы действующего законодательства Российской Федерации в сфере суррогатного материнства.....	123
Пасечник О. С.	
Регулирование аграрных отношений в Республике Крым и Китае: сравнительно правовой анализ.....	130
Пашинева В. А.	
Тенденции и перспективы развития рынка страховых услуг в Республике Крым.....	135
Ротань В. Г.	
Способы закрепления норм гражданского права в актах законодательства..	141
Сонин О. Е.	
Судебная защита права на отпуск.....	149
Фоминых С. С.	
Регулирование винодельческой промышленности Крыма в 1986–1990 гг. Антиалкогольная кампания.....	155
МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО; ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО	
Клименко Е. П.	
Генезис зарубежного санитарного законодательства.....	163
Шумиленко А. П., Пастухова Л. В.	
Нюрнбергский процесс и его влияние на развитие международного права: избранная библиография (часть II).....	171
РЕЦЕНЗИИ	
Михайлов М. А.	
Рецензия на монографию В. Н. Тереховича «Теория криминалистики. Общая часть».....	195

